

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ**

На правах рукописи

Пирогов Алексей Александрович

**СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ВОЗДЕЙСТВИЯ
БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ НА ФОРМИРОВАНИЕ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ
СИСТЕМЫ**

Научная специальность: 5.7.7. Социальная и политическая философия

Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук

Научный руководитель:
доктор философских наук,
доцент А.М. Соколов

Санкт-Петербург

2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава 1. Аксиология и онтология благотворительности.....	18
1.1 Определение и типология благотворительности.....	18
1.2 Благотворительность как феномен в социальном, историческом и культурном контекстах.....	49
Глава 2. Духовно-религиозные истоки пенитенциарной системы	88
2.1 Европейская и североамериканская благотворительность Нового времени и пенитенциарная система	88
2.2 Российская благотворительность и пенитенциарная система	99
2.3 Социально-философский анализ подходов к формированию концепции пенитенциарной системы в России XIX века	119
Глава 3. Благотворительность и пенитенциарная система.....	142
3.1 Пенитенциарная система как область воздействия благотворительности.....	142
3.2 Актуальный опыт воздействия благотворительности на современную пенитенциарную систему России.....	175
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	189
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ.....	191

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы. Тема диссертационного исследования обусловлена востребованностью философского анализа института благотворительности в современной России. Научный поиск путей наилучшего развития и применения благотворительности затрагивает философскую проблему дарения, а также самые различные социальные сферы. Одной из них является пенитенциарная система¹, где в замкнутой среде, в местах принудительного лишения свободы возникают долговременные специфические устойчивые отношения между группами, индивидами, лишёнными привычного уклада, образа жизни и роли в обществе. Пенитенциарная система традиционно рассматривалась не только как средство для исправления правонарушителей и место, куда изолируют преступивших закон членов социума, но как поле для активной и масштабной благотворительной деятельности.

Проблематика воздействия благотворительности на пенитенциарную систему, рассматриваемая в нашем исследовании, до настоящего времени также не получала должного масштабного освещения в научной литературе, она неожиданно привлекла интерес интеллектуального сообщества в связи с социальным потрясением, вызванным пандемией COVID-19 и вынужденной принудительной изоляцией, в которой оказалась значительная часть населения России и мира. Социально-философский анализ воздействия благотворительности на пенитенциарную систему сопряжён с необходимостью использования достижений современной научной мысли в сфере пенологии², обращением к

---

¹ Под пенитенциарной системой в нашем исследовании мы понимаем, как современную систему учреждений Уголовно-исправительной системы (УИС), так и масштабную систему мероприятий по исправлению преступников в её философском, историческом, культурном и социальном контекстах, включая меры воздействия на нарушителей закона: изоляцию, одиночное заключение, ссылку, каторгу, принуждение к труду и т.д., а также – ресоциализацию лиц (осуждённые, заключённые, спецконтингент), находящихся внутри и вне данной системы.

² Пенология – наука об исполнении всех уголовных наказаний. Пенитенция – это покаяние, раскаяние. В переводе с латинского слово *penitentia* означает раскаяние в его деятельном аспекте. Пенитенциарные учреждения – имеются в виду различные места лишения свободы в широком смысле.

научному опыту российских пенологов, а также – исследованием её национальной культурно-исторической преемственности.

Тема вынужденной изоляции в контексте общемировых противоэпидемиологических мер также ставит перед интеллектуальным мировым сообществом не только множество масштабных актуальных проблем таких как глобализация и её последствия, состояние и путь развития научного прогресса, личная и общественная свобода человека, но и более локальных: проблема вынужденного ограничения свободы, воздействие изоляции и её последствий на личность, эффективность тюремного заключения как вынужденной меры наказания для исправления преступника, ресоциализация спецконтингента³.

Человек, как личность, находящаяся в условиях пенитенциарной системы, исследуется: юристами, специалистами по праву, криминологами, врачами, однако задачу огромной важности представляет исследование философской стороны вопроса исправления и наказания в условиях замкнутой системы, где между людьми возникают отношения взаимопомощи, проявляется благотворительность и милосердие.

Изучение философского наследия русских пенологов и филантропов представляет собой одну из самых интересных сторон, поскольку демонстрирует не только богатство содержания работ отечественных учёных в историческом контексте, но и широту проблематики и задач благотворительности, применительно к пенитенциарной системе.

Можно также выделить теологическую сторону благотворительности, которую невозможно обойти стороной в исследовании, сознавая, что данный феномен имеет также практическое значение, что делает исследование масштабнее по смыслу и содержанию.

Таким образом можно выделить несколько направлений нашего социально-философского исследования: антропологический, этический, социально-

---

³ Ресоциализация и адаптация осужденных граждан рассматривается как необходимое условие предупреждения и успешной профилактики рецидивной преступности в Российской Федерации// Официальный сайт Общественной палаты Российской Федерации. [Электронный ресурс] URL: <https://www.oprf.ru/press/news/2019/newsitem/50917> (дата обращения: 28.01.2021).

политический и теологический. В этой перспективе уместным и важным видится также обращение к историческому опыту решения отечественными пенологами философских и социальных проблем, связанных с изоляцией, а также рассмотрение его во взаимосвязи и сравнении с аналогичным европейским. Всё это позволяет нам богатая отечественная история, изобилующая научными материалами и фактами, которые требуют актуальной философской интерпретации в сегодняшнем социальном контексте.

За последние годы появилось значительное число публикаций по проблематике благотворительности, проводятся международные конференции и форумы, где постоянно поднимается тема филантропии, в то время как философский феномен воздействия благотворительности на пенитенциарную систему исследуется не так масштабно, поскольку область наказания традиционно интересует юристов и специалистов по уголовному праву. Однако пенологию можно рассматривать и как философскую науку, поскольку в области пенитенциарной системы мы видим ряд феноменов и смыслов, нуждающихся в интерпретации. В этой связи важно упомянуть не только работы Мишеля Фуко, который рассматривает философский дискурс о наказании в его историческом, социальном и культурном контексте, но и труды нашего соотечественника В.С. Соловьёва, а также – книги норвежского криминолога Нильса Кристи. Уместно вспомнить, что Нильс Кристи настаивает, что главными экспертами в пенитенциарной системе могут быть философы⁴. Попытка этого и делается в нашем исследовании.

Актуальным также видится не только осмысление идей и процессов, которые привели к созданию в Европе и России ряда благотворительных институтов и систем, которые оказали влияние на развитие общества и пенитенциарной системы, но также – практическая сторона данного исследования. Социально-философскому анализу практического опыта воздействия благотворительности на современную

---

⁴ *Кристи Н.* Борьба с преступностью как индустрия. Вперед, к ГУЛАГУ западного образца / Пер. с англ. А. Петрова, В. Пророковой. Предисл. Я. Гилинского. 2-е изд. – М.: РОО «Центр содействия реформе уголовного правосудия», 2001. С. 57.

пенитенциарную систему посвящена итоговая часть заключительной главы нашего исследования

Степень разработанности темы исследования. Если тема благотворительности в философской литературе развита достаточно широко, то пенитенциарной проблематикой занимались в первую очередь – юристы и правоведы, затем – философы, а также – теологи, пастыри, филантропы и литераторы. Философская сторона пенологии ещё остаётся обширной и малоизвестной областью научного исследования.

Таким образом, источниковую базу можно разделить на несколько частей: философскую, историческую, теологическую, юридическую и литературную. Поскольку философская проблема воздействия благотворительности на пенитенциарную систему исследована недостаточно, то интерес представляют даже те научные работы пенологов, в которых имеются лишь указания на данную проблематику или идеи разной степени разработки⁵.

Вместе с тем имеется множество литературных источников, которые посвящены богатой проблематике пенитенциарной системы. Сюда стоит отнести произведения российских писателей и авторов: Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова, П.Ф. Якубовича, Максима Горького, А.И. Солженицына, В.Т. Шаламова, Б.А. Слущкого, В.И. Сорокина, А. В. Новикова, М.В. Бутиной, Г.А. Каледа и др. Схожей тематике посвящены произведения или их фрагменты таких зарубежных писателей и поэтов как: Д. Дэфо, Д. Беньяна, О. Уайльда, Э. фон Заломона, С. Лагерлёф и др. Нужно отметить, что это далеко не полный список литераторов, оставивших свои размышления на тему пенитенциарной проблематики. Пенолог М.Н. Гернет отмечает, что о тюрьме пишут много⁶. Перечисление именно этих авторов обусловлено использованием текстов их произведений в нашем исследовании.

В качестве источниковой базы диссертации нами использовались труды зарубежных философов, которые в своих работах рассматривали различные

---

⁵ Термин *пенолог* употребляется чаще к юристам и специалистам по праву, чем к философам, хотя в отношении последних, занимающихся философской проблематикой пенитенциарной системы, он также вполне правомочен.

⁶ *Гернет М.Н.* История царской тюрьмы. Том 3. Москва.: Издательство Министерства юстиции, 1948. С. 371-372.

стороны благотворительности, а также касались вопросов проблематики пенитенциарной системы: Альберта Швейцера, Чезаре Беккариа Бонесано, Вольтера, Дени Дидро, Давида Эмиля Дюркгейма, Марты Нуссбаум, Жан Франсуа Лиотара, Виктора Франкла, Нильса Кристи, Лестера Саламона, Питера Сингера, Хосе Ортега-и-Гассета, Мишеля Фуко.

Во второй половине XIX в. отечественными учёными делаются многочисленные попытки обоснования благотворительной деятельности вне её догматического контекста. Сюда следует в первую очередь отнести труды: А.М. Горюнова, В.И. Герье, С.К. Гогеля, П.И. Георгиевского, С.В. Сперанского, Г.Г. Швиттау и др.

Проблемы пенитенциарной системы привлекали внимание отечественных государственных деятелей, правоведов, криминологов, филантропов, экономистов, врачей, педагогов, литераторов, и учёных-пенитенциаристов⁷: А.Н. Голицина, В.С. Трубецкого, А.Х. Бенкендорфа, В.А. Соллогуба, М.Н. Галкина-Враского, М.Н. Гернета, А.Ф. Кони, П.И. Георгиевского, Н.Ф. Лучинского, В.Н. Никитина, С.В. Познышева, М.О. Прянишникова, И.Я. Фойницкого, П.А. Дюкова, А.С. Макаренко, что также используется в данном научном исследовании.

Отдельно стоит выделить источники теологического характера, к которым следует отнести: фрагменты библейских текстов, труды отцов церкви, энциклики римских пап, книги, размышления и проповеди священников и пастырей различных христианских деноминаций, духовные трактаты филантропов, иудейскую и мусульманскую религиозную литературу по теме благотворительности и милосердия.

Несомненно, тема милосердия, любви и жертвенности является центральной в христианском понимании благотворительности и возводит нас к Евангелию от Луки, притче о Милосердном самарянине⁸. В рамках исследования мы не станем заниматься подробной экзегезой фрагмента, однако упомянем, что в данном

⁷ Синоним термина пенитенциарист, который употреблялся преимущественно в дореволюционное время применительно к юристам и правоведом, занимавшимся проблематикой пенитенциарной системы.

⁸ См. Евангелие от Луки 10:25-37. Библия, Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Издание Московской Патриархии, 1988.

контексте благотворительность становится синонимом милосердия. Более того, вне теологического контекста трудно описать сущность милосердия как центра христианской жизни. Деяние сопряжено с личной помощью и расходом собственных средств. Такая благотворительность напрямую воздействует на пенитенциарную систему.

Поскольку благотворительность имеет прямое отношение к социальной сфере, то нами рассматриваются источники, излагающие суть конфессионального понимания и происхождения социального учения: Основы социальной концепции Русской Православной Церкви, Компендиум социального учения римско-католической Церкви, работу Ю. Майка «Социальное учение католической церкви. Опыт исторического анализа», работы Э. Мунье, Ж. Маритена.

Автором анализируются также тематические материалы периодической печати и многочисленных интернет форумов, посвященных как проблемам благотворительности, так и пенитенциарной системы: «Филантроп»⁹, Фонд имени Д.С. Лихачева «Энциклопедия благотворительности»¹⁰, «Фонд Предание»¹¹, «Форум историков»¹², а также материалы конференций и докладов, опубликованные на официальных сайтах ФСИН и Общественно-наблюдательной комиссии по общественному контролю за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания¹³ и содействия лицам, находящимся в местах принудительного содержания¹⁴. Большой научный интерес представляет анализируемая в нашем исследовании переписка В.А. Соллогуба с М.Н. Галкиным-Враским, поскольку этот материал иллюстрирует влияние европейских философских идей на формирование модели отечественной пенитенциарной

⁹ См.: «Филантроп» [Электронный ресурс] URL: <https://philanthropy.ru/> (дата обращения: 06.10.2021).

¹⁰ См.: Фонд имени Д.С. Лихачева «Энциклопедия благотворительности» [Электронный ресурс] URL: <http://encblago.lfond.spb.ru/> (дата обращения: 06.02.2021).

¹¹ См.: «Фонд Предание» [Электронный ресурс] URL: <https://fond.predanie.ru/> (дата обращения: 06.02.2021).

¹² См.: «Форум историков» [Электронный ресурс] URL: <https://history-forum.ru/> (дата обращения: 06.02.2021).

¹³ См.: Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия: сб. материалов VI Междунар. науч.-практ. конф., 2-4 апреля 2019 г. / сост. Н.А Санников – Пермь: ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России, 2019. – 414 с. [Электронный ресурс] URL: <https://pi.fsin.gov.ru/> (дата обращения: 06.02.2021).

¹⁴ См.: «Общественно-наблюдательная комиссия Санкт-Петербурга по общественному контролю за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и содействия лицам, находящимся в местах принудительного содержания». Официальный сайт [Электронный ресурс] URL: <http://onkspb.ru/> (дата обращения: 06.02.2021).

системы, а также весь спектр поиска путей устройства российской «идеальной тюрьмы» отличной от тех исправительных учреждений, которые увидели и описали эти авторы во время своих поездок по Европе.

Выбор научных трудов и источников обоснован тем, что в них прослеживается последовательное исследование этапов формирования пенитенциарной системы и благотворительности. Несмотря на то, что ряд работ носит описательный характер и представлен в виде научного или юридического исследования, нам представляется важным проанализировать прежде всего те социально-философские основы и интуиции, которые возможно рассмотреть в этих трудах.

Автор полагает, что в работах В.С. Соловьёва, В.С. Булгакова, Альберта Швейцера, А.С. Панарина имеется этическое и практическое основание для традиционной благотворительной деятельности, а в трудах Мишеля Фуко содержится глубокий анализ социальных и теоретических механизмов, лежащих в основе изменений, которые произошли в западной пенитенциарной системе в современную эпоху. Эти труды особенно ценны тем, что представляют собой образец всестороннего охвата философской сущности пенитенциарной системы и влияния на неё благотворительности.

Формирование пенитенциарной системы во второй половине XIX в. и начале XX в. тесно переплетается с социологическими и социально-психологическими концепциями, поэтому стоит упомянуть, что при разработке проблем социализации и реабилитации спецконтингента исправительных учреждений использовались идеи Э. Дюркгейма, М. Вебера, Г. Лебона, Г. Зиммеля, В. Франкла. Значительное влияние на переосмысление благотворительности и нового понимания пенитенциарной системы оказали идеи и принципы марксизма.

В нашем исследовании мы используем также литературные, поэтические и художественные источники, описание архитектурных строений и скульптурных произведений, которые помогают образно представить изучаемый объект, пояснить философский контекст и направление научного поиска.

Автор особо уделяет внимание периоду XVIII – XIX вв., когда благотворительность структурно формировалась как исторический, социокультурный, общественно-политический феномен и переживала расцвет, становясь одним из инструментов многообразных гуманных преобразований общества, оказывала влияние на пенитенциарную систему.

Описание А.М. Горьким этапов и методов исправления имеет большое значение для нашего исследования, поскольку поясняет не только суть советской пенитенциарной системы, но и иллюстрирует воздействие на неё благотворительности. Достоинно научного внимания, также последовательное описание М.В. Бутиной современной практики одиночной изоляции и благотворительности в автобиографической книге «Тюремный дневник». Это произведение цитируется в контексте взаимосвязи преемственности взглядов отечественных исследователей на одиночную изоляцию и в качестве иллюстрации воплощения направлений научных интуиций российских психологов и гуманистов XIX века.

Заключительная часть третьей главы нашего исследования представляет собой социально-философский анализ уникального опыта воздействия благотворительности на современную пенитенциарную систему и имеет важное смысловое значение с практической точки зрения, иллюстрируя теоретический материал, изложенный в других главах. В определённой степени этот материал также демонстрирует практичность предмета социальной философии в контексте современной России.

Автор исследования полагает, что российская благотворительность не только продолжает основные исторические тенденции европейской филантропии, но имеет свои характерные черты, учитывающие отечественные религиозно-духовные основания и мировоззрение народа. Российская благотворительность отражает основные тенденции мировой и отечественной мысли, опирается на русскую духовную философию, христианские ценности, учитывая многообразный религиозный и национальный контекст.

Объект исследования – благотворительность как философский, социокультурный, общественно-политический феномен. Автор производит социально-философский анализ благотворительности как инструмента гуманного воздействия для преобразования пенитенциарной системы как общественного института.

Предмет исследования – воздействие благотворительности на пенитенциарную систему. Автор исследует преобразование социального института общества, каким становится пенитенциарная система, которая понимается не только как система наказания и лишения свободы, но исправления и восстановления личности.

Цель исследования – концептуализация понятия благотворительности в мировой и русской социальной философии, провести социально-философский анализ воздействия благотворительности на пенитенциарную систему, которая является весьма информативным срезом внутреннего строения общества, элементом его социальной структуры.

Для достижения данной цели мы учитываем исторические этапы становления института благотворительности, основные философские идеи, тенденции, направления, изменения и подходы к решению проблем пенитенциарной системы.

Задачи исследования:

1. Охарактеризовать философскую и историческую сущность благотворительности, а также выявить основополагающие идеи, мировоззренческие ценности и нравственные принципы, которые заложены в её основе;
2. Проанализировать существующие исторические и философские подходы к благотворительности, определить её типологию, проследить основные периоды формирования, в первую очередь в Европе XVIII – XIX вв.;
3. Рассмотреть историю западной благотворительности и меценатства как явления Нового времени и обозначить основные идеи благотворительности в трудах выдающихся филантропов Европы;

4. Проанализировать воздействие благотворительности на пенитенциарную систему в социальном и историческом контекстах;
5. Выявить духовно-религиозные истоки российской благотворительности и филантропии применительно к пенитенциарной системе;
6. Обозначить и сравнить исторические особенности и ценности европейской и российской благотворительности, характерные черты развития, степень преемственности;
7. Провести социально-философский анализ уникального опыта практики воздействия благотворительности на современную пенитенциарную систему, привести примеры успешного воздействия благотворительности на пенитенциарную систему.

Методы исследования. В исследовании использованы научные методы социальной философии, направленные на целостное осмысление рассматриваемого феномена, социальный факт рассматривается в системе взаимосвязей с другими социальными фактами, диалектико-материалистический метод познания, относимый к категории всеобщего, а также частнонаучные методы: функциональный, моделирования, аналогии, анализа, синтеза, абстрагирования и конкретизации.

Основу диссертационного исследования составляет подход, согласно которому благотворительность – не только вид целевой помощи, но проявлением внутренней избыточности личности жертвователя, а также – рычаг воздействия на группы нуждающихся реципиентов, на системы и подсистемы государства. Автор исследования полагает, что благотворительность включает в себе потенциал для воздействия на предмет исследования - пенитенциарную систему.

Также привлечен компаративистский метод в сравнении западноевропейской, североамериканской и российской благотворительности и принцип историзма, обозначивший необходимость рассмотрения благотворительности в контексте исторической действительности, с учетом особенностей её становления и формирования и воздействия на государственные аппараты принуждения и институт исполнения уголовных наказаний.

Научная новизна исследования:

1. Обозначено, что благотворительность нацелена на эффективность и изменение социального устройства, а также восполнение пробелов в решении государственных социальных задач;
2. Обосновано, что западноевропейская благотворительность основана на идеях мыслителей-гуманистов, католической и протестантской этике, тогда как российская благотворительность нашла философские и духовные основания в национальной и православной мысли;
3. Установлено, что основной задачей российской благотворительности было не столько оказание целевой помощи как преобразование той общественной системы, в пределах которой она осуществлялась;
4. Проанализированы на примере Фёдора Гааза, Джона Говарда, В.А. Соллогуба, М.В. Галкина-Враского философские основы стратегии российской благотворительной деятельности и её воздействия на пенитенциарную систему XIX века;
5. Установлено, что в научных трудах российских мыслителей и пенологов, мы находим идеи для построения современной отечественной пенитенциарной модели, основанной как на целостном понимании коллективного мировоззрения русского народа, так и неприемлемости слепого копирования при перенесении европейского филантропического опыта на отечественную почву;
6. Обосновано, что российская благотворительность имеет философскую и историческую преемственность и основывается на безвозмездном дарении, а также – идее активности цельной личности в освоении окружающего пространства, органическом единстве с народом и участии в его социальном и культурном развитии страны;
7. Установлено, что российская благотворительность активно влияет на пенитенциарную систему, особенно в приоритетных областях ресоциализации и реинтеграции лиц, нарушивших закон, а также реабилитации членов их семей.

Положения, выносимые на защиту:

1. Благотворительность это один из видов социальной каритативной деятельности¹⁵, в которой человек раскрывает себя и свою человечность в другом.
2. Благотворительность сопряжена с попыткой личности выйти за границу экзистенции и сопровождается новым переживанием жизненных ценностей.
3. Благотворительность имеет не только пользу для другого, но также – для филантропа и подразумевает вневременную соотнесённость процесса безвозмездного дарения с личностью, семьёй, общностью и народом.
4. В процессе совместной благотворительной деятельности происходит формирование взаимообогащающих и доверительных отношений между личностями, мобилизация общих стремлений, манифестация значимых этических ценностей, что служит достижению стойкого положительного социального резонанса.
5. Российская благотворительность отражает основные тенденции мировой и отечественной мысли, опирается на русскую духовную философию, христианские ценности, учитывает многообразный религиозный и национальный отечественный контекст.
6. Благотворительность имеет активное воздействие не только на личность, но и на пенитенциарную систему, которая проходит различные стадии и претерпевает изменения.
7. Благотворительность – действенный инструмент в актуальных условиях изменяющейся пенитенциарной системы и острой необходимости ресоциализации лиц, прошедших российские исправительные учреждения¹⁶.

Апробация результатов исследования. Результаты диссертационного исследования в первую очередь были представлены: в виде шести статей в рецензируемых научных журналах. Три статьи автора вышли в изданиях,

---

¹⁵ Основанной на милосердии. Термин происходит от латинского caritas – милосердие, жертвенная любовь.

¹⁶ Что весьма актуально в контексте обширного научного дискурса в свете принятия в РФ новой Концепции развития уголовно-исполнительной системы до 2030 года

рекомендованных Высшей аттестационной комиссией (ВАК) Министерства образования и науки РФ. Три статьи опубликованы в журналах, входящих в российскую национальную библиографическую базу данных научного цитирования (РИНЦ).

Результаты исследования также были представлены: в виде научных докладов, мультимедийных презентаций на постер-сессиях и информационных сообщений на научно-практических философских конференциях, тематических выступлений в СМИ и дискуссионных «круглых столах» с участием экспертов, интервью, публикаций в периодической печати¹⁷. В исследовании также используются тексты опубликованных статей автора по вышеописанной проблематике: «Трансформация понятия благотворительности в условиях постинформационного общества»¹⁸, «Духовно-религиозные истоки пенитенциарной системы в России XIX века в свете формирования отечественной модели толерантности»¹⁹, «Социальные реформы или душеспасительный пиетизм? Научный опыт В.А. Соллогуба как тюрьмововеда»²⁰, «Толерантность и конфликт в условиях межрелигиозного пенитенциарного взаимодействия»²¹.

---

¹⁷ См. материалы: Международная научная конференция «Пути общества знания в аспекте инструментальных форм скриптации бытия: внутренняя и внешняя информационная безопасность России», СПбГУ 17.10.2020; Второй Конгресс Русского общества истории и философии науки «Наука как общественное благо». СПбГУ, 27-29 ноября 2020 г.; Межрегиональная научно-практическая конференция «Религиозные организации в тюремном служении: состояние, проблемы, перспективы» СПб институт повышения квалификации работников ФСИН России, Отдел по связям с религиозными объединениями Администрации Губернатора Санкт-Петербурга, Санкт-Петербург 2019; Международная научная конференция «От стихии современного информационного общества к горизонтам общества знания», СПбГУ 18.10.19; Международная научная конференция «Генезис национального самосознания: аспект инструментальности в информационной безопасности России в условиях стихии глобализации» (Санкт-Петербург, 23 ноября 2018); Дни философии СПбГУ – 2019.

¹⁸ См.: *Пирогов А.А.* Трансформация понятия благотворительности в условиях постинформационного общества // Философская аналитика цифровой эпохи: сб. науч. статей / отв. ред. Л.В. Шиповалова, С.И. Дудник. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2020. С. 252–269.

¹⁹ См.: *Пирогов А.А.* Духовно-религиозные истоки пенитенциарной системы в России XIX века в свете формирования отечественной модели толерантности. Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2020. Том 21. Вып. 3. — СПб.: Издательство РХГА. С. 295-304.

²⁰ См.: *Пирогов А.А.* Социальные реформы или душеспасительный пиетизм? Научный опыт В. А. Соллогуба как тюрьмововеда. Научное мнение. 2020. № 5. Санкт-Петербургский университетский консорциум. Санкт-Петербург. С. 40-46.

²¹ См.: *Пирогов А.А.* Толерантность и конфликт в условиях межрелигиозного пенитенциарного взаимодействия. Конфликтология. Том 15 № 1, 2020. Ежеквартальный научно-практический журнал, СПбГУ. С. 132-143.

Статьи, представленные изначально в виде научных докладов: «Благотворительность как самопознание»²², «Изоляция как предмет рефлексии в контексте эпидемиологической безопасности»²³.

Теоретическая и практическая значимость исследования.

Данная работа вносит вклад в развитие отечественной науки, рассматривая благотворительность как целостное явление, характеризуя её национальные особенности и философскую преемственность с европейской традицией. Материалы данного научного исследования могут быть использованы в разработке программ социальной философии, философии истории, истории России и Европы, при составлении научных трудов и учебных пособий для подготовки социальных работников, работников пенитенциарной системы, психологов, реабилитологов и научно-педагогических кадров, разработке лекционных курсов соответствующих дисциплин. Данные научного исследования могут представлять интерес для пенологов-юристов, поскольку затрагивают философские стороны пенологии, что важно для полного понимания предмета.

Диссертационное исследование обладает высокой практической значимостью, поскольку предлагает осмысление идей благотворительных подходов к решению проблематики современной российской пенитенциарной системы, в которой автор прилагает свои усилия в качестве члена Общественно-наблюдательной комиссии по общественному контролю за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания. Исследование также актуально в контексте обширного научного и общественного дискурса в свете принятия в РФ новой Концепции развития уголовно-исполнительной системы²⁴ до 2030 года.

---

²² См.: *Пирогов А.А.* Благотворительность как самопознание // Вперед, мечта... От стихии современного информационного общества к горизонтам общества знания / сборник научных статей / Санкт-Петербургский государственный университет, Институт философии, Кафедра социальной философии и философии истории; под редакцией К.С. Пигрова. - Санкт-Петербург: Книжный дом, 2019. С. 109-115.

²³ См.: *Пирогов А.А.* Изоляция как предмет рефлексии в контексте эпидемиологической безопасности // Между памятью и забвением: пространства скриптизации российского бытия: сборник научных статей / сборник научных статей / Санкт-Петербургский государственный университет, Институт философии, Кафедра социальной философии и философии истории; под редакцией К.С. Пигрова. - Санкт-Петербург: Книжный дом, 2020. С. 114-119.

²⁴ См.: Распоряжение Правительства РФ от 29.04.2021 N 1138-р «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года».

Отдельный раздел заключительной части исследования посвящён анализу актуального опыта и практике воздействия благотворительности на современную пенитенциарную систему. Результаты исследования будут полезны в тематическом учебном курсе, а также – в комплексной практике ресоциализации и социальной адаптации лиц, прошедших пенитенциарную систему.

Объем и структура диссертации. Диссертационное исследование состоит из трех глав, введения, заключения и списка литературы из 18 страниц, включающего в себя: 150 источников на русском языке, 9 источников на иностранном языке, 40 интернет-источников. Общий объем работы 208 страниц.

Глава 1. Аксиология и онтология благотворительности

1.1 Определение и типология благотворительности

Понятие благотворительности изначально предполагает, что это определённый вид добровольной, направленной, социальной деятельности, который не преследует извлечения финансовой или иной прибыли. Социальная помощь личности, попавшей в беду, является основной целью традиционной благотворительности²⁵. Однако исторически философами и филантропами-практиками ставился резонный вопрос: «Что именно понимать под благотворительной деятельностью?»²⁶

Вероятно, впервые обозначение и выделение такого явления как благотворительность в отдельную сферу из многих сфер человеческого бытия происходит в Древней Греции. М.В. Фирсов отмечает, что человеческое сообщество постепенно выделяет особую область, где проявляются устойчивые нравственные связи, взаимоотношения и практическая взаимопомощь²⁷. Нам представляется, что социально-философская мысль VIII – VI вв. до н.э. ещё не была в полной мере наукой, поскольку ещё не образовалось оформленных дефиниций основных категорий системы, а научная мысль развивалась в направлении формирования категорий. Отдельные философские дисциплины, такие как этика, только начинали зарождаться, поэтому для описания предмета нашего исследования, важно начать с понимания высшего блага. Согласно Аристотелю, этика скорее – наука практическая, а не теоретическая дисциплина. Эта известная мысль нам представляется своеобразным мостиком для дальнейшего перехода к понятию благотворительности, как деятельному благу, поступкам во имя блага или

---

²⁵ В параграфе используются фрагменты статьи: *Пирогов А.А.* Трансформация понятия благотворительности в условиях постинформационного общества // *Философская аналитика цифровой эпохи: сб. науч. статей / отв. ред. Л.В. Шиповалова, С.И. Дудник.* – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2020. – 252–269.

²⁶ См.: *Гогель С.К.* Подготовка к благотворительной деятельности. СПб., 1913

²⁷ *Фирсов М.В.* История социальной работы: учебное пособие. — М.: Кнорус, 2012.

ради общественного блага. Цель этики, говорит Аристотель, – "не познание, а поступки" (EN, I, 1, 1095a)²⁸, она учит тому, как стать индивида добродетельным, то есть наилучшим. Эта известная мысль нам представляется своеобразным мостиком для дальнейшего перехода к понятию благотворительности, как деятельному благу, поступкам во имя блага или ради общественного блага. В.К. Шохин детально рассматривает разные виды блага в работах Аристотеля, выделяя: «1). Благо – это то, что желательно само по себе; к чему стремится всё или, по крайней мере, всё способное ощущать и одаренное разумом или если бы было одарено разумом. 2). Благо – это то, что соответствует указаниям разума, и при этом для каждого отдельного человека благом будет то, что ему указывает разум относительно каждого честного случая. 3). Благо – то, присутствие чего делает человека спокойным и самоудовлетворенным. 4). Благо – это нечто "самодовлеющее" и способствующее возникновению и продолжению этого состояния, сопутствующее этому состоянию и устраняющее состояние противоположное».²⁹ Человек, согласно Аристотелю, – существо политическое, высшего счастья он может достичь только в процессе активной политической жизни. Платон и Аристотель рассматривают благотворительность в контексте общественной пользы, полагая, что эта моральная деятельность – прерогатива полиса и государства, а не только поступки отдельного индивидуума, не в коем смысле не его частное служение, но служение общины, заботящейся о бедных и убогих, как это понимается в традиционном христианстве. Древние греки и римляне охотно оказывали финансовую помощь театрам и баням, а не приютам для бедных, а институт благотворительности отсутствовал³⁰.

Слово близкое по значению к деятельному милосердию: «это – чувство, противоположное гневу: сочувствие, жалость, сострадание. Вместе с тем

²⁸ При цитировании этических сочинений Аристотеля автор придерживается установившейся формы: сокращенное название произведения (EN - "Никомахова этика"; EE - "Эвдемова этика"; MM - "Большая этика"); книга (римская Цифра), затем выносимая на поля рубрикация - страница и столбец принятого за образец беккеровского издания.

²⁹ Шохин В.К. Философия практического разума: агатологический проект. – СПб.: Издательство Владимир Даль, 2020. – С. 136

³⁰ Anderson G.A. Charity: The Place of the Poor in the Biblical Tradition. New Haven, Yale University Press, 2013.

аристотелевские определения дружбы (точнее, дружеской любви – «philein») частично пересекаются по смыслу с христианским пониманием милосердия как «caritas», которое означает также благотворительность»³¹. Стоит обратить внимание, что данное понимание благотворительности отчасти характерно и для современного общества. Благотворительность рассматривается и как частное дело отдельных благотворителей, филантропов и меценатов, и как дело определённой группы людей, объединённых одним общим благим стремлением – всесторонне помочь нуждающимся. Аристотель трактует добровольное дарение и благотворительность как проявление несомненной добродетели, отмечает его практическое значение, если оно происходит во имя нужного дела. Счастья может достигнуть любой, кто совершает добродетельные поступки, в том числе и благотворительность, в благоприятных обстоятельствах. Добродетельный поступок должен быть сознательным, избранным ради него самого, уверенным и повторяемым на практике. В «Никомаховой этике» безвозмездное дарение напрямую связано с понятием человеческой дружбы. Дружба в этике Аристотеля имеет важнейшее социальное значение.

Таким образом, дарение – это не публичный акт милосердной щедрости или филантропии ради выгоды, но в первую очередь – благожелательный разумный поступок и проявление дружеского отношения людей друг к другу. Благотворительное пожертвование доступно всем, кто хочет помочь кому-то нуждающемуся, показать ему знаки дружеского отношения и расположения. Согласно пониманию Аристотеля, какого-то объективного критерия различения добра и зла не существует. Однако мера частного благотворительного дарения зависит только от свободной воли индивида, то есть донора. В «Большой этике» Аристотель ставит резонный вопрос, как индивиду объективно определить данную меру дарения. При этом различные эмоции и чувства не должны мешать разуму, ведь моральная личность ориентирована на моральные поступки, в том числе и на безвозмездное благотворительное дарение. Хотя в таком мышлении, как нам

---

³¹ Гусейнов А.А., Апресян Р.Г. *Этика: Учебник.* — М.: Гардарики, 2000. С. 277.

видится, на первый взгляд имеется что-то напоминающее христианство и современную благотворительность, но оно отлично от принципа христианского гуманизма и жертвенной любви, определяющих направленность и интенцию безвозмездного даяния в христианстве.

Подытоживая выводом эту часть исследования можно отметить, что понятие благо было наиболее полно и последовательно разработано с V века до нашей эры и, особенно – в сочинениях Аристотеля, тогда же начало формироваться и понятие благотворительность, что повлияло на дальнейший ход исследовательской мысли в этом направлении. В современных моделях благотворительности можно проследить основные философские концепции, заложенные в этической системе Аристотеля.

В социальном смысле благотворительность (синоним – филантропия; от греч. *φιλία* – любовь и *ἄνθρωπος* – человек) – это добровольный направленный тип социальной деятельности, посредством которой обладатели частных материальных ресурсов (доноры, филантропы, меценаты) безвозмездно распределяют эти материальные средства в целях направленной помощи нуждающимся или страдающим людям. В философском словаре мы находим: «филантропия – деятельность, посредством которой частные ресурсы добровольно и безвозмездно распределяются их обладателями в целях содействия нуждающимся людям, решения общественных проблем, а также усовершенствования условий общественной жизни»³². Другими словами, функция благотворительности — это поддержка личности, помощь человеку, влияние на социальные процессы. Основная цель такой благотворительности – решение различных социальных и культурных проблем (бедности, нехватки образования, отсутствия медицинского лечения и т. д.), в нашем исследовании – проблем пенитенциарной системы. Объектом помощи являются личности, которые по разным причинам испытывают нехватку материальных средств и ресурсов для выполнения своих социальных потребностей, талантов и способностей. В нашем исследовании – не только лица,

---

³² *Ивин А.А.* Философия: Энциклопедический словарь / Под ред. А. А. Ивина. – М.: Гардарики, 2004. – С. 99.

находящиеся в исправительных учреждениях исправительной системы³³, но члены их семей, а также – лица, прошедшие исправительную систему и нуждающиеся в ресоциализации и социальной адаптации³⁴.

Можно также согласиться с тем, что «Благотворительность исторически традиционно и концептуально связана с милостыней, как с формой материальной поддержки бедных и неимущих. В качестве частных ресурсов могут выступать как финансовые и материальные средства, так и способности, и энергия людей. Много общего есть в мотивах и ценностных основаниях благотворительности и милостыни, но как определенного рода общественная практика благотворительность отличается от последней: милостыня представляет собой индивидуальное и частное действие, благотворительность же носит организованный, по преимуществу безличный характер и даже в случаях обеспечения реализации индивидуальных начинаний (проектов) имеет в виду общественно значимые цели»³⁵. Говоря о такой частной форме благотворительности, подразумевающей передачу материальных средств от одного лица другому с целью оказания непосредственной помощи, мы используем термин – *традиционная благотворительность*. Термин *благотворительность* понимается и используется нами в дальнейшем исследовании как более широкое и общее понятие для разных форм благотворительности, предполагающее участие в процессе групп лиц и создание социально-значимых проектов. Как будет показано в дальнейшей части исследования, современная благотворительность также постоянно трансформируется и видоизменяется. Для её определения в понятийный

---

³³ В отношении этих лиц нередко в научной литературе используются также термины: специальный контингент или спецконтингент

³⁴ Под ресоциализацией мы понимаем один из видов социализации (в противовес десоциализации, имеющей место при планировании и совершении преступления, когда преступник намеренно отказывается от базовых общественных ценностей и общепринятых норм поведения) и представляет собой длительный процесс принятия человеком новых ценностей, норм, ролей и правил поведения. Тогда как социальная адаптация – процесс усвоения ценностных норм, правил, смыслов, подразумевает возврат к прежней системе базовых ценностей. Этот процесс связан со сменой социальной среды, разрывом с преступным миром и возвратом в прежний социум, к общепринятой нравственной модели поведения, завершает ресоциализацию. Термин ресоциализация в научной литературе нередко используется как тождественный социальной адаптации.

³⁵ Электронная библиотека ИФ РАН «Новая философская энциклопедия» [Электронный ресурс] URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH01c5f70088579d31e24aabc5> (Дата обращения: 12.05.2021).

аппарат нами вводится термин *новая благотворительность* – подразумевающая под донором – крупные фонды, а под получателем благ не только социальные группы, но целые системы и даже – страны. Общими для всех вышеописанных форм благотворительности остаётся наличие донора (или доноров) и получателя помощи (получателей, реципиентов, нуждающихся). По мнению ряда авторов, в роли благотворителя чаще всего выступают именно негосударственные структуры: «Благотворительность — негосударственная добровольная безвозмездная деятельность в социальной сфере, направленная на поддержку отдельных лиц или организаций, у которых по тем или иным причинам не хватает ресурсов для полноценного функционирования»³⁶. Это определение неисчерпывающее, поскольку не включает, например, таких форм благотворительности, как волонтерство и социальная опека и т.д. В современной научной литературе встречается множество определений, в которых делается акцент на тех или иных концептуальных оттенках благотворительности, однако почти везде отмечается безвозмездный характер благотворительности. Подчеркивается устойчивая связь благотворительности и филантропии, при существенном отличии последней, которая, по мнению ряда авторов более широкомасштабна и обращается к «структурным источникам проблем»³⁷. Благотворительность, милосердие и филантропия нередко употребляются как схожие понятия³⁸. В отдельную сферу всё чаще выделяется также *благотворительная филантропия*, которая подразумевает, что жертвователю намеренно платит более высокую цену за те продукты, которые производятся с использованием современных экологических технологий, с наименьшим вредом для окружающей среды и без страдания животных. В основе благотворительных действий лежат личные намерения индивидов, которые

---

³⁶ Фомин Э.А. Благотворительность как социокультурный феномен в России / Э. А. Фомин, Е.З. Чикадзе - СПб. Питер, 1999. С. 83.

³⁷ Wong Karna, Paul Ong, Wenjuan Zheng. American Philanthropy Literature Review." UCLA Center for Neighborhood Knowledge Global Chinese Philanthropy Initiative, 2016. P. 8

³⁸ Основные понятия благотворительности. Благосфера. Официальный сайт. [Электронный ресурс] URL: <https://blagosfera.ru/charity/osnovnye-ponjatija-blagotvoritelnoj-dejatelnosti/> (дата обращения: 12.05.2021).

жертвуют материальные средства, время или производят волонтерскую работу, а целью такой благотворительной филантропии выступает экологическая среда³⁹.

Благотворительность также объясняется, как «добровольная деятельность граждан и юридических лиц по бескорыстной (безвозмездной или на льготных условиях) передаче гражданам или юридическим лицам имущества, в том числе денежных средств, бескорыстному выполнению работ, предоставлению услуг, оказанию иной поддержки»⁴⁰. Акцент делается на юридические аспекты благотворительности и добровольность деятельности донора. При этом в научной литературе, выделяется более обширное и синонимичное понятие *филантропия*, которое охватывает все виды добровольной и безвозмездной помощи нуждающимся людям.

Остановливаясь на многообразии определений благотворительности, исходящих из её целей, автор не желает упускать из виду общую интенцию данного акта, основанную на личной жертвенности и вовлеченности дающего в процесс даяния. Процесс благотворительности и филантропии сопряжён с попыткой личности выйти за границу экзистенции и сопровождается новым переживанием жизненных ценностей⁴¹. Несмотря на то, что субъект как жертвователь (синоним – донор) нередко поступает нерационально, существуя в недоброжелательном социальном контексте, он наделяет смыслом свои усилия и труд, манифестируя объекту справедливость и милосердие. Объектом традиционной благотворительной помощи выступает человек. Другим словами, практика благотворительности становится важнее терминов и определений.

Йозеф Ратцингер настаивает именно на практической стороне милосердия, определяя его как безвозмездный добровольный акт дарения и принятия, особые доверительные отношения между субъектом и объектом в человеческой общности:

---

³⁹ См. подробнее.: Herzog, P.S., & Price, H.E. American Generosity: Who Gives and Why. Oxford University Press, 2016.

⁴⁰ Российская энциклопедия социальной работы / Под общ. ред. д.и.н., проф. Е.И. Холостовой. — М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2016. — С. 96

⁴¹ Что подробно рассматривается в третьей части нашего исследования

«Милосердие – это любовь, принимаемая и даруемая. Это “благодать” (*charis*)»⁴². Это всецело применительно к пенитенциарной системе, где благотворительность находит свою точку приложения и социальное пространство, требующее гуманного преобразования. Пенитенциарная система рассматривалась филантропами и меценатами как широкое поле благотворительности⁴³.

Гусейнов А.А. и Апресян Р.Г. объясняют, что «древнееврейское слово “hesed”, (т.е. “любящая доброта”) выражало принцип отношения Бога к людям, а также то, что он ждал от людей в их отношении друг к другу: доверительность и верность»⁴⁴. Здесь мы хотим обратить внимание не только на социальный характер милосердия как синонима благотворительности и жертвенности, а также на то, что в этом акте имеется выход за пределы собственного существования, поле для соприкосновения с трансцендентным, вечным, Другим. Принцип милосердия восходит к Пятикнижию Моисея и пророческим книгам Ветхого Завета⁴⁵.

Стоит отметить, что в современном научном мире стойко возрастает внимание не столько к определению, как к природе и проблематике самой благотворительности⁴⁶. Отмечается, что англо-американский язык не может адекватно терминологически описать те изменения, которые происходят в области благотворительности, переживающей «тихую революцию». Утверждается, что в международном языке филантропии доминирующее место занимает англо-американская модель⁴⁷. Однако прежние определения не вмещают сути феномена новой благотворительности. В контексте различия европейских и американских культурных норм в этой области, Европейский центр фондов (EFC) предлагает использовать объединяющее определение, говорить об «институциональной филантропии», а не о фондах как таковых, то для изучения этой области

⁴² Бенедикт XVI. Энциклика *Caritas in Veritate*. – М.: Издательство францисканцев, 2009. С. – 6.

⁴³ См.: Георгиевский П.И. Призрение бедных и благотворительность. СПб.: Тип. Мор. м-ва, 1894.

⁴⁴ Гусейнов А.А., Апресян Р.Г. Этика: Учебник. — М.: Гардарики, 2000. С. – 277.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Орачева О., Найт Б. Нужна ли филантропии новая философия? Благотворительный фонд Владимира Потанина. Официальный сайт [Электронный ресурс] URL: <https://www.fondpotanin.ru/press/news/nuzhna-li-filantropii-novaya-filosofiya/> (дата обращения: 21.05.2021).

⁴⁷ Там же.

предлагается эмпирический подход «используя такой концепт, как “спектр филантропии”. Это подразумевает анализ филантропической деятельности через призму следующих шести факторов: общественное благо, ресурсы, участие фондов, самоуправление, нормы поведения и актуальность»⁴⁸. Этот подход представляет интерес для нашего исследования, поскольку учитывает не только экономические факторы и актуальность воздействия, но также – социально-философские и этические категории, нормы благотворительности.

Действительно, наблюдения показывают, что современных форм благотворительности по характеру и виду помощи существует достаточно много, классификации их многообразны: филантропия, спонсорство, меценатство, волонтерская деятельность, традиционное денежное пожертвование, сбор средств и ресурсов в Интернете, поддержка посредством СМС, электронные средства пожертвования, социальное предпринимательство, краудфандинг и пр. Однако это далеко не полный список видов спектра благотворительности. Можно выделить условную рабочую классификацию по субъекту благотворительности. В отдельную группу, стоит отнести живых существ, к которым направлен вектор современной благотворительности. К этой группе принадлежат люди, напрямую нуждающиеся в материальной помощи и разных видах социальной поддержки, к ним также относятся дети и лица из состава спецконтингента пенитенциарных учреждений, а также – животные. К другой группе относятся: социальные структуры, государственные и иные институты, которые в современной благотворительности также рассматриваются как объекты.

Так философ и специалист в области изучения некоммерческого сектора Лестер М. Саламон обращает внимание на тот факт, что современная благотворительность постоянно трансформируется и зачастую имеет точкой приложения целые системы, социальные институты и страны⁴⁹. Отмечается, что в последние десятилетия открыты принципиально новые формы филантропии и

---

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Саламон Л. Финансовый рычаг добра: Новые горизонты благотворительности и социального инвестирования / Пер. с англ. С. Филин. – М.: Издательство Альпина Паблишер, 2016.

актуальный феномен преобразующих общество социальных инвестиций. При этом благотворительность по-прежнему связывают с эффективным решением проблемы социального неравенства.

Мыслитель настаивает: «Мир благотворительности, похоже, переживает “большой взрыв”, сравнимый – если не по форме, то по последствиям – с тем, который, как считается, привел к появлению нашей Вселенной»⁵⁰. При этом, повсеместно наблюдается отсутствие единой терминологии для описания всех современных благотворительных ресурсов, а также масштабного осмысления их преобразующей роли в экономике некоммерческого сектора. Благотворительность видится не только одним из важнейших и перспективных инструментов решения проблем абсолютной и относительной бедности, но и проблем экологии, демократии, защиты окружающей среды, образования, защиты животных⁵¹.

Упоминание нами животных в качестве реципиентов помощи в этой классификации благотворительности не случайно. Писатель, филантроп и мыслитель Питер Сингер обращает внимание на актуальность активной благотворительности⁵², направленной в сторону всех живых существ, переориентируя внимание научного сообщества и доноров на взаимосвязь процесса благотворительности со всем окружающим миром, экосистемой, природой⁵³. Речь идёт о радикальном пересмотре так называемого «господствующего взгляда» (mainstream view) на этические обязательства человека перед животными⁵⁴. Философ вослед за английским философом-утилитаристом Иеремией Бентамом (1748-1832) настаивает на равном учёте интересов живых существ, что каждый человек должен принимать во внимание другую жизнь. Сингер не единственный, кто радикально полагает что человек должен

⁵⁰ Саламон Л. Финансовый рычаг добра: Новые горизонты благотворительности и социального инвестирования / Пер. с англ. С. Филин. – М.: Издательство Альпина Паблишер, 2016. С. 6.

⁵¹ См.: Пирогов А.А. Трансформация понятия благотворительности в условиях постинформационного общества // Философская аналитика цифровой эпохи: сб. науч. статей / отв. ред. Л.В. Шиповалова, С.И. Дудник. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2020. С. 252–269.

⁵² Сингер П. Жизнь, которую вы можете спасти: Пер. с нем. Т. Эйдельман. М.: Портал Такие дела. 2018.

⁵³ Singer Peter. Animal Liberation: A New Ethics for Our Treatment of Animals, New York: Random House. 1975.

⁵⁴ См. Этические проблемы отношения к животным обсудили в СПбГУ. Открытая лекция Петера Сингера [Электронный ресурс] URL: <http://philosophy.spbu.ru/3102/15812> (Дата обращения: 11.05.21).

повсеместно учитывать интересы животных⁵⁵. Человек избирает тот или иной путь благотворительности, поскольку животные испытывают страдания. Нужно отметить, что Вольтер, в своих размышлениях о философских убеждениях И. Ньютона также пишет: «Сострадание это, питаемое им к животным, превращалось в истинное милосердие к людям. В самом деле, без гуманности – добродетели, включающей в себя все остальные достоинства, – человек не заслуживает имени философа»⁵⁶. Гуманное отношение к человеку и животному – качества, отражающие зрелость натуры мыслителя. Ньютон, как и Локк считали, что животные имеют определённую меру идей и чувств подобных человеческим, потому «Он считал ужасным противоречием верить, что животные чувствуют, и заставлять их в то же время страдать; он с отвращением уступал варварскому обычаю питаться кровью и плотью существ, подобных нам и которых мы каждодневно ласкаем; и он никогда не позволял, чтобы в его доме их убивали медленной и изощренной смертью, дабы этим сделать еду более тонкой на вкус»⁵⁷. Таким образом, истинное милосердие объёмлет всю живую природу, а гуманность – проявление мыслящей личности. Стоит заметить, что сострадание не всегда имеет практическую точку приложения в виде благотворительной деятельности.

Согласно П. Сингеру страдания животных имеют чрезвычайную важность, их следует понимать через страдания человека, животное мучение постигается через человеческое, права людей и животных равны⁵⁸. Более того, Сингер предлагает значительно расширить правовую сторону взаимоотношений человека и природных видов животных, распространяя на последних принципы свободы, равенства и братства⁵⁹. Таким образом «происходит не только переосмысление, критика и разрушение традиционных устоявшихся представлений о человеке и животном, но появляются альтернативные созидательные движения и теории

---

⁵⁵ Peter Singer в радикальных воззрениях следует также Regan Tom. См.: Regan Tom. The Radical Egalitarian Case for Animal Rights. in Environmental Ethics, ed. Louis Pojman. Stamford, CT: Wadsworth, 2001. P. 45

⁵⁶ Вольтер. Философские сочинения. / Пер. с фр. С.Я. Шейнман-Топштейн. М.: Издательство Наука, 1988. С. 296.

⁵⁷ Там же. С. 295-296.

⁵⁸ Сингер П. Освобождение животных. — К.: Киевский эколого-культурный центр. 2002.

⁵⁹ В отличие от обычных зоозащитников Петер Сингер пошёл значительно дальше, сделав основой своей философии принцип равенства животных и человека.

гармоничного устойчивого развития общества, построенного на совершенно иных позициях в отношении к животным, к человеку и природе в целом»⁶⁰. Активная научная дискуссия по данному вопросу продолжается⁶¹.

Автор исследования в рамках обсуждения после открытой лекции Сингера в СПбГУ задал вопрос о допустимых этических границах радикального отношения к правам живых существ и убедился, что позиция мыслителя распространяется и на область традиционной благотворительности, которая, по его мнению также должна быть адресована в полной мере и к страдающим животным⁶². Стоит заметить, что масштабный общественный благотворительный проект⁶³, в котором участвует Сингер занимается освобождением из неволи всех диких обезьян, приравнивая их к заключённым тюрем⁶⁴. Другими словами, объектами новой благотворительности могут быть не только люди, но животные, социальные системы и экологическая среда. Сингер так определяет актуальные цели современной благотворительности: «Но если меня спросят, куда направить благотворительные средства, то я отвечу однозначно. При выборе между финансированием культурного проекта и борьбой с экстремальной бедностью, я думаю, надо выбирать второе»⁶⁵. При этом Сингер ставит под сомнение наличие объективной этики, отдавая предпочтение ситуативной: «Наличие объективной этики – это все еще спорный факт, люди должны сами решить для себя, объективная она или нет, и если да, то какая этика правильна. На этой стадии они используют свой разум, чтобы сделать свободный

⁶⁰ См., напр.: Юрчук Е.В. Общество не-знания: животное как метафизическая проблема // Между памятью и забвением: пространства скриптитизации российского бытия: сборник научных статей / сборник научных статей / Санкт-Петербургский государственный университет, Институт философии, Кафедра социальной философии и философии истории; под редакцией К.С. Пигрова. - Санкт-Петербург: Книжный дом, 2020. С. 33-37.

⁶¹ Ряд авторов указывают на слабость позиции Singer. См.: Hsieh Diana Mertz. Animal Wrongs. Environmental Philosophy. Phil 5240, Carter. 2005.

⁶² Имеется в виду дискуссия после открытой лекции Петера Сингера «Этика и животные: преодоление видового барьера», состоявшаяся 25 мая 2019, СПбГУ. Сингер, например, в качестве иллюстративного материала продемонстрировал фотоснимки, на которых запечатлены птицефермы, где живые существа переносят мучения и болезни, поскольку содержатся в ужасающих условиях, напоминающих тюремные.

⁶³ Имеется в виду The Great Ape Project [Электронный ресурс] URL: <https://www.projeto-gap.org.br/en/> (дата обращения: 12.05.2021).

⁶⁴ The Great Ape Project: Equality beyond humanity. Editors, Peter Singer and P. Cavalieri., Fourth Estate publishing, London, England. 1993.

⁶⁵ Сингер П. Я верю в рациональное убеждение. Интервью. Новая газета. 2018. № 127. [Электронный ресурс] URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2018/11/16/78600-ya-veryu-v-ratsionalnoe-ubezhdenie> (дата обращения: 12.05.2021).

и осознанный выбор»⁶⁶. Он приводит в пример человека, который постоянно платит налоги, но должен использовать свободные деньги для благотворительности, поскольку правительство не использует его средства для помощи беднейшим странам⁶⁷. Сингер вводит личную благотворительную помощь донора беднейшим странам в свою классификацию благотворительности⁶⁸. Такой человек не обязательно должен обладать значительными материальными ресурсами. Важна его интенция, желание оказывать помощь. Здесь мы видим положительный момент, акцент внимания на личном характере, значимости и универсальности каждого жертвенного акта благотворительности, пусть и небольшого по объёму и количеству затраченных ресурсов и средств.

Вновь обратим наше внимание на личность, которая участвует в благотворительном процессе в качестве жертвователя (донора). Она совершает свой акт добровольно, нередко – из сокровенного побуждения, которое не ослабевает даже если намеченные гуманные цели полностью или частично не достигаются, деформируются, а напротив - вскрываются: неэтичность и симуляция проектов, злоупотребление средствами или нецелевое расходование ресурсов. Сингер обращает внимание на то, что благотворителем может стать не только богатый человек, но любой, кто жертвует свой человеческий ресурс, средства и ресурс времени благотворительным организациям⁶⁹. Формируется интенциональное поведение благотворителя, который интенсивно взаимодействует с контекстной социальной средой. Изменение самопознания благотворителя в процессе благотворительного акта напрямую соотносится с общественным самосознанием, а также – изменением характера благотворительности и её типологии. По выражению Жака Маритена, с экзистенциальной точки зрения, человек – это «существо одновременно

---

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Там же. Имеется в виду США, где правительство дает на международную помощь всего 0,2% расходов.

⁶⁸ Связи с этим стоит вспомнить практику СССР, где работники и служащие постоянно призывались к добровольному пожертвованию личных средств: в Фонд мира, беднейшим странам, Красный крест и т.п.

⁶⁹ Сингер П. Жизнь, которую вы можете спасти: Пер. с нем. Т. Эйдельман. М.: Портал Такие дела. 2018.

естественное и сверхъестественное»⁷⁰. Личность существует и проявляет свою деятельность сразу на нескольких уровнях: чувственно-эстетическом, рациональном и духовно-религиозном. Она ищет общего человеческого блага, постоянно совершенствуется и проявляет своё совершенство в единении с другими людьми⁷¹. Ю. Майка поясняет: «свобода состоит не в том, чтобы люди находились в изоляции, наоборот они стараются реализовать свои стремления к благу и свободе в общественных институтах, группировках, объединениях. Маритен понимает корпорацию как моральную личность, слагающуюся из тех, кто по каким-либо соображениям (интеллектуальным, экономическим, корпоративным) стремится достичь какого-то определённого блага»⁷².

На эстетическом уровне личность тянется к Идеалу, как к высшей положительной ценности, объекту стремления⁷³. Идеал даёт мотивацию благотворительности как созидательному творчеству. В этой связи очень важно отметить, что И. Кант обращал внимание на то, что Идеалу присуща конкретность, а бытие абстрактно. В акте благотворительности донор создаёт некий идеальный образ акцептора⁷⁴ как жертвы, которая остро нуждается в благой и своевременной помощи. Этическое мышление позволяет донору подняться над самим собой, над чувствами и страстями, приобщаясь к высшему порядку. Благотворительность становится не только инструментом, но творческим преобразующим актом создания иного человека, а в дальнейшем – гуманного общества. Осязаемые органами чувств и интерпретируемые разумом благотворителя знаки, ведут его личность по пути добродетели к соединению с Идеалом, Другим, Благом, Богом. Религиозность рассматривается нами не только как следование нормам и канонам

---

⁷⁰ *Маритен Ж.* Интегральный гуманизм // *Философ в мире*. – М.: Институт святого Фомы, 2007. — С. 140

⁷¹ Там же

⁷² *Майка Ю.* Социальное учение католической церкви. Опыт исторического анализа. – Рим – Люблин.: Издательство Святого Креста, 1994. – С. 345.

⁷³ В параграфе использованы фрагменты статьи *Пирогов А.А.* Благотворительность как самопознание // *Вперед, мечта...* От стихии современного информационного общества к горизонтам общества знания / сборник научных статей / Санкт-Петербургский государственный университет, Институт философии, Кафедра социальной философии и философии истории; под редакцией К.С. Пигрова. - Санкт-Петербург: Книжный дом, 2019. С. 109-115.

⁷⁴ Акцептор или реципиент в акте благотворительности — это получатель, адресат помощи. Термин является техническим, употребляется обычно в контексте «донор – акцептор», «донор – реципиент».

определенной конфессии, и не всегда единственная интенция благотворительности.

Образным философским примером для иллюстрации наших суждений может служить скульптурная композиция⁷⁵, установленная в Риме неподалёку от Базилики святого Павла за городскими стенами. Скульптура представлена в виде тюремной решётки, сквозь которую протянуты руки узника, с ранами по типу Христовых. Надпись под этим памятником – цитата из Нового завета: «в темнице был, и вы пришли ко Мне»⁷⁶. Послание в бронзе и камне адресовано людям, уже имеющим познание, знакомым с текстом Евангелия, дабы разбудить в них эстетическое желание и разумный энтузиазм страстно жертвовать на благотворительные нужды. Данная форма традиционной благотворительности происходит от внутренней исполненности, страстного желания оказать помощь страдающему, вне зависимости – способен ли он чем-то воздать благотворителю или нет. Эта исполненность необходима для переживания внутреннего счастья. Скульптором создан зримый идеальный образ страдающей жертвы, которой, возможно, – Христос. По этой логике, помогая ближнему, благотворитель жертвует не просто нуждающемуся человеку, поддавшись сиюминутному эмоциональному порыву, а Самому Христу, в Нём открывая себя настоящего, человека счастливого, ибо, христианство – это не только слова, но и дела. Этот образ усиливается тем возвышенным религиозным чувством, которое человек испытывает, проникнутый причастностью жертве Христа, смиренно шествуя из грандиозной Базилики, на выходе которой и установлена скульптура. Понятно, что на светских людей, данный образ и текст не производят такого воодушевляющего впечатления, хотя мы не ставим под сомнение тот факт, что филантропия присуща и этой группе.

Благотворительность для верующего человека становится значимым, высшим, сакральным актом милосердия, отличным от обыденного бытия. Объект благотворительности начинает обладать исключительной значимостью, нередко

⁷⁵ Автор – канадский скульптор Тимоти Швальц (англ. Timothy P. Schmalz)

⁷⁶ См. Евангелие от Матфея 25 глава 36 стих. Библия, Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Издание Московской Патриархии, 1988.

идеализируется, поскольку делает самого жертвователя сопричастным Другому, дарующему счастье. Через прикосновение к страданиям земного человека жертвователь открывает себя настоящего, себя по образу Другого, себя в дарении. Поступок определяет человека. Человек раскрывает в благотворительном даянии свою сущность, реализуется как свободная личность, разумный человек – для другого человека.

А.М. Сергеев утверждает, что «поступок – это альтернатива тому, что происходит само собой и без нашего непосредственного участия. В этом смысле поступки делают нас самими собой и формируют нас именно как нас. Без поступков человека просто нет: нет как некоторой величины. Человек и есть “продукт” своего поступка»⁷⁷. Благотворительный акт в этом смысле всегда разумный поступок, определяющий нас как деятельных и творящих милость. Благотворительная деятельность присуща именно человеку, не животным, в её основе всегда просматриваются: разумная, душевная и эмоциональная составляющие. В некотором смысле это проявление зрелой, сильной и гармоничной личности, не только обретение, но и отдача себя, благородная жертва, когда от собственного избытка восполняется чей-то недостаток или нужда.

Таким образом, благотворительность это один из созидательных видов деятельности, которой человек заявляет о себе как человек, существо социальное и разумное, раскрывает себя в другом. Отмечается, что благотворительность важна не только донору, но самому благотворителю. Нередко действие донора происходит на фоне пограничных состояний: болезнь, чрезмерные страдания, боль, пытки, голод, лишение свободы. Такие состояния рождают момент истины и понимания, узнавания себя в беде другого. Всякое посещение больницы, тюрьмы или лагеря беженцев – это своеобразный вход в храм дельфийского оракула, попытка познать себя. Благотворительность как акт даёт возможность выйти за рамки своей экзистенции к Трансцендентному, к действенной Любви, которая – «извечное дарение жизни, сотворение и пестование в душе предмета любви»⁷⁸. В

---

⁷⁷ Сергеев А.М. Близкие мысли. – СПб.: Владимир Даль, 2020. С. 99.

⁷⁸ Ортега-и-Гассет Х. Этюды о любви/Пер. с исп. В.Е. Багно. – СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2003. — С. 41

таким смысле благотворительность обладает неким сущностным дуализмом, она всегда одновременно – личная и общественная, это жизнь, исходящая из жизни, дарующая жизнь. В процессе благотворительности трудно не заметить определённую цикличность. Императивом звучит слово Екклесиаста: «Отпускай хлеб твой по водам, потому что по прошествии многих дней опять найдешь его»⁷⁹. Упоминание мыслителем исчезающих материальных объектов весьма неслучайно, ведь мир материальный изменчив. Хлеб и вода завтра исчезнут, станут сухарём и паром. Благотворительность нужна здесь и сейчас, она требуется в определённый момент нашего существования. Для её осуществления нужна «вера, которая обычно повсюду в жизни выступает как предварительная (и подлежащая преодолению) ступень методологически надёжного рассмотрения любого предмета, здесь преобразуется в собственное и в конечном итоге единственно возможное опосредование отношений между человеком и трансцендентностью»⁸⁰. Философский момент опосредования тесно связан со спасением души, таким образом, для религиозного человека благотворительность соотносится и с конкретным бытием, и с грядущей судьбой в перспективе вечности. Момент обретения своего насущного весьма важен для понимания феномена благотворительности как самопознания. Открытиями жертвенности являются не только момент истины и самопознания, но и обретение ответов на вопросы личной экзистенции, новое переживание жизненных ценностей, а также - предвкушение награды большей, чем почёт и признание людей. Благотворитель наделяет совершаемый милосердный акт собственным смыслом, который становится его личным императивом поведения. Окружающая социальная среда может не понимать, не разделять его позиции, но благотворитель остаётся последовательным в стремлении к благу. Общественный наблюдатель в Комиссии по вопросам помилования будет как-правило высказываться за скорейшую ресоциализацию,

⁷⁹ См. Еккл.11:1. Библия, Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Издание Московской Патриархии, 1988.

⁸⁰ Лукач Д. Своеобразие эстетического // Религия и общество: хрестоматия по социологии религии / сост. В. И. Гараджа, Е. Д. Руткевич. – М.: Аспект Пресс, 1996. С. 382.

поиск путей профилактики преступности и гуманного воздействия на личность, смягчения условий отбывания наказания, даже если это противоречит мнению общества и большинства членов комиссии⁸¹. Общество в праве прислушиваться или не прислушиваться к авторитету таких доверенных уважаемых лиц. В этом случае личная позиция гуманиста не обязательно станет нормой для общества, оставаясь для благотворителя – лишь открытием своего глубинного смысла, а также – манифестацией преступнику присутствия в мире высшего милосердия и справедливости⁸².

Это удачно описал итальянский гуманист, мыслитель и общественный деятель Чезаре Беккариа Бонесано⁸³ в книге «О преступлениях и наказаниях» (изданной в 1764 г.). Идеи Беккариа, особенно – по вопросу смертной казни, легли в основу первого современного уголовного кодекса. Беккариа рассматривает роль философа, гуманиста, пытающегося влиять на пенитенциарную систему, в частности – отмену смертного приговора: «Голос философа, слишком слабый, потонет в шуме и гвалте многих, которые идут на поводу у слепой привычки. Но голос мой найдет отклик в сердцах немногих мудрецов, рассеянных по лику земли. И если бы истине, несмотря на бесконечные препятствия, мешающие ей приблизиться к монарху, удалось, даже вопреки его воле, достичь его трона, то пусть он знает, что она явилась, чтобы поведать о потаенных чаяниях всего народа»⁸⁴. Уже здесь мы ясно видим, что услышанность народом или трансляция смысла волнует благотворителя меньше, чем личное следование высшей Истине. Его окрыляет надежда, что он обязательно будет услышан потомками, а также – в вечной перспективе, где царит Милосердие, одаряющее правителя мудростью в принятии справедливых решений. Истина, сокровенным способом достигнет высшей власти, которая среди шума толпы различит ее тихий голос. В понимании

⁸¹ См.: *Холодов А.Л.* «Пандемия, преступления из колоний и посещение отдалённых зон: член ОП о работе ОНК». Российское агентство правовой и судебной информации [Электронный ресурс] URL: http://rapsinews.ru/human_rights_protection_news/20201030/306458181.html (дата обращения 12.05.2021)

⁸² См.: *Пирогов А. А.* Интервью газете ОНК СПб «Мера» № 2, 2020. С. 5.

⁸³ итал. *Beccaria Bonesana Cesare*

⁸⁴ *Беккариа Ч.* О преступлениях и наказаниях/Пер. с ит. Ю.М. Юмашева. — М.: Международные отношения, 2000. — С. 121

Беккариа благотворительность преобразует человека, но не общество. Мудрые законы, оставление преступника наедине с самим собой и просвещение могут остановить общественное зло: «Хотите предупредить преступления? Сделайте так, чтобы просвещение шло рука об руку со свободой. Зло, порождаемое знаниями, обратно пропорционально их распространению, а добро – прямо пропорционально»⁸⁵. Упоминая все виды благотворительности, пытаюсь описать их классификацию, нам не стоит забывать, что передача нравственных ценностей потомкам – тоже своеобразная форма благотворительности. Смертная казнь не может быть символом наказания и защитой общества, поскольку наказание должно быть пропорционально тяжести преступлений, а убить человека – всегда преступление⁸⁶. Пожизненное заключение тоже можно рассматривать как скрытую смертную казнь⁸⁷. В аргументации в пользу отмены смертной казни используется довод, что «даже убийца не теряет своего личного достоинства <...> Твёрдое отвержение смертной казни показывает, до какой степени можно признать неотчуждаемое достоинство каждого человека и допустить, что у него есть своё место в этом мире. Ведь если я не отказываю в этом худшему из преступников, то не отказываю никому и дам всем возможность жить со мной на этой планете, чтобы нас не разделяло»⁸⁸. Другими словами, для человека всегда даётся время для изменения поведения, образа мыслей, избирается способ наказания и определяется место исправления. Это в современном государстве это задача пенитенциарной системы.

Наказание теперь навсегда отдано в руки государства. Смертная казнь скрывается, исчезает её театральная публичность. М. Фуко объясняет это так: «причина, в силу которой действительно смерть становится чем-то скрываемым, не заключается в исчезновении страха смерти или изменении карательных

---

⁸⁵ Там же. С. 184.

⁸⁶ *Папа Римский Франциск. Энциклика. Fratelli tutti. О братстве и социальной дружбе.* Москва, Издательство Францисканцев, 2021. С. 151-155.

⁸⁷ Там же. С. 154.

⁸⁸ Там же.

механизмов. Причина заключается в изменении технологий власти»⁸⁹. Технологии власти меняются, но не исчезает смертная казнь как кара за преступления. Согласно Фуко, заслуги гуманистов как Беккариа нужно также понимать в контексте снижения количества тяжких преступлений и убийств в конце XVII века⁹⁰.

Однако смертная казнь не может считаться адекватной и справедливой мерой наказания, поскольку сама смерть ещё не абсолютное зло. Любая казнь также не может отождествляться с пыткой или местью общества, что, к сожалению, имело место в истории. В.С. Соловьёв объясняет это так: «Преступление есть нарушение права; право должно быть восстановлено; наказание, т.е. равномерное нарушение права в лице преступника, совершаемое в силу определенного закона публичною властью (в отличие от частной мести), покрывает первое нарушение, и таким образом восстанавливается нарушенное право»⁹¹. И сам же мыслитель отвечает: «Доктрина отмщения усматривает такую связь в том, что право, нарушенное определенным преступным действием, восстанавливается соответствующим или равномерным воздействием, например, убивший должен быть убит. Какое же тут, однако, на самом деле соответствие или равенство?»⁹². И наконец проблема смертной казни как наказания видится мыслителем в том, что: «Нельзя, в самом деле, признать, чтобы в казни преступника предметом отрицания было само его преступление, ибо оно есть факт бесповоротно совершившийся»⁹³. Смертная казнь по Соловьёву неприемлема поскольку — это «ужасное возмездие»⁹⁴, как это позднее также ясно и живописно показал в своих работах М. Фуко.

Подробно анализируя философское состояние вопроса воздаяния за зло, В.С. Соловьёв отмечает: «доктрина восстановления права посредством равного воздаяния защищалась более отвлеченными философами, нежели юристами. Эти

⁸⁹ Фуко М. Нужно защищать общество: Курс лекций, прочитанных в Колледж де Франс в 1975—1976 учебном году. — СПб.: Наука, 2005. С. 261.

⁹⁰ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999. С. 108.

⁹¹ Соловьёв В.С. Оправдание добра / Отв. ред. О.А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, Алгоритм, 2012. — С. 455-456.

⁹² Там же.

⁹³ Там же.

⁹⁴ Там же. С. 467.

последние принимают уравнение наказания с преступлением лишь в относительно количественном смысле (*мера* наказания), т.е. они требуют, чтобы преступление, более тяжкое сравнительно с другим, подвергалось и более тяжкому наказанию, так, чтобы вообще была лестница (*scala*) наказаний, соответствующая лестнице преступлений. Но при этом основание (а следовательно, и вершина) карательной лестницы остается неопределенным»⁹⁵. Что же по мысли философа должно лежать в основе такой лестницы? Соловьёв здесь напоминает про нравственное начало и совесть: «Нравственное начало запрещает делать из человека только средство для каких бы то ни было посторонних целей (т.е. не включающих в себя его собственное благо); поэтому если мы, противодействуя преступлению, видим в преступнике только средство для защиты или удовлетворения потерпевшего лица или общества, то мы поступаем безнравственно, хотя бы нашим побуждением была бескорыстная жалость к обиженному и искренняя забота о безопасности общественной»⁹⁶. Какова же должна быть реакция общества на преступление, имея в виду общее благо? Соловьёв обстоятельно поясняет: «С нравственной точки зрения этого еще недостаточно, требуется *жалеть* *обоих*, и если мы этому следуем, если мы действительно имеем в виду общее их благо, то разум и совесть внушат нам, в какой мере и в каких формах необходимо здесь применять физическое принуждение»⁹⁷.

Согласно Маритену, высший акт добродетели для человека – когда он жертвует самого себя на благо общества, не как фанатик или слепая жертва, но как гражданин или патриот своей страны⁹⁸. Мыслитель считает, что на самом деле привилегия, связанная с достоинством человека неотчуждаема, и человеческая жизнь имеет священное право. Он задаёт вопрос: «Стоит ли избавить общество от бесполезного члена по причине существования последнего?» Отвечает: «Убить невинного человека является преступлением, также преступление – убить узника,

---

⁹⁵ Там же. С. 454.

⁹⁶ Там же. С. 462.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ Maritain J. La personne et le bien commun/ J. Maritain //Revue Thomiste - № 46 - 1946. - P. 237 – 278

чтобы испытать лекарство для спасения других людей»⁹⁹. Уже здесь мы ясно видим, что персоналистическая концепция общего блага тесно переплетается у Маритена с проблематикой блага личного и философией жертвы. Общее благо в философии Маритена согласуется с благом личным, защищает жизнь, содействует развитию всех членов общества и отвечает требованиям справедливости. Стоит отметить, что «благодаря его большим усилиям была создана знаменитая Всеобщая Декларация прав человека, так как он был председателем комитета ЮНЕСКО, в задачу которого входила подготовка этой декларации»¹⁰⁰.

Идеальный объект стремлений, побуждает восприимчивую и чуткую к чужим страданиям личность совершать благие дела, бескорыстно помогать тем, кто пребывает в бедствиях, быть отзывчивыми на нужды других. Присутствует и причинно-следственная связь – поскольку личность не обладает подлинным предвидением и знанием того, как могут обернуться обстоятельства, и когда сам благотворитель окажется в беде, помощь придёт и к нему. Отдавая и жертвуя, благотворитель обретает себя, приобретает себе неизвестных доброжелательных друзей. Воскресный невроз, описанный Виктором Франклом, как частное проявление экзистенциального кризиса,¹⁰¹ та пустота, которую люди часто испытывают в конце трудовой недели, лишённые на два дня деятельности, облегчается пожертвованием во время церковной службы или милостыней, протянутой бедствующему. Разум может твердить, что это нелогично, но рука тянется для безвозмездного даяния. В данном контексте, благотворителя мало волнует то, что он использует или цели достигнуты лишь частично, важно получать этическое утешение от жертвенности, некий выход за рамки своей экзистенции. При этом в понимании Франкла «человека не влечёт к нравственному поведению; в каждом конкретном случае он решает совершить нравственный поступок. И человек совершает его ради дела, которому себя посвятил, ради

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Майка Ю. Социальное учение католической церкви. Опыт исторического анализа. – Рим – Люблин.: Издательство Святого Креста, 1994. – С. 347.

¹⁰¹ Франкл В. Доктор и душа. – СПб.: Ювента, 1997.

человека, которого любит, или ради своего Бога»¹⁰². Согласно такой теории, донор ищет смысл в благотворительности, потому что всякий человек стремится к поиску высшего смысла бытия. Наоборот, не имея возможности жертвовать и благотворить, донор испытывает психологическую подавленность и фрустрацию, сопровождающую экзистенциальную отчуждённость.

С.А. Замалиева, объясняя данный феномен пишет: «Виктор Франкл выдвинул гипотезу, что причиной психических фрустраций может быть подавленное стремление (воля) к смыслу. Он считал, что человек — это единственное животное, которому необходимо найти смысл, и поэтому стремление, воля к смыслу для человека более важны, чем стремление к удовольствию или власти»¹⁰³. Благотворительность становится путём поиска смысла и обретения победы над собственной эмоциональной подавленностью. В каком бы социальном контексте личность не находилась, добровольно являя благотворительность, она демонстрирует наличие внутренней свободы, непорабощённости материальным, присущей дающему. В этом смысле, отдавая мы всегда получаем, прежде всего – это ощущение собственной внутренней свободы.

Применительно к теме нашего исследования уместно вспомнить те примеры, относящиеся к самопожертвованию узников концлагерей ради счастья других, которые Франкл приводит в своих книгах. С.А. Замалиева объясняет это пониманием Франклом сущности человека так: «свобода человека как конечного существа ограничена биологическими, психологическими и социальными условиями его жизни. Но это не означает несвободу человека. Принципиальную свободу по отношению к наследственности, влечениям и обстоятельствам внешней среды ему даёт ноэтическое (духовное) измерение, в котором он всегда обладает свободой, позволяющей ему принимать решения»¹⁰⁴. Отсюда объясним факт того,

---

¹⁰² Там же. С. 242.

¹⁰³ Замалиева С.А. Основные концепты учения В. Франкла о человеке // Современные проблемы науки и образования. – 2012. – № 1. [Электронный ресурс] URL: www.science-education.ru/101-5563 (дата обращения 11.05.21).

¹⁰⁴ Там же.

что в условиях пенитенциарной системы сами заключённые оказывают благотворительную помощь тем, кто в ней нуждается.¹⁰⁵

В условиях тюрьмы человек не перестаёт быть человеком, ищущим высший смысл своей жизни. Франкл настаивает, что: «Фома Аквинский в своем “*Agere sequitur esse*” прав только наполовину: человек не только ведет себя в соответствии с тем, что он собой представляет, он также становится тем, что он есть, в зависимости от того, как он себя ведет. Человек не вещь среди других вещей – вещи определяют друг друга, – он, в конечном счете, определяет себя сам»¹⁰⁶.

Сделаем вывод, благотворительность таким образом становится не просто вовлеченностью в коллективный смысл, а делом личных экзистенциальных обязательств и вход в ноэтическую сферу духовного поиска. Жертвователю наделяет смыслом то, что он совершает для получателя благ. Своим добровольным актом он также напоминает реципиенту о его человеческой сущности, общей для жертвователя и донора. Это наделение высшим смыслом, происходящее из внутренней исполненности, а не выдающиеся заслуги благотворителя перед обществом или высокая оценка в глазах окружающих, является для донора основной интенцией благотворительности.

Вновь вернёмся к вопросу: «Какие же формы принимает благотворительность?» В современном социальном контексте, этот поиск смысла бытия может иметь многообразные благотворительные проявления и неожиданные зримые результаты. Например, волонтерство в столовой для бедных, бесплатный труд в приюте для животных или субботняя прогулка с инвалидом, волонтерское участие в работе центров реабилитации лиц, прошедших пенитенциарную систему. А. Швейцер страстно призывает каждого пожертвовать человеческий капитал для нужд ближнего: «Открой глаза и поищи, где человек или группа людей нуждается немного в твоем участии, в твоем времени, в твоем дружеском расположении, в твоем обществе, в твоем труде. Может быть, ты

---

¹⁰⁵ Речь не идёт о перераспределении средств преступного мира, но о проявлении человеческого братства и коллективизма, особенно в области, где требуется практическая помощь страдающим внутри системы.

¹⁰⁶ Франкл В. Воля к смыслу. М.: ЭКСМО, 2000.

окажешь добрую услугу человеку, чувствующему себя одиноко, или озлобленному, или больному, или неудачнику. Может быть, это будет старик или ребенок. Или доброе дело сделают добровольцы, которые пожертвуют своим свободным вечером или сходят по какому-либо делу для других. Кто в силах перечислить все возможности использования этого ценного капитала, называемого человеком!»¹⁰⁷ То есть, благотворительное пожертвование – это не только материальный ресурс, отдаваемый донором реципиенту, но также – человеческий ресурс: наше расположение, деятельное соучастие в страданиях, время и талант. Такая благотворительность доступна каждой человеческой личности. Она позволяет чувствовать себя «человеком среди других людей»¹⁰⁸.

Филантропия становится внутренней сокровенной потребностью, самопознание – самый лучший наставник в данном вопросе, там происходит открытие и встреча с истинным я и с Трансцендентным Другим. В конце концов, решение «жертвовать - не жертвовать» принимается на глубинном уровне, неподконтрольном внешним обстоятельствам. Именно там пульсирует нечто родовое, коллективное, архетипическое, прагматичность при этом почти отсутствует. Это иллюстрирует литератор Борис Слуцкий, который в конце войны застал в российской глубинке эшелон пленных итальянцев. Они страдали от жажды и меняли обручальные кольца на снег и воду. Советский боевой офицер Слуцкий с детальной точностью описывает свой благотворительный поступок и его внутреннюю сущностную мотивацию¹⁰⁹:

«А я был в форме, я в погонах был
И сохранил, по-видимому, тот пыл,
Что образован чтением Толстого
И Чехова, и вовсе не остыл.
А я был с фронта и заехал в тыл

¹⁰⁷ Швейцер А. Благоговение перед жизнью: Пер. с нем. / Сост. и посл. А.А. Гусейнова; Общ. ред. А.А. Гусейнова и М.Г. Селезнева. — М.: Прогресс, 1992. С. 225.

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ в стихотворении «Бесплатная снежная баба»

И в качестве решения простого
В теплушку – бабу снежную вкатил». ¹¹⁰

Несомненно, это филантропический акт, который достоин нашего внимательного рассмотрения. В этом эпизоде мы видим разумное проявление милосердия, которое стало следствием полученного автором образования, благого влияния на его внутренний мир книг классиков русской литературы.

Благодетель обращает внимание, на общественный контекст своего поступка:

«Гуманность по закону, по конвенции
Не применялась в этой интервенции
Ни с той, ни даже с этой стороны.
Она была не для большой войны». ¹¹¹

Автор указывает и на личную интенцию деяния:

«Я заслужил признательность Италии,
Её народа и её истории,
Её литературы с языком.
Я снегу дал. Бесплатно. Целый ком». ¹¹²

Сознание автора поэтического произведения устремлено к идеальному историческому образу Италии и Рима, за которым блекнет преступление фашизма малой части ее сынов. Офицер совершает поступок, исходя из внутреннего самосознания, соотносит себя с европейской цивилизацией, русскими классиками, гуманистическими традициями. Благотворительный акт несомненно является актом самопознания, это «инстинктивное благоговение перед жизнью»¹¹³, которое подавляет всякий пессимизм. Что пожертвовал советский офицер пленным итальянцам? Ответ с одной стороны очевиден, с другой стороны требует пояснения. Снег, который он даёт жаждущим узникам – не самое главное

¹¹⁰ Случкий Б. Записки о войне. Стихотворения и баллады. – СПб.: «Logos», 2000. — С. 261.

¹¹¹ Там же.

¹¹² Там же.

¹¹³ Швейцер А. Культура и этика/Пер. с нем. Н.А. Захарченко, Г.В. Колшанский. – М: Прогресс, 1973. — С. 562.

благодаяние. Гораздо более важна – манифестация *человека человеку* и утверждение себя как человека в сознательном акте благотворительности.

В.С. Соловьёв своей работе «Оправдание добра» (1897) выделяет три жизненных нравственных способности человека – стыд, жалость и благоговение. Отношение к другим людям выражается в жалости, сострадании и сопереживании. Эти же чувства проявляются и ко всем живым существам, а по отношению к высшему бытию человек испытывает подлинное благоговение, это «индивидуально-душевный корень религии». Жалость по Соловьёву – это «симпатическое чувство, в котором выражается этическое отношение человека не к низшей природе (как в стыде), а к подобным ему живым существам. Жалость не может быть результатом человеческого прогресса, так как существует и у животных»¹¹⁴.

Согласно Соловьёву, многочисленные богословские добродетели не могут сами по себе являться безусловными. Эти добродетели приобретают настоящее нравственное значение и ценность по отношению к предмету своего практического применения, а также – в соотношении с первичными моральными основами. Милостыня основана на любви и жалости.

Применительно к нашему предмету исследования можно утверждать, что настоящая благотворительность основана на сострадании и признании ценности человеческой жизни, именно здесь она имеет точку пересечения с пенитенциарной системой, которая внешне выглядит не полем для мести, но пространством ужаса, пугающе и отталкивающе, хотя это всего лишь временное вместилище страждущего и нуждающегося в сострадании человека. Ведь «внутренним основанием нравственного отношения к другим существам (независимо ни от каких метафизических теорий) может быть только жалость, или сострадание, а не сорадование, или сонаслаждение»¹¹⁵.

---

¹¹⁴ Соловьёв В.С. Оправдание добра / Отв. ред. О. А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, Алгоритм, 2012. С. 36-37.

¹¹⁵ Там же. С. 39.

Самый ценный капитал благотворителя – сам человек. В определённом смысле это не только сострадание и жалость к нему, но признание его права на жизнь. Как это объясняет Соловьёв: «Истинная сущность жалости не есть простое отождествление себя и другого, а признание за другим собственного (ему принадлежащего) значения – права на существование и наибольшее благополучие»¹¹⁶. Альтруизм соответствует правде и желает лучшего для своего ближнего. В этой системе логично соединены справедливость, требующая воздаяния за проступки, и милосердие, которое Соловьёв понимает, как помощь, они проистекают из альтруизма. Философ утверждает, что нельзя противопоставлять справедливость и милосердие. Напротив, в мире имеется: «Два правила – справедливости (никого не обижать) и милосердия (всем помогать), вытекающие из принципа альтруизма»¹¹⁷. Таким образом, благотворительность проистекает также из альтруизма, и является нравственным приложением веры, признавая в любом человеке право на жизнь и существование без мучения и истязания. Иоанн Павел II¹¹⁸ также говорит о том, что противоречия между милосердием и справедливостью наказания нет. В милосердии сокрыта суть справедливости, поскольку она наделяет справедливость деятельным прощением.

Некоторое созвучие мы видим и в идеях А. Швейцера, к которым ещё вернёмся в нашем исследовании. А. Швейцер призывно говорит: «Поэтому поищи, не найдешь ли ты применения своему человеческому капиталу. Не пугайся, если вынужден будешь ждать или экспериментировать. Будь готов и к разочарованиям. Но не отказывайся от этой дополнительной работы, которая позволяет тебе чувствовать себя человеком среди людей»¹¹⁹.

А.С. Панарин в своей книге «Православная цивилизация в глобальном мире»¹²⁰ задачу которой он видит в том, чтобы «оценить соответствующий

---

¹¹⁶ Там же. С. 40.

¹¹⁷ Там же.

¹¹⁸ Папа Иоанн Павел II. Бог, богатый милосердием. *Dives in misericordia*. Энциклика о Божьей любви к человеку. [Электронный ресурс] URL: <http://krotov.info/acts/20/voityla/19801130.html> (дата обращения: 31.05.2021).

¹¹⁹ Швейцер А. Благоговение перед жизнью: Пер. с нем. / Сост. и посл. А.А. Гусейнова; Общ. ред. А.А. Гусейнова и М. Г. Селезнева. – М.: Прогресс, 1992. С. 225.

¹²⁰ Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. М.: Эксмо, 2003.

потенциал российской цивилизации, коренящейся, в частности, в ее православном архетипе»¹²¹, подробно рассматривает механизм и аксиологические основы дарения. Панарин так описывает благотворительный дар: «здесь вещь воспринимается во всей ее субстанциальной неповторимости, в нерасторжимо интимной связи с личностью дарителя»¹²². Торговля создаёт лишь мгновенные связи и неустойчивые отношения между людьми, а дарение ведёт к устойчивым отношениям, к братству, не основанному на выгоде или прибыли. Наоборот, в системе индивидуализма человек теряет смысл во всех видах деятельности, как только перестаёт одаривать ближнего. Социальные стороны дарения очевидны: «Брак, семья, воспитание детей, вдохновение мэтров, обращенное к учащейся молодежи, отношения мужчин и женщин, отношения к престарелым, инвестиции в будущие поколения – все это получает печать откровенной и пагубной профанации, как только утрачивает хоть какую-то соотнесенность с парадигматикой дарения и отдаривания, движения даров по вертикали и горизонтали, во времени и в пространстве»¹²³. Панарин пишет, что в архаических цивилизациях люди дарили друг другу вещи, чтобы связать себя с ними тесными и укрепляющими дружбу связями.

Панарин задаёт вопрос о природе подарка и сам же на него отвечает: «Чем же даруемая вещь отличается от продаваемой? В первую очередь своей уникальностью. При развитой (всеобщей) форме меновой стоимости природная субстанциальность обмениваемой вещи, ее телесная специфика не имеет никакого значения, равно как и специфика ее первоначального владельца (производителя и продавца)»¹²⁴. Человек имеет природную способность дарить. Дарение проявляется с самого рождения человека, охватывает многочисленные «архетипы дарения»¹²⁵, такие человеческие капиталы как: семья, образование, деятельность. Мать дарит ребёнку себя, кормит всю семью, отец обеспечивает жену и детей, пожилые люди

---

¹²¹ Там же.

¹²² Там же. С. 29.

¹²³ Там же. С. 32.

¹²⁴ Там же. С. 20.

¹²⁵ Термин, который А.С. Панарин применяет для описания феномена дарения в историческом и социальном контексте

также находят защиту и помощь в общем доме. Несколько поколений поддерживают коллективный быт в кругу семьи, имеют общие интересы, ценности, понимание ответственности и дарения себя для другого. Дарение созидательно, оно соединяет и становится проявлением *человека для человека*.

Из семейной сферы дарение распространяется на сферу общественную. Панарин подробно объясняет исторически контекст дарения. В архаических цивилизациях люди дарили друг другу вещи, чтобы связать себя с ними тесными и укрепляющими дружбу связями, не ради выгоды или прибыли. В древнем Китае и в эпоху Средневековья вельможи одаривали вассалов дарами, которые укрепляли моральные и дружеские связи. Однако и сам вельможа также чувствовал свою одаренность. Последствие благотворительности видится Панариным в её космической перспективе: «Дар пробуждает в нас не только социальное чувство благодарности и признательности, но и космическое чувство причастности к миру. Ведь и сам даритель в этой вселенной никогда не воспринимается как конечная инстанция или первичный владелец вещей. Он сам получил их в дар - от богов, от космоса, от вышестоящего лица, от собственных предков»¹²⁶. В кризисе находится и современное общество «...отбивающее у людей охоту и способность к дарению, с “либеральной” агрессивностью выкорчевывающее саму установку дарения в качестве признака “чуждого менталитета”, рискует растратой самого главного: готовности людей дарить плоды своего усердия, таланта, вдохновения миру, способному отдаривать»¹²⁷. Философ заключает, что в основе русской общинности находится не торговля и индивидуальные интересы, а масштабная идея о человечестве как о большой и любящей семье во Христе. В результате появляется общее мировоззрение в основании которой лежит архетип дарения. Каждый человек – член этой семьи, воспринимающий другого человека как Божий дар, и распространяющий свои дары для других.

Для нашего исследования важно подчеркнуть мысль А.С. Панарина, что благотворительность имеет не только пользу для другого, а также – для

---

¹²⁶ Там же. С. 31.

¹²⁷ Там же.

филантропа, что не самое важное для русского менталитета, но подразумевает – космическую вневременную соотнесённость процесса благотворительности. Панарин объясняет свою мысль так: «Даримая вещь не только навсегда сохраняет аромат личности дарителя и аффицирует, таким образом, наши чувства обязанности и признательности. Она обладает одновременно и свойствами космической соотнесенности. Дело в том, что дар никогда не воспринимался как счастливый случай, как выигрыш в рулетку, как азартная игра отщепенской личности. Дар пробуждает в нас не только социальное чувство благодарности и признательности, но и космическое чувство причастности»¹²⁸. Более того, для русского человека вопрос выгоды или пользы благотворительности отступает на задний план, поскольку его мышление не сведено к экономически формализованным.

Обобщая выводом вышесказанное, отметим, что «благотворительность – это не только личная жертва: средств, навыков, времени или ресурсов, но отдача себя, демонстрация того, что жертвователю не связан рамками материального, но постоянно выходит за их пределы»¹²⁹, уход из области своего обладания, себялюбия и эгоизма. Благотворительность – это также один из видов социальной каритативной деятельности¹³⁰, в которой человек раскрывает себя и свою человечность в другом. Несмотря на то, что до сих пор не имеется точного и всеобъемлющего определения понятия благотворительности, и ряд учёных говорит о необходимости определиться с терминологией в данной области, стоит отметить, что в акте благотворительной деятельности именно человек раскрывает свой альтруизм, сущностную потребность быть *человеком для другого человека*. Исходя из этого, стоит рассматривать благотворительность в её историческом, культурном и социальном контекстах.

---

¹²⁸ Там же. С. 30.

¹²⁹ Пирогов А.А. Толерантность и конфликт в условиях межрелигиозного пенитенциарного взаимодействия // Конфликтология. Том 15 № 1, 2020. Четвертьный научно-практический журнал, СПбГУ. С. 132-143 [Электронный ресурс] URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42869768> (дата обращения: 06.02.2021)

¹³⁰ Основанной на милосердии. Термин происходит от латинского *caritas* – милосердие, жертвенная любовь.

1.2 Благотворительность как феномен в социальном, историческом и культурном контекстах

Благотворительность как феномен в социальном, историческом и культурном контекстах приобретала различные формы, также видоизменялось и само философское понятие «благотворительность». Понимание этих процессов помогает определить место и формы благотворительности в современном мировоззрении и обществе, а также механизм воздействия благотворительности на формирование пенитенциарной системы. Каждому этапу соответствуют свои идейные основы, исторический и социально-культурный контекст. Перейдем к их последовательному рассмотрению.

Следует заметить, что на первом этапе¹³¹ традиционное представление о благотворительности тесно связано с личной жертвенностью, любовью и милосердием, дружбой и взаимопомощью. Она носит преимущественно деятельный субъект-субъектный характер, либо субъект-субъект-объектный характер.

Говоря о проявлении милосердия, А.А. Гусейнов и Р.Г. Апресян соотносят с Пятикнижием Моисея и видят там проявление милосердия Бога прежде всего по отношению к определённому народу, являющемуся объектом справедливого милосердия. Авторы уточняют, что «Идея милосердия в ней выражена крайне слабо, а если иметь в виду милосердие в его евангельском понимании, то и вовсе отсутствует. Говоря точнее, милосердие в ветхозаветной этике не обрело самоценного значения, оно существует в связи со справедливостью, выступает как особая ее форма»¹³². Милосердие сочетается со справедливостью судьи, а

---

¹³¹ Этот этап можно условно обозначить как этап традиционной личной благотворительности. Милостыня была не единственным средством благотворительности. Можно вспомнить также различную материальную помощь, раздаваемую римскими императорами на регулярной основе гражданами по случаю праздников.

¹³² Гусейнов А.А., Апресян Р.Г. *Этика: Учебник.* — М.: Гардарики, 2000. — С. 55.

разрешается во гневе. Однако, авторы указывают на фрагмент, позволяющий говорить также о том, что благотворительная помощь распространялась также на иноплеменных пришельцев, сирот, вдов¹³³. Стоит отметить, что данную мысль мы также встречаем у В.И. Соловьёва: «Милосердие предполагает справедливость, а справедливость требует милосердия, это только различные стороны, различные способы проявления одного и того же»¹³⁴. Соловьёв соотносит это именно с Ветхим заветом, где слово *цедек* – справедливый, а производное от этого слова – благотворительность. В этом смысле нам важно подчеркнуть, что тему милосердия в Пятикнижье Моисея стоит рассматривать в концептуальной взаимосвязи с книгами ветхозаветных пророков и Новым заветом, где она раскрывается полностью.

Примером милосердной деятельной жертвенности в христианстве является Христос, который в религиозной литературе и богослужебных текстах нередко именуется Солнцем Правды¹³⁵. Связи с этим писатель и историк А.В. Амфитеатров видит в раннем христианстве отзвуки митраизма, а в образе солнца находит некоторую практическую пользу. Прозелит легче переходил к христианскому мировоззрению, если «слышал, что Христос есть солнце правды, неугасимый свет, сияние вечной красоты. Свет, который во тьме светит...»¹³⁶. При помощи символа, указывающего на некоторую реальность, происходит контекстуализация христианства применительно к окружающей социальной и культурной среде. По выражению Э. Дюркгейма «без символов социальное сознание может иметь только непрочное, случайное существование»¹³⁷. Символ солнца также соединяет личность с иной реальностью, находящейся вне человеческого мира. В некотором

¹³³ См.: Исх., 22:21—23. Библия, Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Издание Московской Патриархии, 1988.

¹³⁴ Соловьёв В.С. *Оправдание добра* / Отв. ред. О.А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, Алгоритм, 2012. — С. 181.

¹³⁵ См. Иоанн Кронштадтский. *Солнце правды. О жизни и учении Господа нашего Иисуса Христа*. — М: Отчий дом, 2010.

¹³⁶ См. Амфитеатров А. В. *Рождество «Непобедимого Солнца»* // *Старое в новом*. — СПб.: Тов. «Общественная польза», 1907. С. — 72.

¹³⁷ Дюркгейм Э. *Коллективный ритуал* // *Религия и общество: хрестоматия по социологии религии* / сост. В.И. Гараджа, Е.Д. Руткевич. — М.: Аспект Пресс, 1996. С. 439.

смысле это символ призыва к деятельному милосердию, благотворительности не только для членов своей общины, но для всех людей, вне зависимости от их отношения к личности донора или вере, которую он исповедует¹³⁸. В контексте христианства личная благотворительность субъекта основана на любви, стремлении к добру как наилучшему этическому выбору, самоотдаче и безвозмездной жертве в пользу объекта. Она напоминает солнечный свет, сияющий для злых и добрых людей¹³⁹. Такая благотворительность исходит из искренней любви доноров к идеалу, становится знаком приверженности ему и ориентирована на круг как относящихся к общине, так и находящихся за её пределами. Посредником-субъектом для благотворительности в сторону нуждающегося лица-объекта может выступать как Церковь, так и братская община единомышленников. Согласно теории Дюркгейма: «социальный феномен рождается не в индивидах, а в группе. Какое бы участие мы не принимали в его возникновении, каждый из нас получает его извне»¹⁴⁰.

Христианская благотворительная деятельность использует как личный ресурс, так и ресурс общины единомышленников, что хорошо видно в диаконическом служении первоапостольского времени, возложенной на избранных диаконов заботе о вдовах и сиротах¹⁴¹. В задачи диаконов в первохристианской общине сначала входило попечение о пропитании многочисленных последователей. К благотворительному служению привлекались не только мужчины, но также и женщины-диакониссы¹⁴², что говорит о вовлеченности в процесс даяния всех людей, вне зависимости от пола, нации и происхождения.

¹³⁸ Образ восходящего солнца использует Папа Франциск в своей Энциклике, подчёркивая в современном мире универсальность призыва к милосердию См.: *Папа Римский Франциск. Энциклика. Fratelli tutti. О братстве и социальной дружбе.* Москва, Издательство Францисканцев, 2021. С. 39

¹³⁹ Символ, например, используется в Нагорной проповеди Иисуса Христа (Евангелие от Матфея 5: 44-46. Библия, Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Издание Московской Патриархии, 1988).

¹⁴⁰ *Дюркгейм Э. Коллективный ритуал // Религия и общество: хрестоматия по социологии религии / сост. В.И. Гараджа, Е.Д. Руткевич. – М.: Аспект Пресс, 1996. С. 440.*

¹⁴¹ См. Деяния апостолов 6:1-6. Библия, Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Издание Московской Патриархии, 1988.

¹⁴² Словом «диакон» [греч. δίακονος - служитель], соответственно – «диаконисса» [греч. διακόνισσα, также διάκονος с артиклем или иным показателем жен. рода] это женщина – служительница. Так в ранней христианской церкви обозначалась особая вспомогательная форма церковного служения. В новозаветной литературе имеются многочисленные упоминание о диаконах (избрание семи диаконов: Деяния Апостолов 6:2-6), а также о диакониссе церкви Кенхрейской Фиве, имеется упоминание в послании апостола Павла к Римлянам 16:1. Библия, Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Издание Московской Патриархии, 1988.

Происходит зарождение целых групп, занимающихся благотворительностью. Такую благотворительность почти не останавливает отсутствие зримых миссионерских результатов или ответной взаимности, которая лишь изредка выражается в благодарности или принятии христианского учения реципиентами помощи.

Концептуально в христианской традиции акт традиционной благотворительности соотносится с категорией Абсолютного блага. Кроме того, подчёркивается социальная функция частной собственности больше, чем её неприкосновенность. Святой Иоанн Златоуст достаточно категорично напоминает, что «не давать бедным часть своих благ – значит красть у бедных, лишая их самой жизни; то, чем мы владеем, принадлежит не нам, а им»¹⁴³. Принципом этико-социального порядка провозглашается всеобщее пользование людей созданными Богом благами, а богатство и предпринимательские способности «должны быть чётко ориентированы на развитие других людей и преодоление бедности»¹⁴⁴. В такой системе земные блага имеют общее предназначение, а частная собственность подчиняется этому всеобщему предназначению. Метафора солнца видится нам наиболее уместной для пояснения характера процесса даяния. Лучи небесного светила достигают всех людей без исключения, как добрых тружеников, так и закоренелых преступников. Безвозмездное даяние напоминает о Христе, бескорыстно дарующем всем свою жертвенную любовь, адресует к характеру и природе Солнца Правды. Это напоминание о всеобщем характере созданных благ, доступности их для каждого человека вне зависимости от его пола, национальности, расы или принадлежности к религии.

П.И. Георгиевский упоминает, что одна из первых форм традиционной благотворительности – милостыня¹⁴⁵. Она как взаимопомощь появилась у евреев

¹⁴³ Цит. по: *Папа Римский Франциск. Энциклика. Fratelli tutti. О братстве и социальной дружбе.* Москва, Издательство Францисканцев, 2021. С. 68.

¹⁴⁴ Там же. С. 69-71.

¹⁴⁵ *Георгиевский П.И. Призрение бедных и благотворительность.* СПб.: Тип. Мор. м-ва, 1894.

Работавший в период изменяющегося законодательства об общественном призрении автор, указывает в своей научной работе на успехи в этой области государственного деятеля и филантропа, а именно – К.К. Грота (1815-1897 гг.), также упомянутого нами в исследовании. К.К. Грот преимущественно занимался системой попечения над

ещё в ветхозаветные времена и распространялась на всех нуждающихся, а в языческом мире лишь гражданин имел право рассчитывать на какую-либо поддержку, а правом получать хлеб пользовались лишь лица, занесённые в специальные списки нуждающихся лиц¹⁴⁶. Автор упоминает и тот факт, что Сенека и Цицерон считают жалость малодушием и слабостью характера, а Гораций подвергает осмеянию «грязную бедность»¹⁴⁷. Наконец, Георгиевский утверждает, что «перед наступлением христианской эры, господствующим был эгоизм, — проповедь христианства требует пожертвования всего, даже — жизни, на пользу другим»¹⁴⁸. Напротив, В.С. Соловьёв указывает, что в языческом мире имелось проявление милосердия, в частности Корнилий, упомянутый в X главе книги Деяний апостолов раздавал много милостыни и был за это услышан Всевышним¹⁴⁹. П.И. Георгиевский упоминает, что в дальнейшем христианская благотворительность переживала как взлёты, связанные с филантропическим примером поведения монархов и подвижников, так и падения, отличавшиеся формализмом подходов. Автор резюмирует, что «уже не помощь начинает считаться добрым, угодным Богу делом, но само пожертвование, жертва, приносимая дающим, лишение им себя известной доли материальных благ»¹⁵⁰. Далее во многих европейских государствах сложилась система, когда в пользу бедных стали собирать определённый налог¹⁵¹. Это не упраздняет личной и коллективной форм благотворительности, которая согласна нравственным законам должна производиться щедро и от души.

Осуждение слепой, бездушной благотворительности встречается также и в иудейской традиции: «Благодеяние — свеча, но свеча не светит пока её не

слабовидящими и слепыми, а также — совершенствованием института государственного социального обеспечения нуждающихся.

¹⁴⁶ Георгиевский П.И. Призрение бедных и благотворительность. СПб.: Тип. Мор. м-ва, 1894. С. 5-12.

¹⁴⁷ Там же. С. 5.

¹⁴⁸ Там же. С. 6.

¹⁴⁹ Соловьёв В.С. Оправдание добра / Отв. ред. О.А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, Алгоритм, 2012. — С. 605.

¹⁵⁰ Георгиевский П.И. Призрение бедных и благотворительность. СПб.: Тип. Мор. м-ва, 1894. С. 7.

¹⁵¹ Во Франции такой налог собирают с XVI века, с этого же времени в Англии действует закон, принуждающий работать тунеядцев, налоги здесь идут на «рабочие дома».

зажгут...Благодеяние без чувства – мертво...труп... Руки подали милостыню, уста произнесли хвалу Господу, ноги вели в дом молитвы, но душа в этом не участвовала...Чувства не доставало! Не зажгли свеч! А нет света, нет и радости... И люди творят добрые дела, а ходят печальные...»¹⁵². Иными словами, благотворительность не только сама материальная жертва, но особое состояние человека.

Стоит отметить вывод, что традиционная форма благотворительности изначально исходит от потребности любой личности в общении, а также – в глубинном побуждении явить нуждающемуся лицу любовь и сострадание. Эта концепция благотворительности (филантропия, милостыня, пожертвование и прочие) в общественном сознании также прочно связано с Абсолютным моральным благом, милосердием и безвозмездным даянием. Мы не склонны соотносить каждое проявление благотворительности с религиозностью или человеколюбием, природу феномена надо также искать в общении, в котором испытывает потребность любая личность вне зависимости от возраста, пола или общественного статуса. Акт благотворительности уподобляет личность жертвователя Трансцендентному Другому, который снисходит для благого даяния к несчастному, трагически потерявшемуся на границе существования. В этом контексте отказ от Абсолютного блага выглядит безнравственным поступком, выбором зла, которое представляется недостатком добра. Таким образом, становится понятным императив Иоанна Златоуста, его призыв к личной жертвенности, исходящей из внутренней установки и жизненных принципов. Ведь, не благотворить – значит красть, то есть становится несчастливый, не стремиться к трансцендентному Творцу, а упрямо соотносить себя с материальным и тленным. Моральное благо в любых социальных условиях стремится к расширению границ добра, устранению его недостатка. Невозможно, оставаясь моральным, пройти мимо попавшего в беду человека, не накормить голодного, не оказать помощь больному, не напоить жаждущего. Жертвователь в процессе добровольного

---

¹⁵² *Перец Л.И.* Хасидские рассказы. СПб.: Север-запад Пресс, 2004, С. 94-95.

подавания, пусть – на краткий миг, становится монархом, творящим милость и распространяющим благо. Это религиозный и сакральный акт временного или постоянного восстановления справедливости, самопознания и обретения себя настоящего в даянии нуждающемуся человеку. Идеальный традиционный благотворитель – это Король-Солнце в пьесе Жана-Батиста Мольера «Тартюф». Монарх появляется своевременно, в экстремально опасный момент, его миссия – масштабная помощь, справедливое и мудрое восстановление всего разрушенного и поруганного. Он не просто создаёт новый порядок и материальную основу, но главное – возвращает веру людей в высшую справедливость, направляет их взоры к Трансцендентному¹⁵³.

Прочитируем фрагмент пьесы «Тартюф»¹⁵⁴, иллюстрирующий эту мысль:

«Он, прозорливостью великой одаренный,
 На всё бросает взгляд прямой и неуклонный;
 Он увлечения не знает никогда,
 И разуму его несдержанность чужда.
 Заслуженных людей он славой украшает,
 Но рвение благих его не ослепляет,
 И вся любовь к добру не заглушает в нём
 Ни отвращения, ни гнева перед злом»¹⁵⁵.

Можно выделить также традиционную общинную благотворительность, которая объединяет людей разных групп для совместного социального действия. В такой общине филантропия не является делом или прерогативой отдельных состоятельных членов, но всех, вне зависимости от материального положения и сословия. Благотворительность имеет дисциплинирующую функцию, поскольку уравнивает жертвователей разного материального уровня, рождает чувство общей

¹⁵³ Пирогов А.А. Трансформация понятия благотворительности в условиях постинформационного общества // Философская аналитика цифровой эпохи: сб. науч. статей / отв. ред. Л.В. Шиповалова, С.И. Дудник. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2020. – 252–269.

¹⁵⁴ Цит. по: Мольер Ж.Б. Тартюф, или Обманщик: [Комедия]. Скупой: [Комедия]: Пер. с фр./ Ж.Б. Мольер. Мещанин во дворянстве: [Комедия-балет]: Пер. с фр./ Ж.Б. Мольер/ Пер. М.Л. Лозинский. - СПб.: Лениздат, 1996. С. 222.

¹⁵⁵ Там же.

сопричастности к делу воспитания нового человека и создаёт воодушевляющее ощущение значимости акта милосердия. В процессе благотворительной деятельности происходит формирование взаимообогащающих и доверительных отношений между личностями, мобилизация общих стремлений, манифестация значимых для общины этических ценностей, что служит достижению стойкого положительного социального резонанса.

Современным примером такой формы благотворительной деятельности является международное общество «Caritas Internationalis» (Каритас), которое существует в 198 странах мира. Оно привлекает средства как крупных, так и мелких доноров по всему миру, оказывает помощь всем нуждающимся без исключения, вне зависимости от их национальной или религиозной принадлежности. Миссионерская деятельность, которая зачастую сопровождает благотворительные проекты радикальных религиозных групп, уходит на второй план, тогда как приоритетной задачей «Каритас» видится конструктивное решение актуальных социальных проблем общества. Деятельность католической церкви в России ведётся в приоритетном направлении, которым является благотворительность, а первой церковной структурой в Москве стал «Каритас»¹⁵⁶. Данный факт имеет широкий резонанс в социальной среде, что создаёт положительный имидж организации и позволяет привлекать к благотворительности значительные финансовые средства из других фондов, нередко получая поддержку со стороны государства¹⁵⁷.

Упоминание данной организации видится нам уместной, поскольку в её названии присутствует латинское слово *caritas*, означающее «милосердие, жертвенную любовь». Оно и сегодня является ключевым в рассмотрении темы традиционной благотворительности¹⁵⁸, как личном, так и в общественном аспектах.

¹⁵⁶ Антонини Б. Почему я люблю Россию. – М.: Издательство Паолине, 2002. С. 104-105.

¹⁵⁷ Гомульский Л.А. Каритас // Католическая энциклопедия. – М.: Издательство францисканцев, 2005. — Т. 2: И—Л. — С. 808 — 813.

¹⁵⁸ Стоит отметить, что в последней Энциклике Папа Франциск использует именно эту аналогию, для объяснения таких этических категорий как: благо, зло, справедливость и т.д. В начале этого текста на примере притчи о милосердном самарянине рассматривается действенное проявление милосердия в современном мире,

Например, появились и широко используются в научной литературе иностранные понятия «каритативная деятельность» и «каритативные институты»¹⁵⁹, означающие церковные структуры, осуществляющие социальную деятельность, основанную на милосердии: братства, сестричества, диаконию и т.п. Таким образом, милостыня представляется как деятельное проявление милосердия. Напомним, что философ В.И. Соловьёв соотносит милостыню с религиозным чувством и молитвой: «Первое сосредоточенное деятельное выражение религиозного чувства, или благочестия, его дело по преимуществу есть молитва; такое же дело жалости есть милостыня»¹⁶⁰. То есть, для верующего и первое, и второе дело являются безусловным проявлением его натуры, стремящейся к Богу.

Неужели нецерковная благотворительность лишена милосердия? На этот вопрос мы не можем ответить утвердительно. Возможно, употребление иностранных заимствований ещё раз свидетельствует о том, что современный язык благотворительности не может полностью отразить философскую и социальную сущность происходящих в этой сфере процессов, постоянно требуется обновление лексикона, уточнение понятий и контекстов. Благотворительность требует всестороннего осмысления, а милосердие при всей своей многомерности – это не только теологическое и религиозное понятие, но также социальное, культурное, одна из категорий философского познания, имеющая взаимосвязь с другими.

Несомненно, тема милосердия, любви и жертвенности является центральной в христианском понимании благотворительности и возводит нас к Евангелию от Луки, притче о Милосердном самарянине¹⁶¹. В рамках исследования мы не станем заниматься подробной экзегезой фрагмента, однако упомянем, что в данном контексте благотворительность является синонимом милосердия. Более того, вне

рассматриваются все стороны его проявления. См.: *Папа Римский Франциск. Энциклика. Fratelli tutti. О братстве и социальной дружбе.* - Москва. Издательство Францисканцев, 2021.

¹⁵⁹ Царенкова Е.А. Поиск новых философско-антропологических парадигм (к вопросу о милосердии) / Е.А. Царенкова; Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону ; Таганрог : Южный федеральный университет, 2017. – С. 7-8.

¹⁶⁰ Соловьёв В.С. Оправдание добра / Отв. ред. О.А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, Алгоритм, 2012. – С. 604.

¹⁶¹ См. Евангелие от Луки 10:25-37. Библия, Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Издание Московской Патриархии, 1988.

теологического контекста трудно описать сущность милосердия как центра христианской жизни. Деяние сопряжено с личной помощью и расходом собственных средств. Такая благотворительность побеждает человеческий пессимизм, поскольку включает в себя «инстинктивное благоговение перед жизнью»¹⁶². Это не только личная жертва, но манифестация того факта, что донор не скован узами материального и тварного. Папа Иоанн Павел II поясняет, что одна из причин страдания человека исходит из-за неучастия в благом деянии: «Христианство учит, что жизнь суть добро, что сущее есть добро; оно исповедует доброту Творца и учит, что творения суть благие. Человек страдает из-за зла, которое является неким недостатком, ограничением, повреждением добра. Можно было бы сказать, что человек страдает по причине добра, в котором он не участвует, которого в каком-то смысле лишен или сам себя лишил»¹⁶³. Человек призывается к активной социальной благотворительности, подобной миссии «доброты самарянина», которая «может также определяться как апостолат...»¹⁶⁴. Современная благотворительная деятельность представляется обязанностью каждого прихожанина, по функции близкой апостольской, избирая бедных и больных своим объектом. Также вводится понятие *социальное милосердие*, которое представляет собой движение к социальному и политическому порядку, основанному на любви и общечеловеческом братстве. Благотворительность становится возможностью для христиан проявить свою веру в различных социальных сферах, а также – политике, которая «является высочайшим призванием, одной из самых драгоценных форм милосердия, так как стремится к общему благу»¹⁶⁵.

Важно вновь отметить, что объектом благотворительности является именно человек, который страдает и нуждается в помощи. Благотворительность не только

---

¹⁶² *Ортега-и-Гассет Х.* Этюды о любви/Пер. с исп. В.Е. Багно. – СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2003. — С. 562.

¹⁶³ *Иоанн Павел II.* Христианский смысл страдания: Апостольское послание *Salvifici doloris*. – СПб: Издательство святого Петра, 2001. – С. 8.

¹⁶⁴ Там же. С. 43.

¹⁶⁵ *Папа Римский Франциск.* Энциклика. *Fratelli tutti.* О братстве и социальной дружбе. - Москва, Издательство Францисканцев, 2021. С. 103-104.

забота о материальной составляющей благодеяния, но исходящая из стремления к благу «забота о самом ценном, наилучшем для других: о достижении ими зрелости, о росте и здоровой жизни, о реализации ценностей, а не только о материальном благополучии»¹⁶⁶. Она исходит из сильного желания блага другим людям и всему человечеству, склонности к доброте. При этом человек, являющийся объектом благотворительности, рассматривается во всей своей метафизической полноте, а социальная любовь «прокладывает дорогу к цивилизации любви – нашему общему призванию. Милосердная любовь с её вселенским устремлением может построить новый мир, потому что это не бесплодное чувство, а наилучший способ достичь эффективных путей развития для всех»¹⁶⁷. Метафизический центр переносится за пределы собственного существования, таким образом, человек обретает себя, ища совершенной любви, действия источника милосердия. Парадоксально и то, что человек теряет себя для обретения, приобретая также собственный эмпирический опыт познания практической истины. На первый взгляд это выглядит как некая утопия, но стоит учесть тот факт, что эти идеи находили и находят своё воплощение¹⁶⁸. Упоминание в качестве примера «Каритас» видится нами уместным ещё и потому, что деятельность этой благотворительной организации в России наглядно иллюстрирует принцип экуменического сотрудничества и кооперации в делах милосердия.

Идейный вдохновитель «Каритас» в России монсеньор Бернардо Антонини отмечает два принципа, которые позволили организации успешно осуществлять свою благотворительную деятельность: «работа ведётся в сотрудничестве с православными (они есть как среди добровольцев, так и среди сотрудников); организация получила широкое распространение – офис в Москве положил начало федерации, охватившей европейскую и азиатскую части России»¹⁶⁹. Как мы видим, традиционная благотворительность отличается широтой размаха, выходит за

---

¹⁶⁶ Там же. С. 64-65.

¹⁶⁷ Там же. С. 105.

¹⁶⁸ И не только у представителей христианских конфессий, о чём будет упомянуто далее.

¹⁶⁹ Антонини Б. Почему я люблю Россию. – М.: Издательство Паолине, 2002. С. 105.

конфессиональные рамки и вовлекает те личности, кто не может безразлично лицезреть социальные проблемы¹⁷⁰, практика её анализируется в завершении исследования.

В этой связи очень важно отметить в качестве уравнивающего примера деятельность святителя Тихона Московского в американский период служения (1898-1904 гг.). В 1867 году Аляска была продана США, много её жителей вернулось на родину в Россию. В 1898 г. епископ Тихон был переведён на служение в Америку, где к тому времени оставались не только русские прихожане, но также и многочисленные храмы, школы, братства. Русский епископ в США немедленно взялся осуществлять не только духовную, но и благотворительную деятельность. Его усилия и старания были направлены не только к соотечественникам, но и к представителям других национальностей, в частности: украинцам, венграм, а также к коренному населению Аляски – алеутам. Он усердно занимается помощью пострадавшим от эпидемии, оказывает поддержку всем тем, кто нуждался в помощи. Епископ Тихон занимался организацией школ, братств и выделял личные средства для благотворительности¹⁷¹. Во-первых, это иллюстрирует многообразие социальных форм традиционной благотворительности. Во-вторых, её универсальный интернациональный и межкультурный характер. Вектор направленности практической благотворительности – человек в беде.

Однако тот факт, что благотворительность относится к области практической нравственности, тесно связанной с религией, неоднократно оспаривалось. Этот тезис, например, ставил под сомнение Д. Дидро¹⁷², когда описывал высокую нравственность слепого из Пюизо, питающего отвращение к преступлениям. Дидро объясняет происхождение этой нравственности природной организацией: «состояние наших органов и наших чувств оказывает большое влияние на нашу метафизику и нашу нравственность и что наши наиинтеллектуальнейшие, если я

¹⁷⁰ Там же. С. 107.

¹⁷¹ Американский период жизни и деятельности святителя Тихона Московского: 1898-1904 гг./ сост. А.В. Попов. – СПб.: Сатис, 2011.

¹⁷² Дидро Д. Избранные философские произведения. — М.: Огиз, 1946. С. 11.

смею так выразиться, идеи тесно связаны с организацией нашего тела»¹⁷³. Сам Дидро считает, что «богатство вредит философии»¹⁷⁴, а нищета и богатство порождают все социальные пороки. Мыслитель, однако, утверждает, что в человеческой природе есть основа для нравственных идей, поскольку «существуют люди, подобные мне, которые не смотрят на богатство, как на самую ценную в мире вещь: странные люди»¹⁷⁵. Он видит проблему бедности – в животной жесткости и сословном неравенстве: «В природе все виды животных пожирают друг друга; в обществе сословия друг друга пожирают»¹⁷⁶. Относительно наказания Дидро считает, что: «Справедливость находится посередине между избытком милосердия и жестокостью, как временные кары – между безнаказанностью и вечным наказанием»¹⁷⁷. В качестве примера Д. Дидро приводит жестокое поведение христиан, которых император-философ Юлиан милостиво выпустил из тюрем¹⁷⁸ своим эдиктом: «В мое царствование сосланные были возвращены, заключенные выпущены на волю, те, чье имущество было конфисковано, получили его обратно. Но так велика неугомонность и ярость этих людей, что с тех пор, как они лишились привилегии пожирать друг друга, мучить и своих единоверцев, и приверженцев разрешенной законами религии, они не брезгают никаким средством, не упускают ни одного повода для подстрекательства к бунту; они не умеют уважать ни истинное благочестие, ни наши учреждения...»¹⁷⁹.

В свою очередь Вольтер настаивает на том, что чувство нравственности присуще всем народам: «Понятие о чем-то справедливом представляется мне столь естественным, так повсеместно принятым среди всех людей, что оно не зависит ни от какого закона, договора или религии»¹⁸⁰. Примечательно, что философ связывает эту мысль с взаимопомощью и финансовыми отношениями. Он разводит

¹⁷³ Дидро Д. Письма о слепых в назидание зрячих // Дидро Д. Избранные философские произведения. — М.: Огиз, 1946. С. 41.

¹⁷⁴ Дидро Д. Письмо королю // Дидро Д. Избранные философские произведения. — М.: Огиз, 1946. С. 201.

¹⁷⁵ Дидро Д. Племянник Рамо // Дидро Д. Избранные философские произведения. — М.: Огиз, 1946. С. 262.

¹⁷⁶ Там же. С. 228.

¹⁷⁷ Дидро Д. Философские мысли // Дидро Д. Собр. соч.: в 10 тт. Т. 1. — Москва-Ленинград.: Academia, 1935. — С. 94

¹⁷⁸ Очевидный пример благотворительности в пенитенциарной системе.

¹⁷⁹ Там же. С. 109.

¹⁸⁰ Вольтер. Философские сочинения / Вольтер; пер. с фр. С. Я. Шейнман-Гопштейн; отв. ред., сост. и авт. вступ. ст. В.Н. Кузнецов. — М.: Наука, 1989. С. 355.

понятия нравственность и религия, концептуально не связывая их между собой. Решение совершать или не совершать благотворительный поступок приходит не только на религиозном уровне.

Если религия подчёркивает, что всякое даяние есть даяние Богу, а о цели милостыни не нужно особо задумываться, ибо «Бог воздаст», «Он лучше знает в чём человек нуждается», «Там воздастся...» и т.п., то философы, писатели и экономисты задают вопрос о целесообразности и причинности явления. Например, Генри Торо и Л.Н. Толстой ставят под сомнение саму благотворительность в виде раздачи материальных средств, видя её лишь как средство для умножения нищеты. К подобным размышлениям графа Толстого подтолкнула практическая деятельность во время переписи населения. Толстой обращает внимание на факт постоянного присутствия бедности даже при усилиях благотворителей. Стоит упомянуть, что данное воззрение было достаточно распространено в обществе и основывалось на логических доводах. Так экономист П.И. Георгиевский пишет: «Хуже всего, однако, оказание обществами или отдельными лицами нерациональной помощи в виде денежных выдач, особенно в виде милостыни на улицах людям, могущим работать»¹⁸¹. Автор указывает на нерациональность такого действия, а также на поощрение такой благотворительностью – безделья и тунеядства, предлагая своеобразное решение вопроса в виде принуждения асоциальных лиц и попрошаек к труду в сельских коммунах¹⁸². То, что религиозный человек раздаёт милостыню, а нерелигиозный по ряду причин отказывается от этой практики, не делает одного более нравственным, а другого безнравственным. Дело в том, какова мотивация дара и общественная польза от даяния, а также в регуляции и организации самого института благотворительности.

Иными словами, не существует религии нравственной, в противовес безнравственности атеистов. Атеист также вырабатывает свой этический кодекс и модель нравственного поведения. К. Маркс показал, что религия это по своей природе социальный феномен, её функция идеологическая. Благотворительное

¹⁸¹ Георгиевский П.И. Призрение бедных и благотворительность. СПб.: Тип. Мор. м-ва, 1894. С. 103.

¹⁸² Там же.

пожертвование, как форма служения, исходящее из глубинной религиозной мотивации, как дар Богу от верующего человека, понимается в свете высказывания: «Чем больше человек вкладывает в бога, тем меньше остаётся у него самого. Рабочий вкладывает в предмет свою жизнь, но отныне эта жизнь принадлежит уже не ему, а предмету»¹⁸³. Эту мысль стоит понимать в контексте. Иными словами, в капиталистическом обществе происходит процесс самоотчуждения и труд становится предметом. Благотворительное жертвование согласно Марксу – не что иное, как движение частной собственности в руки капитала, следствие религиозной ограниченности и несвободы. Следовательно, продукт труда отныне принадлежит не рабочему, а иному человеку, тому, кто стоит за тем или иным религиозным культом. Сама же религия – «вздых угнетённой твари, сердце бессердечного мира...»¹⁸⁴. В доиндустриальном мире религия решала те социальные задачи, что не могло решить государство. Получается, что там не было места милосердию, а Богу как идеалу, человек отдавал всю свою свободу. Солнце Правды религии не Христос как Идеал, а сама религия, которая «есть лишь иллюзорное солнце, движущееся вокруг человека до тех пор, пока он не начинает двигаться вокруг себя самого»¹⁸⁵.

Марксизм, включает и абсолютный момент, как пишет М. Лифшиц: «в нашей теории познания признаётся и нечто такое, что как истина не только исторически непоколебимо, но остаётся и сохраняется в этих исторических переменах или, если хотите, рождается и развивается в этих исторических переменах, что даёт нам право употреблять такие понятия, как, скажем, справедливость и несправедливость, добро и зло. Ведь марксизм не стоит по ту сторону добра и зла, когда рассматривает моральные понятия исторически...»¹⁸⁶. Мыслитель напоминает о марксистском историзме, который не развенчивает основные нормы

¹⁸³ Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М.: Политиздат, 1956. С. 560-561.

¹⁸⁴ Маркс К. К критике гегелевской философии права. [Электронный ресурс] URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Marks_K%20kriike.pdf (дата обращения 26.05.2021).

¹⁸⁵ Там же.

¹⁸⁶ Лифшиц М. Лекции по теории искусства. ИФЛИ. 1940. Стенограммы лекций по курсу «Введение в советское искусствоведение» / публ. В.М. Герман, А.М. Пичикян, В.Г. Арсланов и др. – СПб.: Владимир Даль, 2021. С. 47.

культуры и этики, а утверждает и развивает исторические понятия справедливости и несправедливости.

В свою очередь мыслитель, исследователь и врач А. Швейцер¹⁸⁷ предлагает рассматривать благотворительность под углом философии жизни. Любая жизнь вызывает благоговейное уважение, поскольку жизнь имеется в самом человеке. Для жертвенности, лежащей в основе благотворительности, нужно ценить жизнь в самом себе. Швейцер не только достиг успехов в благотворительной деятельности в Африке, создав госпиталь, в котором являлось подлинное милосердие ко всем людям, нуждавшимся в помощи, но и написал книгу¹⁸⁸, уникальный литературный документ, свидетельствующий как об успехах, так и о некоторых неудачах и идейных «тупиках» благотворительности. Этическим манифестом благотворительности звучат его слова: «Никто из нас не имеет права пройти мимо страданий, за которые мы, собственно, не несем ответственности, и не предотвратить их. Никто не должен успокаивать себя при этом тем, что он якобы вынужден будет вмешаться здесь в дела, которые его не касаются. Никто не должен закрывать глаза и не считаться с теми страданиями, которых он не видел. Никто не должен сам себе облегчать тяжесть ответственности»¹⁸⁹. Лауреат Нобелевской премии Швейцер в своих трудах по этике и в принципах благотворительности отстаивает принцип благоговения перед бесконечностью жизни, которое понимал, как снятие отчуждения, сопереживание и сострадание, а итогом познания видел то, что требует заповедь любви¹⁹⁰. Он отмечает, что благотворитель нередко стоит перед этическим выбором и сталкивается с отсутствием видимых результатов, недостижением намеченных целей благотворительности. Описывая непростой этический выбор, который делает католический священник, вынужденный искать пропитание для учеников школы, он упоминает, что тот убил гиппопотама, чтобы

¹⁸⁷ Лютеранин по вероисповеданию

¹⁸⁸ Имеется в виду *Швейцер А.* «Письма из Ламбарене», Ленинград, Наука, 1978 г.

¹⁸⁹ *Швейцер А.* Благоговение перед жизнью: Пер. с нем. / Сост. и посл. А.А. Гусейнова; Общ. ред. А.А. Гусейнова и М.Г. Селезнева. — М.: Прогресс, 1992. С. 223.

¹⁹⁰ Там же.

обеспечить мясом детей школы – своего благотворительного проекта¹⁹¹. Этот лишь напоминание о том, что благотворительность не идеальный механизм в достижении блага для человека и существует в конкретном мире, где присутствует зло и добро, её контекст «представляет собою жестокую драму раздвоения воли к жизни. Одна жизнь утверждает себя за счет другой, одна разрушает другую»¹⁹².

Данный пример также свидетельствует о том, что человеческая жизнь в данной системе этики ставится несравненно выше и ценнее жизни животного. Учитывая современный дискурс о равных правах людей и животных, вряд ли данный выбор был бы однозначно принят как этический и уместный. Позиция Швейцера в этом вопросе очевидна: «Если встречается еще дурное обращение с животными, если остается без внимания крик скота, не напоенного во время транспортировки по железной дороге, если на наших бойнях слишком много жестокости, если в наших кухнях неумелые руки предают мучительной смерти животное, если животные испытывают страдания от безжалостных людей или от жестоких игр детей, — то во всем этом наша вина»¹⁹³. Жизнь во всех формах достойна защиты и благоговения, это исходит из благоговения перед жизнью в себе. И завершая эту часть рассуждения уместно акцентировать мысль автора об отказе от жестокости по отношению ко всему творению. Ведь «этика заставляет нас вместе следить за тем, чтобы отплатить животным за все причиненные им человеком страдания доброй помощью и таким путем избавить их хотя бы на мгновение от непостижимой жестокости жизни»¹⁹⁴. Остаётся лишь добавить, что благотворитель в свою очередь всегда будет требовать защиты прав личности, и противиться применению к ней жестокости, когда человека по каким-либо

---

¹⁹¹ Имеется в виду эпизод, описанный Швейцером: «И вот настоятель миссии, отличный стрелок, храбро отправляется охотиться на гиппопотамов. Взяв с собой двенадцать школьников, он едет в места, где они водятся, и затрачивает целый день на дорогу. А это означает, что им придется провести ночь на песчаном берегу или даже среди болот. Может статься, что после двух- или трехнедельной охоты им придется вернуться ни с чем, а может быть, их большое каноэ, переполненное копченым мясом гиппопотамов, отяжелев, чуть ли не до краев опустится в воду. Если так, то школа будет обеспечена питанием на зиму». *Швейцер А.* «Письма из Ламбарене», Ленинград, Наука, 1978 г. С. 150.

¹⁹² *Швейцер А.* Благоговение перед жизнью: Пер. с нем. / Сост. и посл. А.А. Гусейнова; Общ. ред. А.А. Гусейнова и М.Г. Селезнева. — М.: Прогресс, 1992. С. 219.

¹⁹³ Там же. С. 223.

¹⁹⁴ Там же. С. 224.

причинам уподобляют животному, низводя его природу до уровня скота¹⁹⁵. Здесь нам видится некий этический ключ к благотворительности в условиях пенитенциарной системы¹⁹⁶. Актуальность мыслей Швейцера не вызывает сомнения, становится основой для современной традиционной благотворительности. Швейцер постоянно акцентирует милосердный характер благотворительности, её активную направленность ко всем людям без исключения. Швейцер подчёркивает также межнациональный характер своей миссии: «Среди моих белых пациентов есть представители всех национальностей. В моем маленьком журнале, куда я заносу имена всех прибывающих ко мне иностранцев, значатся уже англичане, швейцарцы, голландцы, шведы и американцы»¹⁹⁷.

Этика благоговения перед жизнью в себе и в других людях устремляет мыслителя к движущей силе благотворительности – самопожертвованию и самоотречению: «этика истинности по отношению к самому себе незаметно переходит в этику самоотречения ради других»¹⁹⁸. Швейцер хвалил И. Канта за глубину морального чувства¹⁹⁹. Однако считал, что Кант не нашёл прямую связь – «между истинностью по отношению к самому себе и активной этикой»²⁰⁰. Апофеозом этики благоговения перед жизнью и одновременно девизом благотворительной миссии звучат слова Швейцера: «Не из чувства доброты по отношению к другому я кроток, миролюбив, терпелив и приветлив — я таков потому, что в этом поведении обеспечиваю себе глубочайшее самоутверждение. Благоговение перед жизнью, которое я испытываю по отношению к моей собственной жизни, и благоговение перед жизнью, в котором я готов отдавать свои

¹⁹⁵ Речь идёт о защите тех, кто в пенитенциарной системе грубо и противозаконно лишён права на человеческие условия содержания, регламентируемых как общечеловеческими нормами, так и законами.

¹⁹⁶ Ведь преступник антропологически, онтологически и метафизически в первую очередь – человек, который требует к себе отношения как к человеку, живой и разумной личности, способной к исправлению.

¹⁹⁷ Швейцер А. «Письма из Ламбарене», Ленинград, Наука, 1978 г. С. 147.

¹⁹⁸ Швейцер А. Благоговение перед жизнью: Пер. с нем. / Сост. и посл. А.А. Гусейнова; Общ. ред. А.А. Гусейнова и М.Г. Селезнева. — М.: Прогресс, 1992. С. 220.

¹⁹⁹ Швейцер также хвалит Канта за глубину эстетического чувства. Там же. С. 220-221.

²⁰⁰ Там же.

силы ради другой жизни, тесно переплетаются между собой»²⁰¹. Эта этика становится основой благотворительности Швейцера.

Стоит отметить, что наряду с зарождением новых форм благотворительности, прежние исторические формы, в том числе религиозные²⁰², такие как диаконическая деятельность не исчезли, но успешно существовали и существуют в условиях современного общества. Здесь мы условно должны выделить общественную благотворительность, которая приходит на смену традиционной и личной. Переход от церковной к общественной благотворительности М. Фуко объясняет так: «биополитика создаст не только институты призрения (которые существовали издавна), а гораздо более тонкие механизмы, экономически более рациональные, чем грубая, массовая, но имеющая большие проблемы благотворительность, которая, по существу, была связана с церковью. Возникнут механизмы более тонкие, более рациональные: страхование, индивидуальное и коллективное накопление, обеспечение»²⁰³. Проблемой стала старость, инвалидизация и выпадение индивида из общества, что побудило государство искать новые механизмы благотворительности взамен устаревшим церковным.

Общественная благотворительность имеет разные формы²⁰⁴ и в дальнейшем была переложена на плечи государства, которое стало обязанным брать на себя функцию заботы о неимущих гражданах, больных, престарелых, животных²⁰⁵. Большинство видов такой благотворительности в период Великой французской революции (1789–1799 гг.) было зафиксированы в форме законодательных декретов национального Конвента²⁰⁶. Это характеризовало этап перехода от

---

²⁰¹ Там же.

²⁰² Религиозность в данном контексте, мы понимаем в широком смысле, как связь с Идеалом, уподобление справедливому высшему иерарху. Это не только следование нормам и канонам определенной конфессии, которое не обязательно является единственной интенцией благотворительности.

²⁰³ Фуко, М. Нужно защищать общество: Курс лекций, прочитанных в Колледж де Франс в 1975—1976 учебном году. — СПб.: Наука, 2005. С. 258.

²⁰⁴ Благотворительные комитеты, фонды, общества и т.д.

²⁰⁵ Например, бездомные животные, для содержания и стерилизации которых в ряде стран берётся определённый налог.

²⁰⁶ «Он разделил национальные земельные имущества на мелкие части, доступные самым маленьким капиталам, чтобы поощрить к приобретению собственности. Он классифицировал население. Он назначил пособие кормящим

традиционной благотворительности к социальной системе, под управлением и на средства государственной власти. Здесь появляется классификация благотворительности, отчасти сохранившаяся и поныне: пенсии, субсидии, меценатство и т.д. Налогоплательщик, теперь рассчитывает, что именно государство явит милосердие и окажет поддержку социально нуждающимся группам. При этом он имеет право практиковать и личную благотворительность, либо – объединять филантропические усилия с другими гражданами. Стоит заметить, что христиане одни из первых создали общественные благотворительные организации, в которых использовали принципы справедливости римского права. Таким образом, можно сделать вывод, что общественная благотворительность стала продолжением традиционной.

В католичестве идея благотворительности зримо опирается на концепцию Абсолютного блага и спасения с помощью добрых дел, которые являются проявлением истинной веры и добродетели. Истоки такой благотворительности обозначены в Энциклике «*Regrum Novarum*» Папы Римского Льва XIII: «Братская любовь первых христиан была так сильна, что те, кто побогаче, отказывались от имущества, чтобы помочь братьям; потому и “не было между ними никого нуждающегося”²⁰⁷. На диаконов, чья должность для того и установлена, возлагали попечение о ежедневной милостыне; апостол же Павел, обремененный заботами о всех церквях, предпринимал нелегкие путешествия, чтобы доставить вспомоществование более бедным христианам. Тертуллиан называет эти добровольные пожертвования “кладами благочестия”, ибо, по его словам,

---

грудью матерям и субсидии многочисленным семьям, которые не могли питаться на заработок своих отцов. Он регулировал подати с бедняков и возложил бремя их на состоятельных. Учредил мастерские для не имеющих работы. Назначил пенсии женам, матерям, дочерям защитников родины, которые умерли или были ранены, борясь за нацию. Покровительствовал деревне за счет городов — притонов роскоши и пороков, которые он хотел ограничить, а также покровительствовал искусствам и полезным наукам. Он оказывал широкую благотворительность от лица нации и обратил ее в обязанность, а милосердие — в учреждение» (*Ламартин А.М.Л. История жирондистов: в двух томах. Том II / Пер. с фр. Кутейников Н.С. — М.: Захаров, 2013. С. 353*).

²⁰⁷ *Лев XIII Пана. Regum novarum /О положении трудящихся. Послание 1891 года – Москва.: Дом Марии, 1991. С. 14.*

См. также: Деяния святых апостолов 4:34. Библия, Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Издание Московской Патриархии, 1988.

употреблялись они: на прокормление нуждающихся и на погребение, на воспитание бедных сирот, на помощь престарелым и потерпевшим крушение»²⁰⁸.

Благотворительность исходит из внутренней наполненности и уважения к человеческому достоинству каждой личности и необходимости защищать её от несправедливости ряда общественных структур и институтов, а добрые дела, согласно христианской традиции, подразделяются на материальные и духовные. Материальными делами, практически соотносящимися с социальной благотворительностью, считаются: накормить голодного, напоить жаждущего, одеть нагого, принять странника в свой дом, посетить больного, похоронить, навестить заключенного в тюрьме²⁰⁹.

М. Вебер объясняет это так: «Католическая этика, безусловно была этикой, основанной на “нравственной убеждённости”. Однако решающей для оценки каждого отдельного поступка было конкретное “*intentio*” (стремление, намерение – лат.) человека. И каждый хороший или дурной поступок ставился ему в заслугу или порицался и влиял на всё его зменное существование и на вечную жизнь»²¹⁰. Таким образом человек не един, а детерминирован и будет оценён с точки зрения вечностной перспективы, значит – он нуждается в принципиальном изменении своей нравственной практической жизни.

Здесь видится прямая связь благотворительности и пенитенциарной системы, которая является, не только полем её практического применения, но зоной прямой ответственности личности, соотносящей себя с христианской общиной. Если сам Христос был узником, и призывал навещать тех, кто оказался в тюрьме, то благотворительное действие в пенитенциарной системе становится одновременно: исполнением заповеди, материальным и духовным актом. Стоит отметить, что духовными делами в христианстве считаются: научить непросвещенного Истине, утешить скорбящего, дать добрый совет сомневающемуся, простить обидчиков, молиться за живых и усопших. Всё это в полной мере можно применить в

---

²⁰⁸ Там же.

²⁰⁹ Краткий катехизис Римско-католической церкви. – Санкт-Петербург.: Приход УПДМ, 1999. С. 6.

²¹⁰ Вебер М. Религиозные идеи и интересы // Религия и общество: хрестоматия по социологии религии / сост. В.И. Гараджа, Е.Д. Руткевич. – М.: Аспект Пресс, 1996. С. 318-319.

пенитенциарной системе, где имеется сосредоточение тех лиц, кто по воле случая или иным причинам становится настоящим объектом и полем для миссии. Отметим при этом не только жертвенность, но и искренний психологизм благотворительности. Ведь к неотъемлемым правам личности относятся: право на питание, труд, отдых, жилище и т. д. Каждый человек, в том числе и заключённый, нуждается в качественных условиях социальной жизни, охране здоровья, имеет права, такие как: право на свободный доступ к информационным и образовательным ресурсам, свободу веры и совести. Таким образом, применительно к пенитенциарной системе, основа католической благотворительности исходит из понимания общего морального блага и защиты достоинства каждой личности. Она берет истоки в основных принципах социальной subsidiarности и человеческой солидарности, которые восходят к идеям Платона и Аристотеля и «получают своё наибольшее практическое развитие после Первого Ватиканского собора (1869-1870 гг.) в общественной деятельности Церкви, которая в католической литературе нередко называется *Мать богатых и бедных*. В развитии идей и практики христианской благотворительности видится глобальная озабоченность судьбой мировой и общеевропейской цивилизации.

Отдельного внимания заслуживает рассмотрение благотворительности в системе философии Г.В.Ф. Гегеля. К теме благотворительности Гегель подходит в своей работе «Философия права». Мыслитель рассматривает феномен благотворительности через понимание феномена бедности. Он последовательно критикует бедность, описывая её ужасы, порочность и социальные последствия в виде бунтов и упадка морали. Гегель рассуждает также о том, как решить эту проблему: «Субъективная сторона бедности и вообще всякого рода бедствий, которые могут постигнуть каждого индивида уже в его природной сфере, требует также как *субъективной* помощи в отношении *особенных* обстоятельств, так и *сердечной любви*»²¹¹. Гегель признаёт, что субъект нуждается в помощи и любви. Крайняя бедность представляет проблему не только для человека, но и для

---

²¹¹ Гегель Г.В.Ф. Философия права. М.: Академия наук СССР. Институт философии. Изд-во «Мысль», 1990. С. 270.

общества, страдающего от возмущения черни. В «Философии права» Гегель утверждает, что «сама по себе бедность не делает человека чернью»²¹². Принадлежность к этому типу людей: «определяется лишь связанным с бедностью умонастроением, внутренним возмущением, направленным против богатых, против общества, правительства и т. д.»²¹³ Это явление выглядит как угроза обществу и порядку, который имеется в государстве. При этом Гегель не считает правильным раздавать милостыню, поскольку она способствует появлению групп иждивенцев, не желающих работать и находящихся на дотации государства. Мыслитель также критично смотрит на традиционную благотворительность в монастырях: «Росту бедности способствуют также монастыри, потворствуя лени, поскольку они делают удовлетворение потребностей независимым от работы»²¹⁴. Стоит также упомянуть, что Гегель в своей работе «Лекции по философии истории» положительно упоминает монарха, занимавшегося благотворительностью. Гегель отмечает отрядный факт, что что король франков Карл Великий занимался благотворительностью²¹⁵, восстанавливал научное образование, открывал в деревнях и городах школы²¹⁶. Это пример монаршей традиционной благотворительности через вложения в доступное образование. Гегель здесь себе не противоречит, поскольку, благодаря благотворительности происходит перераспределение материальных ресурсов. В данном случае средства идут не на удовлетворение потребностей черни в еде и питье, но на рост общественного благосостояния через образование масс. Всё же, по мнению Гегеля, любой доход должен быть обязательно опосредован трудом, а благотворительные учреждения только способствуют росту количества тех иждивенцев, кто постоянно приходит за материальной помощью: «При наличии благотворительных учреждений и т. п. люди не испытывают страха, делают то, на что они имеют право;

---

²¹² Там же. С. 271.

²¹³ Там же.

²¹⁴ Там же. С. 457.

²¹⁵ Как об этом точно пишет П.И. Георгиевский: «Всё это исчезло со смертью Карла Великого» (*Георгиевский П. И. Призрение бедных и благотворительность. СПб.: Тип. Мор. м-ва, 1894*).

²¹⁶ *Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории / пер. А.М. Водена, СПб.: Наука, серия «Слово о сущем», 2000. С. 288-289.*

не смущаясь, обращаются к начальству»²¹⁷. Гегель рассуждает о том, что на богатых можно было бы возложить обязанность заботиться о бедных: «Если бы на богатые классы возлагалось прямое бремя удерживать бессильную массу населения на их прежнем, подобающем уровне существования...»²¹⁸. Далее мыслитель перечисляет виды благотворительных учреждений, где могли бы найтись средства для решения проблемы бедности «в богатых лечебницах, благотворительных учреждениях, монастырях»²¹⁹. Наконец заключает, что это неприемлемо, поскольку: «существование нуждающихся было бы обеспечено, не будучи опосредствовано трудом, а это было бы противно принципу гражданского общества, равно как и чувству независимости и чести входящих в него индивидуумов»²²⁰. Гражданское общество ещё недостаточно богато, чтобы эффективно бороться с бедностью. Если одни будут незаслуженно получать то, что заработали другие, то нарушится правило справедливого воздаяния, это оскорбит чувства и права граждан.

Мысли Гегеля имели большое влияние на русских учёных, занимавшихся тематикой благотворительности. Так П.И. Георгиевский отмечает, что «развитие туеядства, пьянства, разврата является часто, страшно сказать, следствием бессистемной, неорганизованной quasi-благотворительности и обществ и отдельными лиц, что далеко ими не сознаётся»²²¹.

Во второй половине XIX в. отечественными учёными делаются попытки обоснования благотворительности вне её догматического контекста. Так психолог-юрист и педагог Н.Ф. Лучинский в своей работе «Основы тюремного дела» уделяет внимание проблематике занятости заключённых в тюрьме²²². Он рассматривает воспитательную роль труда в процессе исправления, тем самым полагая основы ресоциализации. Профессор философии права А.М. Горовцев в рамках своей

²¹⁷ Гегель Г.В.Ф. Философия права. М.: Академия наук СССР. Институт философии. Изд-во «Мысль», 1990. С. 457.

²¹⁸ Там же. С. 272.

²¹⁹ Там же.

²²⁰ Там же.

²²¹ Георгиевский П.И. Призрение бедных и благотворительность. СПб.: Тип. Мор. м-ва, 1894. С. 103.

²²² Лучинский Н.Ф. Основы тюремного дела. – СПб.: Издание редакции журнала «Тюремный вестник», 1904.

научной работы в составе общероссийской организации «Попечительства о трудовой помощи»²²³ в ряде статей анализирует само происхождение понятия «благотворительность»²²⁴. При исследовании данного предмета исследователь отмечает затруднение с определением понятия «благотворительность». Горювцев указывает на то, что «благотворительность в общепринятом смысле этого слова есть одна из областей благотворения, т.е. творения блага-добра»²²⁵. Однако если остановиться на таком определении, то «оно ведёт к новому неясному понятию – понятию блага, которое трудно подвергается нашему анализу»²²⁶. Горювцев приходит к выводу, что понятие благотворительность, также как и понятие «бедность»²²⁷, определить в полном объёме невозможно. При этом автор выделяет ряд составляющих само определение «благотворительность» нравственных и социальных доминант, таких как: милость, добро, благо. Горювцев отмечает вызов и новые задачи отечественной благотворительности. В изменяющемся социальном контексте он сравнивает её процесс с ожесточённой гражданской войной против нарастающей и постоянно трансформирующейся бедностью: «Нельзя бороться старыми орудиями против бедности, которая ушла теперь далеко вперед от своего первообраза; что, если раньше, когда её причины и проявления были проще и не так разнообразны, как теперь, можно было вести против неё войну, но теперь при их сложности и разнообразии война эта должна вестись не как-нибудь»²²⁸. Исследователь, используя убедительную военную риторику, выделяет: «меры предупредительные», выступающую как авангард борьбы с бедностью, и, собственно, саму благотворительность «в тесном смысле этого слова», которая явлена в момент бедствия и напоминает центр, действующий в разгаре битвы.

²²³ основанной в 1895 году по инициативе императрицы Александры Фёдоровны.

²²⁴ См. подробнее *Максимов Е.Д.* Десятилетие Попечительства о домах трудолюбия и работных домах. СПб., 1906; Указатель учреждений трудовой помощи на 1913 г. СПб., 1913; Швиттау Г. Г. Трудовая помощь в России. Ч. 1. Пг., 1915; Краткий обзор деятельности Попечительства о трудовой помощи. 1895–1915. Пг., 1915; *Бадя Л.В.* Российская благотворительность в сфере занятости: Трудовая помощь / Л.В. Бадя // Благотворительность в России: Исторические и социально-экономические исследования. СПб., 2003. С. 303-310

²²⁵ *Горювцев А.М.* Трудовая помощь как средство призрения бедных. СПб., 1901. С. 29

²²⁶ Там же. С. 29.

²²⁷ *Горювцев А.М.* Трудовая помощь как средство призрения бедных. СПб., 1901. С. 2.

²²⁸ Там же. С. 3.

В этой связи важно отметить, что Горовцев напоминает и о «репрессивной» благотворительности, которая «выступает на сцену уже тогда, когда предупредительные и благотворительные меры оказываются бессильны»²²⁹. Её исследователь сравнивает с военным арьергардом, выступающим в случае поражения первых двух благотворительных мер, используя термины «трудовая помощь», под которое было «подведено понятие принудительного труда»²³⁰. «Трудовая помощь» активно развивается в России, видится социально-перспективной и противопоставляется дармовой помощи и милостыни. Подчёркивая исправительный аспект такой благотворительности, Горовцев называет её также «трудовым наказанием»²³¹, поясняя, что она может использоваться как наказание за нищенство и иные преступления.

В свою очередь П.И. Георгиевский уделяет большое внимание тому процессу как должна быть организована благотворительность, не ставя под сомнение необходимость её оказания²³². Он говорит о том, что в течении всех средних веков в области призрения бедных господствовал формализм и разрозненность, «никаких объединяющих дело помощи ближнему органов или мероприятий мы не находим вплоть до реформации»²³³. Реформатор М. Лютер «категорически заявил, что прошение милостыни одно из величайших зол, которое должно быть устранено во всём христианском мире»²³⁴. Таким образом, институт благотворительности если и развивался, то очень медленными темпами. Институт благотворительности, зародившийся в России в X веке, когда призрение о бедных было возложено на духовенство «согласно изданному в 966 году Церковному уставу»²³⁵ предполагал сбор десятины в пользу монастырей, богаделен и больниц. Здесь мы видим пример субъект – субъект – объект взаимоотношений в области благотворительности. Автором отмечается, что российский институт благотворительности нуждается в

---

²²⁹ Там же. С. 4.

²³⁰ Там же. С. 5.

²³¹ Горовцев А.М. Трудовая помощь как средство призрения бедных. СПб., 1901. С. 6.

²³² Георгиевский П.И. Призрение бедных и благотворительность. СПб.: Тип. Мор. м-ва, 1894.

²³³ Там же. С. 7.

²³⁴ Там же. С. 8.

²³⁵ Там же. С. 10.

постоянном преобразовании в соответствии с изменяющимися социальными условиями.

Выдающийся отечественный историк и социолог²³⁶ В.И. Герье (1837 – 1919 гг.) как избранный гласным Московской городской думы с 1876 г. много сделал для развития общественной благотворительности. Он не только занимался совершенствованием школьного и медицинского образования, благоустройством города. Основная его заслуга в этой области в том, что он «способствовал реорганизации ряда сиротских приютов в профессиональные школы, дававшие воспитанникам рабочие профессии»²³⁷. Герье занимается также перспективным отечественным женским образованием²³⁸. Как мы видим, на этом этапе происходит концептуальное изменение понятия благотворительности. Она теперь понимается также как инвестирование в образование, на что привлекаются как финансовые, так и людские ресурсы.

С.В. Познышев занимался юридической стороной наказания, соотношением карательных мер и исправления, а также – проблемой психологии преступников. Работы Познышева²³⁹, послужили основой для создания научного фундамента советской пенитенциарной системы. Также Познышев разрабатывает тему социализации несовершеннолетних, которые должны быть помещены в колонии, где приобретают привычку к труду и образованию²⁴⁰. На эти идеи опирался А.С. Макаренко, когда разрабатывал систему воспитательных колоний для несовершеннолетних. Другими словами, с середины XIX века благотворительность мыслится не раздачей материальных ресурсов всем нуждающимся, а наделением бедных работой, а также – принуждением к труду тех, кто по ряду причин получил стойкую привычку социального иждивенчества. Здесь мы видим некоторые точки

²³⁶ Кроме работ по истории Западной Европы В.И. Герье является создателем научной школы и автором трудов по социологии и философии истории (Герье В.И. Огюст Конт. М. 1898, Герье В.И. Лейбниц и его век. Т. 1—2. — СПб.: печатня В. Головина, 1868-1871 и т.д.)

²³⁷ *Иванова Т.Н.* Место В.И. Герье в российской культуре последней трети XIX века // Историческая наука и образование в России и на Западе: судьбы историков и научных школ. – М.: Институт всеобщей истории РАН, 2012. С. 11.

²³⁸ Имеются в виду первые Московские высшие женские курсы, основанные В.И. Герье в 1872 году. На этот проект усилиями В.И. Герье было найдено финансирование, привлечены значительные преподавательские ресурсы.

²³⁹ Особенно «Очерки тюрьмоведения» (1913 г.) и «Основы пенитенциарной науки» (1923 г.).

²⁴⁰ Сама идея приютов и колоний для несовершеннолетних в России закреплена с 1866 г.

пересечения темы благотворительности с формированием пенитенциарной системы. Сюда можно отнести труды отечественного воспитателя и педагога А.С. Макаренко, его опыт перевоспитания и обучения через привлечение воспитанников уголовно-исправительных учреждений к посильному труду для достижения масштабных целей социальной пользы. При этом используются исправительные методы и благотворительные подходы, предложенные ранее отечественными педологами: В.А. Соллогубом, М.Н. Галкиным-Враским и др. А.С. Макаренко на практике воплощает то, что не удалось воплотить в царской России, а именно – даёт коллективу возможность воспитывать личность, отличавшуюся социально неответственным поведением. Нужно сказать, что данный отечественный педагогический опыт оказался успешным, хотя и не принятым в качестве методологической воспитательной основы для советских исправительных учреждений. Образование стало определённым ресурсным «рычагом» благотворительности. Следуя научной интуиции В. Франкла, «образование должно давать человеку средство для обнаружения смыслов»²⁴¹. Благотворительность в этой сфере напоминает человеку о духовной сущности любого образования, что жизнь личности не сводится к простому существованию, подобному материальным предметам, но к гармоничному развитию. В дальнейшем финансирование социальных проектов и образования постепенно стало отходить от частных благотворителей и комитетов помощи, дабы оказаться переложеной на плечи государства.

Профессор А.С. Панарин весьма точно описывает историческую эволюцию благотворительности как: «процесс культурной социализации предпринимательского класса: если в первом поколении он давал предельно жестких и духовно недоразвитых воротил бизнеса, то в последующих поколениях – более образованных, гармоничных и морально впечатлительных людей, становящихся известными меценатами, основателями благотворительных

---

²⁴¹ Франкл В. Религиозность как поиск смысла жизни // Религия и общество: хрестоматия по социологии религии / сост. В. И. Гараджа, Е. Д. Руткевич. – М.: Аспект Пресс, 1996. С. 378.

обществ, а иногда – и бунтарями-диссидентами своего класса»²⁴². Схожие процессы проходили и в российской среде, на западе они преимущественно привели к зарождению социального государства, которое заботилось о социально незащищённых гражданах, используя социальные программы и институты.

Идейной предпосылкой для гуманизации пенитенциарной системы служило то, что российские пенологи XIX века верили в силу просвещения, а также – в искреннюю доброту русского человека, полагали, что «преступление ещё не изменяет человека. Преступление, большей частью, ничто иное как несчастный случай, воследовавший от бесхарактерности и искушения»²⁴³, а исправляет русского человека не суровая тюрьма или ссылка, а «человечность и законность – вот два правила, по которым и тюремная работа и даже тюремное исправление могут достичь у нас результатов, не испытанных ещё за границей»²⁴⁴. Например, В.А. Соллогуб очень скептически отзывался об опыте перенесения европейских и американских филантропических моделей исправления на российскую почву, которые усиленно и безуспешно внедряли в России, поскольку те не были эффективны в деле исправления преступников в США и Англии. Модели не отрывались от религиозной протестантской идеи духовного исправления грешников, объясняя свободную волю индивида как безнадежно испорченную и не способную к добродетели, полной неспособности к исправлению под воздействием коллектива, а в российской исправительной модели делался акцент на воспитании, в котором принимает участие коллектив. По мнению В.А. Соллогуба, в процессе исправления нужно способствовать развитию лучших черт русского человека через просвещение, уважение и оплачиваемый труд, дальше всё сделает самоорганизация русского народа, которая не даст ему выйти за рамки дисциплины и порядка. Соллогуб настаивает, что в Европе и США «филантропия тут убила правосудие, речь шла о духовном исцелении великих грешников»²⁴⁵ и предлагает

²⁴² Панарин А.С. Политология. Западная и Восточная традиции: Учебник для вузов. – М.: Книжный дом «Университет», 2000. С. 72.

²⁴³ Соллогуб В.А. Титовские казармы. – М.: Тип. Газеты «Русский», 1867. – 8 с.

²⁴⁴ Там же.

²⁴⁵ Соллогуб В.А. О нашем исполнительном правосудии // Русский мир. 1874. № 304.

исправительную модель, которая позднее находит своё воплощение в воспитательных коммунах А.С. Макаренко.

В данной модели исправления, при всех ее успехах и перспективности, не обходится и без крайностей, таких как преувеличении самоуправления в процессе исправления и идеализации воспитательной роли коллектива. Соллогуб описывает как положительный опыт суд воров над ворами, утверждая, что арестанты «заслуживают больше доверия и честнее, чем те, которым они непосредственно поручаются»²⁴⁶. Такой опыт пенитенциарного воспитания однозначно выглядит как сомнительный. В свою очередь Макаренко настаивает, что органы самоуправления колонии не предполагают вмешательства в их деятельность руководства или педагогического состава, а должны полностью брать на себя все функции управления коллективом. Вновь делается акцент на коллективе, как воспитателе и благотворительной роли человеческого ресурса для исправления. Макаренко поясняет, что ошибочные постановления общего собрания коллектива возможны, но «не потому, что состав собрания плохой или неопытен, а исключительно потому, что самим руководством допущены в работе важные ошибки, потому что не проявляется достаточно заботы о воспитанниках или проявляется излишняя забота, приводящая к чрезмерному изобилию в какой-нибудь части, или потому что отдельные сотрудники работают халатно или недобросовестно...»²⁴⁷. Как мы видим, благотворительность имеет воздействие на пенитенциарную систему и производит в ней социальные трансформации, учитывая идейные предпосылки и концептуальные ошибки, что будет рассмотрено далее.

Отдельного рассмотрения требует новая форма благотворительности²⁴⁸, которая сегодня исследуется как совершенно новый научный феномен. Можно говорить о том, что на наших глазах зародилась новая благотворительность,

---

²⁴⁶ Соллогуб В.А. Письма графа В.А. Соллогуба и К.К. Гротта к М.Н. Галкину-Враскому. – СПб.: Сенатская типография, 1901. С. 12.

²⁴⁷ Макаренко А.С. Педагогические сочинения в 8-ми т. Т. 1. Методика организации воспитательного процесса. – М.: Педагогика, 1983

²⁴⁸ Саламон Л. предлагает для такой благотворительности использовать другой термин, избегая коннотации с традиционной филантропией, называет новую форму – *финансовый инструмент или финансовый рычаг*.

которая напрямую связан с экстремально богатыми личностями как известных широкому кругу общественности, так и анонимных филантропов. Л. Саламон объясняет феномен следующим образом: «Это капиталисты, но с филантропической ориентацией, люди, которые организуют компанию, зарабатывают капитал, а после думают: “Что же мне теперь со всеми этими деньгами делать?” На этой основе у них появляется мотивация обратиться к социальным нуждам общества. [...] Это люди, которые делятся своими деньгами с обществом, но в то же время их нельзя назвать чистыми филантропами. Они большое внимание уделяют финансовым инструментам, развитию своего бизнеса и при финансировании социальных проектов используют именно технически сложные финансовые решения, новые инструменты в филантропии, чисто финансовые. Через эти финансовые инструменты у них появляется возможность привлечь и аккумулировать гораздо больше частного капитала»²⁴⁹. В новом виде благотворительности «на первый план выходят исключительно экономические инструменты и решения, а объектом становится не конкретная нуждающаяся в помощи личность, а крупные системы, общественные институты даже целые страны. Плоды такой глобализации благотворительности видятся: в искоренении всех видов бедности, в преодолении коррупции, усилении демократизации общества, достижении продуктового, образовательного и социального равенства, формированию солидарности людей»²⁵⁰. Другими словами, в основе современной революции в области понимания филантропии лежит новое понимание благотворительности как ссуды или вложения. Л. Саламон говорит также о благотворительных банках²⁵¹. Вместо и помимо финансовых грантов для помощи используются ссуды, вместо и помимо фондов – социальные институциональные

²⁴⁹ Саламон Л. Интервью «Российские финансовые институты не знают о новых тенденциях в благотворительности» Филантроп. Электронный журнал о благотворительности. [Электронный ресурс] URL: <https://philanthropy.ru/intervyu/2016/09/27/41420/> (дата обращения: 12.05.2021).

²⁵⁰ См.: Пирогов А.А. Трансформация понятия благотворительности в условиях постинформационного общества // Философская аналитика цифровой эпохи: сб. науч. статей / отв. ред. Л.В. Шиповалова, С.И. Дудник. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2020. С. 252–269.

²⁵¹ Саламон Л. Финансовый рычаг добра: Новые горизонты благотворительности и социального инвестирования / Пер. с англ. С. Филин. – М.: Издательство Альпина Паблицер, 2016.

структуры, помимо наличных денег – бартерные соглашения, человеческий ресурс, ресурс волонтерского времени, вложения в новое компьютерное обеспечение и электронные платёжные средства.

Появился новый императив благотворительности, который Л. Саламон называет *рычаги воздействия новой благотворительности*²⁵². Целью такой благотворительности является воздействие на системы, а также привлечение больших объёмов средств для решения социальных и экономических проблем. В XXI веке появилась принципиально новая благотворительность, которая включает вовлечение многих институтов и огромное число источников финансовой поддержки, выходит за рамки предоставления грантов, становится глобальной и межнациональной, взаимодействует как с нижней частью гражданского общества, так и с правительствами стран. Меняется не только благотворительность, но и сама принятая терминология.

Результатом воздействия такой благотворительности видится: уменьшение бедности, улучшение экологической обстановки, укрепление гражданского общества и расширение жизненных возможностей личности²⁵³. Мы – невольные участники грандиозных благотворительных экспериментов, наблюдатели трансформации старых и зарождения новых форм филантропии. Л. Саламон настаивает на мысли, что: «В условиях, когда ресурсы и правительств, и традиционных благотворителей практически не растут или сокращаются, а проблемы бедности, ухудшения здоровья и деградации окружающей среды усугубляются ежедневно, все очевиднее становится необходимость новых моделей финансирования и достижения социальных и экологических целей. Появилось множество новых инструментов и институтов финансирования социально ориентированной деятельности»²⁵⁴. На поле филантропии: «разворачивается настоящая революция, способная, хотя бы отчасти, ответить на этот вызов. Суть

---

²⁵² Там же.

²⁵³ Лестер Саламон: Финансовый рычаг добра. Журнал. Сноб. Официальный сайт. [Электронный ресурс] URL: <https://snob.ru/selected/entry/113852/> (дата обращения: 21.05.2021)

²⁵⁴ Саламон Л. Финансовый рычаг добра: Новые горизонты благотворительности и социального инвестирования / Пер. с англ. С. Филин. – М.: Издательство Альпина Паблицер, 2016. С. 6.

этой революции выражается в массовом возникновении новых возможностей для благотворительности и социального инвестирования, новых инструментов и институтов, призванных мобилизовать частные ресурсы на поддержку социальных и экологических инициатив»²⁵⁵. При этом новые благотворители сохраняют высокий уровень доходности, а инвесторы капитала достигают социального воздействия. Сложно представить, но получение прибыли становится в центр такой новой благотворительности. Здесь уместно вспомнить грозное предупреждающее утверждение Карла Маркса: «В ледяной воде эгоистического расчета буржуазия потопила священный трепет религиозного экстаза, рыцарского энтузиазма, мещанской сентиментальности»²⁵⁶.

Новая благотворительная деятельность всё чаще привлекает не только благосклонное внимание экономических элит и заинтересованный во вложениях частный бизнес, но сама воспроизводит особые формы филантропического инвестирования, которые подразумевают масштабное социальное воздействие и непременно извлечение финансовой прибыли. Саламон предлагает для обозначения таких новых форм благотворительности использовать термин *рычаг* (курсив наш) то есть, «механизм, с помощью которого при приложении сравнительно небольших усилий достигается значительный эффект»²⁵⁷, который «означает найти способ выйти за рамки ограниченных ресурсов, формирующихся за счет поступлений от активов фондов или ежегодных пожертвований частных лиц, и направить на социальные и экологические цели часть гораздо более масштабных инвестиционных активов, постоянно находящихся в банках, пенсионных фондах, страховых компаниях, взаимных фондах и на счетах состоятельных собственников»²⁵⁸. Мыслитель настаивает на коренном различии двух видов филантропии: «традиционная благотворительность направляет помощь в основном неправительственным организациям, новые инвесторы поддерживают

---

²⁵⁵ Там же

²⁵⁶ Маркс К. Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии – М.: Государственное издательство политической литературы, 1955.

²⁵⁷ Саламон Л. Финансовый рычаг добра: Новые горизонты благотворительности и социального инвестирования / Пер. с англ. С. Филин. – М.: Издательство Альпина Паблицер, 2016. С. 7.

²⁵⁸ Там же. С. 8.

и разнообразные социальные предприятия, кооперативы, другие гибридные организации. В то время как традиционная благотворительность рассматривает свою работу через призму пожертвования, сосредотачиваясь исключительно или, по меньшей мере, в основном на социальном воздействии, действующие лица в новых областях благотворительности рассматривают свою работу через призму инвестиций, фокусируясь как на социальном воздействии»²⁵⁹.

Он далее утверждает, что «подходы, ориентированные на рыночные отношения, продолжают работать даже тогда, когда заканчиваются пожертвования филантропов. Поэтому они должны стать частью решения большой проблемы бедности»²⁶⁰. Нельзя не согласиться с утверждением учёного, что новая благотворительность – лишь часть решения проблемы чудовищной бедности, которая носит масштабный характер, нарастает и требует всестороннего осмысления. Поиск новых экономических методов воздействия на социально неблагополучное общество и своевременных решений проблемы бедности весьма важен. Очевидно, что исторически не сложилась никакая форма науки о благотворительности. Филантропия ориентирована на результат, который всегда субъективен. Оценить практику благотворительного влияния весьма сложно. Возможно, с этим фактом отчасти связана попытка переориентировать дискурс по вопросам благотворительности в сугубо экономическое русло, уходя от духовно-нравственных категорий, где как кажется на первый взгляд – не избежать оценочных суждений и эмоциональных пристрастий²⁶¹.

Несмотря на то, что в вышеупомянутой новой парадигме благотворительности ведущее место уделяется решению проблемы преодоления социальной несправедливости и бедности, исследователем нивелируется ясное осмысление аксиологических основ, а также – внутренних движущих механизмов благотворительности, присущих её традиционным формам, отсутствуют понятие

---

²⁵⁹ Там же. С. 9.

²⁶⁰ Там же. С. 48.

²⁶¹ См.: *Пирогов А.А.* Трансформация понятия благотворительности в условиях постинформационного общества // *Философская аналитика цифровой эпохи: сб. науч. статей / отв. ред. Л.В. Шиповалова, С.И. Дудник.* – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2020. С. 252–269.

жертва и *жертвенность*, не замечается духовно-нравственной смысл составляющий мировоззренческую основу филантропии. Нам представляется, что демаркационная линия кризиса проходит не только в экономической сфере и области несправедливого распределения ресурсов, но и в сфере нравственности, где наблюдается обесценивание личности человека, идентичности, языка, культуры и жизни, как высшей ценности. Утрата морали, ценности жизни, как и экономический спад ставят перед вдумчивым исследователем новые задачи в области благотворительности. Финансы определённо не являются универсальной абсолютной духовной ценностью и их перераспределение в пользу нуждающихся не видится как актуальная сверхзадача, а благо как абсолютную категорию невозможно измерить, суждение о нём субъективно. Автор этого исследования полагает, что наряду с этими новыми формами благотворительности прежние не потеряли свою значимость и имеют свои социальные точки приложения. Заповеди любви и блаженства не утратили своей нравственной значимости в либеральном обществе, но приобретают новое звучание. Государство не должно вмешиваться в область благотворительности? А.С. Панарин отвечает на вопрос о кажущемся противостоянии: «Ведёт ли либеральный принцип невмешательства государства в экономическую и социальную жизнь к торжеству права?.. сильные, как правило, не нуждаются в праве – им выгодна стихия социал-дарвинизма (закон джунглей)»²⁶². Слабые должны быть отвергнуты сильнейшими и богатыми мира сего? Ответ может быть только отрицательным. Сдерживающим от зла и бесправия фактором остаётся христианство, с его вневременной заповедью милосердия и традиционной благотворительностью. Иоанн Павел II говорит о милосердии: «это та цель, на достижение которой должны быть направлены все наши усилия - как в области социальной и культурной, так и в области экономической и политической. Следует добавить, что цель эта никогда не будет достигнута, если в наших понятиях и в нашей деятельности, касающейся широкой и сложной области общественной

---

²⁶² Панарин А.С. Политология. Западная и Восточная традиции: Учебник для вузов. – М.: Книжный дом «Университет», 2000. С. 30.

жизни, мы будем придерживаться принципа "око за око, зуб за зуб" (Мф 5.38)»²⁶³. Другими словами, закон мести, закон выживания сильнейшего – абсолютно неприемлемы для человека, но напротив – милосердие, которое не только не противоречит справедливости, но выражает его суть в прощении. Милосердие и любовь необходимы для утверждения самого человека как такового, они выражают его истинную суть и направленность к другому человеку и Трансцендентному. По мнению автора, во все сферы современной жизни для преобразования стоит принести прощение и милосердие²⁶⁴.

Что же тогда сегодня настоящая благотворительность, соотносящаяся с категорией блага, что лишь симулякр, форма, лишённая связи с исходной реальностью? Можно предположить, что потребность в благотворительном мифе – это всего лишь приобретенная привычка, которая умело поддерживается социальными институтами и эксплуатируется СМИ. Например, огромное число современных благотворительных организаций продолжают использовать в своих названиях понятия, соотносящиеся по смыслу с традиционным восприятием милосердия, сострадания, добра, нравственных и семейных ценностей («Добро», «Сострадание», «Помощь», «Милосердие», «Батюшка», «Благо» и другие). Создатели организаций и фондов пытаются внушить мысль, что обращение жертвователей к такой организации за посредничеством в области благотворительности обязательно приводит к формированию традиционных нравственных ценностей, действенной помощи конкретному лицу. Однако в целом доверие общества к деятельности благотворительных организаций невелико²⁶⁵. Это

---

²⁶³ Папа Иоанн Павел II. Бог, богатый милосердием. *Dives in misericordia*. Энциклика о Божьей любви к человеку. [Электронный ресурс] URL: <http://krotov.info/acts/20/voityla/19801130.html> (дата обращения: 31.05.2021).

²⁶⁴ Там же.

²⁶⁵ Одна из крупных проблем этой области заключается в том, что «в России с 2017 года действует закон об НКО, но пока отсутствуют и профессиональные стандарты качества оказания социальных и благотворительных услуг, и рекомендации к стандартам публичной отчётности благотворительных организаций». Другими словами, донору совершенно невозможно объективно проконтролировать деятельность современных благотворительных организаций, дать оценку этичности и благости действий по распределению аккумулированных ресурсов. См.: Доверие в благотворительности: от этического кодекса к профессиональным стандартам. ТАСС. Официальный сайт. [Электронный ресурс] URL: <https://tass.ru/pmef-2017/articles/4291497> (дата обращения: 12.05.2021).

связано с злоупотреблениями и хищениями материальных средств в этой сфере, что неоднократно отмечалось рядом исследователей благотворительности²⁶⁶.

Нам представляется, что современные СМИ закрепляют у человека устойчивый положительный образ и тоталитарный характер общества потребления, которое становится на место справедливого судьи и иерарха, исполнителя социальных нужд, появляется истерический и импульсивный характер благотворительности. Незамедлительное восполнение любой материальной потребности и реализация субъективного желания манифестируются как обязательное проявление свободы воли и независимости человеческого выбора. Впору говорить о необходимости идейной, нематериальной нравственной и этической благотворительности, когда любое личное проявление морального добра выглядит как героический поступок и человеколюбивый подвиг. Однако традиционная благотворительность от человека к человеку, без посредников, без награды и саморекламы, без теленаблюдения и PR-кампаний – не перестала существовать, она трансформировалась вместе с обществом, принимая новые социально значимые формы. Мыслитель М. Нуссбаум отмечает тот негативный факт, что в современном образовании происходит постепенное негуманное перераспределение материальных средств в пользу тех дисциплин, которые дают скорую прибыль учебному заведению. Нуссбаум защищает идею доступного философского образования и проводит границу между образованием для прибыли и демократическим образованием, благотворительностью ради прибыли и подлинной филантропией²⁶⁷. Это осмысление важно не только для укрепления социальных институтов, но и для воспитания ученых элит и дает возможность состоятельным жертвователям увидеть мир глазами бедных людей, сопереживать им, оказывать настоящую благотворительность, не основанную на прибыли и своекорыстии, а исходящую из внутренней исполненности, осознания ценности

---

²⁶⁶ Как воруют в благотворительности? Фонд Живое Предание. [Электронный ресурс] URL: <https://blog.predanie.ru/article/kak-voruyut-v-blagotvoritelnosti/> (дата обращения: 12.05.2021).

²⁶⁷ Нуссбаум М. Не ради прибыли: зачем демократии нужны гуманитарные науки / Пер. с англ. М. Бендет. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014. С. 190.

своей и чужой человеческой природы, и значимости в современном мире милосердия. Л. Саламон также утверждает, что «ценности — не только нравственные ориентиры, но и индикаторы гуманности и цивилизованности общества»²⁶⁸. Следовательно, современное образование не должно опираться только на логику извлечения экономической прибыли, но искать вовлечения новых форм благотворительности. Мы видим здесь преобразующее влияние ещё одной современной формы благотворительности, в основе которой заложена филантропическая идея доступного бесплатного гуманитарного образования.

Криминолог Нильс Кристи намеренно обостряет вопрос влияния благотворительности на образование, применяя тему к пенитенциарной системе и области социальной адаптации. Мыслитель вопрошает: «Справедливо ли то, что человек, отбывший срок заключения или прошедший лечение в психиатрической больнице, уравнивается при поступлении в университет в правах с теми, кто получил высокие оценки в школе или имеет трудовой стаж? В большинстве случаев мы отвечаем на этот вопрос утвердительно. К счастью, таковых бывает немного»²⁶⁹. Другими словами, границы благотворительности должны быть сильно расширены и лица, прошедшие пенитенциарную систему, по мысли Кристи, могут поступать в учебные заведения на льготных основаниях.

Как мы видим, благотворительность становится инвестированием в социокультурные ценности, фундаментом демократического общества нового типа. Это не только попытка трансформации мира, но поиск путей решения проблемы социального неравенства в области образования, расставление моральных маркеров и индикаторов гуманности²⁷⁰.

---

²⁶⁸ 10 мифов о гражданском обществе, которые развенчал Лестер Саламон. Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики: [Электронный ресурс] URL: <https://www.hse.ru/news/126676910.html> (дата обращения: 21.05.2021).

²⁶⁹ Кристи Н. Борьба с преступностью как индустрия. Вперед, к ГУЛАГУ западного образца / Пер. с англ. А. Петрова, В. Пророковой. Предисл. Я. Гилинского. 2-е изд. – М.: РОО «Центр содействия реформе уголовного правосудия», 2001. С. 141.

²⁷⁰ См.: Пирогов А.А. Трансформация понятия благотворительности в условиях постинформационного общества // Философская аналитика цифровой эпохи: сб. науч. статей / отв. ред. Л.В. Шиповалова, С.И. Дудник. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2020. С. 252–269.

Для нашего исследования важен тот факт, что инвестиция в образование лиц из состава спецконтингента способствует их ресоциализации и становится перспективной областью приложения благотворительности в условиях пенитенциарной системы. Например, в 2019 году значительно возросло число осуждённых, которые проходили дистанционное обучение в различных учебных заведениях России²⁷¹. Широкомасштабный доступ к ресурсам образования является одной из важных и достижимых целей современной благотворительности, что применимо и к условиям тюремной системы.

Делая выводы данной части нашего исследования, стоит упомянуть, что использование понятия традиционная благотворительность для обозначения процессов воздействия на общество вполне обоснованно, поскольку напоминает о том, что, основная её цель остается социальной. Понятия традиционная благотворительность и новая благотворительность не исключают друг друга, а являются различными проекциями одного и того же социального процесса. Не имеется точного и всеобъемлющего определения феномена благотворительности, а также – единой терминологии в данной области, в которой идёт постоянная *благотворительная революция*, сопровождающаяся трансформацией и изменением смыслов. Сегодня следует говорить о сосуществовании упомянутой выше традиционной благотворительности и новой благотворительности, не соотносящейся с категорией Абсолютного блага. Несмотря на то, что новая благотворительность ещё должна получить достаточное социально-философское осмысление, она уверенно занимает свою нишу в условиях постинформационного общества. Масштабные цели благотворительности по-прежнему имеют отношение к остро нуждающимся в поддержке многочисленным социальным группам. От рассмотрения аксиологических и онтологических основ благотворительности перейдём к анализу духовно-религиозных основ пенитенциарной системы.

---

²⁷¹ Число заключенных, получающих образование в колониях, выросло втрое. Российская газета. Официальный сайт. [Электронный ресурс] URL: <https://rg.ru/2019/02/08/chislo-zakliuchennyh-poluchaiushchih-obrazovanie-v-koloniiah-vyroslo-vtroe.html> (дата обращения: 21.05.2021).

Глава 2. Духовно-религиозные истоки пенитенциарной системы

2.1 Европейская и североамериканская благотворительность Нового времени и пенитенциарная система²⁷²

Идейным переходом от различных видов попечения о бедных к направленной организованной благотворительности применительно к пенитенциарной системе явился английский закон 1601 г. Согласно ему мировой судья в каждом приходе назначал попечителей, которые «обязаны были всех лиц не имеющих средств к существованию и постоянного рода занятий обращать к работе»²⁷³. Здесь мы видим настоящий переход к социальной системе, когда жители прихода облагаются налогом, для обеспечения трудом туземцев в «рабочих домах», для содержания тех, кто по состоянию здоровья не может работать, и для образования подростков. Мы видим, что благотворительность находит все ранее обозначенные нами точки применения: больницы, тюрьмы и школы, наблюдается также начальное формирование системы ресоциализации. На первый план ставится принуждение к работе, что потом используется практически во всех моделях пенитенциарной системы.

Предположительно, в основе гуманизации тюремной системы по всему миру реализована идея религиозного протестантского движения Религиозного общества друзей «квакеров» – о покаянии преступника как основе его исправления. Общество квакеров было основано английским проповедником Джорджем Фоксом (1624–1691), который всесторонне изучил тюремную проблематику, поскольку сам несколько раз находился в заключении за свои убеждения. Фокс и его последователи распространили гуманистические и пацифистские идеи квакеров на Северную Америку и Европу. Принято считать, что первая пенитенциарная

²⁷² В параграфе использованы фрагменты статьи Пирогов А.А. Духовно-религиозные истоки пенитенциарной системы в России XIX века в свете формирования отечественной модели толерантности. Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2020. Том 21. Вып. 3. — СПб.: Издательство РХГА. С. 295-304.

²⁷³ *Георгиевский П.И.* Призрение бедных и благотворительность. СПб.: Тип. Мор. м-ва, 1894. С.

система образовалась в конце XVIII века, когда североамериканские квакеры в Пенсильвании в 1787 г. основали «Общество облегчения страданий арестантов».

Пенологи сходятся во мнениях, что квакеры не только разработали философское и теологическое осмысление таких функций пенитенциарной системы как исправление и наказание, но и добились испытания её на практике. Этого мнения придерживались либеральные французские учёные-тюрьмоведы Алексис де Токвиль²⁷⁴ и Гюстав-де-Бомон²⁷⁵, которые популяризировали квакерскую систему в Европе. Итогом их совместного путешествия по США стала изданная на французском языке в 1833 году книга с подготовленным для правительства отчётом о состоянии пенитенциарных учреждений в США²⁷⁶, где авторы с восторгом говорят о гуманности системы, предложенной сектой квакеров и настаивают на необходимости перенесения опыта одиночного заключения в Европу, предлагая замену широко применяемого наказания в виде ссылки одиночным заключением. Книга повлияла на изменение парадигмы исправительной системы и ход реформ пенитенциарной системы. Она не только переиздавалась на французском языке в 1836 и 1845 году, но и переводилась на английский и немецкий языки (1833). Данное произведение было весьма популярно в научных и общественных европейских кругах XIX столетия и положило основу социального дискурса о гуманизации тюремной системы. Отечественный исследователь С.А. Васильева придерживается сходной точки зрения о религиозных истоках пенитенциарной системы и утверждает, что именно квакеры предложили «первую “теологию тюрьмы” – концепцию религиозного обоснования тюремного заточения»²⁷⁷. Автор настаивает, что термин «теология тюрьмы» в русской литературе не имеет аналога, но «есть близкие по значению дефиниции, такие как «тюремная миссия», «духовное окормление арестантов» или «церковное

²⁷⁴ Alexis-Charles-Henri-Clerel de Tocqueville (1805—1859).

²⁷⁵ Gustave de Beaumont (1802-1866).

²⁷⁶ Тюремная система в США и ее применение во Франции (Du systeme penitentiare aux Etats-Uais et de son application en France).

²⁷⁷ Васильева С.А. «Теология тюрьмы» в проповеднической деятельности американских тюремных капелланов в начале XIX века // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. 2017. № 2. - С. 5–12.

тюремное служение», однако они характеризуют скорее внешнюю – практическую сторону деятельности тюремных священников»²⁷⁸. Здесь стоит обратить внимание на деятельную сторону этих отечественных определений – *миссия, окормление, служение* (курсив наш), тогда как для европейского и американского типа мышления в этом направлении более характерны схоластичность и сдержанная протестантская структурность.

Почему квакеры начали заниматься реформой пенитенциарной системы? Ответов на этот вопрос несколько. Во-первых, так они видели свою миссию в мире, по-протестантски буквально понимая слова Христа: «в темнице был, и вы пришли ко Мне»²⁷⁹. Они не только исполняли миссионерское поручение посещать тюрьмы, но также стремились делать узникам добра, так, как они сделали бы Самому Христу. Надо отметить, что это буквальное понимание текста Евангелия было достаточно распространённым не только в протестантской среде. Достаточно вспомнить, например, толкование на этот текст филолога и преподавателя Киево-Могилянской коллегии иеромонаха Епифания Латинского, который умер в 1675 и был полиглотом, знакомым как к римской, так и с греческой богословскими школами: «и в темнице Господь не в Себе - Он в силах любого освободить от мучений, но в Своих святых. Теперь видите, возлюбленные, что святые не сами по себе: как святые претерпевают все это ради Господа, так и Господь терпит это ради святых вместе с ними»²⁸⁰. Квакеры в Европе были религиозными диссидентами, наконец обретшими в Северной Америке религиозную свободу и право заниматься миссией. Они стремились к личной святости, аскетизму и хотели увидеть проблески добродетели в окружающих людях. Это была социально-преобразовательная активность, которую М. Вебер соотносит с теологией квакеров, в основе которой лежала не традиционная христианская аскетическая борьба с греховной плотью, но прежде всего – с приверженностью к материальным

---

²⁷⁸ Там же.

²⁷⁹ Евангелие от Матфея 25:36. Цит. по: Библия, Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Издание Московской Патриархии, 1988.

²⁸⁰ *Епифаний Латинский*. Толкование на Евангелия. [Электронный ресурс] URL: <http://bible.optina.ru/new:mf:25:35> (дата обращения: 06.02.2021).

благам, а также – с их «борьбой с нерациональным использованием имущества»²⁸¹. Квакеры сводят до минимума человеческое стремление к комфорту и роскоши «их аскеза требует постоянной личной рациональной жертвенности, а от богатых людей не умерщвления плоти, а такого употребления богатства, которое служило бы необходимым и практически полезным целям»²⁸². Полезными они считали: миссионерство, благотворительность, создание школ и гуманных исправительных учреждений. Во-вторых, квакеры верили, что печатное Слово Божие может сверхъестественным образом воздействовать на человека так, что он, читая Библию, переживёт личное озарение, внутри него воссияет *Внутренний Свет как осязаемый опыт*²⁸³. Объяснениями сущности этого процесса изобилует литература квакеров, *Внутренний Свет* не тождественен совести или разуму²⁸⁴, это некое ощущение присутствия Христа. Арестант, переживший мистическую внутреннюю встречу с Христом, обязательно встанет на путь исправления, поскольку квакеры не верили в первородный грех и полную испорченность человеческой природы. Таким образом, последующее изменение жизни преступника доказывало непреложность и практичность истин Писания, а также верность учения самих квакеров. Ответ на молитву сами квакеры ожидали в полной тишине и сосредоточенном размышлении, что мы видим и в практике одиночного заключения, где религиозно неподготовленному человеку предлагается не только побыть наедине со своими мыслями, но и посвятить время молитве, а также чтению и изучению Библии. Не стоит упускать из внимания тот факт, что секта квакеров была европейского происхождения, одним из результатов Реформации. В Северную Америку квакеры спасались от религиозных гонений, это наложило отпечаток на их мировоззрение. Из Америки квакеры вновь распространяют свое идейное влияние на Европу²⁸⁵. Это своеобразное «второе пришествие»

²⁸¹ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Религия и общество: хрестоматия по социологии религии / сост. В. И. Гараджа, Е. Д. Руткевич. – М.: Аспект Пресс, 1996. С. 614.

²⁸² Там же.

²⁸³ Бринтон Говард. История и вера Общества Друзей со времени основания квакерского движения Джорджем Фоксом. М.; Friends House Moscow, 1988. С. 15.

²⁸⁴ Религиозное общество друзей. Квакеры. Официальный сайт. [Электронный ресурс] URL: <https://quakers.ru/> (дата обращения: 08.03.2021).

²⁸⁵ Там же.

мистических идей протестантских сект, обновленных не только теорией, но главное – практическими победами своего радикального учения на поле социальной деятельности.

Токвиль, сравнивая новую американскую тюремную систему с французской, отмечает, что «инфекция взаимного общения, которая развращает заключенных в наших тюрьмах, не вредит их душе и их телу»²⁸⁶, поскольку арестанты находятся в гуманном одиночном заключении. При этом квакеры понимали, что уровень грамотности у заключённых весьма разный, поэтому также предлагали заключённым элементарное религиозное и общее образование. Интересно, что квакеры, которые отрицают всякие символы веры и официальные церкви, в своих исканиях всё-таки обращались к известным в раннехристианской церкви практикам и основам покаяния (от лат. *poenitentia* «раскаяние, поворот»), подробно описанной в «Исповедь» блаженного Августина. В первохристианской церкви наряду с исповеданием веры (*confession fidei*) существовала практика публичной исповеди, так исповедание грехов (*confession peccatorium*), когда человек без принуждения открыто называл свои грехи, таким образом выражая желание получить прощение от Бога и исправиться. Например, это имело место в известной истории Амвросия Медиоланского и императора Феодосия, который вынужден был превысить власть и уничтожить граждан в Фессалониках. Епископ Амвросий побуждал императора публично покаяться в содеянном, что и было сделано монархом. Здесь мы обращаем внимание на факт публичного покаяния, которое происходило под влиянием представителя Церкви и под пристальным вниманием социума. В роли Прощающего выступала сама Церковь, действующая от имени и по поручению Бога, а народ – как христианская община, принимающая грешника после покаяния. В исповедании (*confession*) достигается значимая для индивида и общества практическая истина. Она является как средством познания Бога, так и понимания кающимся грешником самого себя.

---

²⁸⁶ Beaumont G., Tocqueville A. On the Penitentiary System in the United States and its Application to France. Publisher: Palgrave Macmillan 2018. P. 97.

Этот процесс точно охарактеризован французским феноменологом Жаном-Люком Марионом в его книге, представляющей комментарий на «Исповедь» блаженного Августина: «Истина может даваться лишь тогда, когда истина творится – и в первую очередь тогда, когда творится истина обо мне, получающем ее»²⁸⁷. Таким образом, арестант – это универсальный кающийся грешник, который должен осознать истину вне себя и в самом себе, встретиться с ней. В ранней церкви кающийся одевался в специальные покаянные одежды (*penitentium*), следовал особому чину покаяния (*ordo penitenciorum*). Не трудно заметить аналогию с арестантской одеждой, практикой, применяемой и по сей день. Обязателен был пост, как древняя ветхозаветная практика, указывающая на глубокое смирение и раскаяние.

Также в «Сумма теологии» Фомы Аквинского и «Толковании псалмов» блаженного Августина упоминается ещё один необходимый атрибут покаяния – дела милосердия (*opera misericordiae*)²⁸⁸. Псалом 125 посвящен такой практике покаянных дел: «Сеявшие со слезами будут пожинать с радостью, с плачем несущий семена возвратится с радостью, неся снопы свои» (Пс. 125:5-6)²⁸⁹. Традиционно сеемые семена толкуются как *дела милосердия*²⁹⁰, которые принесут кающемуся в слезах плод в вечностной трансцендентной перспективе. Квакеры, отрицавшие любую официальную церковь, переносят данную практику на общество: индивид раскаивается и облачается в тюремные одежды, а в случае с пенсильванской системой – особые арестантские робы с капюшонами, защищавшими их от контактов с другими арестантами. Арестант также трудится на общественных работах, совершает дела, свидетельствующие об изменении и примирении с Богом. Обратим внимание на то, что примирение происходит не с Церковью, а с Богом и, конечно, обществом, которое по-отечески принимает блудного сына в свои ряды, как послушного гражданина. Этот процесс и его

²⁸⁷ Марион Ж.Л. Эго, или Наделенный собой. Рипол-классик. М., 2019. С. 186.

²⁸⁸ *Augustini Sancti Aurelii. Hipponensis Episcopi. Opera Omnia. Volume 4 (Latin Edition). Parisi 1841. P. 1664*

²⁸⁹ Цит. по: Ветхий и Новый Завет. Тексты Священного Писания. Синодальный перевод. М., 1983

²⁹⁰ *Августин Блаженный «Толкование на псалом 125»* [Электронный ресурс] URL:

https://azbyka.ru/otechnik/Avrelij_Avgustin/tolkovanie-na-psalom-sto-dvadtsat-pjatyj/ (дата обращения: 06.02.2021).

результат воодушевляли Токвиля, видевшего в данной системе прежде всего – инструмент воспитания послушных и полезных обществу граждан, где Церковь как институция находится в стороне. Стоит заметить, что несомненность авторитета Церкви в Европе, как традиционного института повсеместно ставился под сомнение, однако теория и особенно – практика покаяния оказались востребованными. Роль *Прощающего* (курсив наш) стали занимать государство и общество.

Итак, в штате Пенсильвания, названном в честь отца лидера квакеров Уильяма Пенна (1644-1718), «в 1876 году голос квакеров был услышан»²⁹¹ и создаются основы новейшей, в последствии названной пенсильванской тюремной системой, по тем временам весьма прогрессивной. Она подразумевала: полное разделение заключенных, одиночное заключение арестанта в камере, создание условий для вдумчивого чтения Библии, тишину, которая позволяла размышлять над содеянным и раскаиваться, а в родственной ей *обернской системе*²⁹² для исправления сочетались воспитательный труд и жесткая дисциплина. Эксперимент удался так, что «первый штат, где прижилась данная система был Нью-Йорк, который в 1797 году принял основы новой системы заключения в уголовное право»²⁹³. Реформа пенитенциарной системы далее стремительно распространяется по территорию североамериканских штатов, наказания становятся более мягкими, а одиночное заключение теперь широко применялось вместо смертной казни. Стоит отметить, что результаты труда заключённых использовались обществом и это также служило доказательством исправления преступников, публичным подтверждением заглаживания его вины.

Несмотря на то, что в сегодняшнем контексте такое содержание выглядит дискриминационным и даже бесчеловечным, способствующим душевным заболеваниям и суицидам, в XVII – XIX столетиях это была весьма передовая и гуманная система, а сами квакеры также выступали за отмену смертной казни,

---

²⁹¹ *Beaumont G., Tocqueville A. On the Penitentiary System in the United States and its Application to France. Publisher: Palgrave Macmillan 2018. P. 4.*

²⁹² по имени города Оберн, штат Нью Йорк в США.

²⁹³ Там же.

против жестокого обращения с заключёнными и психически больными. Ведь в тогдашней пенитенциарной системе повсеместно в качестве «гуманной практики» по отношению к преступникам повсеместно применялись: смертная казнь, ссылка, пытки и телесные наказания. Результаты наработок квакеров, как и идеи тюрьмоведов-гуманистов Джона Говарда (1726-1790) и Иеремии Бентама (1748-1832), также предлагавших свои альтернативные подходы в пенитенциарной сфере, распространялись весьма стремительно по всему миру. Н. Кристи поясняет, что Бентам способствует появлению «центральной для своего времени идеи уголовного права о *felicific calculus*: человек стремится получить максимальное удовольствие и испытать минимальные страдания»²⁹⁴. Вполне понятно, что идеи Бентама и Говарда весьма широко обсуждались в научных и общественных кругах, смелым научным интуициям искали применения и в пенитенциарной системе по всему миру.

Российская пенитенциарная система также испытывала влияние вышеобозначенных идей, хотя и имела свои характерные особенности формирования, а также – личностей, которые оказали на неё существенное влияние. Описание этого феномена заслуживает отдельного краткого рассмотрения, что позволяет формат данного исследования.

Рубеж XVIII – XIX веков – зарождение промышленного капитализма, происходит смена прежней экономической парадигмы, по выражению Маркса: «мельница создала феодализм, а паровая машина – капитализм»²⁹⁵. Наступил период классического капитализма, промышленная революция сопровождается не только резким повышением производительности труда, но и перестройкой пенитенциарной системы, которая теперь должна быть экономичной и производительной. Говоря о зарождении капитализма и влиянии на этот процесс протестантизма, М. Вебер предостерегает: «программа этической реформы

---

²⁹⁴ Кристи Н. Борьба с преступностью как индустрия. Вперед, к ГУЛАГУ западного образца / Пер. с англ. А. Петрова, В. Пророковой. Предисл. Я. Гилинского. 2-е изд. – М.: РОО «Центр содействия реформе уголовного правосудия», 2001. С. 187.

²⁹⁵ Маркс использует слово «капитализм» в своей работе «Нищета философии» в 1847 году.

никогда не стояла в центре внимания кого-либо из реформаторов»²⁹⁶. Они не видели моральной ценности в накоплении излишних материальных средств, «не были ни основателями обществ «этической культуры», ни носителями гуманных стремлений и культурных идеалов или сторонниками социальных реформ. Спасение души, и только оно, было основной целью их жизни и деятельности. В нём и следует искать корни этических целей и практических воздействий их учений; те и другие были лишь следствием чисто религиозных мотивов»²⁹⁷. С этим нельзя не согласиться, применяя утверждение М. Вебера к теме нашего исследования.

Пенитенциарная система, как и благотворительность, в протестантском понимании, служила делу спасения души как собственной, так и другого человека. Протестанты, согласно М. Веберу, намеренно не пробуждали дух капитализма, но спасали душу человека, используя для этого все возможные способы. В протестантской литературе это иллюстрируется достаточно ярко. Теолог Коллинз уверенно объясняет причину благотворительности: «Бог любит тех, кто даёт по расположению сердца, и мы видим, что повсюду в Библии особое внимание уделяется подаянию Богу, нищим и друг другу. Иногда такая благотворительность награждается материальным богатством и/или духовным благословением, но, как мы убедились, такое происходит не всегда»²⁹⁸. Другими словами, императивом служат слова Библии, а целью – спасение душ. Однако Коллинз не забывает прагматично напомнить о грядущей материальной награде для жертвователя, хотя и делает оговорку, что её не стоит ждать или требовать²⁹⁹. С одной стороны, деньги и собственность установлены Богом, с другой составляют проблему, поэтому предлагается благотворительность, которая может быть, как личной, так и через общину, которой уделяется процент от финансового дохода³⁰⁰.

²⁹⁶ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Религия и общество: хрестоматия по социологии религии / сост. В.И. Гараджа, Е.Д. Руткевич. – М.: Аспект Пресс, 1996. С. 610.

²⁹⁷ Там же.

²⁹⁸ Коллинз Г. Пособие по христианскому душепопечению / Пер. с англ. А.А. Баев – СПб.: Мирт, 2003. С. 718.

²⁹⁹ Там же.

³⁰⁰ Коллинз Г. Пособие по христианскому душепопечению / Пер. с англ. А.А. Баев – СПб.: Мирт, 2003. С. 714-733.

Протестантский теолог С. Мейер, объясняя проблему денег, в свою очередь настаивает, что это «своего рода духовный наркотик, убивающий в человеке восприимчивость к истинным ценностям»³⁰¹. Избавление от этой власти денег видится в разных формах благотворительности, ибо «в сборах денег или других средств к существованию для нуждающихся выражается забота, милосердие и сострадание»³⁰². Автор говорит и о протестантской мотивации для такой благотворительности: «Поскольку Бог щедр к нам, мы должны быть добры по отношению к окружающим. Поэтому подавание и другая подобная благотворительность считаются делами милосердия»³⁰³.

Д. Лукач, указывая на проблему «обмирщения» религии в Америке, приводит в пример исследования протестантизма М. Вебером, настаивает, что «содержание веры, постепенно отдаляется от её приверженцев»³⁰⁴. Капитализм проникает во все сферы социальной и религиозной жизни и снимает с себя функцию ответственности. М. Вебер напоминает случай, что вход для человека в религиозную протестантскую группу открывает «банковские кредиты по всей округе и делает его неограниченно кредитоспособным вне всякой конкуренции»³⁰⁵. Н. Кристи напоминает, что тюрьмы в капиталистическом мире, в эпоху индустриализации превратились в производства и фабрики, а «зло становится валютой, стоимость которой определяется страданием»³⁰⁶. Здесь уместно упомянуть, что Г. Зиммель также отмечал, что поведение человека в обществе «имеет характерную степень возвышенности, самоотдачи, жертвенности, интимности»³⁰⁷, но в наказании имеется и экономический механизм. Если

---

³⁰¹ Евангельский словарь библейского богословия под редакцией Уолтера Элуэлла / Пер. с англ. В.Н. Гаврилов. – СПб.: Библия для всех, 2000. С. 278.

³⁰² С. 568.

³⁰³ Там же.

³⁰⁴ Лукач Д. Своеобразие эстетического // Религия и общество: хрестоматия по социологии религии / сост. В.И. Гараджа, Е.Д. Руткевич. – М.: Аспект Пресс, 1996. С. 391.

³⁰⁵ Там же.

³⁰⁶ Кристи Н. Борьба с преступностью как индустрия. Вперед, к ГУЛАГУ западного образца / Пер. с англ. А. Петрова, В. Пророковой. Предисл. Я. Гилинского. 2-е изд. – М.: РОО «Центр содействия реформе уголовного правосудия», 2001. С. 152.

³⁰⁷ Зиммель Г. К социологии религии // Георг Зиммель. Избранное. Том 1. Философия культуры — М.: Юрист, 1996. С. 633.

социальные процессы сначала происходят в душах личностей, то деньги – антиличностный элемент, который стал экономической основой жизни и наказания.

Французский философ Э. Мунье также подвергает резкой критике капиталистический подход к социальным вопросам за то, что он уводит капитал от ответственности, извращая подлинный характер вещей, и в результате направлен против личности и труда³⁰⁸. Это ведёт к уничтожению личности человека распаду его системы ценностей: «Современный мир расщепил человека на отдельные части, и каждая из них, будучи оторванной от целого, приходит в упадок»³⁰⁹. В понимании Мунье³¹⁰, полностью несовместимый с миром Абсолют создаёт ясные нравственные ориентиры, в том числе и в вопросах жертвенности³¹¹. От христианства ожидалось и ожидается, что оно выступит как новый и лучший мир, противоположный бесчеловечности и жестокости, что особенно актуально в период мировых войн и великих социальных потрясений. Насколько исполнилось это ожидание? Вопрос риторический.

Важно отметить вывод, что одиночная система изоляции в новых социально-экономических условиях выглядела прогрессивной и выгодной моделью исправления. Заключённый молчаливо занимается исправляющей трудовой деятельностью, освобождается из мест заключения как новая личность, напоминающая больше не человека, а капиталистическое орудие производства. После анализа истоков европейской и американской системы благотворительности последовательно перейдём к рассмотрению подобной проблематики в контексте России.

---

³⁰⁸ Майка Ю. Социальное учение католической церкви. Опыт исторического анализа. – Рим – Люблин.: Издательство Святого Креста, 1994. С. 350.

³⁰⁹ Мунье Э. Что такое персонализм? / Пер с франц., примеч. И.С. Вдовиной. – М.: Издательство гуманитарной литературы, 1994. – С. 100.

³¹⁰ Э. Мунье по вероисповеданию католик.

³¹¹ Э. Мунье подвергает критике и марксизм, поскольку он негуманно препятствует развитию человеческой личности, даёт простор коллективному человеку и не замечает персонализм.

2.2 Российская благотворительность и пенитенциарная система³¹²

Организованная российская благотворительность началась с 1802 года, когда было утверждено филантропическое общество, которое «к 1816 получило стройную организацию под именем “Императорского человеколюбивого общества” и составило самостоятельное и весьма обширное ведомство»³¹³. Институт благотворительности постепенно затронул все сферы общественного призрения, а также – тюрьмы и каторгу.

Стоит отметить, что в заведениях российской пенитенциарной системы XIX века содержалось сравнительно мало заключённых³¹⁴, большая часть которых была сосредоточена далеко от дома – в Сибири и позднее – на Сахалине. Становится понятны идейные основания последовательного требования российских пенологов (М.Н. Галкин-Враской, В.А. Соллогуб) – обеспечить заключённым не только достойное человека существование, но и отбывание наказания недалеко от тех мест, где он родился и проживал³¹⁵.

Для сравнения, в заведениях ГУЛАГа по разным данным только в 1923 году содержалось 68 297 человек и около 60 тысяч в различного рода исправительных учреждениях³¹⁶, а в современной России общее число заключённых за различные преступления в 2020 году составляет 496 791 человек, по сравнению с 2019 годом

³¹² В параграфе использованы фрагменты статьи *Пирогов А.А.* Социальные реформы или душеспасительный pietизм? Научный опыт В.А. Соллогуба как тюрьмоведа. Научное мнение. 2020. № 5. Санкт-Петербургский университетский консорциум. Санкт-Петербург. С. 40-46.

³¹³ *Георгиевский П.И.* Призрение бедных и благотворительность. СПб.: Тип. Мор. м-ва, 1894. С. 29.

³¹⁴ В 1892 г. на территории России было всего 11 каторжных тюрем и острогов, где содержалось в общей сложности 5 335 человек, в том числе 369 женщин (Гернет М.Н. История царской тюрьмы: в 5 т. – М., 1962. – Т. 4. – С. 35).

³¹⁵ На необходимость организации колоний рядом с теми городами, где были задержаны бродяги и преступники, указывает также П.И. Георгиевский, который не относится к пенологам, а был экономистом. Свою позицию он объясняет прежде всего – экономической целесообразностью, поскольку на налоги жителей города можно было бы содержать колонии, где происходит перевоспитание.

³¹⁶ См. *Солженицын А.И.* Архипелаг ГУЛАГ 1918–1956, часть III–IV. – Москва, 2008.

численность спецконтингента сократилась на 500 тысяч³¹⁷. В 2021 году численность заключённых имеет стойкую тенденцию к снижению³¹⁸. Царская Россия отнюдь не была «тюрьмой народов». Более того, места заключения рассматривались как поле для благотворительной и просветительской деятельности.

В этой связи очень важно отметить, что XIX веке на мировом уровне широко происходит обмен информацией по вопросам реформирования тюремной системы, российские представители участвовали в международных конгрессах, им приходилось отвечать на ряд неудобных вопросов: об условиях содержания, о судьбах детей заключённых, о смертности арестантов и пр. Однако Россия с тюремными реформами сильно запаздывала³¹⁹.

Например, гуманист и филантроп немецкого происхождения доктор Фёдор Гааз (1780-1853), ещё во втором десятилетии XIX столетия решительно требует от российской власти отмены пыточных практик: маятникового этапирования осуждённых преступников на каторгу в увечащих кандалах, скованных группами при помощи металлического прута, унижительного бритья половины головы. Филантроп также требует: улучшения питания и медицинского обслуживания, отдельного содержания заключённых, изолирования мужчин от женщин и детей. Гааз лично готовит, печатает и распространяет среди узников небольшие трактаты библейских наставлений на русском языке. Несомненно, в этом видится влияние известных вышеупомянутых идей американских и европейских протестантов,

---

³¹⁷ Гликин К. Число заключённых в России впервые стало меньше на 0,5 млн. Газета «Ведомости» 14 августа 2020. Электронный ресурс <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2020/08/13/836640-chislo-zaklyuchennih> (Дата обращения: 9 января 2021)

³¹⁸ По состоянию на 1 января 2021 г. в учреждениях уголовно-исполнительной системы содержалось 482,9 тыс. осужденных, подозреваемых и обвиняемых, что на 381,1 тыс. человек меньше, чем за аналогичный период 2010 года (на 1 января 2010 г. - 864 тыс. человек). Так, в исправительных колониях по состоянию на 1 января 2021 г. содержалось 354,1 тыс. человек, что на 369,8 тыс. человек меньше, чем за аналогичный период 2010 года (на 1 января 2010 г. - 723,9 тыс. человек). См.: Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2030 года, утвержденная распоряжением Правительства РФ от 14.10.2010 № 1772-р. (ред. от 23.09.2015) [Электронный ресурс] URL: <http://publication.pravo.gov.ru/File/GetFile/0001202105050004?type=pdf> (дата обращения: 18.03.2021).

³¹⁹ Никитин В.Н. Тюрьма и ссылка. – СПб., 1880. [Электронный ресурс] URL: <http://elibr.shpl.ru/ru/nodes/3225-nikitin-v-n-tyurma-i-ssylka-1560-1880-g-spb-1880> (дата обращения: 06.02.2021).

квакеров и гуманистов, а также – искренняя вера в то, что религиозное образование и просвещение принесёт человеку внутреннюю свободу и смену образа жизни.

Согласно Д. Лукачу «способ восприятия самим человеком своей связи с религией определяет всю шкалу его жизненных проявлений, которая простирается от непосредственного практического участия в обыденной жизни до экстатического ухода в жизнь святых»³²⁰. Соответственно, Гааз соотносит себя с неразделённой Церковью, потому его усилия направлены к универсальному, общему, всеобъемлющему «удовлетворять религиозные потребности как самого возвышенного, так и самого мирского характера»³²¹. Он исходит из целостности человека, его потребности в Трансцендентном и в другом человеке. Возможно, именно плоды духовных изменений Гааз искал в заключённых, которых инспектировал в течении нескольких десятков лет.

Например, в письмах Гааза к поверенному В. Дюма имеется упоминание, что доктор и его друг профессор-хирург А.И. Поль пристально следят за судьбой еврейского мальчика (Н.А. Норшина), которого Гааз «вылечил и помог избавиться от каторжного этапирования»³²². Мальчик крестился с именем Николай и по прошествии лет стал врачом в Рязани, пересказанная история постепенно превратилась в народную легенду о превращении каторжанина в хорошего гражданина. Историческое событие можно трактовать не только как победу упомянутых гуманных идей, но как результат встречи самого Гааза с заключённым, другими словами – нельзя отрицать влияние личностного примера российского филантропа. При этом не стоит забывать, что описанный случай единичен, а печатных трактатов среди заключённых раздавали тысячами. После описания исторического контекста мы вернёмся к осмыслению сходного европейского практического опыта благотворительности и проведём последовательную аналогию с Россией.

---

³²⁰ Лукач Д. Своеобразие эстетического // Религия и общество: хрестоматия по социологии религии / сост. В.И. Гараджа, Е.Д. Руткевич. – М.: Аспект Пресс, 1996. С. 389.

³²¹ Там же.

³²² Блохина Н.Н. Врачи гуманисты - современники доктора Ф.П. Гааза / Клиническая медицина. – 2012. Т. 90. № 7. С. 74-77.

Историк О.Б. Леонтьева рассуждая об историко-социальном контексте данного периода отмечает, что для него была характерна смена моделей исторического мышления, «в атмосфере Великих реформ 1860-х гг. сформировалась, по определению Н.И. Кареева, парадигма «суда над историей»: с одной стороны, для неё была характерна «благородная мечта» об объективном познании прошлого; с другой стороны, одной из важнейших функций исторического знания считался нравственный суд над явлениями прошлого»³²³. В результате парадигма сфокусировалась «в особом понимании Правды как цели познания: её трактовали как категорию скорее социальную, чем гносеологическую», а в начале XX века с этой парадигмой соседствует позитивистская, «предполагающая социологизацию исторического знания, и формирующаяся модель «исторического прозрения», основанная на христианском неоплатонизме»³²⁴. В этом контексте и стоит рассматривать усилия филантропов и реформаторов пенитенциарной системы данного исторического периода.

В России проект тюремной реформы был весьма востребован с начала XIX века, но подготовлен только в 1867 году, а на его доработку потребовалось ещё два десятилетия, на полное осуществление постоянно не хватало финансов. Формально завершение реформы окончилось созданием в 1879 году Главного тюремного управления. В 1872 г. великим царём-освободителем Александром II (1855-1881) была учреждена специальная Комиссия, которая инспектировала российские тюрьмы, а в научных и практических разработках широко использовала международный опыт в изменении самой системы наказаний. В качестве самостоятельного вида наказания заключение в тюрьмы начинает применяться в России во времена царствования Ивана Грозного, когда появляются первые тюрьмы. Уже к концу XVII века тюремное заключение как форма досудебного содержания обвиняемого применялась широко. Однако до последней четверти

---

³²³ Леонтьева О.Б. Историческая память и смена парадигм научного знания в российской культуре второй половины XIX – начала XX в. // Историческая наука и образование в России и на Западе: судьбы историков и научных школ. – М.: Институт всеобщей истории РАН, 2012. С. 153-154.

³²⁴ Там же.

XVIII столетия у правительства и общества идей по гуманной трансформации этой системы не возникало.

Необходимость реформы в XIX веке была обусловлена тем, что в тюрьмах возросло число протестов, политические заключённые не отделялись от уголовных, не было точного понятия вины, а так называемая «лестница наказаний» морально устарела и не соответствовала общественно-экономическому контексту эпохи. Стоит также отметить, что конец XVIII века и весь XIX век отличаются бурным расцветом филантропии и активностью как личностей благотворителей, так и международных организаций, оказывающих всевозможную помощь. Политическая обстановка в стране также менялась – от либерализма 1860-70-х годов к консерватизму 1880-90-х. Последнее обстоятельство следует учитывать, когда речь идёт о российской пенитенциарной реформе, на подготовку и осуществление которой в значительной мере влияли не идеи, а личности филантропов и общественных деятелей.

Какие же основные духовно-религиозные идеи повлияли на формирование российской тюремной системы этого периода? Не стоит преувеличивать воздействие религиозных идей вышеупомянутой секты квакеров, однако и оно имело место, особенно это касается условий содержания заключённых. Проповедники квакеров, будучи весьма активными, несомненно, встречались с русскими царями³²⁵, общественными деятелями и благотворителями. Царя Петра Первого они своими взглядами не заинтересовали, так как занимали откровенно антицерковную позицию. Некоторое влияние на выработку российских основ пенитенциарной системы возымела книга лидера квакеров Уильяма Пенна «Плоды уединения» (Fruits of Solitude), которую он писал с 1693 по 1702 годы. Русское издание было выполнено российским просветителем Н.И. Новиковым в 1790 году и нашло своего пытливого читателя. Квакеры определенно не верили в полную испорченность человека, но надеялись на возможность его совершенствования, это сближало их с либералами, скептически смотревшим на политические реформы

---

³²⁵ Религиозное общество друзей. Квакеры. Официальный сайт. [Электронный ресурс] URL: <https://quakers.ru/> (дата обращения: 07.03.2021).

государственной системы, однако отдававшими дань уважения и предпочтения Просвещению. Квакеры ожидали, что арестант из глубин своего естества, где сияет *Внутренний Свет*, может ответить Богу и измениться. Для этого заключенному достаточно дать прочитать текст из Библии. На лицо некоторый дуализм, который вместе с радикальным противопоставлением секты любой официальной церкви и авторитетам, делал их изгоями даже в протестантской среде, поскольку в массе своей последние считали человека тотально испорченным и соотносили себя с той или иной крупной конгрегацией.

Говоря о различии великих мировых религий и сект, Д. Лукач указывает на принципиальное отличие последних, которые «обращены к избранной и потому численно ограниченной группе единомышленников, у которых религиозность воплощается в сущности сходном содержании, на принципиально одинаковом уровне»³²⁶. Система, которую квакеры предлагали была индивидуалистичной и рационалистической. Она была практична для Северной Америки, в неадаптированном виде неосуществима в России. Во-первых, православная Церковь объединяла большую часть населения России и охватывала все области и проявления жизни русского человека. Следуя Д. Лукачу, масштабная религиозная форма, в отличие от секты, в социальном плане в удовлетворении потребностей человека стремится к многомерности и универсальности³²⁷. Э. Трелч более категоричен: «секта не воспитывает народы и массы, но собирает элиту призванных и резко противопоставляет её миру»³²⁸. Созерцательный аскетизм секты невозможно представить в форме универсальной морали, он «жестче и страшнее предуказанного Иисусом»³²⁹. Аскетичный идеал секты рисуется достижимым для всех идеалом, на практике – не может быть реализован на

³²⁶ Лукач Д. Своеобразие эстетического // Религия и общество: хрестоматия по социологии религии / сост. В. И. Гараджа, Е.Д. Руткевич. – М.: Аспект Пресс, 1996. С. 389.

³²⁷ Лукач Д. Своеобразие эстетического // Религия и общество: хрестоматия по социологии религии / сост. В. И. Гараджа, Е.Д. Руткевич. – М.: Аспект Пресс, 1996. С. 389.

³²⁸ Трелч Э. Церковь и секта // Религия и общество: хрестоматия по социологии религии / сост. В. И. Гараджа, Е. Д. Руткевич. – М.: Аспект Пресс, 1996. С. 235.

³²⁹ Там же.

обширном и многонациональном социальном поле, что мы и видим в практике исправительного одиночного заключения.

Несомненно, в работах европейских и отечественных пенологов и филантропов имеется определённая идейная преемственность, общность практических подходов, однако стоит указать и на различия. Для православного мышления характерна общность и аскетичность. Религиозность квакеров напротив – индивидуалистична и прагматична, проявляется в резком противопоставлении себя церковным структурам, прежде всего католичеству, поскольку православие квакерам, особенно – в столкновении с их учением, совсем не было знакомо. Помня свои нелегкие тюремные будни, от самих заключённых квакеры требовали весьма жесткого подчинения суровой дисциплине, уважения к установленным ими правилам и к сложившейся сословной иерархии. Мы видим здесь признаки сектантского аскетизма, о котором упоминали выше. Основатель секты считал, что «квакерская религиозность не означает, как в католичестве, отвержение мирской жизни и осуждение её “греховных радостей”. Он не видел конфликта между желанием духовно усовершенствовать себя и мир и стремлением просто жить лучше»³³⁰. Накопленные финансовые средства квакеры тратили на благотворительные и миссионерские проекты, улучшали быт узников, открывали школы. Они словно предлагали свои дружеские усилия Богу и обществу в деле усовершенствования человека.

В русском религиозном менталитете помощь бедствующему человеку являлась скорей проявлением любви и милосердия и не была самоцелью или сущностью какой-либо рациональной миссии. У русских право миловать принадлежало Богу и монарху, который подавал благой пример народу, объединённому православием. В бедственных случаях православный обычно находил прибежище в Церкви, тогда как протестанты искали такое убежище во внутреннем созерцании Бога и чтении Библии, привычке ежедневно изучения священных текстов. Подобной протестантам практики, у русских людей до XIX

---

³³⁰ Фурман Ф. Филантропия в Америке. М.: Издательские решения, 2015. С. 68.

века не было. Это связано как с отсутствием переводов Библии на языке понятном народу, так и с традиционным укладом, где печатный текст не занимает обширного сакрального пространства в личном и общественном сознании. Естественно, Библии не лежали на полках в камерах российских тюрем, арестанты видели и слышали Писание во время православных богослужений.

Немногочисленные точки пересечения протестантских и русских благотворительных религиозных идей в XIX веке следует также искать в умонастроениях ищущей либеральной интеллигенции, которая задавала мировоззренческие и духовные вопросы. В среде российских благотворителей, пытавшихся реформировать пенитенциарную систему, можно выделить несколько групп. Попробуем их перечислить, ввиду ограниченности объема исследования упоминая только по несколько представителей в каждой группе благотворителей.

Благотворители иностранного происхождения были воспитаны в европейской культуре и находились под влиянием как идей Просвещения, так и западных религиозных идеалов, исполнены искренней симпатии к России. К ним без сомнения можно отнести: филантропа немецкого происхождения врача католика Федора Гааза и тюремного врача лютеранина Фёдора Граля (1770-1835), родившегося в немецкой семье в Киеве. За заслуги благотворительности Граля в Перми, где он жил и работал, прозвали «наш гааз»³³¹, посмертно установили памятник. Косвенным образом сюда же относится и филантроп, врач, кальвинист-конгрегационалист³³² по вероисповеданию Джон Говард, который много потрудился в России и умер в Крыму. Он внёс существенный вклад в становление российской уголовно-исправительной системы, способствовал формированию её нравственных основ. Несомненно, Говард относится к фигурам общеевропейского масштаба, как и члены Лондонского тюремного общества протестанты братья Вальтер и Джон Веннинги, которые также искренне посвящали свои труды России. Эти личности способствовали тому, что в 1816 году в России было создано

---

³³¹ Блохина Н.Н. Врачи гуманисты - современники доктора Ф.П. Гааза / Клиническая медицина. – 2012. Т. 90. № 7. С. 74-77.

³³² Jewkes Y, Bennett J. Dictionary of Prisons and Punishment. Willian Publishing, UK. 2008. P. 123.

Попечительное о тюрьмах общество³³³. Основой деятельной деятельности благотворителей этого типа и склада мышления был религиозный и практический опыт, рациональное понимание методов и цели наказания и вера в то, что своей жизнью арестант должен проявить зримые обществу плоды исправления. Они также максимально направляли свои усилия на облегчение страданий узников, видя российскую пенитенциарную систему XIX века весьма несовершенной. Идеалистическая религиозная составляющая деятельности выражалась также в попытке массового распространения трактатов с цитатами из Библии, которые, как тогда представлялось, могли бы изменить жизнь арестантов. Фёдор Гааз видел благотворительность как просвещение, распределение в тюрьмах духовных трактатов, «пользуясь дружбой петербургского негодяя Мерилиза, он склонил его к обширным пожертвованиям (до ста тысяч экземпляров) духовно-нравственными книгами и Священным Писанием, для раздачи арестантам, сам, кроме того, закупая большие партии таких книг для отсылки в Сибирь»³³⁴. Как уже было сказано ранее, практика более характерна для протестантов. Также доктор Федор Гааз раздавал арестантам созданный им трактат: «А. Б. В. христианского благочестия» («Азбука христианского благонравия») и был автором ещё одного трактата «Наставление женщинам» («Appel aux femmes»), который написан на французском и «был издан после его смерти в 1864 году»³³⁵. В самом начале этого текста³³⁶ Гааз размышляет о призвании женщины: «не в том, чтобы царить чувственно, что высший закон супружеского союза должен очистить человека, постепенно возвышая его от чувственной к безусловной любви, что для достижения этой цели женщина-христианка должна пленять душу своего мужа не искусностью эфемерных нарядов, не блеском гибнущей красоты, но негибнущими очарованиями нравственной красоты, непреодолимой привлекательностью добродетели, лучезарным блеском невидимого человека, обитающего в сердце; она

³³³ Попечительное о тюрьмах общество // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 86 т. (82 т. и 4 доп.). — СПб., 1890—1907.

³³⁴ Кони А.Ф. Фёдор Петрович Гааз. Биографический очерк. СПб., 1896

³³⁵ Злочевский Г.Д. Спешил делать добро: О Ф. П. Гаазе // Библиография. - 2001. - № 5. - С. 130-143.

³³⁶ в русском переводе Л.Н. Никифорова

должна подчинить росту своей чистоты все, что есть в природе ее мужа нечистого и животного; она должна, так сказать, переродить эту природу, потопив плотского человека со всеми его дурными наклонностями и вожделениями в безграничной своей христианской любви»³³⁷. Упомянутые *лучезарный блеск невидимого человека*³³⁸, его рост и воспитательное воздействие на перерождение природы ближнего, – не указывают ли эти метафоры на характерный словарь известных стяжателей *Внутреннего Света*? Гааз подчёркивал рациональный характер исправления человека, под действием его разума, что прослеживается и в этом тексте. Данная идея весьма свойственна эпохе Просвещения: «Исправление, к которому примешивается страсть, хотя бы сопровождалось умом, не так принимается, как принимается то исправление, которое проистекает единственно из убеждения ума, без всякой примеси страсти. Ибо разумная душа, будучи по природе своей подчинена разуму, не подчиняется страсти иначе, как с принуждением и насильственно; и потому, когда разум сопровождается страстью, то он делает себя ненавистным, унижая своей законное владычество насилем»³³⁹. Даже беглый литературный анализ этих богословских произведений наводит на мысль о трудности понимания этих текстов неподготовленным читателем, не говоря уж о том, что среди арестантов было немало неграмотных. Как мы уже отметили, квакеры пытались решить эту проблему путем организации школ. Именно этот путь позднее и будут предлагать в России тюрьмоведы и благотворители. Усилия Гааза по распространению книг встречали скептическое отношение даже в среде коллег, кто занимался попечением о тюрьмах, которые призывали его «не метать бисер перед свиньями». Филантропу предлагали заменить молитву-выписку из Фомы Кемпийского («О подражании Христу», III, 29), которую тот переписывал и распространял, на иную молитву, более близкую русскому человеку «Филарет предложил заменить предложенную Гаазом молитву вновь составленную молитвою заключенного в темнице, одоблив также и молитву

³³⁷ Гааз Ф.П. Призыв к женщинам: Посмертное издание / Пер. с франц. Л. Н. Никифорова. М., 1897.

³³⁸ Там же.

³³⁹ Гааз Ф.П. Азбука христианского благонравия. М., 1898.

Ефрема Сирина, что и было принято комитетом с признательностью к исполнению. Обе молитвы были напечатаны на 600 листах для раздачи в местах заключения»³⁴⁰. Очевидно, что филантроп буквально воспринимал некоторые слова Библии и придавал большое значение личному чтению священных текстов. При всей симпатии к деятельности Гааза, привычка ежедневного чтения Библии, подобная протестантской, у русских отсутствовала. Девиз Гааза «Спешите делать добро!» основан на текстовых фрагментах посланий апостола Павла: «Поступайте осторожно, не как неразумные, но как мудрые, дорожа временем, потому что дни лукавы»³⁴¹ и «Итак, доколе есть время, будем делать добро всем, а наипаче своим по вере»³⁴². Между тем личный деятельный пример Гааза, действовал намного сильнее, чем раздаваемые им трактаты, поскольку доктор как справедливо заметил А.Н. Кони «требовал осуществлять справедливое отношение к осужденному и проводить резкую грань между отбыванием наказания и напрасным отягощением и без того горькой участи виновного»³⁴³. В этом можно убедиться, ознакомившись с очерком Анатолия Кони о деятельности *святого доктора* как Гааза называли в народе.

Благотворители российского происхождения. К этой группе можно в первую очередь отнести митрополита Московского и Коломенского Филарета *Дроздова* (1783-1867) и князя А.Н. Голицина (1773-1844). Они объединили, совместно с вышеупомянутым католиком Гаазом, усилия в деятельности Попечительного о тюрьмах общества³⁴⁴, основанного в 1819 году, привлекая средства благотворителей на нужды пенитенциарной системы, искали пути ее реформирования. Фёдор Гааз выступал против использования тяжёлых кандалов и

³⁴⁰ Кони А.Ф. Фёдор Петрович Гааз. Биографический очерк. СПб., 1896

³⁴¹ Послание ап. Павла к Ефесянам 5 глава, стихи 15–16. Цит. по: Ветхий и Новый Завет. Тексты Священного Писания. Синодальный перевод. М., 1983

³⁴² Там же. Послание ап. Павла к Галатам 6 глава 10 стих.

³⁴³ Цит. по: Кони А.Ф. Фёдор Петрович Гааз. Биографический очерк. СПб., 1896

³⁴⁴ Попечительное о тюрьмах общество было создано в России в 1819 г. Председателем общества был назначен сначала князь А.Н. Голицин, его сменил князь В.С. Трубецкой, затем – А.Х. Бенкендорф и А.Ф. Орлов. Перечисленные лица также относятся к данной группе благотворителей российского происхождения. Затем Общество возглавляли министры юстиции, а в 1874 г. его функции приняло на себя Главное тюремное управление. См.: Попечительное о тюрьмах общество // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 86 т. (82 т. и 4 доп.). — СПб., 1890—1907.

металлического прута для группового сковывания этаплируемых арестантов. В этом направлении ему удалось добиться значительных успехов и послаблений для заключённых. Стоит отметить факт, что мысль подвижника опередила своё время, подготовила путь для будущих гуманных преобразований пенитенциарной системы.

Согласно современным нормам международного права: «средства сдерживания, такие как наручники, цепи, кандалы и смирительные рубашки, никогда не должны применяться в качестве наказания. Кроме того, нельзя использовать цепи или кандалы в качестве сдерживающих факторов»³⁴⁵. М.В. Бутина описывает, что её в период заключения в США (2018-2019 гг.) этапировали из тюрьмы в тюрьму в ручных и ножных кандалах, которые «больно врезались в голые щиколотки, делая каждый шаг незабываемой пыткой. Сцепленные железной перемычкой между собой ноги можно было передвигать только мелкими шажками, по-пингвиньи»³⁴⁶. Это говорит о том, что и по сей день перед философами и правозащитниками открыто широкое поле для исследований и деятельности, ведь давняя проблема применение кандалов³⁴⁷, как орудий пыток остаётся нерешённой.

Попечительное о тюрьмах общество так видело «средства исправления преступников: ближайший и постоянный надзор над заключёнными; размещение их по роду преступлений или обвинений; наставление их в правилах христианского благочестия и доброй нравственности, на этом основанной; занятие их приличными упражнениями; заключение провинившихся или буйствующих в уединенное место»³⁴⁸. Очевидно, что усилия филантропов были сосредоточены не только в материальной области, но и в духовно-религиозной. Более того, здесь мы видим исток важнейшей будущей составляющей гражданского общества – доступ в тюрьмы получали общественные деятели и частные лица.

³⁴⁵ Минимальные стандартные правила обращения с заключёнными. Управление Верховного комиссара по правам человека (ООН по правам человека). Официальный Сайт. [Электронный ресурс] URL: <https://www.ohchr.org/EN/ProfessionalInterest/Pages/TreatmentOfPrisoners.aspx> (дата обращения: 22. 05. 2021).

³⁴⁶ Бутина М.В. Тюремный дневник. М.: Издательство АСТ, 2020. С. 40.

³⁴⁷ Как и строгой одиночной тюремной изоляции.

³⁴⁸ Попечительное о тюрьмах общество // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 86 т. (82 т. и 4 доп.). — СПб., 1890—1907.

Несомненно, личность Митрополита Филарета столь масштабна, что заслуживает отдельного рассмотрения. Она представляет собой тот тип деятельных русских православных святых, которые пытались изменить и улучшить всё, к чему прикасались. Духовные истоки и мотивация филантропической деятельности министра духовных дел и просвещения князя А.Н. Голицина, первоначально возглавлявшего это общество, у исследователей вызывают множество вопросов. Формально православный Голицин исповедовал некое мистическое христианство, что не особо скрывал от современников. Некоторые исследователи утверждают, что А.Н. Голицин также практиковал масонство как тайную квазирелигию. Однако эти факты лишь отчасти объясняют предпринимаемые им усилия и попытки по улучшению природы человека, посредством религиозного просвещения, которое приносит чтение Библии на понятном, родном языке. Распространение печатных изданий духовной литературы и духовное наставление виделись важнейшими средствами исправления преступников. Именно усилиями князя А.Н. Голицына в 1812 году было организовано «Российское библейское общество», деятельность которого в 1826 году была приостановлена. Стоит отметить, что деятельность, направленная на формирование отечественной пенитенциарной системы, полностью не прекратилась.

Особо стоит выделить благотворителей-чиновников, которые отличались тем, что выполняли конкретные задачи, поставленные правительством³⁴⁹, понимавшим важность реформы несовершенной и девиантной российской пенитенциарной системы по праву следует также отнести графа В.А. Соллогуба (1813-1882), проводившего по долгу службы исследования и эксперименты пенитенциарной системы с целью её дальнейшего государственного реформирования. Он является одним из основателей отечественной пенитенциарной науки. Социально-значимые результаты трудов В.А. Соллогуба сравнивают также с деятельностью английского пенолога и филантропа Джона

---

³⁴⁹ В.А. Соллогуб отмечает заслуги императрицы Екатерины II как благотворителя и пенолога. Стоит также упомянуть царя Петра Великого, при котором дело общественного призрения стало упорядоченным, была также предпринята попытка искоренения нищенства.

Говарда. Факт постоянного сравнения с прославленным английским гуманистом был хорошо известен самому В.А. Соллогубу. В этом смысле интерес представляют размышления личности, находящейся образно «в тени личности великого тюрьмововеда», а также поиск им самостоятельного российского пути развития науки об исправлении и наказании. Сам граф писал в воспоминаниях, что «посвятил себя тюремноведению, в котором и нахожу свое настоящее призвание. Я бы хотел издать по этой части какое-нибудь дельное сочинение, но вряд ли успею, хотя материала много собрано»³⁵⁰. К сожалению, труды В.А. Соллогуба как тюрьмововеда изучены фрагментарно, как и те научные представления, которые способствовали его активности по подготовке пенитенциарной реформы в России. В.А. Соллогуб оставил после себя не только грандиозное литературное наследие, которое хорошо изучено, но и ряд научных статей, посвященных тюрьме³⁵¹. Эти материалы по тюрьмоведению актуальны и по сей день, особенно – в свете формирования российской модели толерантности и дискурса об отмене моратория на применение смертной казни, необходимости отбывания заключения максимально близко к родным местам. Работы В.А. Соллогуба представляют интерес для нашего исследования, поскольку в них предлагаются духовно-религиозные основы пенитенциарной системы России, в сравнении с европейскими и североамериканскими подходами к формированию исправительной модели.

В.А. Соллогуб, будучи главой Приказа общественного призрения, выступал за одиночное заключение в камерах, против далёкой ссылки заключённых в Сибирь и организовывал для них обучение в школах и артелях. Здесь мы видим несомненную параллель с аналогичной деятельностью квакеров, чей протестантский опыт повлиял на Соллогуба косвенным образом, через его знакомление с английской, шведской и датской пенитенциарными моделями.

³⁵⁰ Соллогуб В.А. Воспоминания. М.; Л.: Academia, 1931. С. 651.

³⁵¹ «Об организации в России тюремного труда» (1866), «Титовские казармы. Описание тюрьмы» (1867), «Тюрьмы и театры» (1867), а также – отчёты и переписка, что также анализируется в нашем исследовании.

Под воздействием каких идей произошло формирование Соллогуба как гуманиста и пенолога, ратующего за динамичные реформы пенитенциарной системы в России? Он связывал свою научную мысль с пенитенциарным реформам Екатерины II, которые производились под влиянием идей Просвещения³⁵². Стоит отметить, что все российские гуманисты XIX века единогласно требуют смягчения наказаний преступникам, объясняя это не только бедственным состоянием тюрем, соображениями гуманизма и христианского милосердия, но также – несовершенством определения понятия провинности. Соллогуб в этом не исключение. В.Б. Лебедев и Е.В. Степанова отмечают важную юридическую сторону вопроса: «В российском законодательстве того времени выделялось всего две степени вины преступников - проступки и преступления, что вело к двум видам наказаний - смирительному и уголовному»³⁵³. В.А. Соллогуб настаивает: «правильнее было бы выделить три степени вины и три соответствующих им вида наказания: злодеяние (уголовное наказание), преступление (исправительное наказание) и проступок (смирительное наказание)»³⁵⁴. Несомненно, он верил в идеалы Просвещения и в идеи благотворительности, что и претворял в пенитенциарную систему, о чём имеется немало свидетельств. Даже в уста своего героя в повести «Тарантас» Соллогуб вложил слова, обращённые к российскому состоятельному классу: «Поймите только свое призвание, осветитесь лучом просвещения, и неоспоримая ваша любовь к отчизне доведет вас до духа единства и общности, и тогда, поверьте мне, не только вся Россия - весь мир будет в ваших руках»³⁵⁵. В понимании Соллогуба русским народом движет тема христианской любви, в которой сокрыто его настоящее и будущее благополучие: «В любви христианской таится и гражданственное спокойствие, и семейное счастье, все, что мы можем просить от земли, все, что мы должны просить от неба»³⁵⁶. Под

³⁵² В этом смысле релевантным видится упоминание в нашем исследовании описанных выше идей Вольтера, чьи сочинения весьма интересовали императрицу Екатерины II.

³⁵³ *Лебедев В.Б., Степанова Е.В.* В.А. Соллогуб и его роль в реформировании уголовно-исправительной системы (1870-1874 гг.) // Вестник института: преступление, наказание, исправление. № 3 (23). – Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний, 2013. – С. 72-77.

³⁵⁴ Там же

³⁵⁵ *Соллогуб В.А.* Тарантас. Путевые впечатления. СПб.; Издание книгопродавца Андрея Иванова, 1845. С. 170.

³⁵⁶ Там же. С. 276.

воздействием каких идей произошло формирование Соллогуба как гуманиста и пенолога, ратующего за динамичные реформы пенитенциарной системы в России?

Соллогуб написал свою повесть «Тарантас» задолго до того, как стал заниматься тюрьмоведением. Однако уже в этом произведении видна его озабоченность содержанием узников российских тюрем. Герой повести обращается к современникам: «Небольшо весело, барин, сидеть в остроге. Духота такая, что не вытерпишь. На руках железы. Хочешь руки поднять – нельзя. Хочешь лечь – негде. Хочешь есть – вода тебе, да хлеб. Не приведи Бог попасть в острог!»³⁵⁷ Стоит обратить внимание на перечисление в данном фрагменте негуманных мер исправления: пыток, духоты, тесноты, лишение прогулок, голода, ограничения сна и движения. Русские устойчивые выражения образно передают весь драматизм пенитенциарной системы. Выражение «сидеть в остроге» очень точно описывает обездвиженное состояние человека, выхваченного из социальной деятельности и лишённого повседневной трудовой активности. Устойчивое русское фразеологическое выражение «тюрьма плачет» также очень точно отражает чувство глубокой человеческой печали по отношению к личности, вынужденной отправляться в острог. В русской тюрьме его участь всегда скорбна, плакать – больше, чем проливать слёзы. «Верёвка плачет» по тому, кто заслуживает смертной казни. Русское выражение «связывается с тем, что верёвку при казни через повешение намывливали, и с неё стекали капли пены как слёзы»³⁵⁸. Русский язык передаёт драматизм наказания и исправления в пенитенциарной системе. В переносном смысле, бездушные вещи содрогаются и плачут об участи осуждённого. Однако, в любом случае узник не обречён на одиночное заключение и исправительный мутизм, не лишён возможности общаться и открыт для сострадания и благотворительной помощи. Масштабность применения наказаний, бедность, сопутствующая узникам и их родственникам, в народной среде породили пессимистичную пословицу: «От тюрьмы и сумы – не зарекайся». Другими

---

³⁵⁷ Там же. С. 104.

³⁵⁸ Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанов Л.И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. – СПб.: Фолио-Пресс, 2001. С. 74.

словами, тюрьма, казнь и каторга в русском сознании вызывали глубокий страх, но также – искренне сочувствие к тем, кого не миновала участь попасть в пенитенциарную систему.

Граф В.А. Соллогуб, будучи известным литератором, как «впечатлительная натура»³⁵⁹ в молодости страстно увлёкся пенологией, руководствуясь высоким внутренним стремлением послужить Родине. Он считал себя специалистом по театру, новое увлечение называл донкихотством и работой не по профессии, задавал вопрос «Разве тюрьма моя специальность?»³⁶⁰. Граф ожидал высшей справедливой и лестной оценки своего труда и требовал места Симбирского губернатора, о чём постоянно напоминал в письмах начальнику тюремоведа – чиновнику особых поручений при министре внутренних дел М.Н. Галкину-Враскому³⁶¹.

О научных воззрениях в области пенологии и благотворительности М.Н. Галкина-Враского мы также расскажем в дальнейшей части нашего исследования, поскольку они представляют интерес в плане актуальности.

Переломным моментом в формировании передовых идей на пенитенциарную систему стал тот факт, что камер-юнкер граф Соллогуб посетил поэта М.Ю. Лермонтова на гарнизонной Арсенальной гауптвахте в Санкт-Петербурге 20 марта 1840 г.³⁶² После жестокого поединка на шпагах и пистолетах с сыном французского посла Эрнестом де Барантом, за недонесение о дуэли корнет Лермонтов находился под арестом в одиночной камере. Ордонансгауз³⁶³ – приказной дом, то есть комендантское управление произвело на будущего тюремоведа неизгладимое впечатление, которое повлияло на дальнейший выбор. Нам приходилось посещать

³⁵⁹ По выражению М.Н. Галкина-Враского.

³⁶⁰ *Соллогуб В.А.* Письма графа В.А. Соллогуба и К.К. Гротта к М.Н. Галкину-Враскому. – СПб.: Сенатская типография, 1901. С. 30.

³⁶¹ Там же. С. 29.

³⁶² *Мануйлов В.А. Латышев, С.Б.* Хронологическая канва жизни и творчества М. Ю. Лермонтова // Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений: В 4-х т. / АН СССР. Ин-т рус. Лит. (Пушкинский дом). – Изд. 2-е, испр. и доп. – Л.: Наука, 1979–1981. Т. 4. Проза. Письма. – С. 535–563.

³⁶³ От фр. ordonnance — «приказ, указание, ордонанс» и нем. haus — «дом».

это здание в январе 2020 года³⁶⁴, изначально предназначенное для исправления арестантов, оно сегодня также используется по назначению. Гауптвахта не похожа на паноптикон³⁶⁵, описанный ещё утилитаристом Иеремией Бентамом и упоминаемый в работе о тюрьме Мишеля Фуко «Надзирать и наказывать», а также и в цикле его лекций. Это не строгое исправительное заведение американского типа, с его корпусами, крестами, блоками, разграничительными галереями и одиночными камерами, где практиковался исправительный мутизм (лат. *mutus* – немой), а европейская тюрьма с относительно либеральным содержанием. Устройство здания более характерно для античного Рима: вентилируемые сухие помещения со сводчатыми потолками, объемные камеры с окнами, дарийские колонны, аркады-галереи и просторный внутренний двор, предназначенный для прогулок и дисциплинарных упражнений. Одиночную камеру, где содержался Лермонтов, с незапамятных времён показывают всем посетителям. Она почти не изменилась и подробно описана в стихотворении «Соседка». Содержание было сравнительно мягким, применялось основное исправительное средство – арест, но разрешались чтение и работа с рукописями. Лермонтов мог даже свободно выходить из здания и принимать гостей. Подробное описание этого содержания сделано нами намеренно, дабы проиллюстрировать гибкость и избирательность тогдашней российской исправительной системы. задолго до того, как стал заниматься пенологией³⁶⁶.

Если русского преступника в качестве исправления заставить молчать, применяя к нему западную келейную систему, мы сотрём человеческую личность. Мыслитель Эрнст фон Заламон, несколько раз в XX веке отбывавший наказание в Германии настаивает на том, что утрата заключённым свободы – не самое плохое и страшное. Ведь чиновник и солдат тоже лишены свободы, многие теряют её, даже

³⁶⁴ Посещение Гауптвахты районной комендатуры Санкт-Петербурга. Официальный сайт. [Электронный ресурс] URL: <http://onkspb.ru/posts/2498-poseschenie-gauptvahty-voennoi-komendatury-sankt-peterburga.html> (дата обращения: 23.02.2021).

³⁶⁵ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999. С. 293-299.

³⁶⁶ Как мы отметили, уже в повести «Тарантас» (1845) обозначена озабоченность автором содержанием узников российских тюрем.

не замечая. Уничтожает личность – «быть на положении товара, иметь личный номер, вот это и было хуже всего. Человек сам по себе от природы не ужасен, он становится таковым лишь тогда, когда начинает ощущать дух подчинения другому человеку. Истинный суверенитет всегда толерантен, поэтому он столь редко встречается»³⁶⁷. Тюремное содержание, клеймение и каторжная депортация не воспитывают, а уничтожают суверенную личность, насилие никого не исправляет, как замечает Соллогуб «общество наказывает не только преступника, но и себя»³⁶⁸. Позднее М. Фуко будет также рассматривать наказание как обобщённую функцию, соединённую с обществом, утверждая, что «преступление направлено против всего общества, и всё общество – включая преступника – участвует в малейшем наказании»³⁶⁹. Так же, как и Соллогуб мыслитель сосредотачивает своё внимание на мере этого наказания.

Будучи выпускником философского факультета Дерптского Университета, Соллогуб отличался не только глубокими познаниями в области гуманитарных наук, но и особым аналитическим складом ума, страстью к эксперименту и талантом описания полученных результатов. Он также обладал выдающимися мыслительными способностями к логическому анализу увиденного им в тюрьмах. В этом смысле нам представляется важным рассмотрение научных трудов пенолога В.А. Соллогуба, которого больше знают, как театрального литератора. Тюремной теме посвящены не только вышеперечисленные в работе небольшие брошюры, но также – переписка с М.Н. Галкиным-Враским в период с 1865 по 1868 годы, где излагаются философские концепции формирования пенитенциарной системы.

Делая краткий вывод этого параграфа нашего исследования, можно сказать, что Соллогуб скептически оценивал результаты своих опытов организации тюремного труда и трудов по подготовке реформы российской пенитенциарной системы, ожидая грандиозных плодов усилий, а не только поверхностного рассмотрения высшим руководством всей проблематики. Учёный успел обобщить

³⁶⁷ Заломон Эрнст фон. Анкета / Перевод с немецкого и предисл. Л. Ланника. – СПб.: Владимир Даль, 2019. С. 206.

³⁶⁸ Соллогуб В.А. Об организации в России тюремного труда. – СПб.: Тип. Министерства внутренних дел, 1866. С. 4–5.

³⁶⁹ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999. С. 131.

свой экспериментальный опыт и сумел заложить основы отечественной пенологии. Его работы в этой области науки весьма востребованы, особенно – в свете формирования российского гражданского общества, поиска современной модели толерантности, эффективных методов исправления, целесообразности качественного труда заключённых и продолжающемся дискурсе о смертной казни.

Духовно-религиозные взгляды, также практическая деятельность европейских и российских филантропов и пенологов значительным образом повлияли на формирование пенитенциарной системы в России. После обзора основных идей, лежащих в основе европейской и российской благотворительности, а также личностей, повлиявших на формирование тюремной системы, перейдём к последовательному анализу подходов к формированию пенитенциарной системы.

2.3 Социально-философский анализ подходов к формированию концепции пенитенциарной системы в России XIX века³⁷⁰

М. Фуко описывает контекст XIX века так: «исчезает грандиозное зрелище физического наказания; избегают казнимого тела; из наказания исключается театрализация страдания. Начинается эра карательной сдержанности»³⁷¹. Это в полной мере относится и к России, которая ощутила на себе влияние гуманистических идей. В этом контексте стоит понимать и усилия российских мыслителей, требовавших реформ и смягчения наказаний.

К сожалению, объёмную монографию по пенологии с изложением результатов всех своих исследований В.А. Соллогуб написать так и не успел, однако при изучении его научного наследия нас интересовал не объём опубликованных им статей, а уникальная способность автора к систематизации знаний, которая приводит его к созданию действенной отечественной классификации наказаний и тюрем, а в дальнейшем – к выработке понятийного аппарата пенолога. Представляет научный интерес генезис социальных идей и основных философских понятий, которые Соллогуб рассматривает во всех своих работах на пенитенциарную тематику: тюрьма, тюремноеведение³⁷², наказание, исправление, депортация. Стоит отметить, что формирование этих идей происходит в контексте дискуссий о цели системы не только в наказании, но в исправлении.

³⁷⁰ В параграфе использованы фрагменты статьи *Пирогов А.А.* Социальные реформы или душеспасительный пиеизм? Научный опыт В.А. Соллогуба как тюремоведа. Научное мнение. 2020. № 5. Санкт-Петербургский университетский консорциум. Санкт-Петербург. С. 40-46.

В параграфе также использованы фрагменты статьи *Пирогов А.А.* Изоляция как предмет рефлексии в контексте эпидемиологической безопасности // Между памятью и забвением: пространства скрипitzации российского бытия: сборник научных статей / сборник научных статей / Санкт-Петербургский государственный университет, Институт философии, Кафедра социальной философии и философии истории; под редакцией К. С. Пигрова. - Санкт-Петербург: Книжный дом, 2020. С. 114-119.

³⁷¹ *Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999. С. 22.

³⁷² Или тюремноеведение, как часто пишет сам автор, используя как синоним термина пенология.

Современник пенолога, врач П.А. Дюков настаивает, что преступник нуждается не только в наказании, но в исправлении, которому предшествует изучение нравственного строя личности преступника: «При системе, имеющей в виду одно только наказание, не бывает исправления, если бы оно и представлялось возможным, судя по организации мозга. Сила нравственного влияния крепче гранитной стены»³⁷³.

Соллогуб считает, что тюрьмоведение – «наука преимущественно социальная и только относительно нравственная, тогда как филантропы видели в ней преимущественно сторону нравственную и не обращали внимания на социальную. В этом-то и заключаются все ошибки пенитенциарных стремлений»³⁷⁴. Как мы уже упомянули – XVIII – XIX столетия отличаются пышным расцветом филантропии и активной деятельностью благотворителей. Джон Говард, братья Веннинги, Фёдор Гааз – религиозные благотворители иностранного происхождения, действовавшие в России. Их активность была обусловлена в первую очередь христианскими идеями, желанием явить милосердие заключённым, облегчить их участь. Личный пример этих филантропов вызывал подражание, благотворительная деятельность умножалась. Между тем Соллогуб предложил концептуально разделить труды и достижения филантропов и тюрьмоведов³⁷⁵. Первые – заботились о душе человека, пытались вернуть её к Богу, вторые – занимались реформированием системы, влияли на её сущность. Себя Соллогуб относил ко второй группе. Не стоит забывать о лидирующей роли Церкви, как основного российского традиционного института благотворительности описываемого периода. Милостыня (в том числе и благотворительность книгами) против которой так яростно выступает Соллогуб остаётся здесь основным инструментом устаревшей пенитенциарной деятельности

³⁷³ Дюков П.А. Преступление и помешательство // Вестник клинической и судебной психиатрии и невропатологии. – 1885. – Год третий, вып. I. – С. 1-30; вып. II. – С. 1-41.

³⁷⁴ Соллогуб В.А. Повести. Воспоминания / Сост., вступ. ст., коммент. И.С. Чистовой Л.: Художественная литература, 1988. С. 618.

³⁷⁵ Соллогуб В.А. Об организации в России тюремного труда. – СПб.: Тип. Министерства внутренних дел, 1866. – 64 с.

филантропического типа. Позднее такой институт раскритикует и М. Горький, который скептически смотрел на всю традиционную благотворительность, считал, что при русских монастырях, которые нередко также служили и тюрьмами, образовались группы тех, которые «боясь Бога, они не жалели людей и очень выгодно для обители меняли свой кусок хлеба на труд бездомных бродяг»³⁷⁶. При этом Горький почти с восторгом здесь же говорит о сильных идейных сторонах западного христианства³⁷⁷: «удивительно бездарно было наше монашество, тогда как римско-католическое, не говоря о талантливости его миссионеров, о дьявольски ловко и широко поставленной во всём мире пропаганде, дало человечеству ряд крупных писателей, учёных, философов: Томаса Мора, Кампанеллу, Рабле, Менделя, Пристлея, выдвинуло таких организаторов, как Игнатий Лойола, Доминик, Савонарола, Франциск Ассизский. Ничего подобного не создала наша чёрная армия «захребетников» крестьянства»³⁷⁸. Так же пролетарский писатель считал, что корень проблемы находится внутри классового буржуазного общества, а русский народ в лице рабочих и крестьян имеет потенциал для решения как проблемы бедности, так и преступности. Соллогуб проблему видел значительно шире – в отсталой дремучести российской пенитенциарной системы, не воплотившей в себе идеи русских мыслителей и пенологов³⁷⁹ и не учитывающей национальную ментальность, коллективизм и взаимопомощь, а потенциал для решения проблемы мыслил – в самом русском народе, его мысли и характере.

Стоит отметить, что Августин Гиппонийский имел схожую точку зрения на подаяние, которое лишь отчасти может противостоять социальному злу, но «не всегда лучший способ помочь бедному, иногда лучше помочь ему, дав займы, так как это не задевает его личного достоинства». Задача государства – заниматься

---

³⁷⁶ Горький М. Рассказы, очерки, воспоминания 1924–1936. Собрание сочинений в 30 томах. М., ГИХЛ, 1949—1955. Том 17. С. 46.

³⁷⁷ Там же

³⁷⁸ Там же.

³⁷⁹ К пенологам Соллогуб относил также императрицу Екатерину II, имея в виду задуманные ею реформы тюремной системы.

нравственным обновлением богатых и бедных, так, чтобы первые выполняли свой долг по отношению к неимущим: «Богатые будут осуждены не за свои богатства, а за то, что с пренебрежением относились к бедным и не приходили им на помощь, не видели в них ближних»³⁸⁰.

Чем же милостыня как традиционный инструмент благотворительности не нравится Соллогубу? Понять это можно на примере, который он приводит в письме от 27 августа 1866 года³⁸¹. Граф описывает даму, которая, минуя охрану, пришла со служанкой в работный дом и раздаёт заключённым монеты по 10 копеек. На его вопрос, зачем она это делает, та принимает удивлённый вид и не находит ответа. Благотворительница, конечно, руководствуется христианскими соображениями, ведь «сострадание к ближнему черта русского характера»³⁸², однако меценатка совсем не видит обратной стороны действительности. Заключённые пропивают полученные деньги, администрация получает процент с доставки в тюрьму водки. Получается, что милостыней в виде прямого даяния наличных денег развращается вся система тюремного наказания. Порочный круг можно разорвать разными способами. Один из них – «запрещение арестантам получать прямо от подателей милостыню»³⁸³, второй – «при правильной тюремной организации, арестант в милостыни нуждаться не должен. Он сыт, одет, имеет кров, имеет случай трудом заработать себе чай и улучшенную пищу...»³⁸⁴. Более того, граф считает, что арестант – не нищий, а рабочий человек, именно так к нему и нужно относиться, не унижая подачками. От милостыни – игра и пьянство, которые являются спутниками арестантской праздности. Выход видится в организации тюремного труда, так, чтобы арестант сам получал доход от своей работы³⁸⁵. Пожертвования правильно давать прямо на тюрьму и исправительные артели, а не в руки

³⁸⁰ Цит. по Майка Ю. Социальное учение католической церкви. Опыт исторического анализа. – Рим – Люблин.: Издательство Святого Креста, 1994. – С. 114.

³⁸¹ Соллогуб В.А. Письма графа В.А. Соллогуба и К.К. Гротта к М.Н. Галкину-Враскому. – СПб.: Сенатская типография, 1901. С. 23.

³⁸² Там же. С. 15.

³⁸³ Соллогуб В.А. Об организации в России тюремного труда. – СПб.: Тип. Министерства внутренних дел, 1866. С. 48.

³⁸⁴ Там же. С. 49-50.

³⁸⁵ Соллогуб В.А. О нашем исполнительном правосудии // Русский мир. 1874. № 278–281, 290–292, 301, 304, 306, 314–315, 321, 324, 326, 342, 356.

благотворительных комитетов, которые имеют огромный штат руководства и непрозрачные, пространные отчёты. Конечно, знакомство с деятельностью таких комитетов отбивало охоту давать пожертвования и вело к утрате ими общественного доверия. В письме Галкину-Враскому от 3 мая 1866 года Соллогуб критикует обязательную систему сбора пожертвований, мотивируя это бездельем огромного руководства: «Нас теперь едва ли не 60 директоров тюремного комитета в Москве. Скажите, ради Бога, неужели это управление?»³⁸⁶. Вместо эффективной благотворительности и прозрачной финансовой деятельности – исчезает контроль за средствами, появляется формализм, а в отчётах «о заработках, о пожертвованиях ничего не сказано также об экономических суммах, которыми можно покрыть необходимые до крайности иногда расходы»³⁸⁷. Автор корректно не указывает на факт нецелевого расходования собранных средств, но отказывается вносить в комитет 15 рублей годового пожертвования. Филантропия, попавшая в руки многочисленных попечительских комитетов, в деле исправления преступников имеет в России ничтожные результаты.

Соллогуб относится к тому типу филантропов, которые не предлагают обществу услуги в деле заботы о грешниках, но делают научное обоснование своих психологических наблюдений и экспериментов, отвечая на актуальный социальный запрос. Этот исторический период в России ознаменовался бурным развитием капитализма, на смену религиозным филантропам пришли чиновники и учёные, обобщившие прежний опыт и предложившие свои новации в деле реформирования пенитенциарной системы. Описывая сущность этого процесса Мишель Фуко настаивает, что «буржуазия в целом не интересуется преступниками, и наказанием и реадaptацией, которые с экономической точки зрения не имеют большого интереса. Зато совокупность механизмов, с помощью которых преступник контролируется, преследуется, наказывается, исправляется, имеет для буржуазии

---

³⁸⁶ Соллогуб В.А. Письма графа В.А. Соллогуба и К.К. Гротта к М.Н. Галкину-Враскому. – СПб.: Сенатская типография, 1901. С. 15.

³⁸⁷ Там же. С. 49.

интерес в рамках общей экономико-политической системы»³⁸⁸. В понимании Соллогуба педология сочетается с филантропией, что «образует науку тем более трудную, что она должна согласовать порывы сердца с опытностью рассудка. Общество в первые годы действовало горячо и старательно, и будь оно основано у немцев или у англичан - оно бы отпраздновало уже свой двадцатипятилетний юбилей»³⁸⁹. Граф имеет в виду благотворительное Петербургское Общество посещения бедных, в образовании которого принимал деятельное участие.

Почему же в России гибнут созидательные благотворительные начинания? По мнению Соллогуба, виновен особый склад человека – «в русском характере почти вовсе нет выдержки на долгое время. Мало-помалу горячность стала гаснуть, старательность – ослабевать»³⁹⁰. Здесь мы переходим к теме особенностей русского национального менталитета в контексте пенитенциарной системы. Соллогуб постоянно видит в русском народе прекрасные черты, которые открываются в коллективной деятельности и совместном пребывании: «Нет народа, подобного народу русскому. Даже в его осадках, с которыми я тоже близко познакомился в тюрьмах, я находил с изумлением признаки величия, простоты, прямоты, терпения, справедливости, пронизательности, нежности чувств, твердости воли, смирения, коллективной честности, словом - такие добродетели, которые для других народов были бы в диковинку»³⁹¹. Доказательства данного наблюдения, находятся во всех работах Соллогуба. В чём же причина звероподобного поведения и потери русским человеком чувства своего высшего предназначения? Ответ очень ясен – индивидуализм, так чуждый русской душе. «В русском человеке, взятом индивидуально, преобладает бесхарактерность, беспечность, чувственность, бесчинность»³⁹². Этому противопоставляется человек коллективный (курсив наш),

³⁸⁸ Фуко, М. Нужно защищать общество: Курс лекций, прочитанных в Колледж де Франс в 1975—1976 учебном году. — СПб.: Наука, 2005. С. 52.

³⁸⁹ Соллогуб В.А. Повести. Воспоминания / Сост., вступ. ст., коммент. И.С. Чистовой Л.: Художественная литература, 1988. С. 619.

³⁹⁰ Там же.

³⁹¹ Там же. С. 616-617.

³⁹² Соллогуб В.А. Об организации в России тюремного труда. — СПб.: Тип. Министерства внутренних дел, 1866. С. 57.

в котором «высказывается решимость, здравый смысл и почти всегда благородные побуждения»³⁹³. Однако, совместное питье крепких напитков не свойственно развитию русского характера, скорее его порче. В душе русского живут лучшие качества, важно всей системой исправления попытаться «восстановить прекрасные начала, лежащие в основе Русского свойства»³⁹⁴. Соллогуб с одной стороны – критикует келейную систему содержания узников, напоминая, что «Россия – не Англия, не Франция»³⁹⁵, с другой стороны – приводит пример, когда одиночное карцерное содержание действует дисциплинирующим образом³⁹⁶. Речь идёт об офицере, который буянил и в тюрьме требовал к себе особого отношения, когда же ему указали на возможность отправки в карцер, сразу образумился. Соллогуб объясняет это тем, что сущность русского тиха, а буйство – лишь привычка и хвастовство³⁹⁷. Одиночное заключение «потребно только для заключений предварительных и смиренных [...] как мера дисциплинарная для тюрем исправительных и каторжных»³⁹⁸. Это более гуманно чем депортация, поскольку последнее для многих означало смертную казнь. Депортация использовалась и в Англии, и во Франции, везде показала свою неэффективность в плане исправления, не говоря о бесчеловечности самого метода наказания. Соллогуб приводит аргументы и вывод гуманиста и филантропа И. Бентама о депортации – «никакого успеха в прошедшем, никакой надежды в будущем»³⁹⁹. Самой смертной казни граф в работах уделяет меньше внимания, восхищаясь трудами гуманиста Ч. Беккариа, однако считает, что исторически она ещё оправдана, ссылка и каторга в России приравнивается к казни и не служат исправлению, вызывают сочувствие население и ужас. Если применительно к пенитенциарной системе тогдашней России использовать яркую терминологию М. Фуко, то страна находилась ещё в периоде

---

³⁹³ Там же.

³⁹⁴ Соллогуб В.А. Титовские казармы. – М.: Тип. Газеты «Русский», 1867. С. 5.

³⁹⁵ Соллогуб В.А. Письма графа В.А. Соллогуба и К.К. Гротга к М.Н. Галкину-Враскому. – СПб.: Сенатская типография, 1901. С. 18.

³⁹⁶ В брошюре «Титовские казармы».

³⁹⁷ Соллогуб В.А. Титовские казармы. – М.: Тип. Газеты «Русский», 1867. С. 4-5.

³⁹⁸ Соллогуб В.А. О нашем исполнительном правосудии // Русский мир. 1874. № 326.

³⁹⁹ Соллогуб В.А. О нашем исполнительном правосудии // Русский мир. 1874. № 290.

«мрачного карательного празднества»⁴⁰⁰, которое относилось к средневековому театру казни, исчезнувшему там в 1830-1848 гг. В вопросе применения ссылки и депортации Соллогуб занимает резкую позицию «Сибирь я не понимаю. Отчего не посылают Сибирских преступников в Олонецкую губернию?»⁴⁰¹ Наказание должно не только соответствовать тяжести преступления, но не превращаться в пытку и высылку в места максимально удалённые от места первичного проживания арестанта. Соллогуб решительный противник пыток как методов исправления и наказания. В этом он идёт по стопам своего идейного предшественника Д. Говарда.

Интерпретируя эти идеи через призму работ М. Фуко стоит отметить, что Соллогуб был прав, поскольку пытка, как «тысяча смертей» или «роспись короля» на теле арестанта в любом случае не могла служить исправлению и воспитанию, но способствовала обратному: «Если осужденный изображался кающимся, признающим приговор, просящим прощения за преступления у Бога и людей, то он претерпевал очищение: он умирал как своего рода святой. Но и неукротимость претендовала на величие: не сдаваясь под пытками, осужденный выказывал силу»⁴⁰². Публичные наказания и казни только способствовали ослаблению монархии и росту волны народной симпатии к различным преступникам.

Что происходит с тюремной благотворительностью? В.А. Соллогуб размышляет о результатах филантропической деятельности: «Далека от меня мысль сравнить себя с Говардом, этим знаменитым противником английской депортационной системы; но для Англии потребовалось сто лет, чтобы убедиться, что Говард был прав»⁴⁰³. Практика ссылки в Сибирь в качестве наказания, сохранялась до смерти пенолога, став «наказанием целого края»⁴⁰⁴. Граф уверен, что в России грядут перемены, депортация не выгодна экономически, но всё

⁴⁰⁰ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999. С. 14.

⁴⁰¹ Соллогуб В.А. Письма графа В.А. Соллогуба и К.К. Гротта к М.Н. Галкину-Враскому. – СПб.: Сенатская типография, 1901. С. 13.

⁴⁰² Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999. С. 98.

⁴⁰³ Соллогуб В.А. Повести. Воспоминания / Сост., вступ. ст., коммент. И.С. Чистовой Л.: Художественная литература, 1988. С. 621.

⁴⁰⁴ Соллогуб В.А. Об организации в России тюремного труда. – СПб.: Тип. Министерства внутренних дел, 1866. С. 19.

лучшее в Отечестве движется слишком медленно, преодолевая бюрократические препоны «в России, чтобы провести мысль надо быть Дон-Кихотом»⁴⁰⁵.

Подведём некоторые выводы. Какую идею хотел реализовать Соллогуб? Прежде всего он был уверен в необходимости пенитенциарной реформы на основе русских национальных особенностей вкупе с передовыми достижениями европейской тюремной науки, а в области благотворительности – привлечение частных средств для организации гуманных исправительных тюрем. Привлечение частных средств, людских ресурсов, растущее коллективное русское самосознание, взаимопомощь и просвещение со временем изменили бы пенитенциарную систему, направили бы её по пути института гуманного исправления. Политическая обстановка в России этому способствовала тем, что менялась – от либерализма 1860-70-х годов к консерватизму 1880-90-х. Денег на экспериментальную постройку тюрем по одиночному (келейному) оборнскому и пенсильванскому типу исправления не хватало, приходилось искать отечественных решений вопроса. Другими словами, у российских пенологов был совсем небольшой период времени для реализации своих передовых гуманных идей. К сожалению, с ростом радикальных политических настроений и внутреннего террора система пошла по пути ужесточения наказаний, увеличения строгих мер наказания и казней. Реформу, о которой мечтали пенологи, увенчало «учреждение в 1879 году, в ведомстве Министерства Внутренних дел, Главного Тюремного Управления [...] высшее правительство отказалось от мысли осуществлять реформу одновременно и в полном объеме»⁴⁰⁶.

Стоит отметить, что нигде в мире, кроме России, основателями тюремоведения не были царствующие особы. Соллогуб всю жизнь оставался поклонником реформ Екатерины II и в своих работах возвращался к её «различию тюрем на предварительные и исправительные»⁴⁰⁷. Он считает, что Екатерина II «в

⁴⁰⁵ *Соллогуб В.А.* Письма графа В.А. Соллогуба и К.К. Гротта к М.Н. Галкину-Враскому. – СПб.: Сенатская типография, 1901. С. 34.

⁴⁰⁶ Там же. С. 36.

⁴⁰⁷ *Соллогуб В.А.* О нашем исполнительном правосудии // Русский мир. 1874. № 304.

сущности основавшая пенитенциарную науку», предложила и классификацию тюрем⁴⁰⁸. Европа после наполеоновских войн находилась «под нравственным влиянием квакеров, пиетистов, масонов и других филантропических обществ»⁴⁰⁹. Под этим влиянием в России в 1819 году создаются тюремные общества, люди науки одобряют американскую оборонскую систему принуждения к добродетели. Соллогуб очень скептически смотрит на опыт перенесения европейских и американских моделей исправления на российскую почву. Они не работали в Англии, в Германии, в Швеции, на них тратились огромные средства, но эти модели усиленно и безуспешно внедряли в России. Соллогуб заключает «филантропия тут убила правосудие, речь шла о духовном исцелении великих грешников»⁴¹⁰. Эта погоня за исправившимися грешниками, вместе с описанием ужасов русских тюрем и качества этапирования, напоминала религиозную истерию, охватившую светское общество. Россия потеряла время, необходимое ей для реформирования тюрем, пошла по примеру протестантов тупиковым путём. Для нахождения модели исправительной деятельности не стоило слепо опираться на евро-американский эксперимент, но искать отечественных гуманных научных оснований, обращаться к собственному историческому опыту, который имел место в царствовании Екатерины II. В тюремных реформах императрица Говарда не слушала⁴¹¹, а руководствовалась гуманными идеями и опытом французской системы, впитавший в себя идеи просвещения. Соллогуб, будучи сторонником переосмысления пенитенциарных реформ Екатерины II, опосредованно находился под влиянием Говарда с его идеей разделения заключённых и отменой депортации, но полностью не вторил ему, осознавая российские национальные особенности, препятствовавшие копированию и внедрению этой системы. Соллогуб резюмирует, что «душеспасительный пиетизм»⁴¹² концептуально не подходит для России. Нужно добиваться искоренения рецидива, а не покаяния грешников. Все

---

⁴⁰⁸ Там же.

⁴⁰⁹ Там же.

⁴¹⁰ Там же.

⁴¹¹ Там же.

⁴¹² Там же.

эти походы в тюрьмы, раздача Библий и призывы к покаянию не вызывают сильного сочувствия в среде русских преступников, не меняют саму систему. Дело в том, что филантропы заботились о крупных преступниках, совершивших тяжкие преступления, не обращая внимания на тех, кто отбывал заключение за мелкие провинности. Исторически в мире, по мнению Соллогуба, сложилось два пути пенитенциарной науки: американский – «начало американское или филантропическое, пекущееся лишь о нравственности крупных преступников», и русский – «начало екатерининское или государственно-административное»⁴¹³, к сторонникам последнего автор причислял и себя. В России изменять тюрьму нужно сверху-вниз, посредством реформ, изменяя суть наказания и исправления и опираясь на коллективные черты русского народа, на его способность к самоорганизации, сплочению перед лицом опасности и беды, что не раз помогало ему выжить. Философско-юридический разум в рамках общественного договора должен работать для помощи богоданной государственной власти в выполнении полномочий по исправлению провинившихся граждан.

В работах Соллогуба отчётливо просматривается влияние идей Огюста Конта: воздействие научного метода статистики (рецидивизма, социальных затрат, заработка арестантов и т.д.) на теорию, просматриваются законы функционирования социальных систем. Так в России на смену метафизическому филантропическому началу смело приходит научное. Хотя тюрьмы в России «имеют значение педагогическое»⁴¹⁴, но это ещё и дело Церкви. Метафизическое не отменяется как ненужное. В России существует и остаётся иерархия, на всех социальных уровнях воспитание идёт сверху вниз. Причём, по мнению Соллогуба, католичество и протестантизм не подходят для образования русского арестанта, ибо «католицизм, основываясь на воинственности церкви, указывает на постоянное желательное сближение духовника с его паствою. Протестантизм будет

---

⁴¹³ Там же.

⁴¹⁴ *Соллогуб В.А.* Письма графа В.А. Соллогуба и К.К. Гротта к М.Н. Галкину-Враскому. – СПб.: Сенатская типография, 1901. С. 7.

преследовать ту же цель путём обсуждения»⁴¹⁵. Только православие даёт русскому человеку основу исправление через присутствие на литургии, молитву и обучение Слову Божьему и «не нуждается в утончённом образовании ни духовных учителей, ни духовных учеников»⁴¹⁶. У протестантов, рассуждает Соллогуб, чтобы причащаться надо понимать Писание и читать его, а если человек причащается, то он гражданин. Это несколько умаляет церковь, ставя её в зависимость от гражданского общества. Грамотность в России стоит «совершенно в стороне от законов церковных»⁴¹⁷ и школа должна быть допущена в тюрьмы каторжного содержания, поскольку грамотный человек в среде преступников вызывает уважение, позволяет порвать с незаконной средой, выводит из бедности и невежества. Для Соллогуба русский арестант – «не может не одуматься [...] он жертва обмана, ошибки, необдуманности. Если бы помогли ему добрые люди, если бы ему дали возможность снова начать жизнь при благоприятной обстановке, он конечно не попался бы в другой раз [...]. Но для этого нужны ещё условия: он был пьяницей – надо, чтобы его приучали к трезвости; он был неуч, – надо чтобы его обучили; он был нищий, – надо чтобы его обеспечили его же трудовыми заработками для того, чтобы начать жизнь честную, иначе невозможную»⁴¹⁸. Здесь мы отметим взаимосвязь пенитенциарной системы и образования. Соллогуб свято верит в силу науки и просвещения, исправительную функцию дисциплины и доброе стремление, живущее внутри русского человека. Стоит только создать русскому условия, он словно цветок, посаженный на удобренную почву, потянется к Солнцу и свету истины.

Что же в пенитенциарной системе должно благотворно способствовать развитию лучших черт русского человека? В понимании Соллогуба это: просвещение, уважение и оплачиваемый труд, дальше всё сделает самоорганизация русского народа, которая не даст ему выйти за рамки дисциплины и порядка. Конечно, Соллогуб идеализирует самоорганизацию, виня своё сословие в том, что

---

⁴¹⁵ Соллогуб В.А. О нашем исполнительном правосудии // Русский мир. 1874. № 342.

⁴¹⁶ Там же.

⁴¹⁷ Там же.

⁴¹⁸ Соллогуб В.А. О нашем исполнительном правосудии // Русский мир. 1874. № 321.

не обеспечили в должной мере народ плодами просвещения: «Но мы - руководители, наставники, старшие братья, - мы, запутавшиеся в тине полупросвещения, - мы не отыскиваем дороги ни для нас, ни для тех, которые идут за нами. Самообразование – вот, как кажется, наша строгая задача. Самоуважение – вот наша цель»⁴¹⁹. Он говорит о необходимости доверия и даёт положительную оценку суда уголовников над уголовниками с согласия тюремного начальства⁴²⁰. В вопросе исправительного содержания заключённых Соллогуб противоречит себе. Он решительно против прогрессивного европейского одиночного заключения, выступая за артели арестантов, но начинает решительно требовать ночного разделения арестантов в дортуары, поскольку те почему-то не самоорганизуются, а тратят время для игры, пьянства и разврата. Кроме того, он не исключает, что одиночное заключение как исправление может применяться в ряде приспособленных для этого тюрем.

Основной мечтой жизни Соллогуба остаётся создание идеальной российской тюрьмы, не похожей на паноптикон упомянутого И. Бентама, не повторяющей пенсильванские пенитенциарии с их одиночным келейным содержанием: «Хотел театром заниматься [...] социалисты оттерли меня, когда я имел силы. Теперь дай Бог устроить образцовую русскую тюрьму, – а там в кусты, если не землю»⁴²¹. Какой он её видел? Полное копирование европейской и американской системы исправления невозможно. Во-первых, по бюрократическим причинам «пенсильвано-ирландское у нас остаётся только на бумаге»⁴²². Здесь Соллогуб прав, так как в России только задумывались проекты тюрем с одиночным содержанием арестантов. Завершение их состоялось уже после его смерти. Во-вторых, латинский язык, определивший создание инструментария для пенитенциарной системы, выделяет только проступки и преступления, тогда как

⁴¹⁹ Соллогуб В.А. Повести. Воспоминания / Сост., вступ. ст., коммент. И.С. Чистовой Л.: Художественная литература, 1988. С. 616-617.

⁴²⁰ Соллогуб В.А. Письма графа В.А. Соллогуба и К.К. Гротта к М.Н. Галкину-Враскому. – СПб.: Сенатская типография, 1901. С. 12.

⁴²¹ Там же.

⁴²² Там же. С. 18.

«русский язык делает различие между преступлением и злодеянием»⁴²³. Следовательно, и наказание должно быть разное: исправительное, карательное, соответствующее иерархии злодеяния. Соответственно, тюрьмы надо разделить на три степени, с отбыванием разных временных сроков от одного до пяти лет, с принудительным трудом и без такового. Работа должна приносить не только прибыль тюрьме, но и арестанту, что является средством исправления. Удержание платы за труд может быть полным и частичным. В экспериментальных артелях, которые описывает Соллогуб, арестанты были заинтересованы не в милостыне, а в труде, так как это: ставило их в положение рабочих, позволяло зарабатывать на собственные нужды и образование. Систему организации исправительных артелей и оплаты труда Соллогуб последовательно описывает в своей работе «Об организации в России тюремного труда», а в завершении перечисляет первоочередные шаги к исправлению преступников. Можно выделить в качестве вывода, что эти меры исправления преступников в последствии были применены в отечественной пенитенциарной системе. Во-первых, это уничтожение нар и ночное разделение преступников. Коллективная самоорганизация русских не работает в ночное время, когда тюрьма погружается во власть арестантов. Здесь поможет ирландский опыт, когда на ночь преступников отгораживали сетчатыми решетками «для этого не нужно паноптических зданий и громадных расходов»⁴²⁴. Во-вторых, «запрещение арестантам получать прямо от подателей милостыню»⁴²⁵. Таким образом, устраняется причина развращения преступников – хождение наличных денег. В-третьих, правильно организовать свидания с родственниками, отделить женские тюрьмы от мужских. В этом Соллогуб следует идеям, предложенным Говардом: «правильное и разумное распределение преступников на разряды [...] полезные занятия служили важным рычагом, чтобы поднять нравственный уровень

---

⁴²³ Там же. С. 12.

⁴²⁴ Соллогуб В.А. Об организации в России тюремного труда. – СПб.: Тип. Министерства внутренних дел, 1866. С. 48

⁴²⁵ Там же С. 49.

и улучшить материальное содержание преступников»⁴²⁶. В качестве просветительного и благотворительного воздействия граф предлагает: «Наконец, организовывать школы и библиотеки, поощрять заключённых за прилежную работу. Соллогуб предлагает даже ввести нашивки на арестантских одеждах⁴²⁷, свидетельствующие о движении по пути исправления. Напрашивается ассоциация с нашивками-косяками на одежде современных заключённых и неоднозначным отношением преступной среды к данному дисциплинарному правилу. М.О. Прянишников в своей книге «Русская земледельческая тюрьма»⁴²⁸ уделяет внимание созданию тюрьмы нового образца и трудам В.А. Соллогуба. Идеи пенолога находят своё продолжение.

Книги в российских тюрьмах появились достаточно давно, их арестанты приносили с собой в Сибирь, духовную литературу также раздавали филантропы, но создание самих библиотек относится к середине и второй половине XIX века⁴²⁹. Библиотеки также организовывали при тюрьмах сами арестанты. Так М.Н. Гернет упоминает, что в Петропавловской крепости «библиотека Трубецкого бастиона составлялась из книг, предоставленных ей самими заключёнными»⁴³⁰. Исследователь также настаивает, что в архивных тюремных документах не найдено упоминаний, о пожертвованиях меценатов или средствах, выделенных на создание библиотек самой администрацией. Для русских арестантов Соллогуб не рекомендует молчание, наоборот – организует хоровое пение, чтение, обязательное посещение церковных служб. Это было очень нехарактерно для прогрессивной европейской модели исправления, которое подразумевало молчание, даже во время церковных служб. Так С.Н. Познышев в своих работах уделяет особое внимание темам, которые поднимали и филантропы: оплата заключённым за труд, ночное

⁴²⁶ Казалет Э.А. О значении Джона Говарда в истории тюремной реформы / [Соч.] Э.А. Казалета. – М.: тип. Общества распр. полезных книг, 1892. – IV. С. 48

⁴²⁷ Соллогуб В.А. Письма графа В.А. Соллогуба и К.К. Гротта к М.Н. Галкину-Враскому. – СПб.: Сенатская типография, 1901. С. 49.

⁴²⁸ Прянишников М.О. Русская земледельческая тюрьма. – СПб.: Типография общественной пользы, 1881.

⁴²⁹ Науменко О.Н., Науменко Е.А. Использование книги как средства воспитательного воздействия на заключенных в пенитенциарной системе Западной Сибири (вторая половина XIX – начало XX в.) // Библиотекосведение. 2016. Том 65. № 2. С. 171–176.

⁴³⁰ Гернет М.Н. История царской тюрьмы. Том 4. Москва.: Государственное издательство юридической литературы, 1954. С. 65.

разделение вместо круглосуточной одиночной изоляции, организация школ и библиотек, ресоциализации заключённых после освобождения.

С.Н. Познышев также рассматривает проблемы, которые поднимали филантропы и пенологи: оплата труда заключённых, ночное разделение вместо круглосуточной одиночной изоляции, организация школ и библиотек, ресоциализации заключённых после освобождения. Петербургский благотворительный комитет оказывал содействие лицам, освобождённым из тюрем «в приискании средств к жизни», а также – «выкуп лиц, заключённых за долги» и помощь их семьям⁴³¹. Московский комитет содержал школы в трёх тюрьмах. Здесь Познышев указывает на прямое воздействие благотворительности на пенитенциарную систему в таких областях как: ресоциализация, смягчение условий содержания, образование заключённых.

Также Галкин-Враской в 1863г. описывает посещение образцовой тюрьмы в Лозанне⁴³², функционирующей по оборнскому типу, где преступники исправлялись и работали в полном молчании. Краткие разговоры со священником и врачом разрешались. Подобная система неприемлема для характера русского человека, который словоохотлив и исправляется в общине. Поэтому Соллогуб, знакомый с традицией арестантских песен, организует в экспериментальной тюрьме хор и огород, рассматривая пение и сельскохозяйственный труд как важные инструменты исправления и социализации человека.

При исследовании работ автора можно сделать вывод, что Соллогуб несомненно верит: в силу просвещения, в доброту русского человека, в то, что «преступление ещё не изменяет человека. Преступление, большей частью, ничто иное как несчастный случай, воследовавший от бесхарактерности и искушения»⁴³³. Исправляет человека не суровая тюрьма или ссылка, заключает

⁴³¹ Познышев С.В. Очерки тюремоведения. - Москва: Печ. А.И. Снегиревой, 1913. - 264 с.

[Электронный ресурс] URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003808107#?page=1> (дата обращения: 07.02.2021).

⁴³² Галкин-Враской М.Н. Исправительная тюрьма в Лозанне. – СПб.: Тип. Министерства внутренних Дел, 1863. – 31 с.

⁴³³ Соллогуб В.А. Об организации в России тюремного труда. – СПб.: Тип. Министерства внутренних дел, 1866. С. 59.

пенолог, а «человечность и законность – вот два правила, по которым и тюремная работа и даже тюремное исправление могут достичь у нас результатов, не испытанных ещё за границей»⁴³⁴.

Резюмируя свои труды в области тюрьмоведения, Соллогуб оптимистичен и видит в будущей России потенциал для гуманных изменений и реформ. При его жизни система вяло идёт по пути гуманизации, тюрьмы медленно реформируются, монархи милостивы, в народе побеждает объединяющее начало. Это позволяет ему заключить: «Мы далеко не принадлежим к разряду алармистов, повсюду усматривающих признаки государственного растления. Мы свято веруем в честность и здравый смысл русского народа, и грешно было бы им не веровать. За них порукой стоит история»⁴³⁵.

Как уже было показано выше, Церковь как институт, исторически встроенный в систему российской иерархии, проявляла усилия в деле исправления преступников и благотворительности в условиях пенитенциарной системы. Однако постепенно в этой области она была вытеснена на второй план, хотя её усилия в этом направлении не стали минимальны. Роль исправляющего взяло на себя государство, следящее за исполнением общественного договора. Заключение выражали своё раскаяние не покаянием, а тем, что совершали общественный и созидательный труд, например, мостили камнем дороги. Они заглаживали вину не перед Богом, а перед обществом. Затем труд заключённых перешёл в руки подрядчиков, которые являлись представителями капитала, а заключённый его бесплатным заложником. Отсюда – понятен отказ некоторых заключённых работать в современной исправительной системе.

Даже в XIX веке в эксперименте, который проводил в пенитенциарной системе Галкин-Враской заключенные получали зарплату от труда в артелях, которые создавались при тюрьмах. В России в XIX веке готовилась, а затем и шла государственная реформа пенитенциарной системы и оказался востребованным научный поиск действенной и гуманной модели исправления преступников, что

---

⁴³⁴ Там же.

⁴³⁵ *Соллогуб В.А.* О нашем исполнительном правосудии // Русский мир. 1874. № 290.

заставляло отечественных психологов обращаться к европейскому и североамериканскому опыту, в частности к перспективной одиночной (келейной) изоляции, которая по тем временам считалась прогрессивной и виделась альтернативой ссылке и даже – смертной казни.

Галкин-Враской с осторожностью высказывается о введении европейской пенитенциарной модели и последствиях её применения в России: «одиночное заключение, слишком долго продолжающееся, с неумеренною строгостью применяемое, может иметь более-менее вредное влияние на подвергаемых оному»⁴³⁶, также ведёт «к помешательству и идиотизму»⁴³⁷. Сходного мнения придерживались и психиатры того периода, исследовавшие феномен изоляции в контексте изучения разных вопросов преступления и помешательства. В частности, П.А. Дюков проанализировал результаты исследований врачей, работавших в пенитенциарной системе, пришёл к заключению, что «многие из преступников должны быть отнесены к классу людей ненормальных, болезненных, во многом сходных с душевнобольными, и что поэтому им не нужно наказание, а исправление нравственное и пособие медицинское»⁴³⁸. Что касается келейного заключения, то оно совершенно не подходит для русских людей: «Совершенно строгое одиночное заключение, применяемое ко всем безразлично, наверно увеличивает число душевных болезней, особенно если время одиночного заключения продолжительно, если не приняты должные меры для сохранения физического и душевного здоровья заключённых, что нередко и бывает»⁴³⁹. Дюков приводит в пример ошибочное мнение учёных, приравнивающих преступление к помешательству, с той только разницей, что имеется различная степень вреда обществу и личности. Он приходит к выводу, что дело в пенитенциарной системе, множестве разнящихся между собой отчётов, а также – формализме, который не замечает личность, проходящую процесс исправления. Он также критикует усилия

---

⁴³⁶ Галкин-Враской М.Н. Материалы к изучению тюремного вопроса – СПб.: Тип. Министерства внутренних Дел, 1868. С. 40.

⁴³⁷ Там же. С. 120.

⁴³⁸ Дюков П.А. Преступление и помешательство // Вестник клинической и судебной психиатрии и невропатологии. – 1885. – Год третий, вып. I. – С. 1-30; вып. II. – С. 1-41.

⁴³⁹ Там же.

защитников гуманных принципов, которые ограничиваются лишь рассуждениями. Нужно руководствоваться не теоретическими соображениями, но цифрами и фактами, поскольку недостаточно обсуждения «принципов гуманности и обстоятельств крайности, как это делается поныне в большинстве случаев защитниками некоторых подсудимых»⁴⁴⁰.

С.В. Познышев отмечает, что одиночная изоляция не приживается в Европе, «противоестественная обязанность молчания постоянно нарушается арестантами и, если строго следить за её соблюдением, приводит к ужасающему применению дисциплинарных наказаний»⁴⁴¹. Критиковалась и слепота данной системы, не предусматривающая деление преступников на классы, что исключало досрочное освобождение. Иными словами, в России необходимо отказаться от наказания в виде строгой келейной изоляции, отделить преступников от умалишённых, поместить последних не в тюрьмы, а в больничные лечебницы. Нашли ли эти гуманные идеи практическое применение? Отчасти – да, ибо как заключает сам П.А. Дюков «сила нравственного влияния крепче гранитной стены»⁴⁴². Связи с описанием практической значимости гуманных идей стоит вспомнить метафору «гранитной стены», указывающую на тюрьму на берегах северной реки, идею, ставшую реальностью. Ведь результатом поездки Галкина-Враского в Европу был не только научный труд⁴⁴³, ставший на долгие годы авторитетным отечественным пособием по пенологии, но самое главное – Санкт-Петербургская тюрьма срочных арестантов, которая была открыта 11 января 1868 года. С некоторыми оговорками, можно привести данный пример в качестве иллюстрации к мысли, что российским заключённым не чуждо проявление социальной ответственности и элементов благотворительного поведения. Хотя тюрьма и строилась по американскому одиночному пентонвильскому типу, нигде в мире не имелось подобной практики

⁴⁴⁰ Там же.

⁴⁴¹ Познышев С.В. Очерки тюремоведения. - Москва: Печ. А.И. Снегиревой, 1913. – С. 66.

[Электронный ресурс] URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003808107#?page=1> (дата обращения: 07.02.2021).

⁴⁴² Дюков П.А. Преступление и помешательство // Вестник клинической и судебной психиатрии и невропатологии. – 1885. – Год третий, вып. I. – С. 1-30; вып. II. – С. 1-41.

⁴⁴³ Имеется в виду монография «Материалы к изучению тюремного вопроса» (1868)

строительства тюрьмы силами арестантов⁴⁴⁴. Данный социальный опыт и в некотором роде эксперимент уникален для России. Для заключения и ссылок в Европе и России нередко использовались храмы⁴⁴⁵, монастыри⁴⁴⁶, острова и даже дальние страны, но, чтобы тюрьму строили сами арестанты, да еще и получали за это зарплату, этого пенология еще не знала.

Стоит обратить внимание на то, что при построении петербургского пенитенциарного учреждения воплощаются лучшие европейские пенологические идеи в сочетании с передовыми отечественными методами перевоспитания и ресоциализации преступников. В какой-то мере это строение - апофеоз лучших идей отечественных пенологов. Известен факт, что заключённые в России отказывались от милостыни, поскольку понимали, что заработают больше, труд был необходим, поскольку напоминал о предназначении человека, а заработок позволял помогать семьям⁴⁴⁷. Мы видим, что предпринимается попытка государственных элит трансформировать пенитенциарную систему. К сожалению, эксперимент был прекращен из-за политических дел и приговоров, которые захлестнули общество. Общество наказывает и исправляет, но плодами исправления пользуется капиталист, не общество. Это ставит под сомнение традиционную систему исправления. Исправляет ли изоляция, что она делает со свободой индивида? Недавние события мировой пандемии показывают, что длительная принудительная изоляция может быть пагубной для личности, не способствующей её сохранности и развитию. Почему для русского неприемлема строгая изоляция? В своём отчёте о поездке на пенитенциарный конгресс в Риме в 1885 году Галкин-Враской отмечает, что даже при самой строгой одиночной

---

⁴⁴⁴ Старая тюрьма первоначально размещалась в старых зданиях бывшего «винного городка» на Выборгской стороне Петербурга вдоль правого берега Невы. Затем на её месте в 1884 году силами заключённых началось строительство легендарной Санкт-Петербургской одиночной тюрьмы «Кресты».

⁴⁴⁵ Об использовании храмового комплекса для нужд пенитенциарной системы пишет Томас Венцлова: «Осенью 1823 года Мицкевич и его друзья оказались в тюрьме – бывшем храме униатов у самых Остробрамских ворот». См.: Венцлова Т. Вильнюс: Город в Европе / Пер. с лит. Марии Чапайтите. – СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2018. С. 150-151.

⁴⁴⁶ Например, Патриарх Московский Тихон (Белавин) был арестован и заключён советской властью в Донской монастырь в 1922 и 1923 годах.

⁴⁴⁷ См. напр.: *Соллогуб В.А.* О нашем исполнительном правосудии // Русский мир. 1874. № 278–281, 290–292, 301, 304, 306, 314–315, 321, 324, 326, 342, 356.

изоляции полного исправительного мутизма (молчания) не достигается, поскольку для общения заключённые прибегают к разговору тайными знаками, пренебрегая страхом дисциплинарного наказания⁴⁴⁸. Учёный с осторожностью высказывается о последствиях применения европейской формы изоляции в России. Строгие изоляционные меры в России малоэффективны, они убивают дух коллективизма, имеющийся у русских. Деревни в России располагаются вдоль дорог, дома располагаются близко к другим, хуторской тип поселений нетипичен, «наиболее характерными типами русских поселений были села и деревни. Они были многодворными и состояли из расположенных поблизости крестьянских усадеб, <...> Деревня или село продолжали оставаться ячейкой крестьянской земельной общины»⁴⁴⁹. Русские охотно приходят на помощь друг-другу, организуются в трудовые артели, делятся необходимым с нуждающимся, гостю выносят хлеб и соль. Галкин-Враской отмечает, что келейная система не приемлема для характера русского человека, который словоохотлив и быстрее исправляется в трудовой общине. Полное копирование экспериментальной европейской и американской одиночной системы изоляции невозможно также по российским бюрократическим причинам, которые в данном случае имеют и некоторую благую функцию – сдерживать спонтанные решения⁴⁵⁰. Согласно современным нормам международного права, полное одиночное изолированное заключение не приемлемо: к детям до 18 лет, для психически больных заключённых, приговорённых к смертной казни и к пожизненному заключению. Оно не может применяться как метод воздействия. Ряд правозащитных организаций настаивает на полном запрете одиночной изоляции в качестве пенитенциарных мер наказания и исправления⁴⁵¹.

---

⁴⁴⁸ Галкин-Враской М.Н. Международный тюремный конгресс в Риме 1885. Отчёт начальника главного тюремного управления. – СПб.: Тип. Министерства внутренних Дел, 1886. С. 12-13.

⁴⁴⁹ Русские / Отв. ред. В.А. Александров, И.В. Власова, Н.С. Полищук. — М.: Наука, 1997. С. 218

⁴⁵⁰ Соллогуб В.А. Письма графа В.А. Соллогуба и К.К. Гротта к М.Н. Галкину-Враскому. – СПб.: Сенатская типография, 1901. С. 18-20.

⁴⁵¹ Стамбульское заявление о применении и последствиях одиночного заключения. Solitary confinement. Одиночное заключение. Официальный сайт. [Электронный ресурс] URL: <https://www.solitaryconfinement.org/istanbul-statement> (дата обращения: 22. 05. 2021).

Делая выводы этой части исследования уместно вспомнить научную интуицию В.С. Соловьёва, которую он выразил так: «Первое и самое важное условие есть, конечно, то, чтобы во главе пенитенциарных учреждений стояли люди, способные к такой высокой и трудной задаче, – лучшие из юристов, психиатров и лиц с религиозным призванием»⁴⁵². Это в полной мере относится к пенологам и филантропам, которые упомянуты нами выше. Они заложили идейную основу отечественной пенитенциарной системы.

М.В. Бутина в своей книге «Тюремный дневник» также приводит современные доводы против одиночной изоляции. Во-первых, такая форма содержания приравнивается к психологическим пыткам, но в ряде стран практикуется поскольку ««изоляция используется в качестве неотъемлемой составной части практики ведения допросов»⁴⁵³. Пытки запрещаются 1 статьей Конвенцией против пыток Генеральной Ассамблеи ООН, принятой в 1984 году, а вступившей в силу в 1987 году. Во-вторых, одиночная изоляция является унижающим достоинство человека видом обращения и наказания. Кроме того, строгое одиночное заключение ведёт к физиологическим расстройствам, а также «Исследование Совета Европы в 1977 году показало, что длительное заключение со строгим режимом изоляции заключенных приводит к тому, что было названо "синдромом изоляции", включавшим эмоциональные, познавательные, социальные и соматические расстройства»⁴⁵⁴. Автор отмечает также трудности и опасности в области возвращения таких людей в общество: «Даже когда содержащиеся в условиях изоляции, заключенные не обнаруживают очевидных симптомов, после освобождения из изолятора они могут испытывать дискомфорт в социальных ситуациях и избегать их, что будет иметь отрицательные последствия для социального функционирования в дальнейшем как в тюремном сообществе, так и на свободе, ставя под сомнение вероятность успешной реинтеграции»⁴⁵⁵.

---

⁴⁵² Соловьёв В.С. Оправдание добра / Отв. ред. О.А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, Алгоритм, 2012. – С. 470.

⁴⁵³ Бутина М.В. Тюремный дневник. М.: Издательство АСТ, 2020. С. 57.

⁴⁵⁴ Там же. С. 57-58.

⁴⁵⁵ Там же. С. 58.

В качестве вывода главы нашего исследования можно вспомнить известное высказывание В.С. Соловьёва, который, проанализировав российский пенитенциарный опыт вышеописанного периода, прозорливо заключил: «Тем не менее и во всех наших, т.е. европейско-американских пенитенциарных, системах остается еще много ненужного насилия и мучительства, объясняемого только как мертвое наследие отживших принципов отмщения и устрашения. Таковы: смертная казнь, хотя и потерявшая под собою почву, но все еще упорно отстаиваемая, далее бессрочное лишение свободы, каторжные работы, ссылка в отдаленные страны с губительными жизненными условиями и т.п.»⁴⁵⁶.

Автор исследования сознаёт некоторую эмпиричность своего подхода к анализу духовно-религиозных истоков отечественной пенитенциарной системы, который несомненно затрагивает «русскую духовную философию, в коей нет рассудочных категорий и логически запрограммированных путей»⁴⁵⁷. Нашли ли гуманные идеи, взгляды и практика отечественных пенологов и гуманистов своё продолжение в современном периоде? Для рассмотрения этого вопроса перейдём к заключительной главе нашего исследования.

---

⁴⁵⁶ Соловьёв В.С. *Оправдание добра* / Отв. ред. О.А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, Алгоритм, 2012. С. 457.

⁴⁵⁷ Корольков А. А. *Духовная антропология*. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005, с. 267-321.

Глава 3. Благотворительность и пенитенциарная система

3.1 Пенитенциарная система как область воздействия благотворительности

Пенитенциарная система является весьма информативным срезом внутреннего строения общества, элементом его социальной структуры, в некотором роде – отражением общества, микросоциумом в макросоциуме. Наиболее значимой работой, посвящённой теме появления и истории современной пенитенциарной системы, несомненно, является «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы» М. Фуко⁴⁵⁸. Инструментарий и подход философа представляют несомненный интерес для нашего научного исследования. Фуко подробно разбирает механизм гуманистических реформ, повлиявших на современную структуру власти и её модели, описанные в вышеупомянутой книге. Фуко говорит о «театре казни», который имел место в монархическом обществе⁴⁵⁹.

В.С. Соловьёв, написавший свой труд «Оправдание добра» задолго до исследований М. Фуко, настаивал, что казнь не является адекватным наказанием за преступление, преступник становится не только жертвой: «по теории устрашения наказываемый преступник рассматривается именно лишь как средство для наведения страха на других и для охранения общественной безопасности»⁴⁶⁰. Другими словами, «теория устрашения совсем притупила свое острие с тех пор, как во всех образованных и полуобразованных странах упразднены мучительные телесные наказания и квалифицированная смертная казнь»⁴⁶¹. Пенитенциарная система должна исправлять, но не мучить человека, не уничтожать его личность, давая ему шанс на возврат в общество. В основе пенитенциарной системы лежит

⁴⁵⁸ Также: Фуко М. Нужно защищать общество: Курс лекций, прочитанных в Колледж де Франс в 1975—1976 учебном году. — СПб.: Наука, 2005.

⁴⁵⁹ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999.

⁴⁶⁰ Соловьёв В.С. Оправдание добра / Отв. ред. О.А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, Алгоритм, 2012. — С. 456.

⁴⁶¹ Там же.

добро: «Основное свойство того добра, которое обусловлено правовой общественной организацией, есть не принудительность (что есть лишь возможное следствие), а прямая объективность»⁴⁶². По Соловьёву задача ограничить зло отдана в руки государства. Здесь мы видим идейное пересечение с благотворительностью, в основе которой также лежит добро, стремление расширить его пределы. Соловьёв объясняет, что в области направления к добру «принудительное внешнее действие есть прежде всего обман. Так как цель: насильно, извне заставить человека иметь внутреннее, т.е. изнутри идущее, расположение к добру, или внутреннюю восприимчивость к истине, – не может ни в каком случае быть достигнута»⁴⁶³. Следовательно, в пенитенциарной системе мы не можем насильно принудить личность следовать добру, но возможно побудить её, пробуждая нравственные, лучшие стремления и совесть. Смертная казнь принципиально лишает преступника возможности исправиться.

Фуко также описывает как в течении времени трансформировалась историческая система уголовных наказаний от смертной казни до тюремного заключения и залога⁴⁶⁴. Однако государство никогда не утрачивало полный контроль над содержащимися в тюрьмах, хотя строгость и жесткость системы видоизменили само чудовищное телесное наказание в духовное упражнение и назидательный общественный урок. Иными словами, степень развитости государства характеризуется гуманностью его пенитенциарной системы. Публицист и общественный деятель М.В. Бутина, длительное время отбывавшая наказание в одиночном тюремном заключении в США, считает, что «страну характеризует то, как она относится к заключенным»⁴⁶⁵.

Как уже было показано выше, *пенитенция* в широком смысле – покаяние, исправление в его деятельном смысле. Вся пенитенциарная система таким образом заявлена как исправляющая или способствующая процессу исправления преступника. Зададим провокационный вопрос: «Зачем преступника вообще нужно

---

⁴⁶² Там же. С. 531.

⁴⁶³ Там же. С. 532.

⁴⁶⁴ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999.

⁴⁶⁵ Бутина М.В. Тюремный дневник. М.: Издательство АСТ, 2020. С. 30.

исправлять? Ведь преступление прежде всего должно быть наказано». На содержание преступника тратятся налоги, расходуются средства добропорядочных граждан, эффективность пенитенциарной системы в деле исправления оценить трудно. Вопрос об искоренении зла преступности более радикальным образом вставал всегда, а тема противопоставления милосердия справедливости далеко не нова.

М. Фуко считает, что в XIX-XX веке нарушители закона повсеместно не наказываются пытками и смертной казнью, акцент делается не на преступнике, а на его проступке. Преступник помещается в пенитенциарную систему, где должно происходить его перевоспитание, поскольку его тело больше не является собственностью суверена. Постепенно общество смещалось от централизованной монархической власти к демократическому управлению. Это повлияло на постепенное изменение формы наказаний и виды самой казни, упразднение тюрем, как видов казни и пытки. Между тем, в сознании мыслителей сама тюрьма почти всегда отождествлялась с пыткой. Вольтер, дважды отбывавший заключение в знаменитой Бастилии, написал стихотворение, посвящённое этой тюрьме, а также трагедию «Эдип» и комедию⁴⁶⁶. Несмотря на то, что Вольтер высмеивал заключение⁴⁶⁷ в самой суровой тюрьме Европы, своими произведениями мыслитель готовит почву для будущего уничтожения этого символа пытки.

Борьба с «тысячей смертей», которую несёт в себе пытка и казнью, которая ослабляет власть монарха⁴⁶⁸ становятся одним из важных социальных смыслов революционных перемен. Так один из лидеров Великой французской революции (1789-1799 гг.) адвокат Камиль Демулен прославился тем, что возглавил поход на тюрьму Бастилию, а также призывал основать «Комитет милосердия» для освобождения узников и смягчения приговоров⁴⁶⁹. Нужно пояснить, что понятие

⁴⁶⁶ Вольтер. *Философские сочинения*. / Пер. с фр. С.Я. Шейнман-Топштейн. М.: Издательство Наука, 1988.

⁴⁶⁷ Как здесь не вспомнить метод «парадоксальной интенции» В. Франкла, при помощи которой узник легче переносит заключение. Иными словами, «клин – клином вышибают», смех побеждает страх.

⁴⁶⁸ Используются выражения М. Фуко из «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы».

⁴⁶⁹ См.: Camille Desmoulins [Электронный ресурс] URL: <https://www.britannica.com/biography/Camille-Desmoulins> (дата обращения: 21.05.2021).

милосердие всегда следует рассматривать в его контексте. Для Демулена оно означало помилование преступникам, но отнюдь не всех врагов революции⁴⁷⁰. В письме Робеспьеру он пишет: «патриотизм не может существовать там, где нет ни человеколюбия, нет благотворительности <...> вспомни, что любовь сильнее, нежели страх; что преклонение и религия привлекают благодеяния; что дела милосердия – это воображаемая лестница, о которой нам говорит Тертуллиан, вознесенная до неба, но туда никогда не поднимались по ступеням, залитым кровью! Ты был уже близок к этому взгляду до такой степени, что составил постановление и предложил учредить «комитет правосудия», однако почему милосердие сделалось преступлением в республике?»⁴⁷¹ Демулен страстно выступает против широкого использования гильотины⁴⁷², призывает к милосердию, в порыве, соотнося его с традиционными для христианства смыслами, цитируя Тертуллиана. Э. Дюркгейм, говоря о Французской революции выделял особую: «Способность общества выступать в качестве бога или порождать богов <...> под влиянием всеобщего энтузиазма исключительно светские по своей природе вещи были обращены общественным мнением в священные: Родина, Свобода, Разум. Обозначилась тенденция к созданию религии со своим догматом, своей символикой, алтарями и празднествами»⁴⁷³. С этим нельзя не согласиться. В провозглашённой «эре милосердия» возник культ Разума и Высшего Существа, но исчезла причина этического движения – энтузиазм приверженцев, следствие его также не могло сохраниться.

Г.В.Ф. Гегель утверждает, что «преступник карается законом, объективным законом, но он должен и сам признать, что заслужил наказание, что он сам погубил себя»⁴⁷⁴. Преступник страдает по объективным законам, а его чувство раскаяния

⁴⁷⁰ Сам Демулен был казнён на гильотине 5 апреля 1794 г.

⁴⁷¹ Ламартин А.М.Л. История жирондистов: в двух томах. Том II / Пер. с фр. Кутейников Н.С. — М.: Захаров, 2013. С. 353.

⁴⁷² Гильотинирование воспринималось как массовый и даже гуманный способ казни. До революции к отрубанию головы преимущественно приговаривались преступники из привилегированного сословия.

⁴⁷³ Дюркгейм Э. Коллективный ритуал // Религия и общество: хрестоматия по социологии религии / сост. В. И. Гараджа, Е.Д. Руткевич. – М.: Аспект Пресс, 1996. С. 440-441.

⁴⁷⁴ Гегель Г.В.Ф. Философия права. М.: Академия наук СССР. Институт философии. Изд-во «Мысль», 1990. С. 393.

должно сопровождаться признанием своей вины. Через справедливое наказание преступление снимается. Что касается тюрьмы и отбывания наказания, то «нравственный мир права и естественный порядок вещей осуществляет принуждение по отношению к субъекту в качестве естественной власти и пребывает для себя»⁴⁷⁵. Гражданское общество обеспечивает исполнение права и поддерживает порядок. Наказание же за нарушение права может быть только в государстве, вне его это месть⁴⁷⁶.

В своей книге «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы» Мишель Фуко описывает философию пенитенциарной системы, соотнося её с тремя моделями власти. Фуко называет их: «театр казни», «дисциплинарная» и «биовласть». «Театр казни» Фуко также называет – «королевская» модель, коннотацию с которой мы и видим в данном эпизоде, хотя в роли судьи здесь выступает народный Конвент, а оскорблённым народ, который требует наказания в виде гильотинирования. Олицетворением данной модели являлась гильотина, задуманная как гуманное и доступное для широких масс орудие казни⁴⁷⁷.

В.С. Соловьёв в своём труде, который поистине является манифестом добра и милосердия, подытоживает тему исправления так: «Терпящий от преступления имеет право на защиту и по возможности на вознаграждение; общество имеет право на безопасность; преступник имеет право на вразумление и исправление»⁴⁷⁸. Это требования нравственного закона, и справедливости, и альтруизма, и милосердия. Однако «для защиты лиц, безопасности общества и дальнейшего блага самого преступника требуется прежде всего, чтобы виновный в преступлении был на некоторое время лишен свободы»⁴⁷⁹. Именно здесь, в пространстве пенитенциарной системы и проявляется милосердие к преступнику, как со стороны общества, так и со стороны людей, в том числе – благотворителей.

---

⁴⁷⁵ Там же.

⁴⁷⁶ Там же. С. 414.

⁴⁷⁷ До изобретения гильотины отрубание головы в качестве казни применяли преимущественно к высшему и богатому сословию, считая это гуманным и быстрым способом умерщвления преступника.

⁴⁷⁸ Соловьёв В.С. Оправдание добра / Отв. ред. О.А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, Алгоритм, 2012. — С. 467.

⁴⁷⁹ Там же. С. 467-468.

В качестве ответа на вопрос о необходимости исправления нам представляется также уместным процитировать данный фрагмент: «На суде над убийцами священников святой Августин попросил судью не лишать убийц жизни, с таким объяснением: “Мы не хотим тем самым воспрепятствовать отнятию у злодеев свободы совершать преступления, но только желаем для этой цели, оставив их в живых и не калеча телесно, применив к ним репрессивные законы, отвратить их от безумной ярости и привести к разумной и спокойной жизни, от злых дел – к полезному труду. Это тоже наказание, но кто не поймёт, что в нём скорее благо, чем мучение, поскольку не дана воля дерзкой ярости и не отнято лекарство – покаяние? [...] Негодуй против беззакония, однако не забывай о человечности; не упивайся мстостью за зверства грешников, но направь волю на исцеление их ран”»⁴⁸⁰. В этих словах сокрыта гуманная философия пенитенциарной системы. Жизнь человеку дарована единожды, и мы не в праве её прерывать, не предаваться мести, надеясь на исправление преступника, побуждая его к изменению мыслей и образа поведения, чему и должна в идеале служить пенитенциарная система.

Процесс исправления напоминает медицинское лечение болезни, при котором важно использовать целостный принцип: «понимание природы болезни как процесса, охватывающего все системы и уровни организма»⁴⁸¹. Именно к этой аналогии прибегает В.С. Соловьёв, описывая задачи пенитенциарной системы: «Ход и приемы лечения должны изменяться соответственно переменам в ходе болезни, и суд должен предоставить это дело пенитенциарным учреждениям, в ведение которых поступает преступник»⁴⁸².

При этом преступник в России не рассматривается как навсегда исключённая и извергнутая из здорового общества личность, скорее, как больной, нуждающийся в исцелении и возврате в социум. Длительный процесс пенитенциарного исправления стоит рассматривать не только в его социальном контексте, но

⁴⁸⁰ *Папа Римский Франциск*. Энциклика. Fratelli tutti. О братстве и социальной дружбе. Москва, Издательство Францисканцев, 2021. С. 152-153.

⁴⁸¹ *Константинов Ф.В., Марахов В.Г.* Диалектика природы и естествознания // Серия: Материалистическая диалектика : в 5 томах. Москва., Мысль, 1983. Т. 3. С. 306.

⁴⁸² *Соловьёв В.С.* Оправдание добра / Отв. ред. О.А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, Алгоритм, 2012. — С. 468.

учитывать, что «индивидуальный жизненный цикл человека зависит от материальной и духовной культуры общества, его социальной структуры, системы воспитания, от популяционно-видовых потенциалов развития человека и от реализации индивидуальных психосоматических задатков в процессе деятельности, индивидуального стиля жизни»⁴⁸³. Природу человека, стиль его жизни и изменение поведения детерминирует множество факторов, в том числе – религиозных, духовных и национальных, лишь некоторые рассмотрены в нашем исследовании. На эти факторы неоднократно своё внимание обращали отечественные и европейские пенологи и филантропы.

Философский дискурс об исправлении и наказании перенесён также в художественные произведения, что говорит об его актуальности. В частности, в романе братьев Вайнеров «Эра милосердия» этому дискурсу в контексте последствий жестокой Второй мировой войны придаётся острый актуальный оттенок. Герой романа Михал Михалыч верит в силу воспитания, морали и милосердия. Он убеждён, что «в нашей стране окончательная победа над преступностью будет одержана не карательными органами, а естественным ходом нашей жизни, её экономическим развитием. А главное – моралью нашего общества, милосердием и гуманизмом наших людей...»⁴⁸⁴.

Представитель карающих органов стойко возражает, связывая употребляемую в диалоге терминологию с религией, утверждая, что «милосердие – это поповское слово»⁴⁸⁵. Возражение Михал Михалыча выглядит как мысль упомянутых нами в исследовании гуманистов - пенологов XIX века: «Милосердие не поповский инструмент, а та форма взаимоотношений, к которой мы все стремимся...»⁴⁸⁶. Нам представляется, что данный спор, применительно к пенитенциарной системе не закончен. Дискурс сегодня всё чаще переносится в общественно-политическое поле и требует внимания не только философов, социологов, пенологов, но также – теологов и практиков права, каким и является

---

⁴⁸³ Там же.

⁴⁸⁴ Вайнер А.А., Вайнер Г.А. Эра милосердия. Двое среди людей. – М.: Международная книга, 1993. С. 200.

⁴⁸⁵ Там же.

⁴⁸⁶ Там же.

один из участников спора. Другими словами, тематика нашей исследовательской работы – это своеобразный «перекрёсток» наук и нуждается в дальнейшей разработке и апробации. Практической теме посвящён заключительный раздел нашего исследования.

Для целостного философского представления закономерностей пенитенциарной системы нам представляется необходимым взглянуть на предмет исследования не только извне, но в некотором смысле – изнутри, желательно – глазами философа, писателя и учёного⁴⁸⁷. Например, мыслитель Андре Мальро пережил заключение в немецком лагере для военнопленных, что кардинальным образом поменяло вектор его размышлений. Ж.-Ф. Лиотар в биографической книге о философе упоминает, что факт прохождения через лагерь способствовал написанию им нового научного труда: «В Провенсе или в Сансе, в одной тюрьме или в другой, положение заключённого благоприятствовало работе над большой книгой...»⁴⁸⁸. Пребывание в условиях заключения стимулировало движение мышления исследователя в новом направлении. Ж.-Ф. Лиотар обобщает и напоминает о выдающихся литературных произведениях, которые были написаны в тюрьме, либо их замысел появился в результате прохождения через пенитенциарную систему. К их числу относятся: «Дон Кихот» М. Сервантеса, «Приключения Робинзона Крузо» Д. Дефо, «Идиот» Ф.М. Достоевского и многие другие⁴⁸⁹. Обращается внимание на то, что все главные герои данных произведений предстают читателю оторванными от социума: Робинзон – кораблекрушением, Дон Кихот – безумием, князь Мышкин – своей наивностью. К данному списку стоит добавить ещё пилигрима, героя, описанного Д. Беньяном⁴⁹⁰. Связи с этим М. Вебер говорит о том, что «Робинзон Крузо, изолированный от мира экономический

⁴⁸⁷ Мы понимаем, что при данном подходе стоит обязательно учитывать субъективизм оценок и интерпретаций философской проблемы, но это не значит, что нам стоит отказаться от их изучения.

⁴⁸⁸ *Лиотар Ж.-Ф.* За подписью Мальро / Пер. с французского А. В. Шестакова – СПб.: Владимир Даль, 2015. С. 350.

⁴⁸⁹ См. также «Записки из мёртвого дома» Ф.М. Достоевского, «В мире отверженных. Записки бывшего каторжника» П.Ф. Якубовича, произведения А.И. Солженицына, «Колымские рассказы» В.Т. Шаламова, Д. Беньян «Путешествие пилигрима в чудесную страну» и др.

⁴⁹⁰ Своё аллегорическое произведение Д. Беньян написал в тюрьме.

человек, занимающийся отчасти и миссионерством»⁴⁹¹. Этот персонаж в условиях одиночного заключения на острове воспитывается как новая личность: в размышлениях, созидательном труде и религиозной аскезе. Тогда как пилигрим Беньяна иллюстрирует собой созерцательный тип «одинокого человека, все усилия которого направлены на то, чтобы поскорее миновать «ярмарку тщеславия» в поисках Царства Божьего...»⁴⁹². Экономический человек сменяет человека созерцателя. Одного спасает и воспитывает физический труд, другого – восхищённое созерцание и целенаправленный поиск спасения. Авторов вышеописанных романов объединяет то, что они пережили ужасы тюрьмы и прошли через жернова пенитенциарной системы, что позволило им расстаться с различного рода иллюзиями, избежать плена ложных надежд и неоправданного самомнения. Перечисляя три великих книги, написанных бывшими узниками, Ж.-Ф. Лиотар задаётся резонным вопросом: «Не добавить ли к ним четвёртую – написанную бывшим военнопленным? Взятым в 1940-м под арест вместе с другими, тысячами других, уличённых в безумии, невинности и кораблекрушении одновременно. Народ верил в свою способность изменить мир, не решился на революцию и потерял надежду. Сокрушительное поражение – вот злодейство, за которое оглушённый приговором преступник расплачивался, поверженный наземь, в лагерях победителей»⁴⁹³. Многие, прошедшие пенитенциарную систему задаются похожим вопросом – не поделиться ли с миром своими философскими открытиями, сделанными в тюрьме и ссылке? Однако лишь немногие решаются на этот ответственный шаг, который лишь внешне кажется лёгким благотворительным даром человечеству. Исследователь тюрьмы М.Н. Гернет говорит об особом свойстве русских описывать собственный опыт воздействия пенитенциарной системы, приводя цитату очерка А.М. Горького о В.И. Ленине: «Каждый русский, посидев "за политику" месяц в тюрьме или год в ссылке, считает священной

⁴⁹¹ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Религия и общество: хрестоматия по социологии религии / сост. В.И. Гараджа, Е.Д. Руткевич. – М.: Аспект Пресс, 1996. С. 617.

⁴⁹² Там же.

⁴⁹³ Лиотар Ж.-Ф. За подписью Мальро / Пер. с французского А. В. Шестакова – СПб.: Владимир Даль, 2015. С. 350-351.

обязанностью своей подарить России книгу воспоминаний о том, как он страдал»⁴⁹⁴. А.М. Горький во время месячного пребывания в тюрьме Петропавловской крепости (январь-февраль 1905) не был лишён возможности переписываться и заниматься творчеством, писал заметки, пьесу и делал рисунки⁴⁹⁵. В рассказе «Тюрьма»⁴⁹⁶ писатель о наблюдении за арестантами через глазок, истязание, которое постоянно сопровождает заключённого. Писатель ужасается постоянному наблюдению, которое сопутствует исправлению, получаемому в царской пенитенциарной системе⁴⁹⁷. Горький считал, что проблема преступности находится внутри классового буржуазного общества, а «воров – как известно – воспитывает в грабителей буржуазная система наказания – тюрьма»⁴⁹⁸. Он верит в советское исправление преступников из рабоче-крестьянского класса, поскольку только в западных странах⁴⁹⁹ «отношение к преступнику как неисправимому, органическому врагу общества остаётся непоколебимым, и тюрьмы европейских государств продолжают служить школами и вузами, где воспитываются профессиональные правонарушители»⁵⁰⁰.

О философии советской пенитенциарной системы Горький пишет весьма радикально: «В Союзе Социалистических Советов признано, что “преступника” создаёт классовое общество, что “преступность” – социальная болезнь, возникшая на гнилой почве частной собственности, и что она легко будет уничтожена, если уничтожить условия возникновения болезни – древнюю, прогнившую, экономическую основу классового общества – частную собственность. Совнарком РСФСР постановил уничтожить тюрьмы для уголовных в течение ближайших пяти

⁴⁹⁴ Гернет М.Н. Тюрьма для революционеров. Москва, 1932.

⁴⁹⁵ Гернет М.Н. История царской тюрьмы. Том 4. Москва.: Государственное издательство юридической литературы, 1954.

⁴⁹⁶ Опубликовано в 1904 году, вероятно, под впечатлением пребывания автора в нижегородской тюрьме.

⁴⁹⁷ Горький М. Тюрьма. Рассказы, очерки, наброски, стихотворения 1901-1907 гг. — Полное собрание сочинений в двадцати пяти томах. — Москва: Наука, 1970. — Т. 6. С. 63-93.

⁴⁹⁸ Горький М. Рассказы, очерки, воспоминания 1924-1936. Собрание сочинений в 30 томах. М., ГИХЛ, 1949—1955. Том 17. С. 53. В цитате сохранена пунктуация автора

⁴⁹⁹ Горький М. Рассказы, очерки, наброски, стихотворения 1901-1907 гг. — Полное собрание сочинений в двадцати пяти томах. — Москва: Наука, 1970. — Т. 6.

⁵⁰⁰ Горький М. Рассказы, очерки, воспоминания 1924-1936. Собрание сочинений в 30 томах. М., ГИХЛ, 1949—1955. Том 17. С. 53.

лет и применять к “правонарушителям” только метод воспитания трудом в условиях возможно широкой свободы»⁵⁰¹. Конечно сегодня можно судить о том, насколько утопичны были эти идеи. Однако упоминание Горьким этапов, способов и методов исправления имеет большое значение для нашего исследования, поскольку поясняет не только суть советской пенитенциарной системы, но и иллюстрирует воздействие на неё благотворительности.

Своё место заключения П.Ф. Якубович сравнивает с «миром отверженных» Данте, где он устал душевно «хранить вид равнодушного философа»⁵⁰². Постоянно возвращаясь к теме исправления в очерке «Соловки», Горький весьма оптимистично видит успехи советской пенитенциарной системы: «Соловецкий лагерь особого назначения — не “Мёртвый дом” Достоевского, потому что там учат жить, учат грамоте и труду. Это не “Мир отверженных” Якубовича-Мельшина, потому что здесь жизнью трудящихся руководят рабочие люди, а они, не так давно, тоже были “отверженными” в самодержавно-мещанском государстве»⁵⁰³. Стоит обратить внимание на отмеченные автором важные ресурсы перевоспитания: труд, образование и погружение в однородную классовую среду. В советской пенитенциарной системе перевоспитанием занимается государственная власть рабочих и крестьян, принуждающая преступную личность трудом изменить своё поведение и образ мыслей. Власть рабочих и крестьян также являет благотворительность, например, в форме доступного образования. Горький отмечает, что рабочее пенитенциарное воспитание избирательно, поскольку — не для всех социальных классов: «Рабочий не может относиться к “правонарушителям” так сурово и беспощадно, как он вынужден отнестись к своим классовым, инстинктивным врагам, которых — он знает — не перевоспитаешь. И враги очень усердно убеждают его в этом. “Правонарушителей”, если они — люди

⁵⁰¹ Горький М. Рассказы, очерки, воспоминания 1924-1936. Собрание сочинений в 30 томах. М., ГИХЛ, 1949—1955. Том 17. С. 53.

⁵⁰² Якубович П.Ф. В мире отверженных: записки бывшего каторжника. — СПб.: Редакция журнала "Русское богатство", 1896-1899. С. 377-378. [Электронный ресурс] <http://elibr.shpl.ru/ru/nodes/3220-t-1-1896#mode/inspect/page/385/zoom/4> (дата обращения: 07.02.2021).

⁵⁰³ Горький М. Рассказы, очерки, воспоминания 1924-1936. Собрание сочинений в 30 томах. М., ГИХЛ, 1949—1955. Том 17. С. 53.

его класса – рабочие, крестьяне, – он перевоспитывает легко»⁵⁰⁴. Вышеприведённый фрагмент объясняет суть процесса исправления в советской пенитенциарной системе. Как мы видим, Горький считал, что такая система способна легко и эффективно перевоспитать личность. Он резюмирует: «Мне кажется – вывод ясен: необходимы такие лагеря, как Соловки, и такие трудкоммуны, как Болшево. Именно этим путём государство быстро достигнет одной из своих целей: уничтожить тюрьмы»⁵⁰⁵. Именно эта цель так и не была достигнута.

Формальная логика обманчиво вторит, что читатель обязательно вынесет урок из чужого тюремного опыта. Мучения, описанные страдальцем, возможно, позволят кому-то избежать преступлений или предостерегут формирующуюся личность от опасностей и искушений. Ф.М. Достоевский скептически смотрел на данную воспитательную перспективу, видя изъяны как в самой пенитенциарной системе, так и в характере преступника: «В преступнике острог и самая усиленная каторжная работа развивают только ненависть, жажду запрещенных наслаждений и страшное легкомыслие»⁵⁰⁶. Стоит отметить, что выдающихся литературных и научных произведений, вышедших из-под пера бывших узников, – всего десятки, а тех лиц, кто прошёл через систему наказания – в сотни тысяч раз больше. Возникают закономерные вопросы о зависимости творчества от пережитого в пенитенциарной системе опыта и субъективизме очевидца. В романе «Преступление и наказание» образ Сонечки Мармеладовой – яркий символ действенной благотворительности, которая явлена Родиону Раскольникову, преступнику, находящемуся в пенитенциарной системе и изменяющемуся под действием Евангелия и примера жертвенной женщины.

Шведский мыслитель С. Дагерман описывает экзистенциальное состояние, когда человек перед лицом смерти теряет чувство равновесия и «испытывает

---

⁵⁰⁴ Там же.

⁵⁰⁵ Там же. С. 54.

⁵⁰⁶ *Достоевский Ф.М.* Записки из мёртвого дома / Полное Собрание Сочинений. Т.4.М.: Изд.: Наука, 1972. С. 15.

жажду утешения и она неумолима»⁵⁰⁷. Мыслитель приходит к выводу: «Но людям не нужно утешение, которое можно найти в игре слов, им нужно утешение, которое несет свет»⁵⁰⁸. Что это за утешение? Возможно ли найти или проявить его в благотворительном даянии? Отчасти – это так, если даяние исходит из сокровенных пределов свободной воли человеческого естества. Разве даяние не делает нас подобными тому Другому, кто наделил нас свободой и стремлением к познанию? Возвращаясь к тексту Стига Дагермана: «для меня существует лишь одно истинное утешение: мысль о том, что я – свободный человек, отдельная личность, властелин в своих пределах»⁵⁰⁹. Формулировка Дагермана, что «человеческая жизнь является не попыткой достичь цели, а лишь путем к целостности. Целостный человек не пытается ничего достичь, он действует из состояния покоя. <...> человек может заниматься чем угодно, сохраняя свободу и ясно понимая, что он, как и все другие элементы творения, является самоцелью»⁵¹⁰. Данная мысль применима и к рефлексии над проблематикой пенитенциарной системы и к теме воздействия на неё благотворительности, поскольку восходит к целостной природе человека. Даже в условиях тюрьмы или пленения человек остаётся человеком, имеющим внутреннюю свободу и страстно стремящимся к смыслу, а заключённый философ соответственно стремится процесс описать, изучить его закономерности, а смыслы интерпретировать.

Автор не стремится отстаивать мысль, что для понимания своего предназначения обязательно нужно пережить несвободу или рабство, процесс, который Дагерман описывает как: «свобода начинается с рабства, а независимость – с зависимости»⁵¹¹. Не станем отрицать, что понимание себя и значимости другого нередко приходит в те отчаянные моменты, когда человек, оказывается вырванным из каждодневного контекста, помещён в условия, способствующие рефлексии и самооценке себя, проверке устойчивости прежних жизненных приоритетов и

⁵⁰⁷ Дагерман, С. Наша жажда утешения неумолима / С. Дагерман // Звезда. СПб. - 2019. - №2. - С. 223-226

⁵⁰⁸ Там же.

⁵⁰⁹ Там же.

⁵¹⁰ Там же.

⁵¹¹ Там же.

появлению шкалы новых ценностей. Данное переосмысление, несомненно имело место в жизни выдающихся мыслителей и писателей, в прошлом – узников, возможно потому их труды – бесценный благотворительный дар всему человечеству. Молчание интеллектуалов, не оставивших потомкам воспоминаний, но изрядно пострадавших в тюрьмах и лагерях, является образно ненаписанной книгой, которая также красноречиво свидетельствует о внутренней человеческой свободе, последним ответом истязателям. По выражению Дагермана: «тот, кто строит тюрьмы, обычно более косноязычен, нежели тот, кто строит свободу. И власть моя станет безграничной в тот день, когда у меня не останется ничего, кроме молчания, когда мне больше нечем будет защитить свое достоинство, потому что живое молчание неуязвимо для всех топоров мира»⁵¹².

Поскольку тюремное заключение уравнивает всех узников, делает их одинаково неспособными воспользоваться своей социальной свободой и гражданскими правами, то возникает закономерный вопрос о роли интеллектуала и его преимуществах перед неинтеллектуальным сообществом. О. Уайльд также философствует о правильности наказания, сравнивая свою тюрьму с могилой: «Бог о нас забыл, за железную решетку грех в тьму нас заманил»⁵¹³. Если интеллектуалом руководят идеи, которые направляют его действия и стремления, то даже элементарная идея, способствующая жизни, которая движет простым и необразованным человеком достойна внимания. В какой-то степени каждый человек направлен идеей, которая обнажается в экстремальных условиях пенитенциарной системы. Идея придаёт ему жизненные силы и желание творить, анализировать окружающую действительность, философствовать. Перед лицом смерти и небытия большого различия интеллектуала и простолюдина почти не существует.

---

⁵¹² Там же.

⁵¹³ Уайльд О. Баллада Реддингской тюрьмы // Собрание сочинений: В 3 т. Т. 3: Стихотворения. Поэмы. Эссе. Лекции и эстетически миниатюры. Письма / Пер. с англ.; Сост. Л. Дорошевича. — М.: Терра Книжный клуб, 2003. С. 44.

В этом смысле важно упомянуть, что А.С. Панарин напоминает о том, что русский православный философ С.Н. Булгаков⁵¹⁴ «разрабатывает другую парадигму, близкую архетипу дарения. Только через этот архетип сохраняется онтологическая причастность человека, его открытость бытию, уберегающая от нигилистического отщепенства»⁵¹⁵. Речь идёт о даре слова, который С.Н. Булгаков понимает в его космическом смысле: «слова как первоэлемент мысли и речи, суть носители мысли, выражают идею, как некоторое качество бытия, простое и далее неразложимое. Это самосвидетельство космоса в нашем духе, его звучание»⁵¹⁶.

Аналогия применима и к пенитенциарной системе. Дар слова человека, прошедшего через систему исправления и наказания, – благотворительное одаривание каждой мыслящей личности, также – демонстрация надежды, человечности, которые проявляет себя даже в условиях неволи. С даром такого слова тесно сопряжен процесс скриптизации бытия, своего существования в неволе, сохранения себя *человеком для человека*. В этом контексте стоит понимать литературные примеры, которые мы приводим в нашем исследовании для иллюстрации воздействия благотворительности в условиях пенитенциарной системы. Примеров много, мы упомянем лишь несколько, связав их между собой единой тематикой нашего исследования.

Описанный Д. Дэфо матрос, заброшенный на необитаемый остров, сравнивает его с тюрьмой, где отбывает одиночное наказание. Что он делает, реализуя себя как человек? Он проходит аскетичный путь исправления, столь понятный для протестантизма, трудится и занимается рефлексией, фиксируя свои мысли «не для того, чтобы увековечить их в назидание людям, которые окажутся в моём положении, а просто чтобы высказать словами всё, что меня терзало и мучило, и тем хоть сколько-нибудь облегчить свою душу»⁵¹⁷. Отсюда следует, что для мыслителя: «Написать такую книгу – значило, прежде всего, отвергнуть это

⁵¹⁴ Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. М.: Эксмо, 2003.

⁵¹⁵ Там же С. 32

⁵¹⁶ Булгаков С.Н. Философия имени. Paris.: YMCA-PRESS, 1953. С. 15.

⁵¹⁷ Дэфо Д. Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо, моряка из Йорка. – М.: 1982. С. 73.

различие, сбить спесь интеллекта над неотёсанной мудростью...»⁵¹⁸. Герой Дэфо делает это, следуя доводам своего рассудка. Вскоре он обнаруживает несомненную пользу для себя от такого деяния, как и от труда физического. Взор его фиксируется на проросшем ячменном зерне, которое возрождает мысль о Другом, Боге, дающем благо ради одного страдающего человека, заточённого на острове⁵¹⁹. Мышление фиксируется на малом объекте, через который открывается масштабная трансцендентная перспектива. Это пробуждает у него новое желание жить и искать высший религиозный смысл своего существования. В последствии сам Робинзон Крузо благотворит попавшим на остров дикарю и матросам. Узнавший радость получения незаслуженного даяния, сам становится благотворителем. В контексте заключения мы видим взаимосвязь процессов исправления и благотворительности. Отраднo, что данный процесс подробно зафиксирован матросом в своём дневнике, а позднее – автором книги.

Александр Солженицын проанализировал свой опыт пребывания в различных советских тюрьмах и лагерях пришёл к заключению, что за годы репрессий в пенитенциарной системе была уничтожена прослойка людей философствующих, кто «говорили и писали по-русски. <...> Они видели слишком многое, чтобы выбрать одно. Они тянулись к возвышенному слишком сильно, чтобы крепко стоять на земле. Перед падением обществ бывает такая мудрая прослойка думающих – думающих и только. И как над ними не гоготали! Как не передразнивали их! Не досталось им и клички другой как гниль. Эти люди были цвет преждевременный, слишком тонкого армата, вот и пустили их под косилку»⁵²⁰. Можно сделать вывод, что любой последовательный анализ пенитенциарной системы личностью её прошедшей, хотя и отличается известной

⁵¹⁸ *Лиотар Ж.-Ф.* За подписью Мальро / Пер. с французского А. В. Шестакова – СПб.: Владимир Даль, 2015. С. 351.

⁵¹⁹ «Но когда я увидел этот ячмень, выросший, как я знал, в несвойственном ему климате, а главное, неизвестно как попавший сюда, я был потрясён до глубины души и стал верить, что Бог чудестным образом произарстил его без семян только для того, чтобы прокормить меня на этом диком, безотрадном острове <...> Я был счастлив созанием, что такое чудо совершилось ради меня» Дэфо Д. Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо, моряка из Йорка. – М.: 1982. С. 88.

⁵²⁰ *Солженицын А.И.* Архипелаг ГУЛАГ. 1918-1956. Опыт художественного исследования. – Москва.: Инком, 1991. С. 137.

долей субъективизма, вызывает интерес не только исследователя, но и читателя, поскольку адресует к высшим ценностям, идеям, дающим индивидууму устойчивость в испытаниях, ведущим к зрелости натуры. Написание такой книги – смелый благотворительный акт человечеству, исходящий от избыточности лучших качеств личности, её высших и благородных интенций, направленный на исправление ошибок и предотвращение повторной трагедии. В какой-то мере это аргументированный ответ на возражение, что понять пенитенциарную систему может только тот, кто прошёл её и извлёк из этого уроки и выводы.

А.С. Панарин пишет о дарении слова: «Ибо в словах содержится энергия мира, словотворчество есть процесс субъективный, индивидуальный, психологический только по форме существования, по существу же он космичен... Слова вовсе не суть гальванизированные трупы или звуковые маски, они живы, ибо в них присутствует мировая энергия, мировой логос...». Мыслитель следует мысли В.С. Булгакова, который настаивает на идеации космоса в слове, ибо оно: «космично в своём естестве, ибо принадлежит не сознанию только, где оно вспыхивает, но бытию и человек есть мировая арена, микрокосм, ибо в нём и через него звучит мир, потому слово антропоцентрично»⁵²¹.

Писатель и мыслитель Эрнст фон Заламон, перенёсший многолетнее тюремное заключение, отмечает ещё одно препятствие, не позволяющее бывшему узнику заниматься литературной деятельностью, обогащая человечество своим бесценным опытом, делаясь с читателями сокровенными мыслями и эвристическими открытиями. Пенитенциарная система достаточно быстро делает из личности товар, стирает её достоинство и уникальность. Осознание этого трагического факта потери, у ряда интеллигентных натур приводит к утрате чувства свободы, которое лежит в основе творчества. Заламон отмечает, что в немецкой тюрьме Моабит он имел возможность делать записи, которые вначале даже использовал для будущей книги, представлявшей ретроспективу заключения. Вскоре автор делает вывод, что, в изоляции невозможно объективно писать о

---

⁵²¹ Булгаков С.Н. *Философия имени*. Paris.: YMCA-PRESS, 1953. С. 24-26.

тюрьме, поскольку «тюремный порядок суть отражение того, как устроен мир за его пределами. А так как последний изменился, то мне никак не удавалось ретроспективно описать моё заключение»⁵²². Нет текста – нет философа? Это направляет нас к размышлению о соотношении благотворительности, свободы личности, наказания и творчества. Можно ли требовать от страдающего в тюрьме мыслителя текст как благотворительный дар, как ответ – для назидания и размышления читателя? Мыслитель отдаёт, будучи исполненным, но в состоянии опустошения он скорбно молчит, подобно библейскому Иову⁵²³, вновь находя смыслы, медленно нащупывая их как ступени, ведущие к свету свободы. Сходное описание собственного опыта изоляции делает поэт А.В. Новиков: «Тюрьма сама по себе – не беда. И опасности сама по себе не представляет. Главная опасность в тюрьме – человек. Он неповторим и опасности от него исходят разные»⁵²⁴. Новиков упоминает, что в тюрьме стихов не писал и не читал⁵²⁵. В тюрьме индивид теряет возможность обладания материальными ресурсами, испытывает одиночество и беспомощность перед лицом смерти, его собственные вопросы долго остаются безответными⁵²⁶. Однако здесь, в суровых условиях пенитенциарной системы, он ощущает потребность в трансцендентном, осознаёт, что не может жить только для материального накопления, избегнув смерти, он также нуждается в освоении мира. Это хорошо понимают священнослужители, которые используют пространство исправительных учреждений для миссионерской деятельности и пастырского попечения⁵²⁷.

Пенолог М.Н. Гернет отмечает, что о тюрьме пишут много, но среди авторов почти не встречаются женщины, а равноправие полов проявляется лишь в наказании⁵²⁸. Связи с этим представляет научный интерес описание американской

⁵²² *Заломон Эрнст фон*. Анкета / Перевод с немецкого и предисл. Л. Ланника. – СПб.: Владимир Даль, 2019. С. 389.

⁵²³ Праведный скорбящий Иов в начале известной ветхозаветной истории отправился в добровольное одиночное заключение, где погрузился в молчаливое размышление, отказавшись от еды и питья. Иов в молчании искал ответ на свои вопросы о причинах страдания. См.: Книга Иова. Библия, Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Издание Московской Патриархии, 1988.

⁵²⁴ *Новиков А.И.* Записки уголовного барда. – М.: Астель, 2012. С. 79.

⁵²⁵ Там же. С. 183.

⁵²⁶ В первую очередь – это вопросы теодицеи и причин исчезновения прежних смыслов.

⁵²⁷ См., напр.: записки тюремного священника протоиерея *Каледа Г.* Остановитесь на путях ваших. М. 1995.

⁵²⁸ *Гернет М.Н.* История царской тюрьмы. Том 3. Москва.: Издательство Министерства юстиции, 1948. С. 371-372.

пенитенциарной системы, которое предлагает М.В. Бутина, более трёх месяцев прожившая в условиях келейной изоляции. Дневник как форма последовательной скриптизации бытия стал для заключённой возможностью ощущать себя человеком, внутренний дух также укрепили постоянные занятия физическими упражнениями и посещения православного священника. В частности, автор настаивает, что одиночная изоляция, продолжает практиковаться в США. В книге «Тюремный дневник» мы находим её современное описание: «То, что со мной произошло, называется “одиночное содержание”, или *solitary confinement* – форма заключения, при которой узники в одиночестве проводят 22-24 часа в сутки в своей камере, изолированно друг от друга, получая час или два времени вне камеры на удовлетворение базовых нужд вроде душа и доступа к телефону»⁵²⁹.

Постепенно в глубине человеческого естества пробуждается сокровенное стремление, что побуждает личность не опускаться в небытие, но проявлять милосердие, делиться последним с теми, кто разделяет такую-же печальную участь, а выйдя на свободу, заниматься благотворительностью и созидательным творчеством. Границы благотворительности, возможно, значительно шире, чем нам кажется на первый взгляд, поскольку выходят за рамки формального представления донор – свободный, получатель – пребывающий в заключении или нуждающийся в свободе. Благотворительность – проявление свободной натуры, целостности человека. Закономерен вопрос – является ли, например, благотворительностью поступок заключённого, уступившего своё место для ночлега незнакомому, истощённому арестанту, да ещё и другой национальности? Разве не является проявлением свободной личности –подвиг заключённого нацистского лагеря Аушвиц-Биркенау монаха-францисканца Максимилиана Кольбе, добровольно отдавшего себя на смерть вместо осуждённого многодетного отца? Стоит отметить тот факт, что подвиг Максимилиана Кольбе побудил людей в 1973 году объединиться в благотворительный фонд для помощи не только тем, кто пострадал в концентрационных лагерях и гетто, но также – больным и

---

⁵²⁹ Бутина М.В. Тюремный дневник. М.: Издательство АСТ, 2020. С. 56.

нуждающимся пожилым людям⁵³⁰. Данный фонд активно действует и по сей день. Помощь оказывается бывшим узникам вне зависимости от их национальности или вероисповедания⁵³¹. Созвучное в русской духовной мысли мы находим, православный подвижник и святой Иоанн Кронштадтский предлагает – не отождествлять зло с идеальным образом, который можно увидеть сквозь все преступления личности: «Не смешивай человека — этот образ Божий — со злом, которое в нем. Потому что зло есть только случайное его несчастье, болезнь, мечта бесовская, но существо его – образ Божий – все-таки в нем остаётся»⁵³². Работая в Общественной Наблюдательной Комиссии по соблюдению прав заключённых (ОНК), автору не раз приходилось отмечать, что добродетели, жертвенность и даже самопожертвование имеют место в среде заключённых, что напоминает о том, что в изоляции от общества внутренняя свобода личности полностью не утрачивается⁵³³. В тюрьме О. Уайльд философствует и делает вывод о благотворительности: «Бедняки мудрее, они более милосердны, добры и чутки, чем мы. В их глазах тюрьма — трагедия человека, горе, несчастный случай, нечто достойное сочувствия»⁵³⁴.

В какой-то мере данное авторское наблюдение субъективно и требует возражения. Например, А.П. Чехов, посетивший Сахалин, где исследовал места содержания каторжников, сделал неутешительный и тревожный вывод о влиянии пенитенциарной системы на личность: «естественное и непобедимое стремление к высшему благу – свободе – здесь рассматривается как преступная склонность...»⁵³⁵, следовательно, понятия добра и зла здесь утрачиваются, а природа личности извращается. А.И. Солженицын в повести «Один день Ивана

⁵³⁰ С 1973 г. общество Максимилиан-Кольбе-Верк оказывает помощь бывшим узникам концлагерей и гетто в Польше. В состав этой помощи входят: индивидуальные денежные пособия, финансовая поддержка больных, нуждающихся в постоянном уходе на дому, медико-социальные центры в Лодзи и в Кракове.

⁵³¹ Maximilian-Kolbe-Werk. Помощь бывшим узникам концлагерей и гетто во имя примирения. Официальный сайт Фонда [Электронный ресурс] URL: https://www.maximilian-kolbe-werk.de/fileadmin/user_upload/pdf/sprachen/info_ru_2018.pdf (дата обращения: 06.05.2021)

⁵³² *Иоанн Кронштадтский*. Моя жизнь во Христе. Слово 947. М.: Отчий дом, 2010.

⁵³³ *Пирогов А.А.* Интервью газете ОНК СПб «Мера» № 2, 2020. С. 5.

⁵³⁴ *Уайльд О. De Profundis*. Тюремная исповедь // Собрание сочинений: В 3 т. Т. 3: Стихотворения. Поэмы. Эссе. Лекции и эстетически миниатюры. Письма / Пер. с англ.; Сост. Л. Дорошевича. — М.: Терра Книжный клуб, 2003. С. 461.

⁵³⁵ *Чехов А.П.* Собрание сочинений: в 12 т. – М., 1956. – Т. 10. – С. 211.

Денисовича» приводит несколько ярких примеров традиционной благотворительной помощи, приходящей от личности к личности. Примечательно, что речь идёт об узниках ГУЛАГа. Пенитенциарная система, которая должна исправлять преступников вместо этого убивает, разрушает человеческое достоинство, уничтожает личность. Вопреки этому герои рассказа в суровых условиях лагеря, на грани смерти постоянно делятся друг с другом самым необходимым и ценным. Бригадир, например, повествует как ему безвозмездно помогли незнакомые девушки-студентки, в свою очередь, одну из них он потом случайно встретил в лагере и спас от смерти⁵³⁶. Другой узник Цезарь Маркович отдаёт голодному Шухову свою пайку хлеба⁵³⁷, а затем часть посылки. Третий эпизод мы находим в самом конце повести, когда Иван Денисович делит печенье с блаженным сектантом⁵³⁸. Всё это происходит в условиях негативного отношения к официальной церкви, и неверия в то, что кто-то слышит молитвы узников, напоминающие безответные заявления начальству. Благотворительность в данном контексте сопряжена не с величиной даяния, а с его интенцией, милосердной направленностью к другому человеку. Напоминание о Трансцендентном Другом приходит через ближнего, который делится самым насущным, не от материального благополучия, а от избытка человечности. В свою очередь особняком стоят те уголовники, кто почти потерял образ человека это «твёрдые лагерные придурки, первые сволочи, сидевшие в зоне»⁵³⁹. Пенитенциарная система не изменяет их, они успешно адаптировались к её суровой среде, уничтожая себе подобных. Бывший узник ГУЛАГа В.Т. Шаламов в своих рассказах, особенно в «Очерках преступного мира» также скептически видит перспективные возможности исправления лиц, совершивших уголовные преступления. С данными пессимистичными выводами весьма трудно не согласиться, но их следует рассматривать в историческом контексте той эпохи, где назрела необходимость пенитенциарных реформ, в осуществление которых авторы почти не верили.

---

⁵³⁶ Солженицын А.И. Один день Ивана Денисовича. М. – Современник, 1990. С. – 56.

⁵³⁷ Там же. С. 96.

⁵³⁸ Там же. С. 109.

⁵³⁹ Там же. С. 85.

Стоит отметить, что российские пенологи-юристы, как и литераторы, также условно поделились на два лагеря: тех, кто считал, что пенитенциарная система способна исправить преступника, и тех, кто полагал, что она имеет только функцию наказания. Н.С. Таганцев настаивал, что изъян находится не только в пенитенциарной системе, но и в личности заключённого: «...сам арестант представляется материалом непригодным, и орудия – органы управления, за редкими разве изъятиями, недостаточно подготовленными»⁵⁴⁰.

Владимир Бибихин в работе «Собственность» задаётся вопросом о том, что же в мироустройстве зависит от человека, считает, что нужно и важно – честно «увидеть первую философию»⁵⁴¹, поскольку все мы как индивиды начальны, в нас имеется первопричина бытия, придающая устойчивость в испытаниях. В условиях пенитенциарной системы этот процесс прозрения и последующего изменения мировоззрения происходит ускоренным образом. В повседневной жизни, вне тюрьмы, индивид годами погружается в материалистическую реальность, но вопросы трансцендентности, смысла жизни и ответственности за выбор преследуют его везде, даже если он их временно игнорирует. Эти вопросы особенно обостряются в соприкосновении со смертью, сопутствующей всему периоду его пребывания в тюрьме. В русской «тюремной» литературе XIX века, особенно в произведениях Ф.М. Достоевского, которого считают основоположником этого жанра, каторга сравнивается с мёртвым домом, местом, где пребывают те, кто, совершив преступления, образно погиб для общества⁵⁴². Близкое соседство тюрьмы, мест казни, царских усыпальниц в Петропавловской крепости поражает воображение иностранцев, посетивших тогдашнюю столицу Российской империи. Так С. Лагерлеф включает подробное описание тюрьмы в свою речь на заседании королевской научной академии⁵⁴³. Тюрьма и царская усыпальница вынесены на «остров мёртвых», где вершится высший и

⁵⁴⁰ Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая: в 2 т. – СПб.: Гос. тип., 1902. – Т. 2. С. 1189.

⁵⁴¹ Бибихин В.В. Собственность. Философия своего — СПб.: Наука, 2012. С. 11

⁵⁴² Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 32 т. – Л., 1972. – Т. 4. – С. 8–291

⁵⁴³ Лагерлеф, С. Речь на торжественном заседании шведской академии 20 декабря 1926 года / С. Лагерлеф// Звезда. - 2019. - № 2. - С. 213-222.

справедливый суд. В этом контексте, важно учитывать тот факт, что монарх в России всегда имел право отменить приговор суда или изменить назначенное преступнику наказание на более мягкое. Это, например, имело место при многочисленных дуэлях, которые происходили даже во время официальных на них запретов, а в отношении преступников из высшего общества наказание нередко сводилось до минимума⁵⁴⁴. Близость тюрьмы и усыпальницы вероятно демонстрирует и то, что в российском мышлении господствовало представление, что в конечном итоге всех уравнивает высшая справедливость. Европейское мышление поражает также тот факт, что русские благочестивые подвижники в монастырях подвергали себя добровольному одиночному заключению в подземных ямах, напоминавших могилы⁵⁴⁵. Для русского человека это видится как подвиг и проявлением набожности, сопровождающейся умерщвления своей плоти, отождествляемой с грехом, а для иностранца – «едва уловимый дух Средневековья и безвременья»⁵⁴⁶. Европейский ум здесь вторит идеям, которые уже были ранее обозначены. Так, в аскетичной уединённой и отшельнической христианской жизни Д. Дидро видит прежде всего страх общественной жизни и бегство от неё. Как здесь не вспомнить известное высказывание французского мыслителя? «Кто заточил в эти темницы все эти стонающие трупы? Какие преступления совершены этими несчастными? <...> Кто осудил их на эти муки?.. Бог, которого они оскорбили... Каков же этот бог? Он – бог, исполненный благости... Значит, исполненный благости бог любит утопать в слезах! Эти вопли ужаса не прямое ли надругательство над ею милосердием?»⁵⁴⁷

Стоит отметить, что такая добровольная изоляция, несомненно, имевшая место в российской истории, русскими воспринималась как благотворительный

⁵⁴⁴ См., напр.: *Иванов А.А.* "Дело чести" Депутаты государственной думы и дуэльные скандалы (1906-1917). СПб.: Владимир Даль, 2018. С. 291 "Дуэль, являясь согласно Уложению о наказаниях уголовным преступлением, карающимся лишением свободы на довольно длительные сроки, на практике встречала понимание властей и суда, наказывающих провинившихся парламентариев чисто символически".

⁵⁴⁵ *Лагерлеф, С.* Речь на торжественном заседании шведской академии 20 декабря 1926 года / С. Лагерлеф // Звезда. - 2019. - № 2. - С. 213-222.

⁵⁴⁶ Там же.

⁵⁴⁷ *Дидро Д.* Философские мысли // Дидро Д. Собр. соч.: в 10 тт. Т. 1. – Москва-Ленинград.: Academia, 1935. – С. 93.

подвиг в силу интенции святого подвижника, жертвующего себя для молитв о мире, погрязшем в суете и пороке. Места изоляции святых посещали паломники, что в силу прагматичности протестантского мышления не было понятно иностранцам, которые видели в монастырях лишь места для добровольного или принудительного заключения⁵⁴⁸. Однако, по нашему мнению, исправительная система сама по себе и в силу своей специфики не может сделать из человека преступника, если он сохранил основы личности. Для одних – падение в преисподнюю мёртвого дома ведёт к будущему воскресению и новой жизни, для других – забвению и небытию. Смысл жизни познаётся в смерти? В контексте данного рассуждения уместен пример осуждённого на пребывание в тюрьме Сократа, ожидавшего смерти тридцать дней. Критон подкупил стражу и предложил Сократу воспользоваться побегом. Философ отклонил предложение, поскольку не мог сохранять собственную жизнь ценой безнравственного поступка. Сократ благочестив, не готов к моральному компромиссу и последовательно выполняет свой нравственный долг. На предложение друзей оказать Сократу помощь, тот отвечает, чтобы его тело похоронили, по обычаю. Р. Гвардини поясняет: «благочестие – это когда непреложность нравственного добра воспринимается как нечто божественное и ему следуют даже если это влечёт за собой вред в земной жизни»⁵⁴⁹.

Тюрьма – это всегда соприкосновение со смертью, с той пугающей реальностью, что, по отношению к себе, кажется человеку невероятной, а потому – вызывающей завораживающий интерес, поскольку показывает неизбежную суть и трансцендентную перспективу личности в столкновении с высшей действительностью. Литовский мыслитель Антанас Мацейна выразил эту мысль так: «Буржуазный дух лучше всего раскрывает свою суть в отношениях с самыми последними вещами, особенно со смертью. Смерть, как крайняя ситуация человеческой экзистенции извлекает человека из всех форм этой действительности

⁵⁴⁸ Например, ссылка в монастырь преступников практиковалась с VI века в Византии, а остров Соловки использовались как тюрьма для политзаключённых с XVII века, в 1920 году там был открыт Соловецкий лагерь особого назначения, просуществовавший до 1933 года.

⁵⁴⁹ *Гвардини Р.* Смерть Сократа // Пер. с нем. И.П. Стребловой. – СПб.: Издательство Владимир Даль, 2018. – С. 16.

и показывает его таким, каков он есть, показывает неприкрытым, незатемнённым, незатушеванным. Поэтому и буржуазный дух, который часто скрывался в течение жизни под разными формами, в момент смерти показывается во всей своей наготе и всем своим ничтожеством. Буржуй инстинктивно чувствует, что в отношениях со смертью он должен будет раскрыть в самом себе, что в момент смерти он столкнётся с высшей действительностью, которую он игнорирует и реальностью которой пренебрегает. Поэтому буржуй боится смерти и бежит от нее. Несомненно, от факта смерти никто убежать не может. Это хорошо знает и буржуй. Поэтому он старается убежать от мысли о смерти»⁵⁵⁰. Стоит пояснить, что в понимании Мацейна внутри человека кроется сразу несколько духовных противоборствующих составляющих: буржуазная, прометеевская и христианская. Поступки человека исходят из одной из этих составляющих, которая преобладает в данный момент времени. Это проявляется и по отношению к власти, иерархии и к собственности. Благотворительность может быть, как попыткой избежать страха смерти или дерзким вызовом её власти, так и деятельным милосердным актом, смиренным посещением «узника Христа» в темнице. Как уже упоминалось выше, сам Христос в средневековой русской и европейской иконографии нередко сравнивается с милосердным посетителем темницы, освободителем тех грешных и невинных, кто томится в аде, увлечённый диаволом. Образ сошествия Христа в ад постоянно изображается на православных иконах «Воскресение Христово», на гравюрах эпохи Ренессанса⁵⁵¹, что напоминает о том, что благотворение связано с прощением, помилованием и освобождением узников. С некоторыми контекстными оговорками допустимы также аналогии с поэмой Данте «Божественная комедия», где ад описан как место принудительного содержания и мучения грешников, а также сценами из главы «Созерцание Юдхиштхирой ада» древнеиндийского эпоса Махабхарата.

⁵⁵⁰ Мацейна А. Падение буржуазии / Перевод с литовского М.В. Медоварова. СПб.: Издательство Владимир Даль, 2019. С. – 195.

⁵⁵¹ Например, гравюра А. Дюрера «Сошествие во ад» (1509 г.), где отчётливо виден узник одиночной камеры, который, благодаря Христу, получает освобождение.

Здесь уместно вернуться к тому как А.С. Панарин объясняет революционность философского подхода С.Н. Булгакова к слову и творчеству как дару, сравнивая его с либеральными, прагматичными подходами: «Здесь мы видим два противоположных подхода к слову-знаку: с позиций космического самоотражения (или самооткровения элементов космоса) и с позиций теории производства знаков и знаковой реальности, равнодушной к реальному бытию»⁵⁵². Благотворительность в условиях пенитенциарной системы может принимать форму текста, который является «актом космического самовыражения личности неравнодушной к бытию»⁵⁵³. Согласно А.С. Панарину: «Когда человек ощущает в себе дар слова как космический дар, как "самооткровение" космоса, уполномочившего его заявить о своем порядке, он выступает настоящим пассионарием»⁵⁵⁴. Это также проявление внутренней свободы, которую личность не утрачивает в условиях тюрьмы, практикуя благотворительность.

Делая выводы раздела, стоит отметить, что в целом очевидна востребованность социально-философского анализа пенитенциарной системы личностями, прошедшими её горнило, а также теми, кто пережил «захват и захваченность» бытийными вопросами и осознал необходимость предсказательной научной социальной философии, учитывающей национальный и экзистенциальный контекст. Возможно, именно это ощущение выразил мыслитель Юлиус Эвола: «Бунтари, затерянные в хаотической жизни больших городов, люди, прошедшие сквозь ураганы огня и стали, сквозь развалины, оставленные последними тотальными войнами, люди, рождённые и выросшие в "мире руин", – вот те, в ком действительно заложены предпосылки, необходимые для того, чтобы отвоевать высший смысл жизни и реально, экзистенциально, а не теоретически преодолеть все трудности, стоящие перед человеком в состоянии кризиса, что, возможно, найдёт выражение и в соответствующем “философском” течении»⁵⁵⁵.

⁵⁵² Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. М.: Эксмо, 2003.

⁵⁵³ Там же.

⁵⁵⁴ Там же.

⁵⁵⁵ Эвола Ю. "Оседлать тигра". Перевод с итальянского В.В. Ванюшкиной, СПб.: Издательство Владимир Даль, 2020. С. 142.

Мы обязаны отметить вновь, что благотворительность имеет воздействие не только на личность, но и на пенитенциарную систему. Стоит подчеркнуть, что точки приложения благотворительности в условиях пенитенциарной системы многообразны. Так Т.Н. Москалькова отмечает, что общество вовлечено в этот процесс ресоциализации спецконтингента, поскольку тюрьмы не справляются со своей задачей. Как мы видим, в современном контексте, благотворительность напрямую связана с ресоциализацией и реинтеграцией. Помощь общества «включает два основных этапа реинтеграции в общество осужденных и лиц, отбывших наказание: пенитенциарный (в учреждениях системы УИС) и постпенитенциарный (после освобождения от отбывания наказания)»⁵⁵⁶.

В социальной концепции Русской Православной Церкви уделяется внимание той же проблематике пенитенциарной системы, но акцент делается на миссионерской и пастырской деятельности⁵⁵⁷. Римско-католическая Церковь также большое место в социальном учении уделяет благотворительности⁵⁵⁸, в том числе и в области ресоциализации спецконтингента пенитенциарных учреждений. При этом сама высшая иерархия подаёт личный пример такой деятельной заботы о заключённых⁵⁵⁹. Верующие призваны «бороться не только за отмену смертной казни, легальной или нелегальной, во всех её формах, но за улучшение тюремных условий, из уважения к человеческому достоинству людей, лишённых свободы»⁵⁶⁰.

Свою активность в этом направлении проявляют мусульмане и буддисты, а также – протестантские общины⁵⁶¹. В исламской традиции благотворительность напрямую связывается с добродетелью, категорично требуется от приверженцев ислама, а в духовной литературе имеются прямые указания на то, что средства

⁵⁵⁶ Москалькова Т.Н. Проблемы ресоциализации осуждённых и лиц, освободившихся из мест лишения свободы. Бюллетень уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. № 8, 2020. С. 4-14.

⁵⁵⁷ Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. / Юбилейный архиерейский собор Русской Православной Церкви. Москва, 13-16 августа 2000 года. Сборник докладов и документов. IX.3. Преступность, наказание, исправление. М., 2000. С.180-181.

⁵⁵⁸ См., напр.: Компендиум социального учения Римско-Католической Церкви. М., 2006. С. 340.

⁵⁵⁹ Особенно это стало заметно во время понтификата Папы Франциска, который многократно посещал тюрьмы и даже лично совершил обряд омовения ног заключённым.

⁵⁶⁰ Папа Римский Франциск. Энциклика. Fratelli tutti. О братстве и социальной дружбе. Москва, Издательство Францисканцев, 2021. С. 154.

⁵⁶¹ Более подробно это описано в последней части данной главы нашего исследования.

благотворителей могут идти на помощь человеку, попавшему в плен или находящегося в условиях бедности. Гусейнов А.А., Апресян Р.Г. объясняют, что один из столпов ислама – *закят*: «представляет собой регулярный, обязательный, строго нормированный и пропорциональный доходу взнос, который каждый взрослый дееспособный и имеющий достаток мусульманин вносит в общину. Он предназначен для поддержания бедных, нищих, путников, людей, попавших в беду. Закат не исключает других, добровольных или закрепленные обычаем, пожертвований в пользу нуждающихся и даже не нуждающихся. Щедрость в пожертвованиях – важная черта мусульманина»⁵⁶². Стоит заметить, что средства данного благотворительного сбора могут уделяться также для помощи тем нуждающимся, кто не относится к исламской общине или умме, что говорит об универсальном принципе милосердия, его объединяющем характере.

В этом контексте уместно упомянуть текст «Путь красноречия», который является весьма значимым для мусульман шиитской традиции⁵⁶³. Текст однозначно мотивирует к благотворительности: «И кому даровал Аллах богатство, тот пускай через него родственные связи укрепит, и гостеприимство своё наилучшим образом проявит, и пленника и обездоленного освободит, и бедняка и заимодавца из него наделит, и да укрепит душу в исполнении обязанностей и в наступлении тягот, стремясь к Господнему воздаянию; ведь, поистине, достижение этих высот есть в этом мире почётнейшее местопребывание, а в загробном – благодати стяжание, если того пожелает Аллах»⁵⁶⁴. В данном фрагменте благотворительность связывается не только с конкретным делом как выкуп узника и помощь бедняку, но и с Идеалом, а также – высшим воздаянием за оказанную нуждающимся безвозмездную, своевременную помощь.

Влияние на пенитенциарную систему имеет также и личная благотворительность, которая не теряет своего значения и в современный период. Так о воздействии благотворительности на пенитенциарную систему М.В. Бутина

⁵⁶² Гусейнов А.А., Апресян Р.Г. Этика: Учебник. — М.: Гардарики, 2000. — С. 81.

⁵⁶³ По своему значению в мусульманском мире уступает только Священному Корану.

⁵⁶⁴ Путь красноречия / Пер. с араб. и комм. Т. Черниенко. – М., 2015. Хутба 142. О незаслуженном добре. С. 128.

пишет, что во время пребывания в тюрьме ей помогала не только семья, но также – простые заключённые и православный священник. Автор отмечает и коллективную форму благотворительности, например – общественный Фонд Марии Бутиной, собиравшей средства для её освобождения⁵⁶⁵. Другими словами, автор актуализирует действенность традиционных формы благотворительности. Подытоживая свой опыт пребывания в пенитенциарной системе, М.В. Бутина делает вывод о том, что для выживания в западном обществе «нужно стереть себя и написать заново. В отличие от российского общества, пусть немного безалаберного и ленивого, но при этом более свободного и менее зажатого в тисках закона. Россия живет немного на ощупь, “по справедливости”, в то время как Запад, словно бетон, в котором нужно застыть, принять его и раствориться в нем, безропотно благодаря Большого брата за все»⁵⁶⁶.

Здесь мы ясно видим, что благотворительность выглядит в современном обществе зачастую как личное индивидуальное дело, которое наделяется высшей значимостью самим индивидом. Дело в том, что в обществе трансформируется понятие свободы, изменяется связь свободы и жертвенности. Свобода даяния раньше проявлялась в том, чтобы отказаться от того, что наиболее значимо для личности, а жертвенность направлялась к объекту, за который человек с радостью отдал бы свои силы и даже жизнь. Свобода и жертвенность шли рядом, порождая героев. Благотворители, филантропы и меценаты, подобно Гаазу, Говарду, митрополиту Филарету (Дроздову) в понимании масс были героями, которым писатели посвящали свои произведения, кем восхищались, чьему примеру следовали молодые люди. Там, где есть высшие смыслы, порождающие значимость, проявляется ответственность и свобода. Примером может быть князь П.Д. Долгоруков (1866 – 1927 гг.), который хотел в 20-е годы прошлого века из Европы добровольно возвратился в советскую Россию, чтобы послужить своему народу, был арестован, оказался в тюрьме и в последствии казнён⁵⁶⁷. Сейчас этот

⁵⁶⁵ Бутина М.В. Тюремный дневник. М.: Издательство АСТ, 2020. С. 95.

⁵⁶⁶ Там же.

⁵⁶⁷ Долгоруков П.Д. Великая разруха. Воспоминания основателя партии кадетов 1916—1926 / Глебовская Л. И. — М.: Центрполиграф, 2007.

жертвенный поступок вряд ли был бы воспринят общественностью как подвиг, поскольку социум всё чаще переносит фокус своего внимания на прибыль и значимость того или иного поведения в глазах узкой прослойки финансовых элит, задающих общий тон мнению посредством СМИ. Такой подвиг, возможно, воспринимался бы как личный выбор немолодого человека, пренебрегающего собственным комфортом и безопасностью, ради непонятных, неизмеримых материальной прибылью идеалов. Данный пример возвращает нас к мысли, что благотворительность сопряжена с поступком, добровольной и разумной жертвой, даже – полной отдачей себя для высших целей, служения обществу, соотечественникам, созидательному и творческому делу.

Заслуживают внимания работы криминолога Нильса Кристи, отличающегося радикальностью подходов к вопросам пенитенциарной системы. Он выступает не только за гуманизацию тюрем, отмену смертной казни, а также – за альтернативные виды наказания⁵⁶⁸. В отношении российской пенитенциарной системы Кристи пессимистично утверждает: «Россия поддалась давлению европейского общества. Сейчас здесь никого не казнят. Заключение просто умирают»⁵⁶⁹. Стоит напомнить, что первое издание книги было в 1993 г., сразу после распада СССР, с тех пор положение в этой области значительно изменилось в сторону улучшения, для объективности нужно сперва философски осмыслить прежде всего – ГУЛАГ как неэффективную и жестокую машину советской модернизации⁵⁷⁰. Кристи также отмечает, что в богатых странах подрываются основы общества благоденствия. Мыслитель с печалью пишет, что выделяется всё меньше средств на

---

⁵⁶⁸ В этой связи важно упомянуть три работы Кристи: «Пределы наказания», «Борьба с преступностью как индустрия. Вперед, к ГУЛАГУ западного образца?» «По ту сторону одиночества. Сообщества необычных людей». Все книги переведены на русский язык и изданы, соответственно: в 1985, 1993, 2001 гг.

⁵⁶⁹ *Кристи Н.* Борьба с преступностью как индустрия. Вперед, к ГУЛАГУ западного образца / Пер. с англ. А. Петрова, В. Пророковой. Предисл. Я. Гилянского. 2-е изд. – М.: РОО «Центр содействия реформе уголовного правосудия», 2001. – С. 76.

⁵⁷⁰ Профессор А.С. Панарин оценивает трагедию ГУЛАГА как геноцид: «ГУЛАГ - машина по выбраковке человеческого материала и его преобразованию в мертвую материю индустриализма. Бесценные свидетельства этого этно- и геноцида дает «Архипелаг ГУЛАГ» А. И. Солженицына. Эта эпопея до сих пор еще не оценена по достоинству и не осмыслена на языке философской теории. ГУЛАГ - эпопея не только социальная, описывающая трагедию человеческих преступлений и заблуждений. Это эпопея космическая, описывающая реванш мертвой материи над жизнью» (Панарин А.С. Политология. Западная и Восточная традиции: Учебник для вузов. – М.: Книжный дом «Университет», 2000. С. 136).

благотворительность, к которой автор, например, относит отдельные камеры: «В этой новой ситуации даже самые надежные из стран всеобщего благоденствия сталкиваются с искушением оберегать самих себя или учреждения социальной защиты, а не нуждающихся граждан»⁵⁷¹.

В.С. Соловьев выделяет три вида насилия: «насилие зверское, которое совершают убийцы, разбойники, детоубийцы; насилие человеческое, необходимо допускаемое принудительной организацией общества для ограждения внешних благ жизни, и насильственное вторжение внешней общественной организации в духовную сферу человека с лживой целью ограждения внутренних благ»⁵⁷². М. Фуко считает, что в тюрьме, армии и школе насилие спрятано под оболочкой закона. Кристи идёт значительно дальше, являясь последователем аболиционизма, который «основывается на нравственном убеждении в том, что жизнь общества не следует (да это, собственно, и невозможно) регулировать уголовным правом, и поэтому роль уголовно-правовой системы должна быть сведена до минимума»⁵⁷³. Насилие по отношению к преступникам должно быть также ограничено, смертная казнь повсеместно отменена. Кристи настаивает, что главными экспертами в пенитенциарной системе могут быть философы⁵⁷⁴.

Один из основных механизмов восстановительного правосудия – медиация⁵⁷⁵, которую создают и отстаивают Нильс Кристи и его единомышленники – альтернатива имеющему место ныне почти повсеместно карательному правосудию⁵⁷⁶. Она представляет собой добровольный договор между жертвой преступления и самим преступником, позволяющий последнему встать на путь исправления и доказать это жертве. Кристи объясняет медиацию и процесс

---

⁵⁷¹ Там же. С. – 53.

⁵⁷² Соловьев В.С. Оправдание добра / Отв. ред. О.А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, Алгоритм, 2012.С. 532.

⁵⁷³ Кристи Н. Борьба с преступностью как индустрия. Вперед, к Гулагу западного образца / Пер. с англ. А. Петрова, В. Пророковой. Предисл. Я. Гилинского. 2-е изд. – М.: РОО «Центр содействия реформе уголовного правосудия», 2001. С. 57.

⁵⁷⁴ Там же. С. 185.

⁵⁷⁵ Русский репортер. Медиатор: о выступлении профессора Нильса Кристи в МГППУ на конференции по восстановительному правосудию и медиации [Электронный ресурс] URL: <https://mgppu.ru/news/2691> (дата обращения: 16.02.2021).

⁵⁷⁶ По мнению автора методики.

примирения: «Наказание – это причинение боли, медиация – это достижение понимания. Жертва может быть убита – что тут делать при помощи медиации? Между кем посредничать? Но есть родственники, окружение того, что был убит. Все равно есть огромная потребность в понимании. Или конфликт, который невозможно разрешить. Но лучше понять мало, чем ничего, не обязательно, что стороны пожмут друг другу руки. Но если я разбил ваши очки, я бы очень хотел услышать вашу версию событий»⁵⁷⁷. Данные идеи, несмотря на оригинальность, выглядят весьма утопично, особенно в области их практического применения. Более того, перечисленные работы Кристи написаны до тех трагических событий, которые поставили весь мир перед проблемой угрозы экстремизма и вновь актуализировали дискурс об ужесточении наказаний за преступления против человечества.

Вполне очевидно, что применительно к пенитенциарной системе усилия благотворительности в современном обществе берут на себя также государственные и частные организации. Нередко это сопровождается широкой рекламой и является выгодным вложением средств в создание определённого имиджа. Примером может быть сбор пожертвований через платформу go found me для погибшего от рук полицейских Флойда и его семьи. Причём, собранных для семьи пострадавшего в США средств, хватило бы на ресоциализацию сотен преступников⁵⁷⁸.

Можно сделать вывод, что перспективным полем для актуального исследования является современное христианство с его традиционной благотворительностью, которая, как мы показали, влияет на пенитенциарную систему, а также межконфессиональные усилия и сотрудничество деноминаций. Эта сфера всё ещё остаётся пространством экзистенции и преодоления индивидуализма, где вырабатывается особый героический тип поведения и новый

---

⁵⁷⁷ Кристи Н. Выступление в МГППУ, 1 декабря 2010 г. Лекция «Медиация вместо наказания». [Электронный ресурс] URL: https://vk.com/doc-16829065_134547741 (дата обращения: 30.05.2021).

⁵⁷⁸ См., напр.: Official Gianna Floyd Fund (George Floyd's child) [Электронный ресурс] URL https://www.gofundme.com/f/gianna-floyd-daughter-of-george-floyd-fund?utm_campaign=p_cp_url&utm_medium=os&utm_source=customer (дата обращения: 14.05.2021).

тип «человека любви», ищущего трансцендентной реальности больше, чем благоволения элит или собственной экономической выгоды. Здесь мы вновь возвращаемся к ранее обозначенному нами выводу, что истинное преобразующее индивида благотворительное поведение может исходить только от состояния исполненности, альтруизма и внутренней свободы и позволим себе перейти к описанию актуального опыта и практики воздействия благотворительности на пенитенциарную систему.

3.2 Актуальный опыт воздействия благотворительности на современную пенитенциарную систему России

В рамках заключительной части нашего исследования нам представляется уместным и важным соотнести вышеизложенный материал с практикой и продемонстрировать результаты социально-философского анализа в виде уникального авторского опыта благотворительности в условиях современной российской пенитенциарной системы⁵⁷⁹. Данный анализ произведён на основе личных опытных наблюдений, посещения исправительных учреждений в рамках работы в Общественной Наблюдательной Комиссии по контролю за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания (ОНК)⁵⁸⁰, систематического исследования литературных, документальных, периодических печатных источников, ресурсов СМИ⁵⁸¹. Стоит отметить, что научное исследование в этом направлении продолжается по сей день⁵⁸². Как уже было сказано выше, Н. Кристи считает, что именно философы могут быть экспертами в пенитенциарной системе. Норвежский исследователь также указывает на причину, по которой у философов возникают затруднения заниматься проблематикой пенитенциарной системы: «Но они слишком часто заявляют, что проблемы эти очень сложны и возможности действовать у нас нет»⁵⁸³. Принимая во внимание данные замечания, опишем контекст проблематики.

⁵⁷⁹ В параграфе использованы фрагменты статьи *Пирогов А.А.* Толерантность и конфликт в условиях межрелигиозного пенитенциарного взаимодействия. *Конфликтология*. Том 15 № 1, 2020. Ежеквартальный научно-практический журнал, СПбГУ. С. 132-143.

⁵⁸⁰ ОНК по Санкт-Петербургу. Официальный сайт. [Электронный ресурс] <http://onkspb.ru/> (дата обращения: 12.05.2021).

⁵⁸¹ См.: *Пирогов А.А.* Интервью газете ОНК СПб «Мера» № 2, 2020. С. 5.

⁵⁸² См.: *Пирогов А.А.* Изоляция как предмет рефлексии в контексте эпидемиологической безопасности // Между памятью и забвением: пространства скрипitzации российского бытия: сборник научных статей / сборник научных статей / Санкт-Петербургский государственный университет, Институт философии, Кафедра социальной философии и философии истории; под редакцией К. С. Пигрова. - Санкт-Петербург: Книжный дом, 2020. С. 114-119.

⁵⁸³ *Кристи Н.* Борьба с преступностью как индустрия. Вперед, к ГУЛАГУ западного образца / Пер. с англ. А. Петрова, В. Пророковой. Предисл. Я. Гилинского. 2-е изд. – М.: РОО «Центр содействия реформе уголовного

В конце 80-х - начале 90-х годов XX века в российском обществе обнажились такие глубинные социальные проблемы как: ксенофобия, религиозный радикализм, неприятие иного как равного себе. Данному историческому периоду наряду с кризисом внятой национальной идеологии также соответствовало, как пишет Е.И. Степанов⁵⁸⁴, «отсутствие развитой конфликтологической теории, которая помогала бы и облегчала общественному сознанию и общественной практике выработку и освоение действенных средств и способов адекватного осмысления любой конфликтной обстановки, эффективного наблюдения за нею, профилактики или разрешения посредством применения соответствующей "социальной терапии"»⁵⁸⁵. Растущая потребность в данной последовательной *социальной терапии* (курсив – наш) имела в различных государственных институтах. Она требовалась и пенитенциарной системе, которая нередко становилась областью обострения социальных противоречий, интолерантности и очагом потенциальных конфликтов. Впоследствии, для обозначения этого исторического периода возник достаточно провокационный термин «лихие девяностые», который был введён в общественный дискурс публицистом Михаилом Веллером в литературном произведении «Кассандра», опубликованном в 2002 году. Данный труд является оригинальной попыткой социально-философского анализа ценностных мировоззренческих основ России переходного периода. Термин, ставший позднее расхожим медийным штампом, употреблен в контексте авторского рассуждения о социальной роли современного христианства⁵⁸⁶: «Что не худо бы Церкви отмежеваться как-то от оптовой торговли алкоголем и табаком в лихие девяностые?»⁵⁸⁷. Философствующий писатель

правосудия», 2001. С. 185. См. также *Кристи Н.* Конфликты как собственность. // Пер. с англ. Н.Н. Смагловой / Правосудие по делам несовершеннолетних. Перспективы развития. - М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 1999.

⁵⁸⁴ *Пирогов А.А.* Толерантность и конфликт в условиях межрелигиозного пенитенциарного взаимодействия. Конфликтология. Том 15 № 1, 2020. Ежеквартальный научно-практический журнал, СПбГУ. С. 132-143.

⁵⁸⁵ *Степанов Е.И.* Отечественная конфликтология: к вопросу о становлении и развитии // Социс, 1998. – № 10. – С. 50-57.

⁵⁸⁶ *Пирогов А.А.* Толерантность и конфликт в условиях межрелигиозного пенитенциарного взаимодействия. Конфликтология. Том 15 № 1, 2020. Ежеквартальный научно-практический журнал, СПбГУ. С. 132-143.

⁵⁸⁷ *Веллер М. И.* Кассандра. – М.: АСТ, 2018. С. 51.

намеренно отказывается от гротескной роли провидца и ставит себя на уровень народа, выражая провокационным вопросом острую востребованность в России социально ориентированного и деятельного христианства взамен псевдорелигиозной имитации, актуальность веры из дел, – вместо церкви-банка, погрязшей в ростовщичестве и меркантилизме⁵⁸⁸. Отличительной чертой данного исторического периода также было, имевшее место⁵⁸⁹ «резкое обострение социальной конфликтности, связанное со сломом тоталитарной системы и начавшимся переходом к демократическим общественным отношениям»⁵⁹⁰, которое захватило также пенитенциарную систему, которая, по нашему мнению, является социальной проекцией общества. Российское государство в это время находилось «на грани раскола и даже гражданской войны»⁵⁹¹.

Именно в этот конфликтный период стартовало стихийное и вначале разрозненное социально-направленное взаимодействие российских конфессий для религиозного просвещения, гуманизации, оказания благотворительной помощи специальному контингенту Уголовно Исправительной Системы (далее – УИС). Возможно, благодаря таким гражданским усилиям, в современной российской пенитенциарной системе были вовремя предупреждены и купированы вспышки интолерантности и ксенофобии, предотвращены религиозные конфликты.

Упоминание произведения “Кассандра” в нашем исследовании сделано намеренно, поскольку в нём предлагается любопытный обзор аксиологических основ гражданского мировоззрения исторического периода «лихих девяностых», являющегося контекстом нашего рассуждения о воздействии благотворительности на отечественную пенитенциарную систему. В качестве высшей аксиологической

⁵⁸⁸ *Пирогов А.А.* Толерантность и конфликт в условиях межрелигиозного пенитенциарного взаимодействия. Конфликтология. Том 15 № 1, 2020. Ежеквартальный научно-практический журнал, СПбГУ. С. 132-143.

⁵⁸⁹ Там же.

⁵⁹⁰ *Максеева К.Р.* Воспитание толерантности – одна из стадий образовательного процесса в системе пенитенциарного образования России // Материалы Международной научно-практической конференции. Пермь.: Прикамский социальный институт, 2015. – С. 406-411.

⁵⁹¹ О чём 3 октября 2019 на заседании дискуссионного клуба «Валдай» упоминает Президент РФ, адресуя внимание аудитории к своей статье «Россия на рубеже тысячелетий»: «И только благодаря исключительному патриотизму, мужеству, редкому терпению и трудолюбию русского народа и других народов России наша страна была отодвинута от этой опасной черты» ИА Regnum [Электронный ресурс] URL: <https://regnum.ru/news/economy/2737873.html> (дата обращения: 06.01.2020).

основы Веллер вводит понятие надличностная ценность, уточняя: «Идеал надличностной ценности – это Бог [...] это то единое с тобой, что больше тебя»⁵⁹². Мысль о том, что высшие нравственные ценности, следование идеалам нередко ставятся индивидом дороже жизни и придают ей смысл, не отличается новизной. Её высказывали ещё античные мыслители (Сократ, Аристотель), размышляя об общественной природе человека. Высшим ценностям противопоставляются индивидуалистические, основная их функция⁵⁹³ «чтобы личности было хорошо. Отношение к ним потребительское. Это человек хочет и делает во имя себя самого»⁵⁹⁴. Литературный прозаик вновь актуализировал известную дискуссию об общих составляющих созидательной человеческой деятельности – наличии высших ценностей. Пенитенциарное взаимодействие, которое далее описывается, зародилось в конфликтный исторический период, основано на отечественной традиции, но относится к такой активной коллективистической социальной деятельности, когда общие нравственные ценности ставятся выше личных, не входят с ними в противодействие⁵⁹⁵.

К вопросу исправления и воспитания личности в условиях пенитенциарной системы в своих исследованиях обращаются отечественные педагоги и психологи, нередко связывая данный вопрос с острой необходимостью воспитания и научного просвещения тюремного спецконтингента⁵⁹⁶. Ряд отечественных исследователей выдвигают предположение, что в современной России «многообразие религиозного, национального и культурного развития иногда становится источником конфликтов»⁵⁹⁷. Следовательно, важно на всех социальных уровнях

⁵⁹² Веллер М.И. Кассандра. – М.: АСТ, 2018. С. 23.

⁵⁹³ Пирогов А.А. Толерантность и конфликт в условиях межрелигиозного пенитенциарного взаимодействия. Конфликтология. Том 15 № 1, 2020. Ежеквартальный научно-практический журнал, СПбГУ. С. 132-143.

⁵⁹⁴ Веллер М.И. Кассандра. – М.: АСТ, 2018. С. 23.

⁵⁹⁵ Пирогов А.А. Толерантность и конфликт в условиях межрелигиозного пенитенциарного взаимодействия. Конфликтология. Том 15 № 1, 2020. Ежеквартальный научно-практический журнал, СПбГУ. С. 132-143.

⁵⁹⁶ См.: Иконникова Г.Ю. Толерантность в условиях пенитенциарной системы // Материалы городской научно-практической конференции. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2008. – С. 79-82. Максеева К.Р. Воспитание толерантности – одна из стадий образовательного процесса в системе пенитенциарного образования России // Материалы Международной научно-практической конференции. Пермь.: Прикамский социальный институт, 2015. – С. 406-411.

⁵⁹⁷ См.: Кабанова Е.Е., Ветрова Е.А. Формирование толерантности в обществе в современном мире // Социально-экономические явления и процессы. – 2017. – № 2. – С. 47–50.

предпринимать усилия по нахождению путём диалога точек равновесия в области образования и нравственности, что и является воспитанием толерантности через социокультурное взаимодействие⁵⁹⁸. В.А. Лекторский даёт систематический анализ толерантности и разделяет её типы в зависимости от исторических периодов⁵⁹⁹. Описываемый нами тип, согласно такой классификации, относится к религиозной толерантности, хотя её границы достаточно условно определяются областью межконфессиональных отношений, напрямую соотносятся с благотворительностью.

В 1988 году состоялся первый визит в Исправительную Колонию № 5 в Металлострое священнослужителя Русской Православной Церкви о. Владимира Сорокина. Его усилиями в год 1000-летие Крещения Руси был основан церковный приход, появился православный храм. Здесь служил Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Алексей, будущий Патриарх Всея Руси, с именем которого связывают возрождение отечественного пенитенциарного служения Церкви⁶⁰⁰. Священник Владимир Сорокин не только занимался духовным попечением заключённых, но, будучи профессором Духовной Семинарии и Академии научно систематизировал и описал свой опыт, а также способствовал подготовке квалифицированных кадров для пенитенциарной системы⁶⁰¹. Он стал одним из идейных вдохновителей межрелигиозного пенитенциарного взаимодействия (синонимы – рабочая группа, сотрудничество)⁶⁰². По нашему мнению, это взаимодействие являет собой яркий пример воздействия благотворительности на современную российскую пенитенциарную систему. Именно поэтому и заслуживает внимания для рассмотрения в качестве иллюстративного и практического материала нашего научного исследования.

⁵⁹⁸ См.: *Мириманова М.С., Обухов А.С.* Воспитание толерантности через социокультурное взаимодействие // Развитие исследовательской деятельности учащихся: методический сборник. М.: Народное образование, 2001. – С. 88-99.

⁵⁹⁹ См.: *Лекторский, В.А.* О толерантности, плюрализме и критицизме / В.А. Лекторский // Вопросы философии. – 1997. – № 11. – С. 46–54.

⁶⁰⁰ *Пирогов А.А.* Толерантность и конфликт в условиях межрелигиозного пенитенциарного взаимодействия. Конфликтология. Том 15 № 1, 2020. Ежеквартальный научно-практический журнал, СПбГУ. С. 132-143.

⁶⁰¹ *Сорокин В.И.* Металлка. – СПб.: Издательство Князь-Владимирский собор, 2018. – 232 с.

⁶⁰² *Пирогов А.А.* Толерантность и конфликт в условиях межрелигиозного пенитенциарного взаимодействия. Конфликтология. Том 15 № 1, 2020. Ежеквартальный научно-практический журнал, СПбГУ. С. 132-143.

К концу первого десятилетия XXI века стало ясно, что наряду с духовным попечением последователей, гуманными целями и поиском объединяющих общество сторон, ряд представителей религиозных конфессий ставили перед собой цель – найти среди спецконтингента новых адептов, пополнить ряды своих организаций осуждёнными-прозелитами. Данные задачи, как нам представляется, не имели антиконституционной направленности, но мало соответствовали снижению вектора религиозной напряженности⁶⁰³. Благодаря таким усилиям в исправительных учреждениях появились группы и общины разной религиозной направленности, параллельно в среду осуждённых проникали радикальные, неоязыческие и псевдорелигиозные учения⁶⁰⁴. Этот процесс наводил руководство исправительных учреждений на мысль более тщательного изучения, координирования и контролирования усилий религиозных организаций. С другой стороны – начался поиск конструктивных современных моделей взаимодействия пенитенциарной системы, гражданских и религиозных организаций для расширения межконфессионального взаимопонимания, профилактики экстремизма и реализации целей благотворительности⁶⁰⁵.

Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации, доктор философских наук Т.Н. Москалькова неоднократно в статьях и выступлениях напоминала, что в современной России: «Нужна социальная терапия, направленная на возвращение освободившихся к жизни в социуме, на восстановление умений, необходимых для жизни в обществе. У осужденных должен происходить своеобразный “демонтаж” или разрушение усвоенных ранее антиобщественных негативных установок и ценностей и приобщение к новым нормативам поведения, которые приняты в социуме и оцениваются им как положительные»⁶⁰⁶. В условиях пенитенциарной системы благотворительность концептуально связывается с

---

⁶⁰³ Там же.

⁶⁰⁴ Там же.

⁶⁰⁵ Там же.

⁶⁰⁶ См.: Москалькова Т.Н. Проблемы ресоциализации осуждённых и лиц, освободившихся из мест лишения свободы. Бюллетень уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. № 8, 2020. С. 4-14. См. также: Т.Н Москалькова. Нужна система ресоциализации осуждённых. Российское агентство правовой и судебной информации [Электронный ресурс] URL: http://rapsinews.ru/human_rights_protection_news/20210401/306912685.html (дата обращения 12.05.2021).

социальной терапией и приобщением лиц из состава спецконтингента к нормам этического поведения в социуме и ресоциализации. Данная проблематика имеет исторический и социальный контексты и требует философской рефлексии.

Вернёмся к истории создания экуменического сотрудничества в Санкт-Петербурге и философской интерпретации этого факта. В 2016 году усилиями нескольких конфессий образовалась рабочая группа, состоящая из тюремных служителей: мусульманского имама, православного служителя, иудейского раввина, буддийского ламы и католического церковнослужителя⁶⁰⁷. Результатом стало то, что данная группа полным составом три года официально посещала исправительные колонии и тюрьмы, организовывала там просветительские беседы с осужденными и сотрудниками УИС, также проводились мероприятия, благотворительные акции, тематические круглые столы⁶⁰⁸. Опыт документально фиксировался и освещался в конфессиональных⁶⁰⁹ и ведомственных СМИ⁶¹⁰. В качестве исходного пункта и платформы для взаимодействия сторонами было достигнуто мирное согласие и принято решение взять за основу деятельности просветительскую направленность⁶¹¹. Примечательно, что даже факт совместного публичного появления в местах заключения представителей различных конфессий в последствии воспринимался спецконтингентом и сотрудниками учреждений как ясная презентация принципов общечеловеческого согласия и раскрытия высшего смысла в благотворительной деятельности⁶¹². Заслуживает философского рассмотрения тот факт, что ставка делалась не на религиозную миссию и проведение культовых церемоний, а на просвещение, доступное разъяснение объединяющих основ традиционных конфессий и адресацию выступлений к

---

⁶⁰⁷ Пирогов А.А. Толерантность и конфликт в условиях межрелигиозного пенитенциарного взаимодействия. Конфликтология. Том 15 № 1, 2020. Ежеквартальный научно-практический журнал, СПбГУ. С. 132-143.

⁶⁰⁸ Там же.

⁶⁰⁹ Духовное управление мусульман Санкт-Петербурга и Северо-Западного региона России [Электронный ресурс] URL: <https://dum-spb.ru/news/sostoyalsya-sovmestnyj-vyezd-tyuremnyx-sluzhitelej-predstavlyayushhix-tradicionnye-religii-rossii-v-fku-ik-7.html> (дата обращения: 16.03.2021).

⁶¹⁰ УФСИН России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области [Электронный ресурс] URL: http://www.78.fsin.su/news/detail.php?ELEMENT_ID=293226(дата обращения: 07.01.2021).

⁶¹¹ Пирогов А.А. Толерантность и конфликт в условиях межрелигиозного пенитенциарного взаимодействия. Конфликтология. Том 15 № 1, 2020. Ежеквартальный научно-практический журнал, СПбГУ. С. 132-143.

⁶¹² Там же.

разуму и совести осуждённых. В ходе совместных дискуссий и разбора итогов посещений участниками отмечалась, что выход из межрелигиозных конфликтов в пенитенциарной среде видится⁶¹³: «лишь в признании сторонами равноправности обеих и правомерности своих побуждений к конфликтному противоборству, что создает благоприятный фон для примирения возникших между ними противоположных интересов посредством компромисса или консенсуса»⁶¹⁴. Движущей силой описываемого нами межрелигиозного взаимодействия в пенитенциарной системе являлся факт принятия участниками общих аксиологических надличностных основ, которые являются органичными для культуры российского народа: дружба, взаимопомощь, коллективизм, жертвенность⁶¹⁵. В составе рабочей группы участвовали не только представители авраамических религий (ислам, иудаизм и христианство), которые могли объединять усилия на общей религиозной основе монотеизма, но также – приверженцы буддизма⁶¹⁶, имеющего в основе религию⁶¹⁷.

Участники взаимодействия намеренно избегали совместных заявлений и формализации, ставя на первое место практику общего посещения заключённых с целью просвещения и демонстрации согласия. Группа исходила из того, что основой для такой работы являются не только Конституция РФ, отечественные законы и нормативные акты, но также – Декларация прав терпимости, Всеобщая декларация прав человека, принятые Генеральной Ассамблеей ООН⁶¹⁸. Принципы

---

⁶¹³ Там же

⁶¹⁴ *Степанов Е.И.* Отечественная конфликтология: к вопросу о становлении и развитии // Социс, 1998. – № 10. – С. 50–57.

⁶¹⁵ *Пирогов А.А.* Толерантность и конфликт в условиях межрелигиозного пенитенциарного взаимодействия. Конфликтология. Том 15 № 1, 2020. Ежеквартальный научно-практический журнал, СПбГУ. С. 132-143.

⁶¹⁶ Там же.

⁶¹⁷ Отечественный буддолог О.О. Розенберг считает, что «в основе своей буддизм прежде всего именно религия. [...] Он не только рассуждает о спасении, а стремится к конкретному осуществлению его, развывая в созерцании религиозный опыт человека. [...] Он создает общину — церковь, создает культ и проникается идеей миссионерства»⁶¹⁷. Такой деятельный буддизм исповедовал лама русского происхождения, который входил в данное сотрудничество. (*Розенберг О.О.* О мирозерцании современного буддизма на Дальнем Востоке // Розенберг О.О. Труды по буддизму. М., Наука, 1991. – С. 18-41).

⁶¹⁸ См.: Декларация принципов терпимости. Принята резолюцией 5.61 Генеральной конференции ЮНЕСКО от 16 ноября 1995 года [Электронный ресурс] URL: <http://www.un.org.ru> (дата обращения: 16.03.2021). Провозглашается, что «каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии» (статья 18), «на свободу убеждений и на свободное выражение их» (статья 19) и что образование «должно содействовать

сотрудничества были артикулированы на совместных предварительных встречах и этапах подготовки выездов в учреждения УИС. Представитель другой религии или противоположного взгляда не виделся участниками группы как враг или идейный противник, но прежде всего, как равноправный участник экуменического диалога, ведущегося в территориально замкнутом пространстве, где обостряются социальные и религиозные проблемы⁶¹⁹. Идейный стимул сотрудничеству придала встреча Патриарха Кирилла и Папы Римского Франциска в Гаване в феврале 2016, совместные появления глав отечественных религиозных конфессий на значимых общероссийских конференциях и форумах. На положительный итог встречи на Кубе для формирования толерантной среды ссылалось в официальных отчётах и руководство пенитенциарных учреждений⁶²⁰. Участниками взаимодействия был проведен собственный мониторинг религиозной ситуации в регионе, в результате которого выяснилось, что большинство осужденных исповедуют православие и ислам, однако лица, исповедующие буддизм, иудаизм и католичество, имеются во всех тюремных учреждениях региона⁶²¹. Данные статистики также убедительно свидетельствует о сегодняшнем терпимом отношении представителей религиозных конфессий друг к другу в условиях пенитенциарной системы, а также – о наличии у лиц из состава спецконтингента условий для свободного вероисповедования⁶²². Стоит напомнить, что Альберт Швейцер прозорливо утверждал, что «когда люди проникаются идеями благоговения перед жизнью, они

взаимопониманию, терпимости и дружбе между всеми народами, расовыми и религиозными группами» (статья 26).

⁶¹⁹ *Пирогов А.А.* Толерантность и конфликт в условиях межрелигиозного пенитенциарного взаимодействия // Конфликтология. Том 15 № 1, 2020. Ежеквартальный научно-практический журнал, СПбГУ. С. 132-143.

⁶²⁰ Исправительная колония № 6 [Электронный ресурс] URL: http://obuhovo-spb.ru/?page_id=2051 (дата обращения: 12.03.2021).

⁶²¹ *Пирогов А.А.* Толерантность и конфликт в условиях межрелигиозного пенитенциарного взаимодействия. Конфликтология. Том 15 № 1, 2020. Ежеквартальный научно-практический журнал, СПбГУ. С. 132-143.

⁶²² По общероссийским данным на 2019 год: «В учреждениях УИС функционирует 1554 объекта [...] для проведения религиозных обрядов и церемоний, в том числе: 1074 – для лиц, исповедующих православие [...] 406 – для лиц, исповедующих ислам [...] 24 – для лиц, исповедующих буддизм [...] 11 – для лиц, исповедующих католицизм [...] 17 – для лиц, исповедующих иудаизм [...] 22 религиозных объекта для лиц, представляющих иные религиозные течения» (*Сервие Е.В.* Правовые аспекты взаимодействия ФСИН России и религиозных организаций // Религиозные организации в тюремном служении: состояние, проблемы, перспективы: материалы межрегиональной научно-практической конференции (24 октября 2019) – СПб.: ФКУ ДПО Санкт-Петербургский ИПКР ФСИН России, 2019. – С.114-121).

обретают мышление, которое трудится на благо всех, и активно приобщаются к духовности, пробивающейся во всех людях. Даже те, кто ведет тяжелейшую борьбу за свою человечность, приходят к самосознанию и внутренней сосредоточенности, приобретая таким образом силы, которыми они раньше не обладали»⁶²³. Это всецело применимо к описанному нами опыту сотрудничества. Общее для всех участников чувство благоговения перед жизнью развилось в труд на общее благо. Более того, в условиях пенитенциарной системы, где человек вынужден постоянно бороться за свою человечность это привело к утверждению принципа гуманности, лежащего в основе благотворительности⁶²⁴.

В 2011 году было подписано Соглашение о сотрудничестве между ФСИН России и РПЦ, что являлось последовательным претворением в жизнь принципов, отражённых в Основах социальной концепции Русской Православной Церкви (2008 г.). Российские католики до 2016 г. не принимали официального участия в тюремном служении на территории Санкт-Петербурга и Ленинградской области. По просьбам заключенных-католиков православные служители передавали им католические святыни и книги из костёла, что являлось значимым благотворительным актом. Автор отмечает долгую нерешительность католических священнослужителей осуществлять пенитенциарную миссию, делать какие-либо шаги в данном направлении. Возможно, это прежде всего было обусловлено продолжительным численным преобладанием среди католического духовенства иностранцев, с трудом понимавших российский социальный контекст и исторические традиции веротерпимости⁶²⁵. Единственной католической общиной, которая ответила согласием организовать посещения католиков, находящихся в местах лишения свободы, стала община прихода Успения Пресвятой Девы Марии в Санкт-Петербурге⁶²⁶. Во главе её стоял священник белорусского происхождения,

⁶²³ Швейцер А. Благоговение перед жизнью: Пер. с нем. / Сост. и посл. А.А. Гусейнова; Общ. ред. А.А. Гусейнова и М.Г. Селезнева. — М.: Прогресс, 1992. С. 233.

⁶²⁴ Стоит упомянуть, что призывы к осуществлению широкомасштабной благотворительности стали звучать с начала 2006 года, который был объявлен в России Годом благотворительности.

⁶²⁵ Пирогов А.А. Толерантность и конфликт в условиях межрелигиозного пенитенциарного взаимодействия // Конфликтология. Том 15 № 1, 2020 Ежеквартальный научно-практический журнал, СПбГУ. С. 132-143.

⁶²⁶ Там же.

который делегировал автору исследования полномочия вести работу в местах заключения. В 2016 г. был подписан первый в истории официальный договор о сотрудничестве между УФСИН и католической общиной. Он действовал три года, автор исследования продолжил волонтерскую деятельность в Общественно Наблюдательной Комиссии по контролю за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания⁶²⁷.

От Санкт-Петербургской хоральной синагоги тюремным служением занимался раввин Ифрах Абрамов. К моменту создания межрелигиозного сотрудничества он уже больше 10 лет работал среди заключённых. Мировоззренческой основой деятельности являлась Тора и традиционное в иудаизме толкование заповедей. Основная цель работы виделась раввином как милосердная помощь единоверцам⁶²⁸ и просвещение⁶²⁹. Продолжали совместную работу тюремный мусульманский имам и буддистский лама, представлявшие официальные религиозные организации города⁶³⁰.

В 2017 года совместно «был принят документ "Положение о рабочей группе при помощнике начальника УФСИН России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области по организации работы с верующими", согласно которому религиозные тюремные служители смогут совместно обращаться к начальнику УФСИН с письменными предложениями, направленными на улучшение качества религиозного тюремного служения в учреждениях уголовно-исполнительной

---

⁶²⁷ Члены ОНК на добровольной и безвозмездной основе осуществляют контроль за соблюдением и обеспечением прав человека в местах принудительного содержания: следственных изоляторах, изоляторах временного содержания, колониях, психиатрических больницах и т.д. См. ОНК по Санкт-Петербургу. Официальный сайт. [Электронный ресурс] <http://onkspb.ru/> (дата обращения: 12.05.2021).

⁶²⁸ *Пирогов А.А.* Толерантность и конфликт в условиях межрелигиозного пенитенциарного взаимодействия // Конфликтология. Том 15 № 1, 2020 Ежеквартальный научно-практический журнал, СПбГУ. С. 132-143.

⁶²⁹ В 2013 году в исправительной колонии №5, им была открыта молельная комната для иудеев, а в марте 2016 года он открыл в колонии №2 первую в отечественной истории молельную комнату для заключённых женщин иудейского вероисповедания. Абрамов активно включился в состав межконфессиональной рабочей группы, и в её составе посещал тюрьмы с беседами о профилактике религиозной нетерпимости и ксенофобии. См.: Еврейские новости Санкт-Петербурга [Электронный ресурс] URL: <https://news.jeps.ru/novosti/ravvin-abramov-poseshhenie-zaklyuchennykh.html> (дата обращения: 06.01.2021).

⁶³⁰ Духовное управление мусульман Санкт-Петербурга и Северо-Западного Региона России и Санкт-Петербургский дацан Гунзэчойнэй.

системы»⁶³¹. Опыт межконфессиональной группы был отмечен⁶³² как новаторский и перспективный⁶³³ в отечественной и международной практике⁶³⁴.

Примечательно, что со стороны участников межрелигиозного сотрудничества деятельность стала не только общественной жертвой: средств, навыков, времени или ресурсов, но настоящей отдачей себя ближнему, метафорическим расширением границ добра, устранением изъянов зла, а также – демонстрацией того, что участник не связан рамками материального. Это была направленная социально-созидательная деятельность практиков, ощущавших себя не просто гражданами России, но истинными сопричастниками её традиций, истории, национальной идеи. Благотворительный акт, каким являлось взаимодействие, основным из гуманных мировоззренческих источников имел настоящее благоговение перед человеческой жизнью, которое преодолевает конфликтность, наполняет надеждой гуманитарные проекты, не делая различия между атеистом и религиозным индивидом. Следует отметить, что сотрудничество материально не датировалось государством, не поддерживалось финансовыми грантами и являлось совместным ответом российских граждан на актуальные вызовы современности⁶³⁵.

В этой связи очень важно отметить, что в новой утверждённой распоряжением Правительства РФ Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года подведены итоги и указаны достижения в деятельности уголовно-исполнительной системы в период с 2010 по

---

⁶³¹ *Абдуллин Ю.Т.* Противодействие по нераспространению экстремистских течений среди заключенных: описание опыта работы по тюремным службам в г. Санкт-Петербурге. Роль централизованных мусульманских религиозных организаций в ресоциализации осужденных в местах лишения свободы. // Сборник статей и материалов Всероссийской научно-практической конференции. – Казань: РИИ-ФПИКНиО-ФСИН, 2018. – С. 5-10.

⁶³² *Пирогов А.А.* Толерантность и конфликт в условиях межрелигиозного пенитенциарного взаимодействия // Конфликтология. Том 15 № 1, 2020 Ежеквартальный научно-практический журнал, СПбГУ. С. 132-143.

⁶³³ 15.02.2018 г. полный состав сотрудничества принял участие в круглом столе на тему «Проблемы духовного окормления осужденных и лиц, содержащихся под стражей, в учреждениях уголовно-исполнительной системы», который состоялся в управлении ФСИН России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области.

⁶³⁴ Межрегиональный круглый стол «Роль религиозных организаций в профилактике проявлений религиозного экстремизма в местах лишения свободы» (24.10.18) [Электронный ресурс] URL: http://spbipkr.fsin.su/news/detail.php?ELEMENT_ID=432903 (дата обращения: 06.01.2020).

⁶³⁵ *Пирогов А.А.* Толерантность и конфликт в условиях межрелигиозного пенитенциарного взаимодействия // Конфликтология. Том 15 № 1, 2020 Ежеквартальный научно-практический журнал, СПбГУ. С. 132-143.

2020 год⁶³⁶. Отмечается влияние институтов гражданского общества и благотворительности на пенитенциарную систему. Позитивно упоминается, как перспективная деятельность: работа попечительских советов при исправительных учреждениях и ОНК, возможность присутствия в местах лишения свободы представителей традиционных религиозных организаций, применение альтернативных наказаний, которые не связаны с социальной изоляцией, система пробации и т.д. Намечено дальнейшее совершенствование и гуманизация отечественной уголовно-исправительной политики, а по отношению к осуждённым лицам: «пресечение фактов применения к ним сотрудниками уголовно-исполнительной системы недозволенных методов воздействия, бесчеловечного, жестокого, унижающего человеческое достоинство обращения, а также неправомерного применения физической силы и специальных средств»⁶³⁷.

Как мы видим, многие вышеупомянутые нами в исследовании научные интуиции и усилия российских гуманистов, филантропов и пенологов нашли своё осуществление в формировании отечественной пенитенциарной системы. Об этом свидетельствует также и гуманизация в области, содержания в пенитенциарной системе женщин и несовершеннолетних⁶³⁸. Как здесь не вспомнить труды и положительный опыт учёных и филантропов⁶³⁹, кто идейно предвосхитил эти изменения в самой концепции пенитенциарной системы? Одним из основных направлений совершенствования отечественной пенитенциарной системы видится формирование и развитие системы пробации⁶⁴⁰, что также напрямую пересекается

---

⁶³⁶ См.: Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2030 года, утвержденная распоряжением Правительства РФ от 29.04.2021 № 1138-р.

⁶³⁷ Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2030 года, утвержденная распоряжением Правительства РФ от 14.10.2010 № 1772-р. (ред. от 23.09.2015) [Электронный ресурс] URL: <http://publication.pravo.gov.ru/File/GetFile/0001202105050004?type=pdf> (дата обращения: 18.03.2021).

⁶³⁸ Например, «установлены отдельное содержание женщин, имеющих при себе детей в возрасте до 3 лет, и беременных женщин от остальных подозреваемых и обвиняемых, а также перемещение осужденных беременных женщин, имеющих при себе детей в возрасте до 3 лет, по заключению врача о возможности перемещения (при необходимости в сопровождении медицинских работников)»

⁶³⁹ Например, Ф.П. Гааза, который добивался смягчения тюремного содержания женщин, а также В.А. Соллогуба, требовавшего приблизить место ссылки заключённого как можно ближе к родному дому и т.д.

⁶⁴⁰ См.: Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2030 года, утвержденная распоряжением Правительства РФ от 29.04.2021 № 1138-р.

с темой европейской благотворительности и создаёт условия для постпенитенциарной социальной адаптации.

Применительно к теме нашего исследования также стоит обратить внимание на факт инновационной разработки в рамках работы ОНК принципиально новой схемы социальной благотворительности, почти исключая злоупотребления. Данная практика была неоднократно подробно описана в периодическом издании ОНК – газете «Мера»⁶⁴¹. Она представляет собой участие в процессе благотворительности нескольких сторон, одной из которых становится пенитенциарное учреждение, другой отечественные благотворители, третьей ОНК, несущее функцию контроля за точным и своевременным исполнением благотворительного намерения, получателя помощи спецконтингента. Данная актуальная практика иллюстрирует продолжающееся эффективное воздействие благотворительности на изменяющуюся в положительном русле отечественную пенитенциарную систему⁶⁴².

Нашим исследованием мы хотели бы обратить внимание научного сообщества не только на философские, исторические, социальные и мировоззренческие основы феномена благотворительности, но также на её применение в пенитенциарной системе, указать на перспективы филантропии как на действенный, практичный инструмент в условиях трансформирующейся отечественной пенитенциарной системы и актуальной необходимости социализации лиц, прошедших российские исправительные учреждения. В заключении сделаем выводы теоретической и практической частей нашего исследования.

---

⁶⁴¹ См.: Газете ОНК СПб «Мера» № 1-2, 2020.

⁶⁴² Что весьма актуально в контексте принятия в РФ Концепции развития уголовно-исполнительной системы до 2030 года

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе диссертационного исследования были сделаны следующие выводы:

1. Не имеется точного и всеобъемлющего определения феномена благотворительности, а также единой терминологии в данной области, в которой идёт постоянная *благотворительная революция*, сопровождающаяся трансформацией филантропического процесса, изменением смыслов, терминологии, объектов благотворительности.
2. В акте благотворительной деятельности именно человек раскрывает свою сущностную альтруистическую потребность быть *человеком для другого человека*.
3. Настоящая благотворительность основана на сострадании и признании ценности человеческой жизни, именно здесь она имеет точку пересечения с пенитенциарной системой, которая внешне выглядит ужасно и отталкивающе, но является всего лишь временным вместилищем страждущего и нуждающегося в сострадании человека.
4. Истинная преобразующая личность благотворительная деятельность исходит только от состояния исполненности, альтруизма и внутренней свободы, не подразумевает выгоды или материальной прибыли.
5. Благотворительность приносит не только пользу для другого, но также для филантропа и подразумевает «архетип дарения» – космическую вневременную соотнесённость процесса безвозмездного дарения с личностью, семьёй, общностью и народом.
6. В отечественной философской науке до последней четверти XIX века не сложилось единого направления, которое полным образом описывало бы всю пенитенциарную проблематику, её основы и духовно-религиозные истоки.

7. На формирование российской пенитенциарной системы XIX века оказали заметное влияние европейские идеи эпохи Просвещения и протестантизма. В работах европейских и отечественных пенологов и имеется идейная преемственность, общность практических подходов.
8. В научных и практических усилиях отечественных филантропов и пенологов также ярко выражены личностные и характерные особенности традиционной национальной ментальности и духовно-религиозного подхода к проблематике пенитенциарной системы, что в результате и привело к многочисленным попыткам реформирования.
9. Процесс исправления личности, который заложен в основе пенитенциарной системы имеет глубокие религиозные корни и приобретает в России яркие национальные и духовные черты, учитывающие природу, характер и мировоззрение русского народа.
10. В научных трудах российских мыслителей, филантропов и пенологов, мы находим основные идеи для построения особой пенитенциарной модели, основанной как на целостном понимании коллективного мировоззрения русского народа, так и неприемлемости слепого копирования при перенесении европейского филантропического опыта на отечественную почву.
11. Имеется современная преемственность отечественной и европейской пенитенциарной мысли, при наличии характерных национальных особенностей русского подхода к проблематике тюремной системы, что перспективно и актуально в плане взаимодействия в этой области, с обязательным учётом исторического, духовного и культурного контекста сегодняшней России.
12. В настоящее время идейно востребовано и практикуется эффективное воздействие благотворительности на изменяющуюся в положительном русле отечественную пенитенциарную систему.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Источники на русском языке

1. Амфитеатров, А.В. Рождество «Непобедимого Солнца» / А.В. Амфитеатров // Старое в новом. – СПб.: Тов. «Общественная польза», 1907. - С.72.
2. Американский период жизни и деятельности святителя Тихона Московского: 1898-1904 гг./ сост. А.В. Попов. – СПб.: Сатис, 2011. - 190 с.
3. Антонини Б. Почему я люблю Россию. – М.: Паолине, 2002. - 256 с.
4. Абдуллин Ю.Т. Противодействие по нераспространению экстремистских течений среди заключенных: описание опыта работы по тюремным службам в г. Санкт-Петербурге. Роль централизованных мусульманских религиозных организаций в ресоциализации осужденных в местах лишения свободы. // Сборник статей и материалов Всероссийской научно-практической конференции. – Казань: РИИ-ФПИКНиО-ФСИН, 2018. – С. 5 – 10.
5. Бадя, Л.В. Российская благотворительность в сфере занятости: Трудовая помощь /Л.В. Бадя // Благотворительность в России: Исторические и социально-экономические исследования. – СПб., 2003. - С. 303 –310.
6. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях/Пер. с ит. Ю.М. Юмашева. – М.: Международные отношения, 2000. - 240 с.
7. Бенедикт XVI. Энциклика Caritas in Veritate. – М.: Издательство францисканцев, 2009. -112 с.
8. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанов Л.И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. – СПб.: Фолио-Пресс, 2001. - 704 с.
9. Библия, Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – М.: Издание Московской Патриархии, 1988. - 1371 с.
- 10.Блохина, Н.Н. Врачи гуманисты - современники доктора Ф.П. Гааза / Блохина Н.Н. // Клиническая медицина. - 2012. Т. 90. № 7. - С. 74 – 77.

11. Бринтон Говард. История и вера Общества Друзей со времени основания квакерского движения Джорджем Фоксом. – М.: Friends House Moscow, 1988. - 147 с.
12. Бутина М.В. Тюремный дневник. – М.: Издательство АСТ, 2020. - 560 с.
13. Булгаков С.Н. Философия имени. – Paris.: YMCA-PRESS, 1953. - 280 с.
14. Вайнер А.А., Вайнер Г.А. Эра милосердия. Двое среди людей. – М.: Международная книга, 1993. - 490 с.
15. Васильева, С.А. «Теология тюрьмы» в проповеднической деятельности американских тюремных капелланов в начале XIX века / Васильева С.А. // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. - 2017. - № 2. - С. 5 – 12.
16. Веллер М.И. Кассандра. – М.: АСТ, 2018. - 520 с.
17. Венцлова Т. Вильнюс: Город в Европе / Пер. с Лит. Марии Чепайтите. – СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2018. - 264 с.
18. Вебер, М. Протестантская этика и дух капитализма // Религия и общество: хрестоматия по социологии религии / сост. В. И. Гараджа, Е. Д. Руткевич. – М.: Аспект Пресс, 1996. - С. 596 – 622.
19. Вебер, М. Религиозные идеи и интересы // Религия и общество: хрестоматия по социологии религии / сост. В. И. Гараджа, Е. Д. Руткевич. – М.: Аспект Пресс, 1996. - С. 313 – 328.
20. Вольтер. Философские сочинения / Пер. с фр. С. Я. Шейнман-Топштейн ; отв. ред., сост. и авт. вступ. ст. В. Н. Кузнецов. – М.: Наука, 1989. - 750 с.
21. Гааз Ф.П. Призыв к женщинам: Посмертное издание / Пер. с франц. Л.Н.Никифорова. – М., 1897. - 56 с.
22. Гааз Ф.П. Азбука христианского благонравия. – М., 1898. - 63 с.
23. Газета Общественной Наблюдательной Комиссии СПб «Мера» № 1 – 2, 2020.
24. Галкин-Враской М.Н. Исправительная тюрьма в Лозанне. – СПб.: Тип. Министерства внутренних Дел, 1863. - 31 с.
25. Гвардини Р. Смерть Сократа // Пер. с нем. И.П. Стребловой. – СПб.: Издательство Владимир Даль, 2018. - 383 с.

26. Гегель Г.В.Ф. Система наук. Часть первая. Феноменология духа. Перевод Г. Шпета – СПб, «Наука», 1992. - 443 с.
27. Гегель Г.В.Ф. Философия права. – М.: Академия наук СССР. Институт философии. Изд-во «Мысль», 1990. - 265 с.
28. Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории / пер. А.М. Водена, – СПб.: Наука, серия «Слово о сущем», 2000. - 480 с.
29. Георгиевский П.И. Призрение бедных и благотворительность / [соч.] П.И. Георгиевского, орд. проф. Имп. С.-Петербур. ун-та. - С.-Петербург: Тип. Мор. м-ва, 1894. - 118 с.
30. Гогель С.К. Подготовка к благотворительной деятельности. – СПб., 1913. - 137 с.
31. Горький М. Рассказы, очерки, воспоминания 1924-1936. Собрание сочинений в 30 томах. – М., ГИХЛ, 1949-1955.
32. Горький М. Рассказы, очерки, наброски, стихотворения 1901-1907 гг. – Полное собрание сочинений в 25 томах. – М., Наука, 1970.
33. Гернет М.Н. Тюрма для революционеров. – Москва.: Б. И., 1932. - 280 с.
34. Гернет М.Н. История царской тюрьмы. – Москва.: Государственное издательство юридической литературы, 1954. - 247 с.
35. Горовцев А.М. Трудовая помощь как средство призрения бедных. – СПб., 1901. - 47 с.
36. Гомульский, Л.А. Каритас // Католическая энциклопедия. – М.: Издательство францисканцев, 2005. - Т. 2: И—Л. - С. 808 - 813.
37. Гусейнов А.А., Апресян Р.Г. Этика: Учебник. – М.: Гардарики, 2000. - 472 с.
38. Дагерман, С. Наша жажда утешения неуголима / С. Дагерман // Звезда. - 2019. - № 2. - С. 223 – 226.
39. Дидро Д. Философские мысли // Дидро Д. Собр. соч.: в 10 тт. Т. 1. – Москва-Ленинград.: Academia, 1935. - 526 с.
40. Дидро Д. Избранные философские произведения. – М.: Огиз, 1946. - 280 с.
41. Достоевский Ф.М. Записки из мёртвого дома // Полное Собрание Сочинений. Т.4. – М.: Изд.: Наука, 1972. - 329 с.

42. Долгоруков П.Д Великая разруха. Воспоминания основателя партии кадетов 1916–1926 / Глебовская Л.И. – М.: Центрполиграф, 2007. - 367 с.
43. Дэфо Д. Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо, моряка из Йорка. – М.: 1982. - 328 с.
44. Дюркгейм, Э. Коллективный ритуал // Религия и общество: хрестоматия по социологии религии / сост. В.И. Гараджа, Е.Д. Руткевич. – М.: Аспект Пресс, 1996. - С. 438 – 441.
45. Заломон Эрнст фон. Анкета / Перевод с немецкого и предисл. Л. Ланника. – СПб.: Владимир Даль, 2019. - 927 с.
46. Зиммель, Г. К социологии религии // Георг Зиммель. Избранное. Том 1. Философия культуры – М.: Юрист, 1996. - 671 с.
47. Злочевский, Г.Д. Спешил делать добро: О Ф.П. Гаазе / Г.Д. Злочевский // Библиография. - 2001. - № 5. - С. 130 – 143.
48. Иванова, Т.Н. Место В.И. Герье в российской культуре последней трети XIX века // Историческая наука и образование в России и на Западе: судьбы историков и научных школ. – М.: Институт всеобщей истории РАН. - 2012. - С. 9 – 12.
49. Ивин А.А. Философия: Энциклопедический словарь / Под ред. А.А. Ивина. – М.: Гардарики, 2004. - 1072 с.
50. Иоанн Павел II. Христианский смысл страдания: Апостольское послание *Salvifici doloris*. – СПб: Издательство святого Петра, 2001. - 52 с.
51. Иконникова, Г.Ю. Толерантность в условиях пенитенциарной системы // Материалы городской научно-практической конференции. – СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2008. - С. 79 – 82.
52. Казалет Э.А. О значении Джона Говарда в истории тюремной реформы / [Соч.] Э.А. Казалета. – М.: тип. О-ва распр. полезных книг, 1892. – IV, - 91 с.
53. Каледа Г. прот. Остановитесь на путях ваших. – М. 1995. - 144 с.
54. Коллинз Г. Пособие по христианскому душепопечению / Пер. с англ. А.А. Баев – СПб.: Мирт, 2003. - 923 с.
55. Кони А.Ф. Фёдор Петрович Гааз. Биографический очерк.– СПб., 1896. - 182 с.

56. Константинов Ф.В., Марахов В.Г. Диалектика природы и естествознания // Серия: Материалистическая диалектика : в 5 томах. – Москва., Мысль, 1983.
57. Корольков А.А. Духовная антропология. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. - 324 с.
58. Краткий катехизис Римско-католической церкви. – Санкт-Петербург.: Приход УПЦМ, 1999. - 220 с.
59. Кристи Н. Борьба с преступностью как индустрия. Вперед, к ГУЛАГУ западного образца / Пер. с англ. А. Петрова, В. Пророковой. Предисл. Я.Гилянского. 2-е изд. – М.: РОО Центр содействия реформе уголовного правосудия, 2001. - 224 с.
60. Кристи Н. Пределы наказания / Пер с англ. В.М. Когана. Вступительная статья А.М. Яковлева и В.М. Когана. – М.: Прогресс, 1985. - 176 с.
61. Кристи Н. По ту сторону одиночества. Сообщества необычных людей // Пер. с нем. Э.М. Радской, ред. Л.Н. Банзелюк. – Калуга: Издательство Духовное наследие, 1993. - 180 с.
62. Кристи Н. Конфликты как собственность. // Пер. с англ. Н.Н. Смагловой / Правосудие по делам несовершеннолетних. Перспективы развития. – М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 1999. - 24 с.
63. Ламартин А.М.Л. История жирондистов: в двух томах / Пер. с фр. Кутейников Н.С. – М.: Захаров, 2013. - 1024 с.
64. Лагерлеф, С. Речь на торжественном заседании шведской академии 20 декабря 1926 года / С. Лагерлеф // Звезда. - 2012. - № 2. - С. 213 – 222.
65. Лебедев В.Б., Степанова Е.В. В.А. Соллогуб и его роль в реформировании уголовно-исправительной системы (1870-1874 гг.) / В.Б.Лебедев, Е.В.Степанова // Вестник института: преступление, наказание, исправление. Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний. - 2013. - № 3 (23). - С. 72 – 77.
66. Лев XIII Папа. Regum novarum / О положении трудящихся. Послание 1891 года – Москва.: Дом Марии, 1991. - 65 с.
67. Лекторский, В.А. О толерантности, плюрализме и критицизме / В.А. Лекторский // Вопросы философии. - 1997. - № 11. - С. 46 – 54.

68. Леонтьева, О.Б. Историческая память и смена парадигм научного знания в российской культуре второй половины XIX – начала XX в. // Историческая наука и образование в России и на Западе: судьбы историков и научных школ. – М.: Институт всеобщей истории РАН, 2012. - С. 152 – 155.
69. Лиотар Ж.-Ф. За подписью Мальро / Пер. с французского А. В. Шестакова – СПб.: Владимир Даль, 2015. - 479 с.
70. Лифшиц М. Лекции по теории искусства. ИФЛИ. 1940. Стенограммы лекций по курсу «Введение в советское искусствоведение» / публ. В.М. Герман, А.М. Пичикян, В.Г. Арсланов и др. – СПб.: Владимир Даль, 2021. – 351 с.
71. Лукач, Д. Своеобразие эстетического // Религия и общество: хрестоматия по социологии религии / сост. В.И. Гараджа, Е.Д. Руткевич. – М.: Аспект Пресс, 1996. - С. 380 – 415.
72. Лучинский Н.Ф. Основы тюремного дела. – СПб.: Издание редакции журнала «Тюремный вестник», 1904. - 180 с.
73. Майка Ю. Социальное учение католической церкви. Опыт исторического анализа. – Рим – Люблин.: Издательство Святого Креста, 1994. - 480 с.
74. Макаренко А.С. Педагогические сочинения в 8-ми т. Т. 1. Методика организации воспитательного процесса. – М.: Педагогика, 1983. - 368 с.
75. Мануйлов В.А., Латышев, С.Б. Хронологическая канва жизни и творчества М.Ю. Лермонтова // Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений: В 4-х т. / АН СССР. Ин-т рус. Лит. (Пушкинский дом). – Изд. 2-е, испр. и доп. – Л.: Наука, 1979–1981. Т. 4. Проза. Письма. - С. 535 – 563.
76. Максеева К.Р. Воспитание толерантности – одна из стадий образовательного процесса в системе пенитенциарного образования России / К.Р. Максеева // Материалы Международной научно-практической конференции. Пермь.: Прикамский социальный институт, 2015. – С. 406 – 411.
77. Максимов Е.Д. Десятилетие Попечительства о домах трудолюбия и работных домах. СПб., 1906; Указатель учреждений трудовой помощи на 1913 г. – СПб. - 250 с.

78. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // К. Маркс и Ф. Энгельс Собр. соч.: в 50 тт. Т.4. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. - С. 419 – 459.
79. Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М.: Политиздат, 1956. - 696 с.
80. Маркс К. Ницета философии // Маркс, К., Энгельс, Ф. Собр. соч. В 55-и т. Т. 4. — М., 1955. - С. 65 –185.
81. Марион Ж.Л. Эго, или Наделенный собой. Рипол-классик. М., 2019. - 159 с.
82. Маритен Ж. Интегральный гуманизм//Философ в мире. – М.: Институт святого Фомы, 2007. - 657 с.
- 83.Мацейна А. Падение буржуазии / Пер. с литов., М.В. Медоварова. – СПб.: Владимир Даль, 2019. – 413 с.
84. Мириманова М.С., Обухов А.С. Воспитание толерантности через социокультурное взаимодействие // Развитие исследовательской деятельности учащихся: методический сборник. – М.: Народное образование, 2001. - С. 88 – 99.
85. Мольер Ж.Б. Тартюф, или Обманщик: [Комедия]. Скупой: [Комедия]: Пер. с фр./ Ж.Б Мольер. Мещанин во дворянстве: [Комедия-балет]: Пер. с фр./ Ж.Б.Мольер/ Пер. М.Л.Лозинский. – СПб.: Лениздат, 1996. - 222 с.
86. Москалькова Т.Н. Проблемы ресоциализации осуждённых и лиц, освободившихся из мест лишения свободы / Т.Н. Москалькова // Бюллетень уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. - 2020.- № 8. - С. 4 – 14.
87. Мунье Э. Что такое персонализм? / Пер с франц., примеч. И.С. Вдовиной. – М.: Издательство гуманитарной литературы, 1994. – 128 с.
88. Науменко О.Н., Науменко Е.А. Использование книги как средства воспитательного воздействия на заключенных в пенитенциарной системе Западной Сибири (вторая половина XIX – начало XX в.) // Библиотекосведение. - 2016. - Том 65. № 2. - С. 171–176.
89. Новиков А.И. Записки уголовного барда. – М.: Астель, 2012. - 368 с.

90. Нуссбаум М. Не ради прибыли: зачем демократии нужны гуманитарные науки / Пер. с англ. М. Бендет. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014. - 192 с.
91. Ортега-и-Гассет Х. Этюды о любви / Пер. с исп. В.Е. Багно. – СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2003. - 416 с.
92. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. / Юбилейный архиерейский собор Русской Православной Церкви. Москва, 13-16 августа 2000 года. Сборник докладов и документов. IX.3. Преступность, наказание, исправление. – М., 2000. - С.180 –181.
93. Папа Римский Франциск. Энциклика. Fratelli tutti. О братстве и социальной дружбе. Москва: Издательство Францисканцев, 2021. – 173 с.
94. Панарин А.С. Политология. Западная и Восточная традиции: Учебник для вузов. – М.: Книжный дом «Университет», 2000. - 320 с.
95. Перец Л.И. Хасидские рассказы. – СПб.: Север-запад Пресс, 2004. - 549 с.
96. Пирогов А.А. Благотворительность как самопознание // Вперед, мечта... От стихии современного информационного общества к горизонтам общества знания / сборник научных статей / Санкт-Петербургский государственный университет, Институт философии, Кафедра социальной философии и философии истории; под редакцией К.С. Пигрова. – Санкт-Петербург: Книжный дом, 2019. С. 109 – 115.
97. Пирогов А.А. Духовно-религиозные истоки пенитенциарной системы в России XIX века в свете формирования отечественной модели толерантности // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2020. Том 21. Вып. 3. – СПб.: Издательство РХГА. С. 295 – 304.
98. Пирогов А.А. Изоляция как предмет рефлексии в контексте эпидемиологической безопасности // Между памятью и забвением: пространства скриптизации российского бытия: сборник научных статей / сборник научных статей / Санкт-Петербургский государственный университет, Институт философии, Кафедра социальной философии и философии истории;

- под редакцией К.С. Пигрова. – Санкт-Петербург: Книжный дом, 2020. С. 114 – 119.
99. Пирогов А.А. Социальные реформы или душеспасительный пиетизм? Научный опыт В.А. Соллогуба как тюрьмоведа // Научное мнение. 2020. № 5. Санкт-Петербургский университетский консорциум (Санкт-Петербург) С. 40 – 46.
100. Пирогов А.А. Толерантность и конфликт в условиях межрелигиозного пенитенциарного взаимодействия // Конфликтология. Том 15 № 1, 2020 Ежеквартальный научно-практический журнал, СПбГУ. С. 132 – 143.
101. Пирогов А.А. Трансформация понятия благотворительности в условиях постинформационного общества // Философская аналитика цифровой эпохи: сб. науч. статей / отв. ред. Л.В. Шиповалова, С.И. Дудник. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2020. С. 252–269.
102. Пирогов А.А. Интервью газете ОНК СПб «Мера» - 2020 - № 2. – С. 5.
103. Прянишников М.О. Русская земледельческая тюрьма. – СПб.: Типография общественной пользы, 1881. - 254 с.
104. Путь красноречия / Пер. с араб. и комм. Т. Черниенко. – М.: ООО «Сандра», 2015. - 400 с.
105. Русские / Отв. ред. В.А. Александров, И.В. Власова, Н.С. Полищук. — М.: Наука, 1997. - 828 с.
106. Розенберг О.О. О мирозерцании современного буддизма на Дальнем Востоке // Розенберг О.О. Труды по буддизму. – М., Наука, 1991. - С. 18 – 41.
107. Саламон Л. Финансовый рычаг добра: Новые горизонты благотворительности и социального инвестирования / Пер. с англ. С. Филин. – М.: Издательство Альпина Пабlishер, 2016. - 178 с.
108. Святой праведный Иоанн Кронштадтский. Солнце правды. О жизни и учении Господа нашего Иисуса Христа. – М: Отчий дом, 2010. – 352 с.
109. Святой праведный Иоанн Кронштадтский. Моя жизнь во Христе. – М: Отчий дом, 2010. – 784 с.
110. Сервие Е.В. Правовые аспекты взаимодействия ФСИН России и религиозных организаций // Религиозные организации в тюремном служении: состояние,

проблемы, перспективы: материалы межрегиональной научно-практической конференции (24 октября 2019) – СПб.: ФКУ ДПО Санкт-Петербургский ИПКР ФСИН России, 2019. - С.114 – 121.

111. Сергеев А.М. Близкие мысли. – СПб.: Владимир Даль. 2020. - 350 с.
112. Сингер П. Освобождение животных. — К.: Киевский эколого-культурный центр. 2002. - 136 с.
113. Сингер П. Жизнь, которую вы можете спасти: Пер. с нем. Т. Эйдельман. – М.: Портал Такие дела. 2018. - 288 с.
114. Слуцкий Б. Записки о войне. Стихотворения и баллады. – СПб.: «Logos», 2000.
115. Соловьев В.С. Оправдание добра / Отв. ред. О.А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, Алгоритм, 2012. - 656 с.
116. Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ 1918–1956, часть III–IV. – М.: У-Фактория, 2008. - 560 с.
117. Солженицын А.И. Один день Ивана Денисовича. – М.: Современник, 1990.
118. Сорокин В.И. Металлка. – СПб.: Издательство Князь-Владимирский собор, 2018. - 232 с.
119. Соллогуб В.А. Повести. Воспоминания / Сост., вступ. ст., коммент. И.С. Чистовой. – Л.: Художественная литература, 1988. - 717 с.
120. Соллогуб В.А. Воспоминания. – М.; Л.: Academia, 1931. - 654 с.
121. Соллогуб В.А. Тарантас. Путевые впечатления. СПб.; Издание книгопродавца Андрея Иванова, 1845. - 288 с.
122. Соллогуб В.А. Письма графа В.А. Соллогуба и К.К. Гротта к М.Н. Галкину-Враскому. – СПб.: Сенатская типография, 1901. - 41 с.
123. Соллогуб В.А. Титовские казармы. – М.: Тип. Газеты «Русский», 1867.
124. Соллогуб В.А. Об организации в России тюремного труда. – СПб.: Тип. Министерства внутренних дел, 1866. - 64 с.
125. Соллогуб В.А. О нашем исполнительном правосудии // Русский мир. 1874. № 278–281, 290–292, 301, 304, 306, 314–315, 321, 324, 326, 342, 356.
126. Степанов Е.И. Отечественная конфликтология: к вопросу о становлении и развитии // Социс. - 1998. - № 10. - С. 50 – 57.

127. Трельч Э. Церковь и секта // Религия и общество: хрестоматия по социологии религии / сост. В. И. Гараджа, Е. Д. Руткевич. – М.: Аспект Пресс, 1996. - С. 226 – 238.
128. Уайльд О. Баллада Реддингской тюрьмы // Собрание сочинений: В 3 т. Т. 3: Стихотворения. Поэмы. Эссе. Лекции и эстетически миниатюры. Письма / Пер. с англ.; Сост. Л. Дорошевича. – М.: Terra Книжный клуб, 2003. - С. 49 – 58.
129. Уайльд О. De Profundis. Тюремная исповедь // Собрание сочинений: В 3 т. Т. 3: Стихотворения. Поэмы. Эссе. Лекции и эстетически миниатюры. Письма / Пер. с англ.; Сост. Л. Дорошевича. – М.: Terra Книжный клуб, 2003. - С. 409 – 526.
130. Фирсов М.В. История социальной работы: учебное пособие. - М.: Кнорус, 2012. - 395 с.
131. Фомин, Э.А. Благотворительность как социокультурный феномен в России / Э.А. Фомин, Е.З. Чикадзе. СПб.: Издательство Чернышева, 1999. - 112 с.
132. Франкл В. Доктор и душа. СПб.: Ювента, 1997. - 285 с.
133. Франкл В. Воля к смыслу. М.: ЭКСМО, 2000. - 368 с.
134. Франкл, В. Религиозность как поиск смысла жизни // Религия и общество: хрестоматия по социологии религии / сост. В. И. Гараджа, Е.Д. Руткевич. – М.: Аспект Пресс, 1996. - С. 375–380.
135. Фурман Ф. Филантропия в Америке. М.; Издательские решения, 2015. - 256 с.
136. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999. - 384 с.
137. Фуко М. Нужно защищать общество: Курс лекций, прочитанных в Колледж де Франс в 1975 –1976 учебном году. – СПб.: Наука, 2005. - 312с.
138. Царенкова, Е.А. Поиск новых философско-антропологических парадигм (к вопросу о милосердии) / Е.А. Царенкова // Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону; Таганрог: Южный федеральный университет, 2017. - 149 с.
139. Чехов А.П. Собрание сочинений: в 12 т. Т. 10. – М., 1956. – 610 с.
140. Швейцер А. Культура и этика / Пер. с нем. Н.А. Захарченко, Г.В. Колшанский. – М: Прогресс, 1973. - 344 с.

141. Швейцер А. Благоговение перед жизнью: Пер. с нем. / Сост. и посл. А.А. Гусейнова; Общ. ред. А.А. Гусейнова и М.Г. Селезнева. – М.: Прогресс, 1992. - 576 с.
142. Швейцер А. Письма из Ламбарене, Ленинград, Наука, 1978 г. - 392 с.
143. Швиттау Г.Г. Трудовая помощь в России. Ч. 1. Пг., 1915. - 115 с.
144. Швиттау Г.Г. Краткий обзор деятельности Попечительства о трудовой помощи. 1895–1915. Пг., 1915. - 210 с.
145. Шохин В.К. Философия практического разума: агатологический проект. – СПб.: Издательство Владимир Даль, 2020. - 421 с.
146. Эвола Ю. Оседлать тигра / Перевод с итальянского В.В. Ванюшкиной, СПб.: Издательство Владимир Даль, 2020. - 352 с.
147. Юрчук, Е.В. Общество не-знания: животное как метафизическая проблема // Между памятью и забвением: пространства скриптизации российского бытия: сборник научных статей / сборник научных статей / Санкт-Петербургский государственный университет, Институт философии, Кафедра социальной философии и философии истории; под редакцией К.С. Пигрова. – Санкт-Петербург: Книжный дом, 2020. – С. 33 – 37.
148. Евангельский словарь библейского богословия под редакцией Уолтера Элуэлла / Пер. с англ. В.Н. Гаврилов. – СПб.: Библия для всех, 2000. - 1232 с.
149. Попечительное о тюрьмах общество // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 86 т. (82 т. и 4 доп.). – СПб., 1890 –1907.
150. Российская энциклопедия социальной работы / Под общ. ред. д.и.н., проф. Е.И. Холостовой. — М.: Дашков и К°, 2016. - 1032 с.

Источники на иностранных языках

1. Augustini Sancti Aurelii. Hipponensis Episcopi. Opera Omnia. Volume 4 (Latin Edition). Parisi, 1841. - 514 p.
2. Anderson G.A. Charity: The Place of the Poor in the Biblical Tradition. New Haven, Yale University Press, 2013. - 222 p.

3. Beaumont G., Tocqueville A. On the Penitentiary System in the United States and its Application to France. Publisher: Palgrave Macmillan, 2018. - 342 p.
4. Singer Peter. Animal Liberation: A New Ethics for Our Treatment of Animals, New York: Random House, 1975. - 311 p.
5. Maritain J. La personne et le bien commun/ J. Maritain //Revue Thomiste - № 46 - 1946. - P. 237 – 278.
6. The Great Ape Project: Equality beyond humanity. Editors, Peter Singer and P. Cavalieri., Fourth Estate publishing, London, England, 1993. - 312 p.
7. Jewkes Y, Bennett J. Dictionary of Prisons and Punishment. Willian Publishing, UK, 2008. - 416 p.
8. Wong Karna, Paul Ong, Wenjuan Zheng. American Philanthropy Literature Review. UCLA Center for Neighborhood Knowledge Global Chinese Philanthropy Initiative, 2016. - 52 p.
9. Herzog P.S., Price H.E. American Generosity: Who Gives and Why. Oxford University Press, 2016. - 446 p.

Список интернет-источников

1. Августин Блаженный «Толкование на псалом 125» [Электронный ресурс] URL: https://azbyka.ru/otechnik/Avrelij_Avgustin/tolkovanie-na-psalom-sto-dvadsat-pjatyj/ (дата обращения: 16.02.2021).
2. Гликин К. Число заключённых в России впервые стало меньше на 0,5 млн. Газета «Ведомости» 14 августа 2020. Электронный ресурс <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2020/08/13/836640-chislo-zaklyuchennih> (Дата обращения: 9 января 2021)
3. Доверие в благотворительности: от этического кодекса к профессиональным стандартам. ТАСС. Официальный сайт. [Электронный ресурс] URL: <https://tass.ru/pmef-2017/articles/4291497> (дата обращения: 12.05.2021).

4. Декларация принципов терпимости. Принята резолюцией 5.61 Генеральной конференции ЮНЕСКО от 16 ноября 1995 года [Электронный ресурс] URL: <http://www.un.org.ru> (дата обращения: 16.03.2021).
5. 10 мифов о гражданском обществе, которые развенчал Лестер Саламон. Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики: [Электронный ресурс] URL: <https://www.hse.ru/news/126676910.html> (дата обращения: 21.05.2021).
6. Духовное управление мусульман Санкт-Петербурга и Северо-Западного региона России [Электронный ресурс] URL: <https://dum-spb.ru/news/sostoyalsyasovmestnyj-vyezd-tyuremnyx-sluzhitelej-predstavlyayushhix-tradicionnye-religii-rossii-v-fku-ik-7.html> (дата обращения: 06.01.2021).
7. Еврейские новости Санкт-Петербурга [Электронный ресурс] URL: <https://news.jeps.ru/novosti/ravvin-abramov-poseshhenie-zaklyuchennyix.html> (дата обращения: 05.03.2021).
8. Епифаний Латинский. Толкование на Евангелия. [Электронный ресурс] URL: <http://bible.optina.ru/new:mf:25:35> (дата обращения: 06.02.2020).
9. Замалиева С.А. Основные концепты учения В. Франкла о человеке // Современные проблемы науки и образования. – 2012. – № 1. [Электронный ресурс] URL: www.science-education.ru/101-5563 (дата обращения 11.05.21).
10. Информационное Агентство Regnum [Электронный ресурс] URL: <https://regnum.ru/news/economy/2737873.html> (дата обращения: 06.01.2021).
11. Исправительная колония № 6 [Электронный ресурс] URL: http://obuhovo-spb.ru/?page_id=2051 (дата обращения: 08.03.2021).
12. Кристи Н. Выступление в МГППУ, 1 декабря 2010 г. Лекция «Медиация вместо наказания». [Электронный ресурс] URL: https://vk.com/doc-16829065_134547741 (дата обращения: 30.05.2021).
13. Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2030 года, утвержденная распоряжением Правительства РФ от 14.10.2010 № 1772-р. (ред. от 23.09.2015) [Электронный ресурс]

URL:<http://publication.pravo.gov.ru/File/GetFile/0001202105050004?type=pdf>
(дата обращения: 18.03.2021).

14. Как воруют в благотворительности? Фонд Живое Предание. [Электронный ресурс] URL: <https://blog.predanie.ru/article/kak-voruyut-v-blagotvoritelnosti/>(дата обращения: 12.05.2021).
15. Лестер Саламон: Финансовый рычаг добра. Журнал. Сноб. Официальный сайт. [Электронный ресурс] URL: <https://snob.ru/selected/entry/113852/> (дата обращения: 21.05.2021).
16. Маркс К. К критике гегелевской философии права. [Электронный ресурс] URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Marks_K%20kriike.pdf (дата обращения 26.05.2021).
17. Межрегиональный круглый стол «Роль религиозных организаций в профилактике проявлений религиозного экстремизма в местах лишения свободы» Официальный сайт. [Электронный ресурс] URL: http://spbipkr.fsin.su/news/detail.php?ELEMENT_ID=432903 (дата обращения: 06.03.2021).
18. Никитин В.Н. Тюрма и ссылка. – СПб., 1880. [Электронный ресурс] URL: <http://elibr.shpl.ru/ru/nodes/3225-nikitin-v-n-tyurma-i-ssylka-1560-1880-g-spb-1880> (дата обращения: 06.02.2021).
19. Общественно-наблюдательная комиссия Санкт-Петербурга по общественному контролю за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и содействия лицам, находящимся в местах принудительного содержания. Официальный сайт [Электронный ресурс] URL: <http://onkspb.ru/>(дата обращения: 06.02.2021).
20. Орачева О., Найт Б. Нужна ли филантропии новая философия? Благотворительный фонд Владимира Потанина. Официальный сайт. [Электронный ресурс] URL: <https://www.fondpotanin.ru/press/news/nuzhna-li-filantropii-novaya-filosofiya/> (дата обращения: 21.11.2021).

21. Основные понятия благотворительности. Благосфера. Официальный сайт. [Электронный ресурс] URL: <https://blagosfera.ru/charity/osnovnyue-ponjatija-blagotvoritelnoj-deyatelnosti/> (дата обращения: 12.05.2021).
22. Ресоциализация и адаптация осужденных граждан как необходимое условие предупреждения и успешной профилактики рецидивной преступности в Российской Федерации// Официальный сайт Общественной палаты Российской Федерации. URL: <https://www.oprf.ru/press/news/2019/newsitem/50917> (дата обращения: 28.01.2021).
23. Папа Иоанн Павел II. Бог, богатый милосердием. *Dives in misericordia*. Энциклика о Божьей любви к человеку. [Электронный ресурс] URL: <http://krotov.info/acts/20/voityla/19801130.html> (дата обращения: 31.05.2021).
24. Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия: сб. материалов VI Междунар. науч.-практ. конф., 2-4 апреля 2019 г. / сост. Н.А Санников – Пермь: ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России, 2019. – 414 с. [Электронный ресурс] URL: <https://pi.fsin.gov.ru/> (дата обращения: 06.02.2021).
25. Посещение Гауптвахты районной комендатуры Санкт-Петербурга. Официальный сайт. [Электронный ресурс] URL: <http://onkspb.ru/posts/2498-poseschenie-gauptvahty-voennoi-komendatury-sankt-peterburga.html> (дата обращения: 23.02.2021).
26. Религиозное общество друзей. Квакеры. Официальный сайт. [Электронный ресурс] URL: <https://quakers.ru/> (дата обращения: 06.02.2020).
27. Русский репортер. Медиатор: о выступлении профессора Нильса Кристи в МГППУ на конференции по восстановительному правосудию и медиации [Электронный ресурс] URL: <https://mgppu.ru/news/2691> (дата обращения: 16.02.2021).
28. Сингер П. Я верю в рациональное убеждение. Интервью. Новая газета. 2018. № 127. [Электронный ресурс] URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2018/11/16/78600-ya-veryu-v-ratsionalnoe-ubezhdenie> (дата обращения: 12.05.2021).

29. Саламон Л. Интервью «Российские финансовые институты не знают о новых тенденциях в благотворительности» Филантроп. Электронный журнал о благотворительности. [Электронный ресурс] URL: <https://philanthropy.ru/intervyu/2016/09/27/41420/> (дата обращения: 12.05.2021).
30. УФСИН России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области Официальный сайт [Электронный ресурс] URL: http://www.78.fsin.su/news/detail.php?ELEMENT_ID=293226 (дата обращения: 07.01.2021).
31. «Филантроп» [Электронный ресурс] URL: <https://philanthropy.ru/> (дата обращения: 06.10.2021).
32. Фонд имени Д.С. Лихачева «Энциклопедия благотворительности» » [Электронный ресурс] URL: <http://encblago.lfond.spb.ru/> (дата обращения: 06.02.2021).
33. «Фонд Предание» [Электронный ресурс] URL: <https://fond.predanie.ru/> (дата обращения: 06.02.2021).
34. «Форум историков» [Электронный ресурс] URL: <https://history-forum.ru/> (дата обращения: 06.02.2021).
35. Холодов А.Л. «Пандемия, преступления из колоний и посещение отдалённых зон: член ОП о работе ОНК». Российское агентство правовой и судебной информации [Электронный ресурс] URL: http://rapsinews.ru/human_rights_protection_news/20201030/306458181.html (дата обращения 12.05.2021)
36. Число заключенных, получающих образование в колониях, выросло втрое. Российская газета. Официальный сайт. [Электронный ресурс] URL: <https://rg.ru/2019/02/08/chislo-zakliuchennyh-poluchaiushchih-obrazovanie-v-koloniiah-vyroslo-vtroe.html> (дата обращения: 21.05.2021).
37. Этические проблемы отношения к животным обсудили в СПбГУ. Открытая лекция Петера Сингера [Электронный ресурс] URL: <http://philosophy.spbu.ru/3102/15812> (дата обращения: 11.05.21).

38. Encyclopedia Britannica. Camille Desmoulins [Электронный ресурс] URL: <https://www.britannica.com/biography/Camille-Desmoulins> (дата обращения: 21.05.2021).
39. Official Gianna Floyd Fund (George Floyd's child) Официальный сайт [Электронный ресурс] URL https://www.gofundme.com/f/gianna-floyd-daughter-of-george-floyd-fund?utm_campaign=p_cp_url&utm_medium=os&utm_source=customer (дата обращения: 14.05.2021).
40. The Great Ape Project [Электронный ресурс] URL: <https://www.projeto-gap.org.br/en/>(дата обращения: 12.05.2021).

SAINT-PETERSBURG STATE UNIVERSITY

Manuscript copyright

Pirogov Aleksei

**SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF THE IMPACT OF CHARITY ON
THE FORMATION OF THE PENITENTIARY SYSTEM**

Scientific specialty: 5.7.7. Social and political philosophy

Dissertation for the degree of Candidate of Philosophical Sciences

Translation from Russian

Scientific supervisor:
Doctor of Philosophy,
Associate Professor
A.M. Sokolov

St. Petersburg

2021

LIST OF TITLES

INTRODUCTION	211
Chapter 1. Axiology and ontology of charity	224
1.1 Definition and typology of charity.....	224
1.2 Charity as a phenomenon in social, historical and cultural contexts.....	251
Chapter 2. Spiritual and religious origins of the penitentiary system	284
2.1 New Age European and North American charity and the prison system	284
2.2 Russian charity and the penitentiary system	294
2.3 Socio-philosophical analysis of approaches to the formation of the concept of the penitentiary system in Russia of the XIX century	312
Chapter 3. Charity and the penitentiary system	333
3.1 Penitentiary system as an area of charity impact.....	333
3.2 Current experience in the impact of charity on the modern penitentiary system in Russia	362
CONCLUSION	374
REFERENCES	376

INTRODUCTION

Relevance of the research. The topic of the dissertation research is determined by the demand for philosophical analysis of the Institute of benevolence in modern Russia. The scientific search for ways to best develop and apply charity touches on the philosophical problem of giving, as well as various social spheres. One of them is the penitentiary system¹, where in a closed environment, in places of forced deprivation of liberty, long-term specific stable relations arise between groups, individuals who are deprived of their usual way of life, lifestyle and role in society. The penitentiary system has traditionally been seen not only as a means for correcting offenders and a place where members of society who have broken the law are isolated, but also as a field for active and large-scale charitable activities.

The problem of the impact of charity on the penitentiary system, which is considered in our study, has also not yet received adequate large-scale coverage in the scientific literature. It has unexpectedly attracted the interest of the intellectual community due to the social upheaval caused by the COVID-19 pandemic and the forced isolation in which a significant part of the population of Russia and the world finds itself. The socio-philosophical analysis of the impact of charity on the penitentiary system is associated with the need to use the achievements of modern scientific thought in the field of penology², appeal to the scientific experience of Russian penologists, as well as the study of its national cultural and historical continuity.

---

¹ By the penitentiary system in our study, we understand both the modern system of institutions of the Penal Correction System (UIS) and a large-scale system of measures to correct criminals in its philosophical, historical, cultural and social contexts, including measures to influence violators of the law: isolation, solitary confinement, exile, hard labor, forced labor, etc., as well as the resocialization of persons (convicts, prisoners, special agent) who are inside and outside this system.

² Penology is the science of the execution of all criminal penalties. Penance is repentance, repentance. Translated from the Latin word *poenitentia* means repentance in its active aspect. Penitentiary institutions - meaning various places of deprivation of liberty in a broad sense.

The theme of forced isolation in the context of global epidemic prevention measures also confronts the intellectual world community not only many large-scale topical issues such as globalization and its impact on the state and development of scientific progress, personal and social freedom, but also more local: the problem of forced imprisonment, the effects of exclusion and its consequences on the person, the effectiveness of prison in prison as a forced measure of punishment for the correction of the offender, re-socialization of convicts³.

A person, as a person who is in the conditions of the penitentiary system, is studied: by lawyers, legal specialists, criminologists, doctors, but the task of great importance is to study the philosophical side of the issue of correction and punishment in a closed system, where relations of mutual assistance arise between people, charity and mercy are manifested.

The study of the philosophical heritage of Russian penologists and philanthropists is one of the most interesting aspects, since it demonstrates not only the rich content of the works of Russian scientists in the historical context, but also the breadth of problems and tasks of charity in relation to the penitentiary system.

You can also highlight the theological side of charity, which cannot be ignored in the study, realizing that this phenomenon also has practical significance, which makes the study larger in meaning and content.

Thus, we can distinguish several areas of our socio-philosophical research: anthropological, ethical, socio-political, and theological. In this perspective, it is also appropriate and important also to refer to the historical experience of solving philosophical and social problems related to isolation by Russian penologists, as well as to consider it in relation and comparison with similar European ones. The rich Russian history, replete with scientific materials and facts that require a relevant philosophical interpretation in today's social context, allows us to do all this.

---

³ Resocialization and adaptation of convicted citizens is considered as a necessary condition for the prevention and successful prevention of recidivism in the Russian Federation// Official website of the Public Chamber of the Russian Federation. [[Electronic resource] URL: https://www.oprf.ru/press/news/2019/news_item/50917 (accessed: 28.01.2021).

In recent years, a significant number of publications on charity issues have appeared, international conferences and forums are held, where the topic of philanthropy is constantly raised, while the philosophical phenomenon of the impact of charity on the penitentiary system is not studied on such a large scale, since the field of punishment is traditionally of interest to lawyers and specialists in criminal law. However, penology can also be considered as a philosophical science, since in the field of the penitentiary system we see a number of phenomena and meanings that need to be interpreted. In this regard, it is important to mention not only the works of Michel Foucault, who examines the philosophical discourse on punishment in its historical, social and cultural context, but also the works of our compatriot V.S. Soloviev, as well as the books of the Norwegian criminologist Nils Christie. It is appropriate to recall that Nils Christie insists that the main experts in the prison system can be philosophers⁴. This is what our study attempts to do.

It is also relevant *видится* not only to understand the ideas and processes that led to the creation of a number of charitable institutions and systems in Europe and Russia, which had an impact on the development of society and the penitentiary system, but also the practical side of this study. The final part of the final chapter of our study is devoted to a socio-philosophical analysis of the practical experience of charity's impact on the modern penitentiary system the final part of the final chapter of our study

Elaboration of the research topic. If the topic of charity in the philosophical literature is developed quite widely, then the penitentiary issues were primarily dealt with by lawyers and legal scholars, then by philosophers, as well as by theologians, pastors, philanthropists and writers. The philosophical side of penology is still an extensive and little-known area of scientific research.

Thus, the source base can be divided into several parts: philosophical, historical, theological, legal, and literary. Since the philosophical problem of the impact of charity on the penitentiary system has not been sufficiently studied, even those scientific works

---

⁴ Christie N. Fighting crime as an industry. Forward, to the GULAG of the Western sample / Translated from English by A. Petrov, V. Prorokova. Preface by J. Gilinsky. 2nd ed. - Moscow: NGO "Center for Assistance to Criminal Justice Reform", 2001. – p. 57

of penologists that contain only references to this problem or ideas of varying degrees of development are of interest⁵.

At the same time, there are many literary sources devoted to the rich problems of the penitentiary system. This category includes works by Russian writers and authors: F.M. Dostoevsky, A.P. Chekhov, P.F. Yakubovich, Maxim Gorky, A.I. Solzhenitsyn, V.T. Shalamov, B.A. Slutsky, V.I. Sorokin, A.V. Novikov, M.V. Butina, G.A. Kaled and others. Works or fragments of them by such foreign writers and poets as D. Dafoe, J. Bunyan, O. Wilde, E. von Zalomon, S. Lagerlef and others are devoted to similar topics. It should be noted that this is not a complete list of writers who left their thoughts on the topic of penitentiary issues. Penologist M.N. Gernet notes that a lot of people write about prison⁶. The listing of these authors is determined by the use of texts of their works in our research.

As the source base of the dissertation, we used the works of foreign philosophers who considered various aspects of charity in their works, as well as related to the problems of the penitentiary system: Albert Schweitzer, Cesare Beccaria Bonesano, Voltaire, Denis Diderot, David Emile Durkheim, Martha Nussbaum, Jean Francois Lyotard, Viktor Frankl, Nils Christie, Lester Salamon, Peter Singer, Jose Ortega y Gasset, Michel Foucault.

In the second half of the 19th century, Russian scientists made numerous attempts to justify charitable activity outside its dogmatic context. First of all, we should refer to the works of A.M. Gorovtsev, V.I. Guerrier, S.K. Gogel, and P.I. Georgievsky, S.V. Speransky, G.G. Schwittau etc.

Problems of the prison system attracted the attention of local public figures, lawyers, criminologists, philanthropists, economists, doctors, educators, writers, and scientists⁷: A.N. Golitsyn, V.S. Trubetskoy, A.H. Benkendorf, V.A. Sollogub, M.N. Galkin-Vrasky, M.N. Gernet, A.F. Koni, P.I. Georgievsky, N.F. Luchinsky, V.N. Nikitin,

---

⁵ The term penologist is used more often to lawyers and legal specialists than to philosophers, although in relation to the latter, dealing with the philosophical problems of the penitentiary system, it is also quite legitimate.

⁶ Gernet M.N. History of the Tsar's Prison. Moscow: State Publishing House of Legal Literature, 1954. – p. 371-372

⁷ A synonym of the term penologist, which used mainly in pre-revolutionary times in relation to lawyers and jurists dealing with the problems of the penitentiary system.

S.V. Poznyshev, M.O. Pryanishnikov, I.Y. Foynitsky, P.A. Dyukov, A.S. Makarenko, which is also used in this scientific study.

Separately, it is worth highlighting theological sources, which should include: fragments of Biblical texts, works of the church fathers, encyclicals of the popes, books, reflections and sermons of priests and pastors of various Christian denominations, spiritual treatises of philanthropists, Jewish and Muslim religious literature on the topic of charity and charity.

There is no doubt that the theme of charity, love and sacrifice is central to the Christian understanding of charity and leads us back to the Gospel of Luke, the parable of the Good Samaritan⁸. For the purpose of this study, we will not engage in a detailed exegesis of the fragment, but we will mention that in this context charity is synonymous with charity. Moreover, outside of the theological context, it is difficult to describe the essence of charity as the center of Christian life. The act involves personal assistance and the expenditure of one's own funds. Such charity has a direct impact on the penitentiary system.

Since charity is directly related to the social sphere, we consider the sources that set out the essence of the confessional understanding and origin of social teaching: The foundations of the social concept of the Russian Orthodox Church, Compendium of the Social Teaching of the Roman Catholic Church, by "Social teaching of the Catholic Church. Experience of historical analysis", works by E. Mounier, J. Maritain.

The author also analyzes the thematic materials of the periodical press and numerous Internet forums devoted to both charity and the penitentiary system: "Philanthropist"⁹, D.S. Likhachev Foundation "Encyclopedia of Charity"¹⁰, "Predanie Foundation"¹¹, "Forum of Historians"¹², as well as conference materials and reports published on the official websites of the Federal Penitentiary Service and Public

---

⁸ The Gospel of Luke 10:25-37. The Bible, the Books of Holy Scripture of the Old and New Testaments. Moscow: Edition of the Moscow Patriarchate, 1988.

⁹ "Philanthropist" [Electronic resource] URL: <https://philanthropy.ru/> (date of access: 06.10.2021).

¹⁰ The Fund Likhachev "encyclopedia of charity" " [Electronic resource] URL: <http://encblago.lfond.spb.ru/> (date of access: 06.02.2021).

¹¹ The Legend Foundation [Electronic resource] URL: <https://fond.predanie.ru/> (date of access: 06.02.2021).

¹² History forum [Electronic resource] URL: <https://history-forum.ru/> (date of access: 06.02.2021).

Monitoring Commission for Public Control over Ensuring human rights in places of forced Detention¹³ and assistance to persons in places of forced detention¹⁴. The correspondence between V.A. Sollogub and M.N. Galkin-Vrasky analyzed in this study is of great scientific interest, since this material illustrates the influence of European philosophical ideas on the formation of the model of the Russian penitentiary system, as well as the entire spectrum of search for ways to build a Russian "ideal prison" different from those correctional institutions that these authors saw and described during their trips to Europe.

The choice of scientific works and sources is justified by the fact that they follow a consistent study of the stages of formation of the penitentiary system and charity. Despite the fact that a number of works are descriptive in nature and presented in the form of scientific or legal research, it seems important to analyze first of all those socio-philosophical foundations and intuitions that can be considered in these works.

The author believes that in the works of V.S. Soloviev, V.S. Bulgakov, Albert Schweitzer, A.S. Panarin there is an ethical and practical basis for traditional charity work, and in the works of V.S. Soloviev, V.S. Bulgakov, Albert Schweitzer, and A.S. Panarin there is an ethical and practical basis for traditional charity work. Michel Foucault provides an in-depth analysis of the social and theoretical mechanisms underlying the changes that have taken place in the Western penitentiary system in the modern era. These works are particularly valuable because they represent an example of a comprehensive coverage of the philosophical essence of the penitentiary system and the impact of charity on it.

The formation of the penitentiary system in the second half of the XIX century and the beginning of the XX century is closely intertwined with sociological and socio-psychological concepts, so it is worth mentioning that the ideas of E. Durkheim, M. Weber, G. Lebon, G. Simmel, and V. Frankl were used in the development of problems

---

¹³ The prison system and society: experience of interaction: proceedings of the VI Intern. nauch. - pract. Conf. 2-4 April 2019 / comp. N.And Sannikov – Perm: FCO IN the Perm Institute of the Federal penitentiary service of Russia, 2019. – 414 p. [Electronic resource] URL: <https://pi.fsin.gov.ru/> (accessed: 06.02.2021).

¹⁴ The Public Monitoring Commission of St. Petersburg for Public Control over the provision of human rights in places of forced detention and assistance to persons in places of forced detention. Official website [Electronic resource] URL: <http://onkspb.ru/> (accessed: 06.02.2021).

of socialization and rehabilitation of special residents of correctional institutions. The ideas and principles of Marxism had a significant impact on the rethinking of charity and a new understanding of the penitentiary system.

In our research, we also use literary, poetic and artistic sources, descriptions of architectural structures and sculptural works that help to represent the object under study figuratively, explain the philosophical context and the direction of scientific research.

The author pays special attention to the period of the XVIII-XIX centuries, when charity was structurally formed as a historical, socio-cultural, socio-political phenomenon and flourished, becoming one of the tools of various humane transformations of society, and exerted an impact on the penitentiary system.

A.M. Gorky's analysis of the stages and methods of correction is of great importance for our research, since it explains not only the essence of the Soviet penitentiary system, but also illustrates the impact of charity on it. M. V. Butina's consistent description of the modern practice of solitary isolation and charity in her autobiographical book "Prison Diary" is also worthy of scientific attention. This work is cited in the context of the relationship between the continuity of views of domestic researchers on solitary confinement and as an illustration of the embodiment of the directions of scientific intuitions of Russian penologists and humanists of the XIX century.

The final part of the third chapter of our research is a socio-philosophical analysis of the unique experience of charity's impact on the modern penitentiary system and has an important semantic meaning from a practical point of view, illustrating the theoretical material presented in other chapters. To a certain extent, this material also demonstrates the practicality of the subject of social philosophy in the context of modern Russia.

The author of the study believes that Russian charity not only continues the main historical trends of European philanthropy, but also has its own characteristics that take into account the domestic religious and spiritual foundations and the worldview of the people. Russian charity reflects the main trends of world and domestic thought, relies on Russian spiritual philosophy, Christian values, taking into account the diverse religious and national context.

The object of the research – is charity as a philosophical, socio-cultural, socio-political phenomenon. The author makes a socio-philosophical analysis of charity as an instrument of humane influence for the transformation of the penitentiary system as a public institution.

The subject of the research – is the impact of charity on the penitentiary system. The author examines the transformation of the social institution of society, such as the penitentiary system, which is understood not only as a system of punishment and deprivation of liberty, but also the correction and restoration of the individual.

The aim of the research – is to conceptualize the concept of charity in world and Russian social philosophy, to conduct a socio-philosophical analysis of the impact of charity on the penitentiary system, which is a very informative cross-section of the internal structure of society, an element of its social structure.

To achieve this goal, we take into account the historical stages of the establishment of the Institute of charity, the main philosophical ideas, trends, trends, changes and approaches to solving the problems of the penitentiary system.

Objectives of the study:

1. Characterize the philosophical and historical nature of charity, as well as identify the fundamental ideas, worldview values and moral principles that underlie it;
2. To analyze the existing historical and philosophical approaches to charity, to define its typology, to trace the main periods of its formation, first of all, in the history of charity Europe of the XVIII-XIX centuries.;
3. Consider the history of Western philanthropy and philanthropy as a phenomenon of Modern times and identify the main ideas of charity in the works of prominent European philanthropists;
4. Analyze the impact of charity on the penitentiary system in social and historical contexts;
5. To reveal the spiritual and religious origins of Russian charity and philanthropy in relation to the penitentiary system;
6. To identify and compare the historical features and values of European and Russian charity, the characteristic features of development, the degree of continuity;

7. To conduct a socio-philosophical analysis of the unique experience of the practice of charity impact on the modern penitentiary system.

Methods of the research. The research uses scientific methods of social philosophy aimed at a holistic understanding of the phenomenon under consideration, a social fact is considered in a system of interrelations with other social facts, a dialectical-materialistic method of cognition classified as universal, as well as private scientific methods: functional, modeling, analogy, analysis, synthesis, abstraction and concretization.

The basis of the dissertation work is the approach according to which charity is not only a type of targeted assistance, but also a manifestation of the internal redundancy of the donor's personality, as well as a lever of influence not only on the individual and groups of needy recipients, but on the systems and subsystems of the state. The author of the study believes that philanthropy has the potential to influence the subject of research - the penitentiary system.

The author also draws on the comparative method of comparing Western European, North American and Russian charity and the principle of historicism, which indicates the need to consider charity in the context of historical reality, taking into account the peculiarities of its formation and formation and its impact on state enforcement apparatuses and the institution of execution of criminal penalties.

Scientific novelty of the research:

1. It is indicated that charity is aimed at efficiency and changing the social structure, as well as filling in gaps in solving state social problems;
2. It is proved that Western European charity is based on the ideas of humanist thinkers, Catholic and Protestant ethics, while Russian charity has found philosophical and spiritual foundations in national and Orthodox thought;
3. It is established that the main task of Russian charity was not so much to provide targeted assistance as to transform the social system within which it was implemented;

4. Analyzed on the example of Fyodor Haaz, John Howard, V.A. Sollogub, M.V. Galkin-Vrasky philosophical foundations of the strategy of Russian law-making activity and its impact on the penitentiary system of the XIX century;
5. It is established that in the scientific works of Russian thinkers and penologists, we find ideas for building a modern domestic penitentiary model based on both a holistic understanding of the collective worldview of the Russian people and the unacceptability of blind copying when transferring European philanthropic experience to domestic soil;
6. It is proved that Russian charity has a philosophical and historical continuity and is based on gratuitous donation, as well as the idea of the activity of a whole person in the development of the surrounding space, organic unity with the people and participation in their social and cultural development of the country;
7. It is established that Russian charity actively influences the penitentiary system, especially in the priority areas of re-socialization and reintegration of persons who have violated the law, as well as rehabilitation of their family members.

Statements to be defended:

1. Charity is one of the types of social meditative activity¹⁵ in which a person reveals himself and his humanity in another.
2. Charity is associated with the attempt of the individual to go beyond the border of existence and is accompanied by a new experience of life values.
3. Charity is not only beneficial for others, but also for the philanthropist, and implies a timeless correlation of the process of gratuitous giving with the individual, family, community and people.
4. In the process of collaborative charity, mutually enriching and trusting relationships between individuals are formed, common aspirations are mobilized, and significant ethical values are manifested, which serves to achieve a stable positive social resonance.

---

¹⁵ Based on mercy. The term comes from the Latin caritas - charity, sacrificial love.

5. Russian charity reflects the main trends of world and national thought, is based on Russian spiritual philosophy, Christian values, and takes into account the diverse religious and national context of the country.
6. Charity has an active impact not only on the individual, but also on the penitentiary system, which goes through various stages and undergoes changes.
7. Charity is an effective tool in the current conditions of the changing penitentiary system and the urgent need for re-socialization of persons who have passed through Russian correctional institutions¹⁶.

Approbation of the research results. The results of the dissertation research were primarily presented in the form of six articles in peer-reviewed scientific journals. Three articles were published in publications recommended by the Higher Attestation Commission (HAC) of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation. Three articles were published in journals included in the Russian National Bibliographic Database of Scientific Citation (RSCI).

The results of the study were also presented: in the form of scientific reports, multimedia presentations at poster sessions and informational messages at scientific and practical philosophical conferences, thematic speeches in the media and discussion "round tables" with the participation of experts, interviews, publications in the periodical press¹⁷. The study also uses the texts of the author's published articles on the issues described above: «Transformation of the concept of charity in the post-information society»¹⁸, «Spiritual and religious origins of the penitentiary system in Russia of the XIX

---

¹⁶ This is very relevant in the context of an extensive scientific discourse in the light of the adoption in the Russian Federation of a new Concept for the development of the penal system until 2030.

¹⁷ See materials: International Scientific Conference "Ways of the Knowledge Society in the aspect of instrumental forms of the scriptization of being: internal and external information security of Russia", St. Petersburg State University 17.10.2020; Second Congress of the Russian Society of History and Philosophy of Science "Science as a public Good". St. Petersburg State University, November 27-29, 2020; Interregional scientific and practical conference "Religious organizations in prison service: state, problems, prospects" St. Petersburg Institute for Advanced Training of Employees of the Federal Penitentiary Service of Russia, Department for Relations with Religious Associations of the Administration of the Governor of St. Petersburg, St. Petersburg 2019; International scientific Conference "From the elements of the modern information society to the horizons of the society of knowledge", St. Petersburg State University 18.10.19; International Scientific Conference "The Genesis of National Identity: the aspect of instrumentality in Russia's Information security in the face of the elements of globalization" (St. Petersburg, November 23, 2018); Days of Philosophy of St. Petersburg State University - 2019.

¹⁸ Pirogov A.A. Transformation of the concept of charity in the post-information society. Articles / ed. by L.V. Shipovalov, S.I. Dudnik. St. Petersburg: St. Petersburg University Press, 2020. – p. 252-269

century in the light of the formation of the national model of tolerance»¹⁹, «Social reforms or soul-saving pietism? Scientific experience of V.A. Sollogub as a prison specialist»²⁰, «Tolerance and conflict in the context of interreligious penitentiary interaction»²¹.

Articles presented initially in the form of scientific reports: «Charity as self-knowledge»²², «Isolation as a subject of reflection in the context of epidemiological safety»²³.

Theoretical and practical significance of the research. This research contributes to the development of Russian science, considering charity as an integral phenomenon, describing its national characteristics and continuity with the European tradition. The materials of this scientific research can be used in the development of programs of social philosophy, philosophy of history, history of Russia and Europe, in the compilation of scientific papers and textbooks for the training of social workers, employees of the penitentiary system, psychologists, rehabilitation specialists and scientific and pedagogical personnel, in the development of lecture courses of relevant disciplines. The research data may be of interest to penologists-lawyers, as it touches on the philosophical aspects of penology.

The dissertation research has a high practical significance, as it offers an understanding of the ideas of charitable approaches to solving the problems of the penitentiary system. This is relevant in the context of an extensive scientific and public

---

¹⁹ Pirogov A.A. Spiritual and religious origins of the penitentiary system in Russia of the XIX century in the light of the formation of the national model of tolerance // Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy. 2020. Volume 21, Issue 3, St. Petersburg: RKHGA Publishing House. – p. 295-304

²⁰ Pirogov A.A. Social reforms or soul-saving pietism? Scientific experience of V.A. Sollogub as a prison specialist. 2020. No. 5. Saint Petersburg University Consortium (Saint Petersburg). – p. 40-46

²¹ Pirogov A.A. Tolerance and conflict in the context of interreligious penitentiary interaction. Volume 15 No. 1, 2020 Quarterly Scientific and Practical Journal, St. Petersburg State University. – p. 132-143

²² Pirogov A.A. Charity as self-knowledge // Forward, dream... From the elements of the modern information society to the horizons of the knowledge society / collection of scientific articles / St. Petersburg State University, Institute of Philosophy, Department of Social Philosophy and Philosophy of History; edited by K. S. Pigrov. Saint Petersburg: Knizhny Dom Publ., 2019. – p. 109-115

²³ Pirogov A.A. Isolation as a subject of reflection in the context of epidemiological safety // Between memory and oblivion: spaces of scriptization of Russian being: a collection of scientific articles / collection of scientific articles / St. Petersburg State University, Institute of Philosophy, Department of Social Philosophy and Philosophy of History; edited by K.S. Pigrov. Saint Petersburg: Knizhny Dom Publ., 2020. – p. 114-119

discourse in the light of the adoption in the Russian Federation of a new Concept for the development of the penitentiary system²⁴ until 2030.

A separate section of the final part of the study is devoted to the analysis of current experience and practice of the impact of charity on the modern penitentiary system. The results of the study will be useful in a thematic training course, as well as in a comprehensive practice of re-socialization and social adaptation of persons who have passed the penitentiary system.

The volume and structure of the dissertation. The dissertation research consists of three chapters, an introduction, the conclusion, and 18-pages literature list that includes references: 150 sources in Russian, 9 sources in a foreign language, and 40 Internet sources. The total amount of work is 208 pages.

---

²⁴ The concept of the development of the penal system of the Russian Federation until 2030, approved by the Decree of the Government of the Russian Federation dated 14.10.2010 No. 1772-R. (ed. from 09/23/2015) [Electronic resource] URL: <http://publication.pravo.gov.ru/File/GetFile/0001202105050004?type=pdf> (accessed: 18.03.2021).

Chapter 1. Axiology and ontology of charity

1.1 Definition and typology of charity

The concept of charity initially assumes that it is a certain type of voluntary, directed, social activity that does not pursue the extraction of financial or other profit. Social assistance to a person in distress is the main goal of traditional charity²⁵. However, historically philosophers and philanthropic practitioners have raised a reasonable question: "What exactly is meant by charitable activity?"²⁶

Probably, the first designation and isolation of such a phenomenon as charity in a separate sphere from many spheres of human existence occurs in Ancient Greece. M.V. Firsov notes that the human community gradually identifies a special area where stable moral ties, mutual relations and practical mutual assistance are manifested²⁷. It seems to us that the social and philosophical thought of the VIII-VI centuries BC was not yet fully a science, since no formal definitions of the main categories of the system were formed, and scientific thought developed in the direction of category formation. Individual philosophical disciplines, such as ethics, were just beginning to emerge, so to describe the subject of our research, it is important to start with an understanding of the higher-delusion. According to Aristotle, ethics is a practical science, not a theoretical discipline. The goal of ethics, says Aristotle, is "not knowledge, but actions" (EN, I, 1, 1095a)²⁸ it teaches how to become a virtuous individual, that is, the best. This well-known idea seems to us to be a kind of bridge for further transition to the concept of charity, as an active good, actions in the name of the good or for the public good. V.K. Shokhin examines in detail the various types of good in the works of Aristotle, highlighting: "1). The good is

---

²⁵ The paragraph uses fragments of the article: Pirogov A.A. Transformation of the concept of charity in the post-information society. Articles / ed. by L.V. Shipovalov, S.I. Dudnik. St. Petersburg: St. Petersburg University Press, 2020. – p. 252-269

²⁶ Gogel S.K. Preparation for charitable activities. St. Petersburg, 1913.

²⁷ Firsov M.V. History of social work: textbook. - M.: Knorus, 2012.

²⁸ When quoting Aristotle's ethical writings, the author adheres to the established form: the abbreviated title of the work (EN - "Nicomachean ethics"; HERS - "Eudemian Ethics"; MM - "Big Ethics"); the book (Roman numeral), then the heading is placed on the margins - the page and column of the Becker edition accepted as a model.

that which is desirable in itself; that which everything strives for, or at least everything that is sensible and endowed with reason, or if it were endowed with reason. 2). Good is that which corresponds to the dictates of reason, and what is good for each individual is that which reason points out to him in relation to each fair case. 3). A blessing is something that makes a person calm and self-satisfied. 4). The good is something "self-sufficient" and contributes to the emergence and continuation of this state, accompanying this state and eliminating the opposite state"²⁹. The individual, according to Aristotle, is a political being, and he can achieve the highest happiness only in the process of active polis life. Platon and Aristotle consider charity in the context of public benefit, believing that this moral activity is the prerogative of the polis and the state, and not only the actions of an individual, not in any sense not his private service, but the service of a community that cares for the poor and wretched, as it is understood in traditional Christianity. The ancient Greeks and Romans were more willing to give financial aid to theaters and baths than to orphanages for the poor, and there was no institution of charity³⁰.

The word is close in meaning to active charity: "this is the opposite of anger: sympathy, pity, compassion. At the same time, Aristotle's definitions of friendship (more precisely, friendly love – "philein") partially overlap in meaning with the Christian understanding of charity as "caritas", which also means charity"³¹. It is worth noting that this understanding of charity is also partly characteristic of modern society. Charity is considered both as a private matter of individual benefactors, philanthropists and patrons, and as a matter of a certain group of people united by one common good desire – to comprehensively help those in need. Aristotle treats voluntary giving and charity as a manifestation of unquestionable virtue, and notes its practical significance if it occurs in the name of a necessary cause. Happiness can be achieved by anyone who performs virtuous acts, including charity, in favorable circumstances. A virtuous act should be conscious, chosen for its own sake, confident and repeated in practice. In Nicomachean

---

²⁹ Shokhin V. K. Philosophy of practical reason: agathological project. St. Petersburg: Vladimir Dahl Publishing House, 2020. – p. 136

³⁰ Anderson G.A. Charity: The Place of the Poor in the Biblical Tradition. New Haven, Yale University Press, 2013.

³¹ Huseynov A.A., Apresyan R.G. Ethics: Textbook. - M.: Gardariki, 2000. – p. 277

ethics, giving to neighbor is directly related to the concept of human friendship. Friendship in Aristotle's ethics has the most important social significance.

Thus, giving is not a public act of charitable generosity or philanthropy for the sake of profit, but primarily a benevolent, reasonable act and a manifestation of people's friendly attitude towards each other. A charitable donation is available to anyone who wants to help someone in need, show them signs of friendship and affection. According to Aristotle, there is no objective criterion for distinguishing between good and evil. However, the amount of private charitable giving depends only on the free will of the individual, that is, the donor. In the *Great Ethics*, Aristotle raises the reasonable question of how an individual can objectively determine this measure of giving. At the same time, various emotions and feelings should not interfere with the mind, because the moral personality is focused on moral actions, including gratuitous charitable donation. Although such thinking, as we see it, at first glance has something resembling Christianity and modern charity, it is different from the principles of Christian humanism and sacrificial love, which determine the direction and intention of gratuitous giving in Christianity.

Summing up this part of the study, it can be noted that the concept of good was most fully and consistently developed from the V century BC and, especially in the writings of Aristotle, at the same time the concept of charity began to form, which influenced the further course of research thought in this direction. In modern models of charity, one can trace the main philosophical concepts embedded in the ethical system of Aristotle.

In the social sense, charity (synonym-philanthropy; from the Greek *φιλία*-love and *ἄνθρωπος* – person) is a voluntary directed type of social activity through which the owners of private material resources (donors, philanthropists, patrons) distribute these material resources free of charge in order to help people in need or suffering. In the philosophical dictionary, we find: "philanthropy is an activity through which private resources are voluntarily and gratuitously distributed by their owners in order to help

people in need, solve public problems, and improve the conditions of public life"³². In other words, the function of charity is to support the individual, help a person, and influence social processes. The main goal of such charity is to solve various social and cultural problems (poverty, lack of education, lack of medical treatment, etc.), in our study – the problems of the penitentiary system. The object of assistance is individuals who, for various reasons, lack the material resources and resources to meet their social needs, talents and abilities. Our study includes not only people who are in correctional institutions of the correctional system³³, but also their family members, as well as people who have passed the correctional system and need re-socialization and social adaptation³⁴.

We can also agree that "Charity is historically and conceptually connected with alms as a form of material support for the poor and indigent. Private resources can include both financial and material resources, as well as people's abilities and energy. There are many similarities in the motives and value bases of charity and alms, but as a certain kind of public practice, charity differs from the latter: alms is an individual and private action, while charity is organized, mostly impersonal, and even in cases of ensuring the implementation of individual initiatives (projects) has socially significant goals in mind"³⁵. Speaking about such a private form of charity, which implies the transfer of material resources from one person to another in order to provide direct assistance, we use the term "*traditional charity*". The term charity is understood and used in our further research as a broader and more general concept for various forms of charity, involving the participation of groups of people in the process and the creation of socially significant projects. As will be shown in the rest of the study, modern charity is also constantly being

---

³² Ivin A.A. Philosophy: An Encyclopedic dictionary/ Edited by A.A. Ivin, Moscow : Gardariki Publ., 2004. – p. 99

³³ In relation to these persons, the terms "special contingent" or "special contingent", also often used in the scientific literature.

³⁴ By resocialization, we understand one of the types of socialization (as opposed to desocialization, which takes place during the planning and commission of a crime, when the offender intentionally abandons basic social values and generally accepted norms of behavior) and represents a long process of human acceptance of new values, norms, roles and rules of behavior. Whereas social adaptation is the process of assimilation of value norms, rules, meanings, implies a return to the previous system of basic values. This process is associated with a change in the social environment, a break with the criminal world and a return to the former society, to the generally accepted moral model of behavior, completes resocialization. The term resocialization in the scientific literature that often used as identical to social adaptation.

³⁵ Electronic Library of the IF RAS "New Philosophical Encyclopedia" [Electronic resource] URL:

<https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH01c5f70088579d31e24aabc5> (Accessed: 12.05.2021).

transformed and modified. To define it we introduce the term *new charity* into the conceptual framework – meaning by a donor-large funds, and by a recipient of benefits not only social groups, but entire systems and even countries. The presence of a donor (or donors) and a recipient of aid (recipients, recipients, and those in need) remains common to all the above-described forms of charity. According to a number of authors, the role of a benefactor is most often played by non-state structures: "Charity is a non-governmental voluntary gratuitous activity in the social sphere aimed at supporting individuals or organizations that, for one reason or another, do not have enough resources for full functioning"³⁶. This definition is not exhaustive, since it does not include, for example, such forms of charity as volunteering and social care, etc.

In the modern scientific literature, there are many definitions that emphasize certain conceptual shades of charity, but almost every where the gratuitous nature of charity is noted. The article emphasizes the stable relationship between charity and philanthropy, with a significant difference between the latter, which, according to some authors, is more widespread and addresses "structural sources of problems"³⁷. The concepts of charity and philanthropy are sometimes divorced, then used synonymously³⁸. *Charitable philanthropy* is also increasingly singled out as a separate field philanthropy, which implies that the donor deliberately pays a higher price for those products that are produced using modern environmental technologies, with the least harm to the environment and without suffering animals. Charitable actions are based on the personal intentions of individuals who donate material resources, time, or volunteer work, and the goal of such charitable philanthropy is the ecological environment³⁹.

Charity is also explained as "voluntary activity of citizens and legal entities to transfer property, including money, to citizens or legal entities for free (free of charge or on preferential terms), to perform work, provide services, or provide other support"⁴⁰. The

---

³⁶ Fomin E.A., Chikadze E.Z. Charity as a sociocultural phenomenon in Russia. St. Petersburg, 1999. – p. 83

³⁷ Wong Karna, Paul Ong, Wenjuan Zheng. American Philanthropy Literature Review." UCLA Center for Neighborhood Knowledge Global Chinese Philanthropy Initiative, 2016. – p. 8

³⁸ The basic concepts of charity. Blogosphere. Official website. [Electronic resource] URL: <https://blagosfera.ru/charity/osnovnye-ponjatija-blagotvoritelnoj-dejatelnosti/> (accessed 12.05.2021).

³⁹ Herzog, P.S., & Price, H.E. American Generosity: Who Gives and Why. Oxford University Press, 2016.

⁴⁰ Russian Encyclopedia of Social Work / Under the general editorship of prof. E.I. Kholostova. - M.: Publishing and Trading Corporation "Dashkov and Co.", 2016. – p. 96

focus is on the legal aspects of charity and the voluntary nature of the donor's activities. At the same time, in the scientific literature, a more extensive and synonymous concept of philanthropy is distinguished, which covers all types of voluntary and non-reciprocal assistance to people in need.

Focusing on the variety of definitions of charity based on its goals, the author does not want to lose sight of the general intention of this act, based on personal sacrifice and the involvement of the giver in the process of giving. The process of charity and philanthropy is associated with the attempt of the individual to go beyond the border of existence and is accompanied by a new experience of life values⁴¹. Despite the fact that the subject as a donor (also known as a donor) often acts irrationally, existing in an unfriendly social context, he gives meaning to his efforts and work, manifesting justice and mercy to the object. The object of traditional charitable assistance is a person. In other words, the practice of charity becomes more important than terms and definitions.

Joseph Ratzinger insists on the practical side of charity, defining it as a gratuitous voluntary act of giving and receiving, a special trusting relationship between subject and object in the human community: "Charity is love that is accepted and bestowed. This is "grace" (*charis*)"⁴². This applies entirely to the penitentiary system, where charity finds its point of application and social space that requires humane transformation. The penitentiary system was considered by philanthropists and patrons as a broad field of charity⁴³.

Huseynov A.A. and Apresyan R.G. explain that "the Hebrew word "hesed" (meaning "loving kindness") expressed the principle of God's relationship to people, and what he expected from the people in their relation to each other: trust and loyalty"⁴⁴. Here we want to pay attention not only to the social nature of mercy as a synonym of philanthropy and sacrifice, and that in this act there is going beyond its own existence,

---

⁴¹ What is discussed in detail in the third part of our study

⁴² Benedict XVI. Encyclical *Caritas in Veritate*. - Moscow: Franciscan Publishing House, 2009. – p. 6.

⁴³ Georgievsky P.I. *Charity of the poor and charity*. St. Petersburg: Type. Mor. m-va, 1894.

⁴⁴ Huseynov A.A., Apresyan R.G. *Ethics: Textbook*. - M.: Gardariki, 2000. – p. 277

the contact with the transcendent, eternal, and Others. The principle of mercy goes back to the Pentateuch of Moses and the prophetic books of the Old Testament⁴⁵.

It is worth noting that in the modern scientific world, attention is steadily increasing not so much to the definition as to the nature and problems of charity itself⁴⁶. It is noted that the English-American language cannot adequately describe the changes that are taking place in the field of charity, which is experiencing a "quiet revolution". It is argued that the international language of philanthropy is dominated by the Anglo-American model⁴⁷. However, the previous definitions do not contain the essence of the phenomenon of new charity. In the context of the difference between European and American cultural norms in this area, The European Center for Foundations (EFC) suggests using a unifying definition, talking about "institutional philanthropy", and not about foundations as such, then an empirical approach is proposed to study this area "using such a concept as "spectrum of philanthropy". This involves analyzing philanthropic activities through the lens of the following six factors: public good, resources, foundation participation, self-governance, standards of conduct, and relevance»⁴⁸. This approach is of interest for our research, since it takes into account not only economic factors and the relevance of the impact, but also socio-philosophical and ethical categories, norms of charity.

Indeed, our observations show that there are quite a lot of modern forms of charity by the nature and type of assistance, and their classifications are diverse: philanthropy, sponsorship, patronage, volunteer activities, traditional monetary donation, fundraising and resource collection in various forms: Online support, SMS support, electronic donations, social entrepreneurship, crowdfunding, etc. However, this is not a complete list of the types of charity spectrum. It is possible to distinguish a conditional working classification according to the subject of charity. In a separate group, it is necessary to include living beings, to which the vector of modern charity is directed. This group includes people who are directly in need of financial assistance and various types of social

---

⁴⁵ Ibid.

⁴⁶ Oracheva O., Knight B. Does philanthropy need a new philosophy? Vladimir Potanin Charitable Foundation. Official website [Electronic resource] URL: <https://www.fondpotanin.ru/press/news/nuzhna-li-filantropii-novaya-filosofiya/> (accessed: 05/21/2021).

⁴⁷ Ibid.

⁴⁸ Ibid.

support, as well as children and persons from the special contingent of penitentiary institutions, as well as animals. The other group includes: social structures, state and other institutions that are also considered objects in modern charity.

So the philosopher and socialist in the field of nonprofit sector studies Lester M. Salamon draws attention to the fact that modern charity is constantly being transformed and often has entire systems, social institutions and countries as its point of application⁴⁹. It is noted that in recent decades, fundamentally new forms of philanthropy and the actual phenomenon of social investments transforming society have been discovered. At the same time, charity is still associated with an effective solution to the problem of social inequality.

The thinker insists: "The world of charity seems to be experiencing a "big explosion" comparable – if not in form, then in consequences – to the one that is believed to have given rise to our universe"⁵⁰. At the same time, there is a widespread lack of a unified terminology for describing all modern charitable resources, as well as a large-scale understanding of their transformative role in the economy of the non-profit sector. Charity is seen not only as one of the most important and promising tools for solving the problems of absolute and relative poverty, but also the problems of ecology, democracy, environmental protection, education, and animal⁵¹welfare.

Our mention of animals as recipients of aid in this charity classification is not accidental. Writer, philanthropist and thinker Peter Singer draws attention to the relevance of active charity⁵² aimed at all living beings, reorienting the attention of the scientific community and donors to the relationship of the charity process with the entire surrounding world, ecosystem, and nature⁵³. We are talking about a radical revision of the so-called "mainstream view" on the ethical obligations of man to animals⁵⁴.

---

⁴⁹ Salamon L. *Leverage for Good: An Introduction to the New Frontiers of Philanthropy and Social Investment* / Translated from English by S. Filin. - M.: Alpina Publisher, 2016.

⁵⁰ *Ibid.* p. 6

⁵¹ Pirogov A.A. Transformation of the concept of charity in the post-information society. *Articles* / ed. by L.V. Shipovalov, S.I. Dudnik. St. Petersburg: St. Petersburg University Press, 2020. – p. 252-269

⁵² Singer P. *The Life You Can Save*: Trans. translated from German by T. Eidelman. Moscow: Such Things portal. 2018.

⁵³ Singer P. *Animal Liberation: A New Ethics for Our Treatment of Animals*, New York: Random House. 1975.

⁵⁴ Ethical problems of attitude to animals were discussed at St. Petersburg State University. Open lecture by Peter Singer [Electronic resource] URL: <http://philosophy.spbu.ru/3102/15812> (Accessed: 05/11/2011).

Philosopher following the English utilitarian philosopher Jeremiah Bentham (1748-1832) insists on equal consideration of the interests of living beings, that each person should take into account other life. Singer is not the only one who radically believes that humans should take into account the interests of animals everywhere⁵⁵. A person chooses one or another way of charity, because animals experience suffering. It should be noted that Voltaire, in his reflections on the philosophical beliefs of I. Newton, also writes: "This compassion, nurtured by him for animals, turned into true mercy for people. Indeed, without humanity — a virtue that includes all other virtues—a person does not deserve the name of a philosopher"⁵⁶. Humane treatment of humans and animals is a quality that reflects the maturity of the thinker's nature. Newton, and Locke believed that animals have some ideas, and feelings just like a human, because "He believed a terrible contradiction to believe that animals feel, and make them at the same time to suffer; he disgusted inferior to the barbaric custom of eating the flesh and blood beings like us, and which we daily caressed; and he never allowed in his house killed them slow and sophisticated death, in order to make the food more subtle taste"⁵⁷. Thus, true charity encompasses all living nature, and humanity is a manifestation of a thinking personality. It is worth noting that compassion does not always have a practical point of application in the form of charitable activities.

According to P. Singer, animal suffering is extremely important, it should be understood through human suffering, animal suffering is understood through human suffering, and the rights of humans and animals are equal⁵⁸. More than that Singer suggests significantly expanding the legal aspect of the relationship between humans and natural animal species, extending the principles of freedom, equality and fraternity to the latter⁵⁹. Thus, "there is not only a reinterpretation, criticism and destruction of traditional

---

⁵⁵ Peter Singer in radical views also follows by Regan Tom. See.: Regan Tom. *The Radical Egalitarian Case for Animal Rights*. in *Environmental Ethics*, ed. Louis Pojman. Stamford, CT: Wadsworth, 2001. – p. 45

⁵⁶Voltaire. *Philosophical works / Voltaire*; translated from French by S.Y. Sheinman-Topshtein; ed. ed., comp. and auth. V.N. Kuznetsov, Moscow: Nauka Publ., 1989. – p. 296

⁵⁷ Ibid. p. 295-296

⁵⁸ Singer P. *Animal Liberation*, Kiev Ecological and Cultural Center, 2002

⁵⁹ Unlike ordinary animal rights activists, Peter Singer went much further, making the principle of equality of animals and humans the basis of his philosophy.

established ideas about man and animals, but also alternative creative movements and theories of harmonious sustainable development of a society built on completely different positions in relation to animals, to man and nature as a whole"⁶⁰. An active scientific discussion on this issue continues⁶¹.

The author of the study, as part of the discussion after Singer's open lecture at St. Petersburg State University, asked about the permissible ethical limits of a radical attitude to the rights of living beings and made sure that the thinker's position also applies to the field of traditional charity, which, in his opinion, should also be fully addressed to suffering animals⁶². It is worth noting that a large-scale public charity project⁶³ in which Singer participates is engaged in the release of all wild monkeys from captivity, equating them with prisoners in prisons⁶⁴. In other words, the objects of the new charity can be not only people, but also animals, social systems and the ecological environment. Singer defines the current goals of modern charity as follows: "But if I am asked where to send charitable funds, I will answer unequivocally. When choosing between funding a cultural project and fighting extreme poverty, I think we should choose the latter"⁶⁵. At the same time, Singer calls into question the existence of objective ethics, preferring situational: "The existence of objective ethics is still a controversial fact, people must decide for themselves whether it is objective or not, and if so, which ethics is correct. At this stage, they use their minds to make a free and informed choice"⁶⁶. He cites the example of a person who constantly pays taxes, but has to use the free money for charity, since the

---

⁶⁰ Yurchuk E.V. Non-knowledge Society: The Animal as a metaphysical problem. Between memory and oblivion: spaces of scriptization of Russian being: a collection of scientific articles/ collection of scientific articles / St. Petersburg State University, Institute of Philosophy, Department of Social Philosophy and Philosophy of History; edited by K. S. Pigrov. Saint Petersburg: Knizhny Dom Publ., 2020. – p. 33-37

⁶¹ A number of authors point to the weakness of Singer's position. See: Hsieh Diana Mertz. Animal Wrongs. Environmental Philosophy. Phil 5240, Carter. 2005.

⁶² This refers to the discussion after Peter Singer's open lecture "Ethics and Animals: Overcoming the Species Barrier", held on May 25, 2019, St. Petersburg State University. Singer, for example, as an illustrative material, showed photographs depicting poultry farms where living creatures endure torment and disease, because they are kept in horrific conditions reminiscent of prison.

⁶³ The Great Ape [Electronic resource] URL: <https://www.projetogap.org.br/en/> (accessed 12.05.2021).

⁶⁴ The Great Ape Project: Equality beyond humanity. Editors, Peter Singer and P. Cavalieri., Fourth Estate publishing, London, England. 1993.

⁶⁵ Singer P. I believe in rational persuasion. Interview. Novaya Gazeta. 2018. No. 127. [Electronic resource] URL: <https://www.novaygazeta.ru/articles/2018/11/16/78600-ya-veryu-v-ratsionalnoe-ubezhdenie> (accessed: 12.05.2021).

⁶⁶ Ibid.

government does not use its funds to help the poorest countries⁶⁷. Singer introduces a donor's personal charitable assistance to the poorest countries in his classification of charity⁶⁸. Such a person does not necessarily have to have significant material resources. What is important is his intention, his desire to help. Here we see a positive aspect, the emphasis on the personal nature, significance and universality of each sacrificial act of charity, even if it is small in terms of the volume and amount of resources and funds spent.

Let us once again draw our attention to the individual who participates in the charity process as a donator (donor). It performs its act voluntarily, often from an innermost motive, which does not weaken even if the intended humane goals are not fully or partially achieved, are deformed, but on the contrary - are revealed: unethical and simulation of projects, misuse of funds or misuse of resources. Singer draws attention to the fact that not only a rich person can become a benefactor, but anyone who donates their human resources, funds and time resources to charitable organizations⁶⁹. The intentional behavior of the benefactor, who interacts intensively with the contextual social environment, is formed. A change in the self – awareness of a benefactor in the course of a charitable act directly correlates with public self-awareness, as well as changes in the nature of charity and its typology. In the words of Jacques Maritain, from an existential point of view, man is "a being both natural and supernatural"⁷⁰. Personality exists and manifests its activity on several levels at once: sensory-aesthetic, rational and spiritual-religious. It seeks the common human good, is constantly improving and manifests its perfection in unity with other people⁷¹. Y. Mika explains: "freedom does not mean that people are isolated, on the contrary, they try to realize their aspirations for the good and freedom in public institutions, groups, associations. Maritain understands a corporation

---

⁶⁷ Ibid.

⁶⁸ In this regard, it is worth recalling the practice of the USSR, where workers and employees were constantly called upon to voluntarily donate personal funds: to the Peace Fund, the poorest countries, the Red Cross, etc.

⁶⁹ Singer P. *The Life You Can Save*: Trans. translated from German by T. Eidelman. Moscow: Such Things portal. 2018.

⁷⁰ Maritain J. *Integral humanism // Philosopher in the World*, Moscow: Institute of St. Thomas, 2007.

⁷¹ Ibid.

as a moral person, consisting of those who, for some reason (intellectual, economic, corporate), strive to achieve a certain good"⁷².

At the aesthetic level, the individual is drawn to the Ideal as the highest positive value, the object of aspiration⁷³. The ideal motivates charity as a creative activity. In this regard, it is very important to note that And. Kant drew attention to the fact that the Ideal is concreteness, and being is abstract. In the act of charity, the donor creates an ideal image of the acceptor⁷⁴ as a victim who is in dire need of good and timely help. Ethical thinking allows the donor to rise above himself, above feelings and passions, introducing him to a higher order. Charity becomes not only a tool, but also a creative transformative act of creating a different person, and in the future-a humane society. Signs that are palpable by the senses and interpreted by the mind of the benefactor lead his personality along the path of virtue to union with the Ideal, the Other, the Good, By God. We consider religiosity not only as following the norms and canons of a particular denomination, and it is not always the only intention of charity.

A figurative philosophical example to illustrate our judgments can serve as a sculptural composition⁷⁵ installed in Rome near the Basilica of St. Paul outside the city walls. The sculpture is presented in the form of a prison lattice, through which the prisoner's hands are stretched out, with wounds like Christ's. The inscription under this monument is a quote from the New Testament: "I was in prison, and you came to me"⁷⁶. Swaddling in bronze and stone is addressed to people who already have knowledge and are familiar with the text of the Gospel, in order to awaken in them an aesthetic desire and a reasonable enthusiasm to donate passionately to charity. This form of traditional charity comes from an inner fulfillment, a passionate desire to help the sufferer, regardless

---

⁷² Mika J. Social teaching of the Catholic Church. Experience of historical analysis. - Rome - Lublin.: Holy Cross Publishing House, 1994. – p. 345

⁷³ The paragraph uses fragments of the article by Pirogov A.A. Charity as self-knowledge // Forward, dream... From the elements of the modern Information Society to the horizons of the Knowledge Society / collection of scientific articles / St. Petersburg State University, Institute of Philosophy, Department of Social Philosophy and Philosophy of History; edited by K.S. Pigrov. - St. Petersburg: Book House, 2019. – p. 109-115

⁷⁴ The acceptor or recipient in the act of charity is the recipient, the addressee of assistance. The term is technical, usually used in the context of "donor - acceptor", "donor - recipient".

⁷⁵ The author is the Canadian sculptor Timothy P. Schmalz

⁷⁶ See the Gospel of Matthew 25 chapter 36 verse Bible. The Bible, the Books of Holy Scripture of the Old and New Testaments. Moscow: Edition of the Moscow Patriarchate, 1988.

of whether he is able to help the benefactor in some way or not. This fulfillment is necessary for experiencing inner happiness. The sculptor created a visible ideal image of the suffering victim, which, perhaps, is Christ Himself. According to this logic, when helping a neighbor, a benefactor donates not just to a person in need, yielding to a momentary emotional impulse, but to Christ Himself, revealing himself in Him as a real, happy person, because Christianity is not only words, but also deeds. This image is enhanced by the exalted religious feeling that a person feels, imbued with participation in the sacrifice of Christ, humbly walking out of the grand Basilica, at the exit of which the sculpture is installed. It is clear that for secular people, this image and text do not make such an inspiring impression, although we do not question the fact that philanthropy is inherent in this group.

Charity for a believer becomes a significant, higher, sacred act of charity, different from everyday life. The object of charity begins to have an exceptional significance, often idealized, because it makes the donor himself involved in Another person who gives happiness. Through touching the sufferings of an earthly person, the donor reveals his real self, himself in the image of Another, himself in giving. An act defines a person. A person reveals his essence in charitable giving, is realized as a free person, a reasonable person-for another person.

A.M. Sergeev asserts "act is an alternative to what happens by itself and without our direct participation. In this sense, actions make us who we are and shape us exactly as we are. Without actions, a person simply does not exist: there is no such thing as a certain quantity. A person is the "product" of his or her act"⁷⁷. A charitable act in this sense is always a reasonable act that defines us as active and creating mercy. Charity work is inherent in humans, not animals, and it is always based on: reasonable, spiritual, and emotional components. In a sense, this is a manifestation of a mature, strong and harmonious personality, not only gaining, but also giving yourself, a noble sacrifice, when someone else lack or need is filled from their own excess.

---

⁷⁷ Sergeev A.M. Close thoughts. - St. Petersburg: Vladimir Dahl. 2020. – p. 99

Summing up the conclusion of this part, charity is one of the creative activities by which a person declares himself as a human being, a social and rational being, reveals himself in another. It is noted that charity is important not only for the donor, but also for the benefactor himself. Often, the donor's action occurs against the background of borderline conditions: illness, excessive suffering, pain, torture, hunger, and imprisonment. Such states give rise to a moment of truth and understanding, recognizing yourself in the trouble of another. Every visit to a hospital, prison or refugee camp is a kind of entrance to the temple of the Delphic Oracle, an attempt to know yourself. Charity as an act makes it possible to go beyond one's existence to the Transcendent, to effective Love, which is "the eternal gift of life, the creation and sharing of the object of love in the soul"⁷⁸. In this sense, charity has a certain essential dualism, it is always both personal and social, it is life that comes from life, gives life. In the process of charity, it is difficult not to notice a certain cyclicality. The word of Ecclesiastes sounds imperatively: "Let your bread float on the waters, because after many days you will find it again"⁷⁹. The thinker's mention of disappearing material objects is not accidental, because the material world is changeable. Bread and water will disappear tomorrow, become breadcrumbs and steam. Benevolence is needed here and now, it is required at a certain point in our existence. Its realization requires "faith, which usually acts everywhere in life as a preliminary (and to be overcome) stage of methodologically reliable consideration of any subject, here it is transformed into its own and ultimately the only possible mediation of the relationship between man and transcendence"⁸⁰. The philosophical moment of mediation is closely connected with the salvation of the soul, so for a religious person, charity is related both to a concrete existence and to the future fate in the perspective of eternity. The moment of finding your daily needs is very important for understanding the phenomenon of charity as self-knowledge. The discoveries of sacrifice are not only a moment of truth and self-knowledge, but also the finding of answers to questions of personal existence, a new

---

⁷⁸ Ortega y Gasset J. *Etudes about love* / Translated from Spanish by V. E. Bagno. St. Petersburg: Ivan Limbach Publishing House, 2003. – p. 41

⁷⁹ See Ecclesiastes 11:1. *The Bible, the Books of Holy Scripture of the Old and New Testaments*. Moscow: Edition of the Moscow Patriarchate, 1988.

⁸⁰ Lukach D. *The originality of the aesthetic // Religion and society: a textbook on the sociology of religion* / comp. V.I. Garadzha, E.D. Rutkevich. - M.: Aspect Press, 1996. – p. 382

experience of life values, and the anticipation of a reward greater than honor and recognition of people. The benefactor gives the charitable act performed its own meaning, which becomes his personal imperative of behavior. The surrounding social environment may not understand or share his position, but the benefactor remains consistent in his pursuit of the good. As a rule, the public observer in the Pardon Commission will speak out in favor of early re-socialization, finding ways to prevent crime and have a humane impact on the individual, and easing the conditions for serving sentences, even if this contradicts the opinion of the society and the majority of its member's commissions⁸¹. The Company has the right to listen or not to listen to the authority of such trusted and respected persons. In this case, the personal position of the humanist will not necessarily become the norm for society, remaining for the benefactor-only the discovery of his deep meaning, as well as the manifestation of the criminal's presence in the world of higher mercy and justice⁸².

This was aptly described by the Italian humanist, thinker and public figure Cesare Beccaria Bonesano⁸³ in his book "On crimes and punishments" (published in 1764). Beccaria's ideas, especially on the death penalty, formed the basis of the first modern criminal code. Beccaria considers the role of a philosopher, a humanist, who tries to influence the penitentiary system, in particular, the abolition of the death sentence: "The voice of a philosopher, too weak, will drown in the noise and hubbub of many who follow the blind habit. But my voice will find an echo in the hearts of the few sages scattered across the face of the earth. And if truth, despite the endless obstacles that prevent her from approaching the monarch, managed, even against his will, to reach his throne, then let him know that she came to tell the secret aspirations of all the people"⁸⁴. But here we clearly see that the benefactor is less concerned with hearing the people or broadcasting the meaning than with personal adherence to the highest Truth. He is inspired by the hope

---

⁸¹ See: Kholodov A.L. "Pandemic, crimes from colonies and visits to remote areas: a member of the OP on the work of the ONK". Russian Agency of Legal and Judicial Information [Electronic resource] URL: http://rapsinews.ru/human_rights_protection_news/20201030/306458181.html (accessed 12.05.2021)

⁸² Pirogov A.A. Interview to the newspaper ONK SPb "Mera" No. 2, 2020. – p. 5

⁸³ Beccaria Bonesana Cesare

⁸⁴ Beccaria C. On crimes and punishments / Translated from it. by Y.M. Yumasheva. - M.: International Relations, 2000. – p. 121

that he will definitely be heard by his descendants, as well as in the eternal perspective, where Mercy reigns, giving the ruler wisdom in making just decisions. Truth, in a hidden way, will reach the highest authority, which will distinguish its quiet voice among the noise of the crowd. According to Beccaria, charity transforms a person, but not society. Wise laws, leaving the criminal to his own devices, and Education can stop social evil: "Do you want to prevent crimes? Make sure that enlightenment goes hand in hand with freedom. The evil generated by knowledge is inversely proportional to its spread, and the good is directly proportional"⁸⁵. Mentioning all types of charity, trying to describe their classification, we should not forget that the transfer of moral values to descendants is also a kind of charity. The death penalty cannot be a symbol of punishment and protection of society, since punishment must be proportional to the severity of crimes, and it is always a crime to kill a person⁸⁶. Life imprisonment can also be considered a hidden death penalty⁸⁷. The argument in favor of abolishing the death penalty uses the argument that "even a murderer does not lose his personal dignity... The firm rejection of the death penalty shows the extent to which it is possible to recognize the inalienable dignity of every human being and assume that he has his own place in this world. After all, if I do not refuse this to the worst of criminals, then I will not refuse anyone and I will give everyone the opportunity to live with me on this planet, no matter what separates us"⁸⁸. In other words, a person is always given time to change their behavior, way of thinking, choose the method of punishment and determine the place of correction. This is the task of the penitentiary system in the modern state.

Punishment is now permanently placed in the hands of the state. M. Foucault explains this as follows: "The reason why death really becomes something hidden is not the disappearance of the fear of death or the change in punitive mechanisms. The reason is the change in the technology of power"⁸⁹. Technologies of power are changing, but the

---

⁸⁵ Ibid. p. 184

⁸⁶ Pope Francis. The encyclical. Fratelli tutti. About brotherhood and social friendship. Moscow, Franciscan Publishing House, 2021. – p. 151-155

⁸⁷ Ibid. p. 154

⁸⁸ Ibid.

⁸⁹ Foucault M. Need to protect society: A course of lectures delivered at the College de France in the 1975-1976 academic year. Saint Petersburg: Nauka Publ., 2005. – p. 261

death penalty as a punishment for crimes does not disappear. According to Foucault, the merits of humanists like Beccaria should also be understood in the context of the decline in the number of serious crimes and murders at the end of the 17th century⁹⁰.

However, the death penalty cannot be considered an adequate and just measure of punishment, since death itself is not yet an absolute evil. Any execution can also not be identified with torture or revenge of society, which, unfortunately, has taken place in history. "A crime is a violation of a right; a right must be restored; punishment, i.e., a uniform violation of a right in the person of a criminal, committed by virtue of a definite law by a public authority (as opposed to private revenge), covers the first violation, and thus the violated right is restored"⁹¹. And the thinker himself answers: "The doctrine of revenge sees such a connection in the fact that the right violated by a certain criminal act is restored by a corresponding or uniform impact, for example, the killer must be killed. But what is the real correspondence or equality here"⁹². Finally, the thinker sees the problem of the death penalty as a punishment in the fact that: "In fact, it is impossible to admit that in the execution of a criminal, the object of denial is the crime itself, because it is a fact that has been irrevocably committed"⁹³. According to Soloviev, the death penalty is unacceptable because it is a "frightening retribution"⁹⁴, as M. Foucault later clearly and painstakingly showed in his works.

Analyzing in detail the philosophical state of the question of retribution for evil, V.S. Soloviev notes: "the doctrine of restoring law through equal retribution has been defended by more abstract philosophers than by jurists. These latter take the equation of punishment with crime only in a relatively quantitative sense (*measure of punishment*), i.e., they require that a crime that is more serious in comparison with another should also be subjected to more serious punishment, so that there is generally a ladder (*scala*) of punishment corresponding to the ladder of crimes. But at the same time, the base (and

---

⁹⁰ Foucault M. To supervise and punish. The Birth of a prison, Moscow: Ad Marginem, 1999. – p. 108

⁹¹ Soloviev V.S. Justification of good / Ed. by O.A. Platonov, Moscow: Institute of Russian Civilization, Algorithm, 2012. – p. 455-456

⁹² Ibid.

⁹³ Ibid.

⁹⁴ Ibid.

therefore the top) of the punitive ladder remains uncertain"⁹⁵. What does the philosopher think should underlie such a ladder? Soloviev here reminds about the moral principle and conscience: "Moral principle forbids to make of a man roofing to tool for any secondary purposes (i.e., not including his own good); so if we, preventing crime, we see the criminal is only a means to protect or meet the victim or society, we do what is immoral, at least for our motivation was selfless pity for the wronged and sincere concern for the safety of the public"⁹⁶. What should be the public response to crime, with the common good in mind? Soloviev explains in detail: "From a moral point of view, this is not enough; it is necessary to respect both, and if we follow this, if we really have in mind their common good, then reason and conscience will tell us to what extent and in what forms it is necessary to apply physical coercion here"⁹⁷.

According to Maritain, the highest act of virtue for a person is when he sacrifices himself for the good of society, not as a fanatic or a blind victim, but as a citizen or patriot of his country⁹⁸. The thinker believes that in fact the privilege associated with human dignity is inalienable, and human life has a sacred right. He asks the question: "Is it worth ridding the society of a useless member because of the existence of the latter? Answers: "It is a crime to kill an innocent person, and it is also a crime to kill a prisoner in order to test a cure to save other people"⁹⁹. Already here we clearly see that Maritain's personalistic concept of the common good is closely intertwined with the problems of the personal good and the philosophy of sacrifice. The common good in Maritain's philosophy is consistent with the personal good, protects life, promotes the development of all members of society and meets the requirements of justice. It is worth noting that "thanks to his great efforts, the famous Universal Declaration of Human Rights was created, since he was the chairman of the UNESCO committee whose task was to prepare this declaration"¹⁰⁰.

---

⁹⁵ Ibid. p. 454

⁹⁶ Ibid. p. 462

⁹⁷ Ibid.

⁹⁸ Maritain J. *La personne et le bien commun* / J. Maritain // *Revue Thomiste* - № 46 - 1946. - P. 237 – 278

⁹⁹ Ibid.

¹⁰⁰ Mika J. *Social teaching of the Catholic Church. Experience of historical analysis*. - Rome - Lublin.: Holy Cross Publishing House, 1994. – p. 347

The ideal object of longing, encourages a person who is receptive and sensitive to the suffering of others to do good deeds, selflessly help those who are in distress, and be responsive to the needs of others. There is also a causal relationship – since the person does not have true foresight and knowledge of how circumstances may turn out, and when the benefactor himself is in trouble, help will come to him. By giving and donating, the benefactor finds himself, acquires unknown benevolent friends. The Sunday neurosis described by Viktor Frankl as a particular manifestation of an existential crisis,¹⁰¹ the emptiness that people often experience at the end of a working week, deprived for two days of activity, is alleviated by a donation during a church service or alms extended to a distressed person. The mind may say that this is illogical, but the hand reaches out to give freely. In this context, the benefactor does not care much about what he has achieved or the goals are only partially achieved, it is important to receive ethical comfort from sacrifice, a certain way out of the scope of his existence. At the same time, in Frankl's understanding "a person is not attracted to moral behavior; in each specific case, he decides to commit a moral act. And a person does it for the sake of the work to which he has devoted himself, for the sake of the person he loves, or for the sake of his God"¹⁰². According to this theory, the donor seeks meaning in charity, because every person strives to find the highest meaning of being. However, not being able to donate and do good, the donor experiences psychological depression and frustration that accompanies existential alienation.

S.A. Zamalieva, explaining this phenomenon: "Viktor Frankl hypothesized that the cause of mental frustrations may be a suppressed desire (will) for meaning. He believed that man is the only animal that needs to find meaning, and therefore the desire, the will to meaning, is more important for man than the desire for pleasure or power"¹⁰³. Charity becomes a way of finding meaning and finding victory over one's own emotional depression. In whatever social context a person finds himself, voluntarily showing charity, he demonstrates the presence of inner freedom, non-enslavement to material

---

¹⁰¹ Frankl V. Doctor and soul. - St. Petersburg: Juventa, 1997.

¹⁰² Ibid. p. 242

¹⁰³ Zamalieva S.A. Basic concepts of V. Frankl's teaching about man // Modern problems of science and education. - 2012. - No. 1. [Electronic resource] URL: www.science-education.ru/101-5563 (accessed 11.05.21).

things, inherent in the giver. In this sense, when we give, we always get, first of all, a sense of our own inner freedom.

In relation to the topic of our research, it is appropriate to recall the examples of self-sacrifice of concentration camp prisoners for the happiness of others, which Frankl cites in his books. S.A. Zamalieva explains this by Frankl's understanding of the essence of man as follows: "the freedom of man as a finite being is limited by the biological, psychological and social conditions of his life. But this does not mean that a person is not free. Fundamental freedom in relation to heredity, drives and environmental circumstances is given to him by the noetic (spiritual) dimension, in which he always has the freedom to make decisions"¹⁰⁴. This explains the fact that in the penitentiary system, prisoners themselves provide charitable assistance to those who need it.¹⁰⁵

In the conditions of prison, a person does not cease to be a person who is looking for the highest meaning of his life. Frankl insists that: "Thomas Aquinas, in his «Agere sequitur esse» is only half right: a person not only behaves according to what he is, but also becomes what he is, depending on how he behaves. Man is not a thing among other things-things define each other-he ultimately defines himself"¹⁰⁶.

We conclude that charity thus becomes not just an engagement in the collective meaning, but a matter of personal existential commitment and entry into the noetic sphere of spiritual search. The donator gives meaning to what he does for the recipient of benefits. By his voluntary act, he also reminds the recipient of his human nature, which is common to the donor and the donor. This endowment of the highest meaning, which comes from inner fulfillment, and not the outstanding services of the benefactor to society or high appreciation in the eyes of others, is the main intention of charity for the donor.

Let us return to the question: «What forms does charity take?» In the modern social context, this search for the meaning of being can have many different charitable manifestations and unexpected visible results. For example, volunteering in a canteen for the poor, free work in an animal shelter or a Saturday walk with a disabled person,

---

¹⁰⁴ Ibid.

¹⁰⁵ We are not talking about the redistribution of funds of the criminal world, but about the manifestation of human brotherhood and collectivism, especially in areas where practical help is required for those suffering within the system.

¹⁰⁶ Frankl V. *The Will to Meaning*, Moscow: EKSMO, 2000

volunteering in rehabilitation centers for people who have passed the penitentiary system. A. Schweitzer passionately encourages everyone to donate their human capital to the needs of their neighbor: "Open your eyes and look for a place where a person or group of people needs a little bit of your involvement, your time, your friendship, your company, your work. Maybe you can do a good service for someone who feels lonely, or angry, or sick, or a failure. Maybe it will be an old man or a child. Or a good deed will be done by volunteers who donate their free evening or go on some business for others. Who can list all the possibilities of using this valuable capital, called a person!"¹⁰⁷ That is, a charitable donation is not only a material resource given by the donor to the recipient, but also a human resource: our location, active participation in suffering, time and talent. Such charity is available to every human person. It allows you to feel like a "person among other people"¹⁰⁸.

Philanthropy becomes an inner inner need, self-knowledge is the best guide in this matter, there is a discovery and meeting with the true self and with the Transcendent Other. In the end, the decision to "sacrifice-not to sacrifice" is made at a deep level, beyond the control of external circumstances. It is there that something generic, collective, archetypal pulsates, while pragmatism is almost absent. This is illustrated by the writer Boris Slutsky, who at the end of the war found an echelon of Italian prisoners in the Russian countryside. They suffered from thirst and exchanged their wedding rings for snow and water. The Soviet military officer Slutsky describes with detailed accuracy his charitable act and its internal essential motivation¹⁰⁹:

"And I was in uniform, I was in uniform
 And he seems to have retained the fervor
 that was formed by reading Tolstoy
 And Chekhov, and did not cool down at all.
 And I was from the front and went to the rear

---

¹⁰⁷ Schweitzer A. *Reverence for Life*: Translated from German. / Comp. by A.A. Huseynov; General ed. by A.A. Huseynov and M.G. Seleznev. - Moscow: Progress, 1992. – p. 225

¹⁰⁸ Ibid.

¹⁰⁹ in the poem "Free snow Woman"

And as a solution to a simple
I rolled a snow woman into a hot tub"¹¹⁰.

Undoubtedly, this is a philanthropic act that deserves our careful consideration. In this episode, we see a reasonable display of mercy, which is a consequence of the author's education, the good influence of books by classics of Russian literature on his inner world. The benefactor pays attention to the social context of his act:

"Humanity under the law, under the convention

Not used in this intervention

Not from that side, not even from this side.

It wasn't for a big war." ¹¹¹

The author also points out the personal intention of the act:

"I have earned the gratitude of Italy,

Its people and its history,

Its literature and language.

I gave it to the snow. Is free. A whole lump"¹¹².

The consciousness of the author of the poetic work is directed to the ideal historical image of Italy and Rome, behind which the crime of fascism of a small part of her sons fades. An officer commits an act based on his inner self-consciousness, correlates himself with European civilization, Russian classics, and humanistic traditions. The act of charity is undoubtedly an act of self-knowledge, an "instinctive reverence for life"¹¹³ that suppresses all pessimism. What did the Soviet officer sacrifice to the Italian prisoners? The answer is obvious on the one hand, but on the other hand it requires clarification. The snow he gives to thirsty prisoners is not the most important boon. Much more important is the manifestation *of a person to a person* and the affirmation of oneself as a person in a conscious act of charity.

---

¹¹⁰ Slutsky B. Notes on the war. Poems and ballads. - St. Petersburg: Logos, 2000. – p. 261

¹¹¹ Ibid.

¹¹² Ibid.

¹¹³ Schweitzer A. Culture and Ethics. Translated from German / Zakharchenko N.A., Kolshansky G.V., Moscow. 1973. — p. 562.

V.S. Soloviev, in his work "Justification of Good" (1897), identifies three vital moral abilities of a person – shame, pity and reverence. Attitude to other people is expressed in pity, compassion and empathy. These same feelings are manifested to all living beings, and in relation to the higher being, a person experiences true reverence, this is the "individual-soul root of religion". According to Soloviev, pity is "a sympathetic feeling that expresses the ethical attitude of a person not to the lower nature (as in the story), but to living beings like him. Pity cannot be the result of human progress, as it is also present in animals"¹¹⁴.

According to Soloviev, numerous theological virtues cannot be absolute in themselves. These virtues acquire real moral significance and value in relation to the object of their practical application, as well as in relation to the primary moral foundations. Charity is based on love and pity.

In relation to our subject of research, it can be argued that true charity is based on compassion and recognition of the value of human life, and it is here that it has an intersection with the penitentiary system, which outwardly looks not a field for revenge, but a space of horror, frightening and repulsive, although it is only a temporary receptacle of a suffering and needing compassion person. After all, "the internal basis of a moral attitude towards other beings (regardless of any metaphysical theories) can only be pity, or compassion, and not co-joy, or co-pleasure"¹¹⁵.

The most valuable asset of a benefactor is the person himself. In a certain sense, this is not only compassion and pity for him, but also recognition of his right to life. As Soloviev explains it: "The true essence of pity is not a simple identification of oneself and another, but the recognition of the other's own (belonging to) meaning – the right to exist and the greatest well-being"¹¹⁶. Altruism corresponds to the truth and wants the best for one's neighbor. In this system, justice, which requires retribution for misdeeds, and mercy, which Soloviev understands as help, are logically combined; they stem from

---

¹¹⁴ Soloviev V.S. Justification of good / Ed. O.A. Platonov. - M.: Institute of Russian Civilization, Algorithm, 2012. – p. 36-37

¹¹⁵ Ibid. p. 39

¹¹⁶ Ibid. p. 40

altruism. The philosopher argues that justice and mercy cannot be contrasted. On the contrary, the world has: "Two rules-justice (do not offend anyone) and mercy (help everyone), resulting from the principle of altruism"¹¹⁷. Thus, charity also stems from altruism, and is a moral application of faith, recognizing in any person the right to life and existence without torment and torture. John Paul II¹¹⁸ also says that there is no contradiction between mercy and the justice of punishment. The essence of justice is hidden in my heart, because it gives justice active forgiveness.

We also see some harmony in the ideas of A. Schweitzer, to which we will return in our study. A. Schweitzer invitingly says: "So see if you can find any use for your human capital. Do not be alarmed if you have to wait or experiment. Be prepared for disappointments, too. But don't give up this extra work that makes you feel like a person among people"¹¹⁹.

A.S. Panarin, in his book "Orthodox Civilization in the Global World"¹²⁰, whose task he sees is to "assess the corresponding potential of Russian civilization, rooted, in particular, in its Orthodox archetype"¹²¹, examines in detail the mechanism and axiological foundations of donation. Panarin describes a charitable gift as follows: "here the thing is perceived in all its substantial uniqueness, in an indissolubly intimate connection with the personality of the giver"¹²². Trade creates only momentary connections and unstable relationships between people, and giving leads to stable relationships, to a brotherhood that is not based on profit or profit.

On the contrary, in the system of individualism, a person loses meaning in all activities as soon as he ceases to give gifts to his neighbor. The social aspects of giving are obvious: "Marriage, family, parenting, the inspiration of masters for young students, relationships between men and women, relationships with the elderly, and investments in

---

¹¹⁷ Ibid.

¹¹⁸ Pope John Paul II. Dives in misericordia. An encyclical about God's love for man. [Electronic resource] URL: <http://krotov.info/acts/20/voityla/19801130.html> (accessed: 05/31/2021).

¹¹⁹ Schweitzer A. Reverence for Life: Translated from German. / Comp. by A.A. Huseynov; General ed. by A.A. Huseynov and M.G. Seleznev. - Moscow: Progress, 1992. – p. 225

¹²⁰ Panarin A.S. Orthodox civilization in the global world. M.: Eksmo, 2003.

¹²¹ Ibid.

¹²² Ibid. p. 29

future generations all this gets the stamp of outright and harmful profanation as soon as it loses at least some correlation with the paradigmatics of giving and giving, the movement of gifts vertically and horizontally, in time and space"¹²³. Panarin writes that in archaic civilizations, people gave each other things in order to connect themselves with them in close and strengthening friendships.

Panarin asks a question about the nature of the gift and answers it himself: "How does the given thing differ from the sold one? First of all, its uniqueness. With the developed (universal) form of exchange value, the natural substantiality of the exchanged thing, its bodily specificity, does not matter, as does the specificity of its original owner (producer and seller)"¹²⁴. A person has a natural ability to give. Giving manifests itself from the very birth of a person, embraces numerous "archetypes of giving"¹²⁵, such human capitals as: family, education, activity. The mother gives herself to the child, feeds the whole family, the father provides for his wife and children, the elderly also find protection and help in the common home. Several generations support a collective life in the family circle, have common interests, values, an understanding of responsibility and giving yourself for another. Giving is creative, it connects and is a manifestation *of a person for a person*.

From the family sphere, donation extends to the public sphere. Panarin explains in detail the historical context of donation. In archaic civilizations, people gave things to each other in order to connect with them in a close and strengthening friendship, not for profit or gain. In ancient China and in the Middle Ages, grandees gave vassals gifts that strengthened moral and friendly ties. However, the nobleman himself also felt that he was gifted.

Panarin sees the consequences of charity in its cosmic perspective: "The gift awakens in us not only a social sense of gratitude and appreciation, but also a cosmic sense of belonging to the world. After all, the giver himself in this universe is never perceived as the final instance or the primary owner of things. He himself received them

---

¹²³ Ibid. p. 32

¹²⁴ Ibid. p. 20

¹²⁵ The term that A.S. Panarin uses to describe the phenomenon of donation in a historical and social context

as a gift - from the gods, from the cosmos, from a higher person, from his own ancestors"¹²⁶.

In a crisis, modern society "...discourages people's desire and ability to give, with "liberal" aggressiveness uprooting the very attitude of giving as a sign of an "alien mentality", risks wasting the most important thing: people's willingness to give the fruits of their diligence, talent, and inspiration to a world capable of giving"¹²⁷. The philosopher concludes that Russian communality is based not on trade and individual interests, but on the large-scale idea of humanity as a large and loving family in Christ. As a result, there is a common world view based on the archetype of giving. Each person is a member of this family, accepting the other person as a gift from God, and spreading their gifts to others.

For our research, it is important to emphasize the idea of A.S. Panarin that charity has not only benefits for others, but also for the philanthropist, which is not the most important thing for the Russian mentality, but implies a cosmic timeless correlation of the charity process. Panarin explains his idea as follows: "The gift item not only preserves the aroma of the giver's authenticity forever, but also affects our feelings of duty and gratitude. It also has the properties of cosmic relatedness. The fact is that gift was never perceived as a lucky chance, as a win at roulette, as a gamble of a renegade personality. The gift awakens in us not only a social sense of benevolence and appreciation, but also a cosmic sense of belonging"¹²⁸. Moreover, for the Russian person, the question of the benefits or benefits of charity recedes into the background, since his thinking is not reduced to economically formalized ones.

Summarizing the above, we note that "charity is not only a personal sacrifice: funds, skills, time or resources, but also giving of oneself, demonstrating that the donor is not bound by the material framework, but constantly goes beyond it"¹²⁹, leaving the area of his possession, selfishness and selfishness. Charity is also one of the types of

---

¹²⁶ Ibid. p. 31

¹²⁷ Ibid.

¹²⁸ Ibid. p. 30

¹²⁹ Pirogov A.A. Tolerance and conflict in the context of interreligious penitentiary interaction. Volume 15 No. 1, 2020 Quarterly Scientific and Practical Journal, St. Petersburg State University. – p. 132-143

social meditative activities¹³⁰in which a person reveals himself and his humanity in another. Despite the fact that there is still no precise and comprehensive definition of the concept of charity, and a number of scientists say that it is necessary to determine the terminology in this area, it is worth noting that in the act of charitable activity, it is a person who reveals his altruism, the essential need to be *a person for another person*. Based on this, it is worth considering charity in different historical, cultural and social contexts.

---

¹³⁰ Based on mercy. The term comes from the Latin caritas - charity, sacrificial love.

1.2 Charity as a phenomenon in social, historical and cultural contexts

Charity as a phenomenon in social, historical and cultural contexts acquired various forms, and the very philosophical concept of "charity" also changed. Understanding these processes helps to determine the place and forms of charity in the modern worldview and society, as well as the mechanism of charity's impact on the formation of the penitentiary system. Each stage has its own ideological foundations, historical and socio-cultural context. Let us proceed to their sequential consideration.

It should be noted that at the first stage¹³¹, the traditional concept of charity is closely connected with personal sacrifice, love and charity, friendship and mutual assistance. It is mainly of an active subject-subject nature, or subject-subject-object nature.

Speaking about the manifestation of mercy, A.A. Huseynov and R.G. Apresyan is associated with the Pentateuch. They see it as a manifestation of God's mercy, first of all, in relation to a certain people who are the object of just mercy. The authors specify that "The idea of mercy is expressed very weakly in it, and if we mean mercy in its evangelical sense, then it is completely absent. To put it more precisely, charity in the Old Testament ethics has not acquired a value in itself, it exists in connection with justice, acts as a special form of it"¹³². Mercy is combined with the justice of the judge, but it is resolved in anger. However, the authors point to a fragment that also allows us to say that charitable assistance was also extended to foreign aliens, orphans, widows¹³³. It is worth noting that this idea is also found in V. I. Soloviev: "Mercy presupposes justice, and justice requires mercy, these are just different sides, different ways of showing the same thing".¹³⁴

---

¹³¹ This stage can be conventionally designated as a stage of traditional personal charity. Charity was not the only means of charity. One can also recall the various financial assistance distributed by the Roman emperors on a regular basis by citizens on the occasion of holidays.

¹³² Huseynov A.A., Apresyan R.G. Ethics: Textbook. - M.: Gardariki, 2000. – p. 5

¹³³ See Exodus 22:21-23. The Bible, the Books of Holy Scripture of the Old and New Testaments. Moscow: Edition of the Moscow Patriarchate, 1988.

¹³⁴ Soloviev V.S. Justification of good / Ed. O.A. Platonov. - M.: Institute of Russian Civilization, Algorithm, 2012. – p. 181

Soloviev correlates this with the Old Testament, where the word *tzedek* is just, and the derivative of this word is charity. In this sense, it is important to emphasize that the theme of mercy in the Pentateuch of Moses should be considered in a conceptual relationship with the books of the Old Testament prophets and the New Testament, where it is fully revealed.

An example of merciful active sacrifice in Christianity is Christ, who is often referred to in religious literature and liturgical text as The Sun of Truth¹³⁵. In this regard, the writer and historian A.V. Amfiteatrov sees in early Christianity echoes of Mithraism, and in the image of the sun finds some practical use. The proselyte could more easily pass to the Christian worldview if "he heard that Christ is the sun of righteousness, the unquenchable light, the radiance of eternal beauty. The light that shines in the dark..."¹³⁶ Using a symbol that indicates a certain reality, Christianity is contextualized in relation to the surrounding social and cultural environment. According to E. Durkheim, "without symbols, social consciousness can only have a fragile, random existence"¹³⁷. The sun symbol also connects the individual with another reality that is outside the human world. In a sense, it is a symbol of a call to active charity, charity not only for members of their community, but for all people, regardless of their attitude to the donor's personality or the faith that he professes¹³⁸. In the context of Christianity, the personal charity of the subject is based on love, the desire for good as the best ethical choice, self-giving and gratuitous sacrifice in favor of the object. It resembles the sunlight that shines for evil and good people¹³⁹. Such charity proceeds from the sincere love of donors for the ideal, is a sign of commitment to it and is aimed at the circle of both those who belong to the community and those who are outside it. Both the Church and a fraternal community of like-minded

---

¹³⁵ See John of Kronstadt. The sun of truth. About the life and teaching of our Lord Jesus Christ. - Moscow: Father's House, 2010.

¹³⁶ See Amfiteatrov, A.V. Christmas of the "Invincible Sun" / A.V. Amfiteatrov // The old in the new. - St. Petersburg: Comrade "Public benefit", 1907. - P. 72.

¹³⁷ Durkheim E. Collective ritual // Religion and society: a textbook on the sociology of religion / comp. V.I. Garadzha, E.D. Rutkevich. - Moscow: Aspect Press, 1996. - p. 439

¹³⁸ The image of the rising sun is used by Pope Francis in his Encyclical, emphasizing the universality of the call to mercy in the modern world. See: Pope Francis. Fratelli tutti. About brotherhood and social friendship. Moscow, Franciscan Publishing House, 2021. - p. 39

¹³⁹ The symbol, for example, is used in the Sermon on the Mount of Jesus Christ (Matthew 5:44-46).

people can act as an intermediary—a subject for charity in the direction of a person in need. According to Durkheim's theory: "a social phenomenon is born not in individuals, but in a group. Whatever part we take in its creation, each of us receives it from the outside"¹⁴⁰.

Christian charity activities use both personal resources and the resources of a community of like-minded people, which is clearly seen in the deaconic dream of the First Apostolic age, which is entrusted to the chosen deacons to care for widows and orphans¹⁴¹. Deacons in the early Christian community were initially tasked with providing for the sustenance of their numerous followers. Not only men, but also women deaconesses were involved in the charity service¹⁴², which indicates the involvement of all people in the process of giving, regardless of gender, nation or origin. There is the emergence of entire groups involved in charity. Such charity is hardly deterred by the lack of visible missionary results or return reciprocity, which is only rarely expressed in gratitude or acceptance of Christian teaching by recipients of help.

Conceptually, in the Christian tradition, the act of traditional charity is related to the category of Absolute Good. In addition, the social function of private property is emphasized more than its inviolability. St. John Chrysostom quite categorically reminds us that "not giving the poor a part of our goods means stealing from the poor, depriving them of life itself; what we own does not belong to us, but to them"¹⁴³. The principle of ethical and social order proclaims the universal use of people's goods created by God, and wealth and entrepreneurial abilities "should be clearly focused on the development of other people and overcoming poverty"¹⁴⁴. In such a system, worldly goods have a common purpose, and private property is subject to this universal purpose. The metaphor

---

¹⁴⁰ Durkheim E. *Collective ritual // Religion and society: a textbook on the sociology of religion / comp. V. I. Garadzha, E. D. Rutkevich.* - Moscow: Aspect Press, 1996. – p. 440

¹⁴¹ See Acts of the Apostles 6:1-6. *The Bible, the Books of Holy Scripture of the Old and New Testaments.* Moscow: Edition of the Moscow Patriarchate, 1988.

¹⁴² The word "deacon" [Greek: διάκονος - servant], respectively – "deaconess" [Greek: διακννισσα, also διάκονος with an article or other indicator of the female gender] is a female servant. Thus, in the early Christian Church, a special auxiliary form of church service was designated. In the New Testament literature there are numerous references to deacons (the election of seven deacons: Acts of the Apostles 6:2-6), as well as to the deaconess of the church of Cencreia Thebes, there is a mention in the epistle of the Apostle Paul to Romans 16:1. *The Bible, the Books of Holy Scripture of the Old and New Testaments.* Moscow: Edition of the Moscow Patriarchate, 1988.

¹⁴³ Pope Francis. *The encyclical. Fratelli tutti. About brotherhood and social friendship.* Moscow, Franciscan Publishing House, 2021. – p. 68

¹⁴⁴ *Ibid.* p. 69-71

of the sun seems to us most appropriate for explaining the nature of the giving process. The rays of the heavenly body reach all people without exception, both good workers and hardened criminals. Gratuitous giving reminds us of Christ, who selflessly gives his sacrificial love to all, and addresses us to the character and nature of the Sun of Truth. This is a reminder of the universal nature of the created goods, their availability to everyone, regardless of their gender, nationality, race or religion.

P.I. Georgievsky mentions that one of the first forms of traditional charity is alms¹⁴⁵. It appeared as mutual aid among the Jews in the Old Testament times and extended to all those in need, and in the pagan world only a citizen had the right to count on any support, and only persons listed in special lists enjoyed the right to receive bread¹⁴⁶. The author also mentions the fact that Seneca and Cicero consider pity to be cowardice and weakness of character, and Horace ridicules "dirty poverty"¹⁴⁷. Finally, Georgievsky asserts "before the advent of the Christian era, egoism was dominant - the preaching of Christianity requires the sacrifice of everything, even life, for the benefit of others"¹⁴⁸. In contrast, V.S. Soloviev indicates that in the pagan world there was charity, in particular Cornelius mentioned in X Chapter of the book of the Acts of the Apostles handed out lots of handouts and for that he was heard by God¹⁴⁹. P.I. Georgievsky mentions that in the future, a Christian charity has seen ups related philanthropic example of the behavior of monarchs and warriors and downs, characterized by formalism approaches. The author summarizes that "it is no longer help that begins to be considered a good deed pleasing to God, but the donation itself, the sacrifice made to the giver, the deprivation of a certain share of material goods"¹⁵⁰. Further, in many European countries,

---

¹⁴⁵ Georgievsky P. I. Charity of the poor and charity. St. Petersburg: Type. Mor. m-va, 1894.

The author, who worked during the period of changing legislation on public charity, points out in his scientific work the successes in this field of a statesman and philanthropist, namely, K.K. Groth (1815-1897), also mentioned by us in the study. K.K. Groth was mainly engaged in the system of care for the visually impaired and blind, as well as the improvement of the institute of state social security for the needy.

¹⁴⁶ Georgievsky P.I. Charity of the poor and charity. St. Petersburg: Type. Mor. m-va, 1894. – p. 5-12

¹⁴⁷ Ibid. p. 5

¹⁴⁸ Ibid. p. 6

¹⁴⁹ Soloviev V.S. Justification of good / Ed. O.A. Platonov. - M.: Institute of Russian Civilization, Algorithm, 2012. – p. 605

¹⁵⁰ Georgievsky P.I. Charity of the poor and charity. St. Petersburg: Type. Mor. m-va, 1894. – p. 7

a system was formed when a certain tax was collected for the benefit of the poor¹⁵¹. This does not eliminate the personal and collective forms of charity, which, in accordance with moral laws, should be performed generously and from the heart.

Condemnation of blind, soulless charity is also found in the Jewish tradition: "A blessing is a candle, but the candle does not shine until it is lit...A blessing without feeling is dead...a corpse... Hands gave alms, lips uttered praises to the Lord, feet led to the house of prayer, but the soul did not participate in this... Feelings were not enough! No candles were lit! And if there is no light, there is no joy... And people do good deeds, but go sad..."¹⁵² In other words, charity is not only the material sacrifice itself, but also a special human condition.

It is worth noting the conclusion that the traditional form of charity initially comes from the need for any individual to communicate, as well as from a deep urge to show love and compassion to the person in need. This concept of charity (philanthropy, charity, donation, etc.) in the public consciousness is also strongly associated with Absolute moral good, charity, and gratuitous giving. We are not inclined to relate every act of charity to religion or philanthropy; the nature of the phenomenon should also be sought in the communication that any person feels the need for, regardless of age, gender, or social status. The act of charity likens the personality of the donor to a Transcendent Other, who condescends for a good gift to an unfortunate person who is tragically lost on the border of existence. In this context, the rejection of the absolute good is an immoral act, a choice of evil, which seems to be a lack of good. Thus, the imperative of St. John Chrysostom becomes clear, his call for personal sacrifice, proceeding from the inner attitude and life principles. After all, not doing good means stealing, that is, becoming unhappy, not striving for the transcendent Creator, but stubbornly relating oneself to the material and perishable. Moral good in all social conditions tends to expand the boundaries of good, eliminate its lack. It is impossible, while remaining moral, to pass by a person in distress, not to feed the hungry, not to help the sick, not to give the thirsty a drink. The donator, in

---

¹⁵¹ In France, such a tax has been collected since the XVI century, since the same time in England there is a law forcing parasites to work, taxes here go to "workhouses".

¹⁵² Peretz L.I. Hasidic stories. St. Petersburg.: North-West Press, 2004. – p. 94-95

the process of giving freely, becomes, even for a brief moment, a monarch who works mercy and distributes good. This is a religious and sacred act of temporary or permanent restoration of justice, self-knowledge and finding the real self in giving to a person in need. The ideal traditional benefactor is the Sun King in Jean-Baptiste Moliere's play *Tartuffe*. The monarch appears in a timely manner, at an extremely dangerous moment, his mission is large-scale assistance, fair and wise restoration of everything destroyed and desecrated. It not only creates a new order and material basis, but most importantly-it restores people's faith in the highest justice, directs their eyes to the Transcendent¹⁵³.

Let us quote a fragment of the play "*Tartuffe*"¹⁵⁴, which illustrates this idea:

"He who is gifted with great insight,
Everything has a direct and unwavering look;
He never knows his hobbies,
And his intemperance is alien to his mind.
He adorns well-deserved people with glory,
But the zeal of the good ones does not blind him,
And all the love for good does not drown out in notm
No disgust, no anger at evil"¹⁵⁵.

There is also a traditional community charity that brings people of different groups together for joint social action. In such a community, philanthropy is not the business or prerogative of individual wealthy members, but of all, regardless of their financial status and class. Charity has a disciplining function, since it equalizes donors of different material levels, creates a sense of shared ownership in the task of educating a new person, and creates an inspiring sense of the significance of an act of charity. In the process of charity work, mutually enriching and trusting relationships between individuals are formed, common aspirations are mobilized, and ethical values that are significant for the community are manifested, which serves to achieve a stable positive social resonance.

---

¹⁵³ Pirogov A.A. Transformation of the concept of charity in the post-information society. Articles / ed. by L.V. Shipovalov, S.I. Dudnik. St. Petersburg: St. Petersburg University Press, 2020. – p. 252-269

¹⁵⁴ Moliere J.B. *Tartuffe, or the Deceiver*: [Comedy]. *Miserly*: [Comedy]: Trans. from fr./ J.B. Moliere. *A philistine in the nobility*: [Comedy-ballet]: Translated from French/ J.B.Moliere/ Translated by M.L.Loizinsky. - St. Petersburg: Lenizdat, 1996. – p. 222

¹⁵⁵ Ibid.

A modern example of such a form of charitable activity is the international society "Caritas Caritas Internationals" (Caritas), which exists in 198 countries around the world. It attracts funds from both large and small donors around the world, and provides assistance to all those in need, without exception, regardless of their national or religious affiliation. Missionary activity, which often accompanies the charity projects of radical religious groups, takes a back seat, while the priority task of "Caritas" is seen as a constructive solution to the current social problems of society. The activity of the Catholic Church in Russia is carried out in a priority direction, which is charity, and the first church structure in Moscow was Caritas¹⁵⁶. This fact has a wide resonance in the social environment, which creates a positive image of the organization and allows you to attract significant financial resources from other foundations to charity, often receiving support from the state¹⁵⁷.

The mention of this organization seems appropriate to us, since its name contains the Latin word *caritas*, meaning "charity, sacrificial love". It is still key today in considering the topic of traditional charity¹⁵⁸, both in its personal and social aspects. For example, foreign concepts of "caritative activity" and "caritative institutions" have appeared and are widely used in the scientific literature¹⁵⁹, meaning church structures that carry out social activities based on charity: fraternities, sisterhoods, deaconesses, etc. Thus, alms is presented as an active manifestation of charity. Recall that the philosopher V.I. Soloviev correlates alms with religious feeling and prayer: "The first concentrated and active expression of religious feeling, or piety, is primarily prayer; the same work of pity is charity"¹⁶⁰. That is, for the believer, both the first and second deeds are an unconditional manifestation of his nature, striving for God.

---

¹⁵⁶ Antonini B. Why I love Russia. - M.: Paoline Publishing House, 2002. – p. 104-105

¹⁵⁷ Gomulsky L.A. Caritas // Catholic Encyclopedia. - M.: Publishing House of the Franciscans, 2005. - Vol. 2: I-L. – p. 808-813

¹⁵⁸ In the last Encyclical, Pope Francis uses this analogy to explain such ethical categories as: good, evil, justice, etc. At the beginning of this text, using the example of the parable of the merciful Samaritan, the effective manifestation of mercy in the modern world is considered, all aspects of its manifestation are considered. See: Pope Francis. The encyclical. *Fratelli tutti*. About brotherhood and social friendship. Moscow, Franciscan Publishing House, 2021.

¹⁵⁹ Tsarenkova E.A. Search for new philosophical and anthropological paradigms (on the question of mercy) / E. A. Tsarenkova ; Southern Federal University. - Rostov-on-Don ; Taganrog : Southern Federal University, 2017. – p. 7-8

¹⁶⁰ Soloviev V.S. Justification of good / Ed. O. A. Platonov. - M.: Institute of Russian Civilization, Algorithm, 2012. – p. 604

Is non-ecclesiastical charity devoid of mercy? We cannot answer this question in the affirmative. Perhaps the use of foreign borrowings once again indicates that the modern language of charity cannot fully reflect the philosophical and social essence of the processes taking place in this area, and the lexicon is constantly being updated, concepts and contexts are being clarified. Charity requires a comprehensive understanding, and charity, for all its multidimensional nature, is not only a theological and religious concept, but also a social and cultural one, one of the categories of philosophical knowledge that has a relationship with others.

There is no doubt that the theme of charity, love and sacrifice is central to the Christian understanding of charity and leads us back to the Gospel of Luke, the parable of the Good Samaritan¹⁶¹. For the purpose of this study, we will not engage in a detailed exegesis of the fragment, but we will mention that in this context charity is synonymous with charity. Moreover, outside of the theological context, it is difficult to describe the essence of charity as the center of Christian life. The act involves personal assistance and the expenditure of one's own funds. Such charity overcomes human pessimism because it involves "an instinctive reverence for life"¹⁶². This is not only a personal sacrifice, but also a manifestation of the fact that the donor is not bound by the bonds of material and created things. Pope John Paul II explains that one of the causes of human suffering comes from not participating in a good deed: "Christianity teaches that life is good, that what exists is good; it confesses the goodness of the Creator and teaches that creatures are good. A person suffers because of evil, which is a certain lack, limitation, damage to the good. One could say that a person suffers because of a good in which he does not participate, which in some sense he is deprived of or has deprived himself of"¹⁶³. A person is called to active social charity, similar to the mission of the "good Samaritan", which "can also be defined as an apostolate..."¹⁶⁴ Modern charity work seems to be the

---

¹⁶¹ See the Gospel of Luke 10:25-37. The Bible, the Books of Holy Scripture of the Old and New Testaments. Moscow: Edition of the Moscow Patriarchate, 1988.

¹⁶² Ortega y Gasset J. Etudes about love/Translated from Spanish by V.E. Bagnó. - St. Petersburg: Ivan Limbach Publishing House, 2003. – p. 562

¹⁶³ John Paul II. The Christian Meaning of Suffering: The Apostolic Epistle Salvifici doloris. - SPb: St. Peter's Publishing House, 2001. – p. 8

¹⁶⁴ Ibid. p. 43

responsibility of every parishioner, in a function close to the apostolic, choosing the poor and sick as their object. The concept of *social charity* is also introduced, which is a movement towards a social and political order based on love and universal brotherhood. Charity becomes an opportunity for Christians to express their faith in various social spheres, as well as in politics, which "is the highest vocation, one of the most precious forms of charity, as it strives for the common good"¹⁶⁵.

It is important to note again that the object of charity is precisely the person who suffers and needs help. Charity is not only a concern for the material component of beneficence, but comes from the desire for the good of "caring for the most valuable, the best for others: about their achievement of maturity, about growth and healthy life, about the realization of values, and not just about material well-being"¹⁶⁶. It comes from a strong desire for the good of others and the whole of humanity, a tendency to kindness. At the same time, a person who is an object of charity is considered in all its metaphysical completeness and social love "paves the way to the civilization of love – our common vocation. Merciful love with its universal aspiration can build a new world, because it is not a fruitless feeling, but the best way to achieve effective development paths for all"¹⁶⁷. The metaphysical center is transferred beyond the limits of one's own existence, so that one finds oneself by seeking perfect love, the action of the source of mercy. It is also paradoxical that a person loses himself to gain, while also acquiring his own empirical experience of knowing practical truth. At first glance, this looks like a kind of utopia, but it is worth considering the fact that these ideas have been and are still being implemented¹⁶⁸. We also find it appropriate to mention Caritas as an example, because the activities of this charitable organization in Russia clearly illustrate the principle of ecumenical cooperation and cooperation in matters of charity.

Monsignor Bernarado Antonini, Caritas inspirer in Russia, notes two principles that have enabled the organization to successfully carry out its charitable activities: "the work

---

¹⁶⁵ Pope Francis. The encyclical. Fratelli tutti. About brotherhood and social friendship. Moscow, Franciscan Publishing House, 2021. – p. 103-104

¹⁶⁶ Ibid. p. 64-65

¹⁶⁷ Ibid. p. 105

¹⁶⁸ And not only representatives of Christian denominations, as will be mentioned later.

is carried out in cooperation with Orthodox Christians (they are both among volunteers and employees); the organization has become widespread – the office in Moscow marked the beginning of a federation that covered the European and Asian parts of Russia"¹⁶⁹. As we can see, traditional charity is broad in scope, goes beyond confessional boundaries and involves those individuals who cannot see social problems indifferently¹⁷⁰. Its practice is analyzed at the end of the study.

In this connection, it is very important to note as a balancing example the activities of St. Tikhon of Moscow in the American period of his ministry (1898-1904). In 1867, Alaska was sold to the United States, and many of its inhabitants returned to their homeland in Russia. In 1898, Bishop Tikhon was transferred to serve in America, where by that time not only Russian parishioners remained, but also numerous churches, schools, and fraternities. The Russian bishop in the United States immediately undertook to carry out not only spiritual, but also charitable activities. His efforts and efforts were directed not only to his compatriots, but also to representatives of other nationalities, in particular: Ukrainians, Hungarians, as well as to the indigenous population of Alaska – the Aleuts. He is diligently engaged in helping those affected by the epidemic, providing support to all those who needed help. Bishop Tikhon organized schools and fraternities and provided personal funds for charity¹⁷¹. First, it illustrates the diversity of social forms of traditional charity. Secondly, its universal international and intercultural character. The vector of practical charity is a person in need.

However, the fact that charity belongs to the field of practical morality, which is closely related to religion, has been repeatedly disputed. This thesis, for example, was questioned by D. Diderot¹⁷² when he described the high morality of a blind man from Puizot, who has an aversion to crime. Diderot explains the origin of this morality in the natural organization: "the state of our organs and our senses has a great influence on our metaphysics and our morality, and that our most intellectual, if I may say so, ideas are

---

¹⁶⁹ Antonini B. *Why I love Russia*. - M.: Paoline Publishing House, 2002. p. 105

¹⁷⁰ *Ibid.* p. 107

¹⁷¹ American period of the life and activity of St. Tikhon of Moscow: 1898-1904 / Comp. A.V. Popov. – St. Petersburg: Satis, 2011.

¹⁷² Diderot D. *Selected philosophical works*. - M.: Ogiz, 1946. – p. 11

closely connected with the organization of our body"¹⁷³. Diderot himself believes that "wealth harms philosophy"¹⁷⁴, and poverty and wealth give rise to all social vices. The thinker, however, claims that there is a basis for moral ideas in human nature, since "there are people like me who do not look at wealth as the most valuable thing in the world: strange people"¹⁷⁵. He sees the problem of poverty in animal rigidity and class inequality: "In nature, all kinds of animals devour each other; in society, classes devour each other"¹⁷⁶. Regarding the penalty, Diderot believes that: "Justice is in the middle between an excess of mercy and cruelty, as temporary punishments are between impunity and eternal punishment"¹⁷⁷. As an example, D. Diderot cites the cruel behavior of Christians, whom the emperor-philosopher Julian mercifully released from prison¹⁷⁸ by his edict: "In my reign, the exiles were returned, the prisoners were released, and those whose property was confiscated received it back. But so great restlessness and anger of these men, that ever since about nor had lost the privilege of eating each other, torment and his fellow Muslims, and adherents permitted by the laws of religion, they did not disdain any means, does not miss an occasion for incitement to riot; they do not know how to respect any true piety, nor our institutions..."¹⁷⁹.

Voltaire, in turn, insists that the sense of morality is inherent in all peoples: "The concept of something just seems to me so natural, so universally accepted among all people, that it does not depend on any law, contract or religion"¹⁸⁰. It is noteworthy that the philosopher connects this idea with mutual assistance and financial relations. He separates the concepts of morality and religion, without conceptually linking them together. The decision to perform or not to perform a charitable act comes not only at the religious level.

---

¹⁷³ Diderot D. Letters about the blind for the edification of the sighted // Diderot D. Selected philosophical works. - M.: Ogiz, 1946. – p. 41

¹⁷⁴ Diderot D. Letter to the King // Diderot D. Selected philosophical works. - M.: Ogiz, 1946. – p. 201

¹⁷⁵ Diderot D. Nephew of Rameau // Diderot D. Selected philosophical works. - M.: Ogiz, 1946. – p. 262

¹⁷⁶ Ibid. p. 228

¹⁷⁷ Diderot D. Philosophical thoughts // Diderot D. *Sobr. op.: in 10 tt. Vol. 1.* - Moscow-Leningrad.: Academia, 1935. – p. 94

¹⁷⁸ An obvious example of charity in the penitentiary system.

¹⁷⁹ Ibid. p. 109

¹⁸⁰ Voltaire. *Philosophical writings* / Voltaire; trans. from fr. S. Ya. Sheinman-Topstein; ed., comp. and auth. V.N. Kuznetsov. – M.: Nauka, 1989. – p. 355

If religion emphasizes that every gift is a gift to God, and the purpose of alms does not need much thought, because "God will repay", "He knows best what a person needs", "There will be a reward...", etc., then philosophers, writers and economists ask the question of the expediency and causality of the phenomenon. For example, Henry Thoreau and Lev Tolstoy question charity itself in the form of distribution of material resources, seeing it only as a means to increase poverty. Count Tolstoy's practical work during the population census prompted him to think like this. Tolstoy draws attention to the fact that poverty is constantly present, even with the efforts of philanthropists. It is worth mentioning that this view was quite widespread in society and was based on logical arguments. Thus, the economist P.I. Georgievsky writes: "The worst thing, however, is the provision of irrational assistance by societies or individuals in the form of cash disbursements, especially in the form of alms on the streets to people who can work"¹⁸¹. The author points out the irrationality of such an action, as well as the promotion of idleness and parasitism by such charity, suggesting a kind of solution to the problem in the form of forcing antisocial persons and beggars to work in rural communes¹⁸². The fact that a religious person gives alms and a non-religious person refuses this practice for a number of reasons does not make one more moral and the other more immoral. The point is what motivates the gift and the public benefit of giving, as well as in the regulation and organization of the institute of charity itself.

In other words, there is no moral religion, as opposed to the immorality of atheists. An atheist also develops his own code of ethics and a model of moral behavior. Karl Marx showed that religion is by its nature a social phenomenon, its function is ideological. Charitable donation, as a form of service that comes from a deep religious motivation, as a gift to God from a believer, is understood in the light of the statement: "The more a person invests in God, the less is left to him. The worker invests his life in the object, but this life no longer belongs to him, but to the object"¹⁸³. This idea should be understood in context. In other words, in a capitalist society, a process of self-alienation takes place and

---

¹⁸¹ Georgievsky P.I. Charity of the poor and charity. St. Petersburg: Type. Mor. m-va, 1894. – p. 103

¹⁸² Ibid.

¹⁸³ Marx K., Engels F. From early works. M.: Politizdat, 1956. – p. 560-561

labor becomes an object. Charitable donation, according to Marx, is nothing more than the movement of private property into the hands of capital, a consequence of religious limitations and lack of freedom. Consequently, the product of labor no longer belongs to the worker, but to another person, the one who stands behind this or that religious cult. Religion itself is "the sigh of an oppressed creature, the heart of a heartless world..."¹⁸⁴ In the pre-industrial world, religion solved social problems that the state could not solve. It turns out that there was no place for mercy, and God as an ideal, a person gave all his freedom. The Sun of Truth of Religion is not Christ as an Ideal, but religion itself, which "is only an illusory sun that moves around a person until he begins to move around himself"¹⁸⁵.

Marxism also includes the absolute moment, as M. Lifshitz writes: "our theory of knowledge also recognizes something that is not only historically unshakable as truth, but remains and persists in these historical changes or, if you prefer, is born and develops in these historical changes, which gives us the right to use such concepts as, say, justice and injustice, good and evil. After all, Marxism does not stand on the other side of good and evil when it considers moral concepts historically..."¹⁸⁶ The thinker recalls Marxist historicism, which does not debunk the basic norms of culture and ethics, but rather asserts and develops historical concepts of justice and injustice.

In turn, the thinker, researcher and doctor A. Schweitzer¹⁸⁷ suggests considering charity from the angle of the philosophy of life. Any life evokes reverent respect, because there is life in the person himself. For the sacrifice that underlies charity, you need to value life in yourself. Schweitzer not only achieved success in charity work in Africa, creating a hospital that showed genuine mercy to all people who needed help, but also wrote a book¹⁸⁸, a unique literary document that testifies to both the success and some of the failures and ideological "dead ends" of charity. The charity's ethical manifesto

---

¹⁸⁴ Marx K. Towards a critique of the Hegelian philosophy of law. [Electronic resource] URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Marks_K%20kriike.pdf (accessed 26.05.2021).

¹⁸⁵ Ibid.

¹⁸⁶ Lifshitz M. Lectures on the theory of art. IFLI. 1940. Transcripts of lectures on the course "Introduction to Soviet Art History" / publ. V.M. German, A.M. Pichikyan, V.G. Arslanov, etc. - St. Petersburg. 2021. – p. 47

¹⁸⁷ Lutheran by religion

¹⁸⁸ Schweitzer A. "Letters from Lambarene", Leningrad, Nauka, 1978.

includes his words: "None of us has the right to pass by suffering for which we are not really responsible, and not prevent it. At the same time, no one should comfort himself with the fact that he will allegedly be forced to interfere here in matters that do not concern him. No one should close their eyes and ignore the suffering that they have not seen. No one should ease the burden of responsibility for themselves"¹⁸⁹. Nobel Prize winner Schweitzer, in his works on ethics and in the principles of charity, defends the principle of reverence for the infinity of life, which he understood as the removal of alienation, empathy and compassion, and as the result of knowledge he saw what the commandment of love requires¹⁹⁰. He notes that the philanthropist often faces an ethical choice and faces the lack of visible results, failure to achieve the intended goals of charity. Describing the difficult ethical choices that a Catholic priest makes when he is forced to find food for school students, he mentions that he killed a hippopotamus to provide meat for the children of the school-his charity project¹⁹¹. This is just a reminder that charity is not an ideal mechanism for achieving good for a person and exists in a concrete world where evil and good are present, its context "is a cruel drama of a split will to live. One life asserts itself at the expense of another, one destroys the other"¹⁹².

This example also shows that human life in this system of ethics is placed incomparably higher and more valuable than the life of an animal. Given the current discourse on equal rights of humans and animals, it is unlikely that this choice would be unequivocally accepted as ethical and appropriate. Schweitzer's position in this question is obvious: "If found bad treatment of animals, if left unattended Creek cattle, not watered during transport by rail, if in our slaughterhouses too much cruelty, if in our kitchens

---

¹⁸⁹ Schweitzer A. *Reverence for life*: Trans. with him. / Comp. and post. A. A. Huseynova; General ed. A. A. Huseynova and M.G. Selezneva. - M.: Progress, 1992. – p. 223

¹⁹⁰ Ibid.

¹⁹¹ This refers to the episode described by Schweitzer: "And so the abbot of the mission, an excellent shooter, bravely goes hunting hippos. Taking twelve schoolchildren with him, he goes to the places where they are found, and spends the whole day on the road. And this means that they will have to spend the night on a sandy beach or even among swamps. It may happen that after two or three weeks of hunting they will have to return with nothing, or maybe their big canoe, overflowing with smoked hippopotamus meat, will become heavy, almost to the brim will sink into the water. If so, the school will be provided with food for the winter." Schweitzer A. "Letters from Lambarene", Leningrad, Nauka, 1978. – p. 150

¹⁹² Schweitzer A. *Reverence for life*: Trans. with him. / Comp. and post. A. A. Huseynova; General ed. A. A. Huseynova and M. G. Selezneva. - M.: Progress, 1992. – p. 219

clumsy hands betray the agonizing death of the animal if the animals are suffering from ruthless men, or from violent games to children in all of this is our fault"¹⁹³. Life in all its forms is worthy of protection and reverence, it comes from reverence for life in itself. And concluding this part of the argument, it is appropriate to emphasize the author's idea about the rejection of cruelty to all creation. After all, "ethics compels us to work together to repay animals for all the suffering caused to them by man with kind help and in this way save them at least for a moment from the incomprehensible cruelty of life"¹⁹⁴. It remains only to add that the benefactor, in turn, will always demand the protection of the rights of the individual, and resist the use of cruelty to it, when a person is for some reason likened to an animal, reducing his nature to the level of cattle¹⁹⁵. Here we see a certain ethical key to charity in the conditions of the penitentiary system¹⁹⁶. The relevance of Schweitzer's thoughts is beyond doubt, and it becomes the basis for modern traditional charity. Schweitzer constantly emphasizes the charitable nature of charity, its active focus on all people without exception. Schweitzer also emphasizes the interethnic nature of his mission: "Among my white patients there are representatives of all nationalities. In my little journal, where I enter the names of all the foreigners who come to me, there are already English, Swiss, Dutch, Swedish and Americans" ¹⁹⁷.

The ethic of reverence for life in oneself and in other people directs the thinker to the driving force of charity – self-sacrifice and self-denial: "the ethic of truth in relation to oneself imperceptibly passes into the ethic of self-denial for the sake of others" ¹⁹⁸. Schweitzer praised I. Kant for the depth of moral feeling¹⁹⁹. However, he believed that Kant did not find a direct connection – "between truth in relation to oneself and active ethics" ²⁰⁰. The apotheosis of the ethic of reverence for life and at the same time the motto

---

¹⁹³ Ibid. p. 223

¹⁹⁴ Ibid. p. 224

¹⁹⁵ We are talking about the protection of those who in the penitentiary system are grossly and unlawfully deprived of the right to human conditions of detention, regulated by both universal norms and laws.

¹⁹⁶ After all, the criminal is anthropologically, ontologically and metaphysically, first of all, a person who demands to be treated as a person, a living and intelligent person capable of correction.

¹⁹⁷ Schweitzer A. "Letters from Lambarene", Leningrad, Nauka, 1978.– p. 147

¹⁹⁸ Schweitzer A. *Reverence for life: Trans. with him. / Comp. and post. A.A. Huseynova; General ed. A.A. Huseynova and M.G. Selezneva.* - M.: Progress, 1992. – p. 220

¹⁹⁹ Ibid. p. 220-221

²⁰⁰ Ibid.

of the charity mission are the words of Schweitzer: "It is not out of a sense of kindness to another that I am meek, peaceful, patient and friendly — I am so because in this behavior I ensure the deepest self-affirmation. The reverence for life that I feel for my own life, and the reverence for life that I am willing to give my strength for the sake of another life, are closely intertwined"²⁰¹. This ethic becomes the foundation of Schweitzer's philanthropy.

It is worth noting that along with the emergence of new forms of charity, previous historical forms, including religiousness²⁰², such as deaconic activity, have not disappeared, but have successfully existed and exist in the conditions of modern society. Here we should conditionally single out public charity, which is replacing traditional and personal ones. M. Foucault explains the transition from ecclesiastical to public charity as follows: "biopolitics will create not only charitable institutions (which have existed for a long time), but much more subtle mechanisms that are economically more rational than the crude, mass, but problematic charity, which, in essence, was connected with the church. There will be more subtle, more rational mechanisms: insurance, individual and collective accumulation, security"²⁰³. The problem was old age, disability and the loss of an individual from society, which prompted the state to look for new charity mechanisms to replace the outdated church ones.

Public charity has various forms²⁰⁴ and was later transferred to the state, which became obliged to take on the function of caring for poor citizens, the sick, the elderly, and animals²⁰⁵. Most types of such charity during the French Revolution (1789-1799) were recorded in the form of legislative decrees of the National Convention²⁰⁶. This

---

²⁰¹ Ibid.

²⁰² Religiosity in this context, we understand in a broad sense, as a connection with an Ideal, likening to a just higher hierarch. This is not only following the norms and canons of a certain denomination, which is not necessarily the only intention of charity.

²⁰³ Foucault M. Need to protect society: A course of lectures M delivered at the College de France in the 1975-1976 academic year. - St. Petersburg: Nauka, 2005. — p. 258

²⁰⁴ Charitable committees, foundations, societies, etc.

²⁰⁵ For example, stray animals, for the maintenance and sterilization of which a certain tax is taken in a number of countries.

²⁰⁶ "He divided the national land assets into small parts accessible to the smallest capitals in order to encourage the acquisition of property. He classified the population. He assigned an allowance to breast-feeding mothers and subsidies to numerous families who could not feed on the earnings of their fathers. He regulated taxes from the poor and placed their burden on the wealthy. He established workshops for those who have no work. Appointed pensions to wives, mothers,

marked the stage of transition from traditional charity to a social system managed and funded by the state authorities. Here, a classification of charity appears which has been partially preserved to this day: pensions, subsidies, patronage, etc. The taxpayer now expects that it is the state that will show mercy and provide support to socially needy groups. At the same time, they have the right to practice personal charity, or to join philanthropic efforts with other citizens. It is worth noting that Christians were among the first to create public charitable organizations that used the principles of justice of Roman law. Thus, we can conclude that public charity has become a continuation of the traditional one.

In catholic tradition, the idea of charity is visibly based on the concept of Absolute good and salvation through good deeds, which are a manifestation of true faith and virtue. The origins of such charity are outlined in the Encyclical "Rerum Novarum". Pope Leo XIII: "The brotherly love of the first Christians was so strong that those who were richer gave up their possessions in order to help their brothers; therefore, "there was no one among them who was in need"²⁰⁷. The deacons, whose office was established for this purpose, were entrusted with the care of daily alms; the Apostle Paul, burdened with the care of all the churches, undertook difficult journeys to provide for the poorer Christians. Tertullian calls these voluntary donations "treasures of piety", because, according to him, they were used: for feeding the needy and for burial, for educating poor orphans, for helping the elderly and shipwrecked"²⁰⁸.

Charity proceeds from the inner fullness and respect for the human dignity of each individual and the need to protect it from the injustice of a number of public structures and institutions, and good deeds, according to Christian tradition, are divided into

---

daughters of defenders of the motherland who died or were wounded fighting for the nation. He patronized the countryside at the expense of the cities - dens of luxury and vice, which he wanted to limit, and also patronized the arts and useful sciences. He rendered extensive charity on behalf of the nation and turned it into a duty, and charity into an institution" (Lamartine A.M.L. History of the Girondists: in two volumes. Volume II / Trans. from fr. Kuteynikov N.S. - M.: Zakharov, 2013. - p. 353).

²⁰⁷ Leo XIII Pope. Rerum novarum /On the situation of workers. The Message of 1891 - Moscow.: House of Mary, 1991. p. 14.

See also: Acts of the Holy Apostles 4:34. The Bible, the Books of Holy Scripture of the Old and New Testaments. Moscow: Edition of the Moscow Patriarchate, 1988.

²⁰⁸ Ibid.

material and spiritual. Material activities that are practically related to social charity are: feeding the hungry, giving the thirsty a drink, dressing the naked, taking the wanderer into your home, visiting the sick, burying, visiting a prisoner in prison²⁰⁹.

M. Weber explains it this way: "Catholic ethics was certainly an ethics based on «moral conviction». However, the specific “intentio” (aspiration, intention – lat.) of a person was crucial for evaluating each individual act. And every good or bad act was given him credit or reproached, and affected his entire existence and eternal life”²¹⁰. Thus, a person is not one, but determined and will be evaluated from the point of view of an eternal perspective, which means that he needs a fundamental change in his moral and practical life.

Here we see a direct link between charity and the penitentiary system, which is not only a field of its practical application, but also a zone of direct responsibility of the individual who relates himself to the Christian community. If Christ himself was a prisoner, and called to visit those who found themselves in prison, then a charitable action in the penitentiary system is both a fulfillment of the commandment, a material and spiritual act. It is worth noting that spiritual works in Christianity are: to teach the unenlightened the Truth, to comfort the grieving, to give good advice to the doubting, to forgive offenders, to pray for the living and the deceased. All this can be fully applied in the penitentiary system, where there is a concentration of those who, by chance or other reasons, become a real object and field for mission. Let us note not only the sacrifice, but also the sincere psychologism of charity. After all, the inalienable rights of the individual include: the right to food, work, rest, housing, etc. Everyone, including prisoners, needs high-quality social conditions, health protection, and has rights such as: the right to free access to information and educational resources, freedom of faith and conscience. Thus, when applied to the penitentiary system, the foundation of Catholic charity is based on an understanding of the common moral good and the protection of the dignity of each individual. It has its origins in the basic principles of social subsidiarity and human

---

²⁰⁹ A brief catechism of the Roman Catholic Church. - St. Petersburg.: Parish of the UPDM, 1999. – p. 6

²¹⁰ Weber M. Religious ideas and interests // Religion and society: a textbook on the sociology of religion / comp. V.I. Garadzha, E. D.Rutkevich. - Moscow: Aspect Press, 1996. – p. 318-319

solidarity, which go back to the ideas of Plato and Aristotle and "receive their greatest practical development after the First Vatican Council (1869-1870) in the social activities of the Church, which in Catholic literature is often called the "Church of Christ" and Mother of the rich and poor. The development of ideas and practices of Christian charity is seen as a global concern for the fate of the world and pan-European civilization.

Special attention should be paid to the consideration of charity in the system of G.V.F. Hegel's philosophy. Hegel approaches the topic of charity in his work "Philosophy of Law". The thinker considers the phenomenon of charity through an understanding of the phenomenon of poverty. He consistently criticizes poverty, describing its horrors, depravity, and social consequences in the form of riots and moral decline. Hegel also discusses how to solve this problem: "The subjective side of poverty and, in general, all kinds of disasters that can befall each individual already in his natural sphere, also requires both *subjective help* in relation to *special circumstances* and *heartfelt love*"²¹¹. Hegel recognizes that the subject needs help and love. Extreme poverty is a problem not only for the individual, but also for a society suffering from the indignation of the mob. In his Philosophy of Law, Hegel states that "poverty alone does not make a man a rabble"²¹². Belonging to this type of person: "is determined only by the mindset associated with poverty, internal indignation directed against the rich, against society, the government, etc."²¹³ This phenomenon is a threat to society and the order that exists in the state. At the same time, Hegel does not consider it right to distribute alms, since it contributes to the emergence of groups of dependents who do not want to work and are on state subsidies. The thinker also takes a critical view of traditional charity in monasteries: "Monasteries also contribute to the growth of poverty by indulging laziness, as they make the satisfaction of needs independent of work"²¹⁴. It is also worth mentioning that Hegel, in his Lectures on the Philosophy of History, positively mentions a monarch who was engaged in charity. Hegel notes the gratifying fact that the King of the Franks

---

²¹¹ Hegel G.V.F. Philosophy of Law. Moscow: Academy of Sciences of the USSR. Institute of Philosophy. Mysl Publishing House, 1990. – p. 270

²¹² Ibid. p. 271

²¹³ Ibid.

²¹⁴ Ibid. p. 457

Carolus Magnus, was engaged in charity²¹⁵, restored scientific education, and opened schools in villages and towns²¹⁶. This is an example of the monarch's traditional charity through investing in affordable education. Hegel does not contradict himself here, since charity is responsible for the redistribution of material resources. In this case, the funds go not to meet the needs of the rabble in food and drink, but to increase public welfare through the education of the masses. Nevertheless, according to Hegel, any income must necessarily be mediated by labor, and charitable institutions only contribute to the growth of the number of dependents who constantly come for financial assistance: "In the presence of charitable institutions, etc., people do not feel fear, do what they have a right to do; they do not hesitate to turn to their superiors"²¹⁷. Hegel argues that the rich could be given the responsibility of caring for the poor: "If the rich classes had the direct burden of keeping the impotent mass of the population at their former, appropriate level of existence..."²¹⁸ Further, the thinker lists the types of charitable institutions where funds could be found to solve the problem of poverty "in rich hospitals, charitable institutions, monasteries"²¹⁹. Finally, he concludes that this is unacceptable, since: "the existence of those in need would be ensured without being mediated by labor and this would be contrary to the principle of civil society, as well as to the sense of independence and honor of the individuals included in it"²²⁰. Civil society is not yet rich enough to effectively combat poverty. If some people receive undeservedly what others have earned, then the rule of fair retribution will be violated, it will offend the feelings and rights of citizens.

Hegel's thoughts had a great influence on Russian scientists who dealt with the subject of charity. So P.I. Georgievsky notes that "the development of parasitism, drunkenness, debauchery is often, I'm afraid to say, the result of unsystematic,

---

²¹⁵ As P.I. Georgievsky accurately writes about it: "All this disappeared with the death of Charlemagne" (Georgievsky P. I. Charity of the poor and charity. St. Petersburg:, 1894).

²¹⁶ Hegel G.V.F. Lectures on the philosophy of history / per. A.M. Voden, St. Petersburg: Nauka, series "The Word about Existence", 2000. – pp. 288-289

²¹⁷ Hegel G.V.F. Philosophy of Law. Moscow: Academy of Sciences of the USSR. Institute of Philosophy. Mysl Publishing House, 1990. – p. 457

²¹⁸ Ibid. p. 272

²¹⁹ Ibid.

²²⁰ Ibid.

unorganized quasi-charity and societies and individuals, which is far from being recognized by them"²²¹.

In the second half of the 19th century, Russian scientists made attempts to justify charity outside its dogmatic context. Thus, penologist-lawyer and teacher N.F. Luchinsky in his work "Fundamentals of prison business" pays attention to the problems of employment of prisoners in prison²²². He considers the educational role of labor in the process of correction, thereby laying the foundations for resocialization. Professor of Philosophy of Law A.M. Gorovtsev analyzes the very origin of the concept of "charity" in a number of articles in the framework of his scientific work as part of the All-Russian organization "Guardianship of Labor Assistance"²²³ in a number of articles analyzes the very origin of the concept of "charity"²²⁴. When studying this subject, the researcher notes a difficulty in defining the concept of "charity". Gorovtsev points out that "charity in the generally accepted sense of the word is one of the areas of charity, i.e., the creation of good and goodness"²²⁵. However, if we stop at such a definition, "it leads to a new obscure concept – the concept of good, which is difficult for us to analyze"²²⁶. Gorovtsev comes to the conclusion that the concept of charity, as well as the concept of "poverty"²²⁷, cannot be fully defined. At the same time, the author identifies a number of moral and social dominants that make up the very definition of "charity", such as: mercy, kindness, and good. Gorovtsev notes the challenge and new tasks of domestic charity. In a changing social context, he compares her process with a bitter civil war against the growing and constantly transforming poverty: "you can't fight old guns against poverty, which has now gone far ahead of his prototype; that is, if earlier, when its causes and manifestations were

---

²²¹ Georgievsky P.I. Charity of the poor and charity. St. Petersburg: Type. Mor. m-va, 1894. – p. 103

²²² Luchinsky N.F. Fundamentals of prison business. - St. Petersburg: Edition of the editorial board of the journal "Prison Bulletin", 1904.

²²³ Founded in 1895 on the initiative of Empress Alexandra Feodorovna.

²²⁴ See in more detail Maximov E.D. The Decade of Guardianship about the houses of diligence and workhouses. St. Petersburg, 1906; Index of labor assistance institutions for 1913 St. Petersburg, 1913; Shvittau G. G. Labor assistance in Russia. Part 1. Pg., 1915; A brief overview of the activities of the Guardianship of labor assistance. 1895-1915. Pg., 1915; Badya L.V. Russian charity in the field of employment: Labor aid / L.V. Badya // Charity in Russia: Historical and socio-economic studies. – SPb., 2003. – pp. 303-310

²²⁵ Gorovtsev A.M. Labor aid as a means of charity for the poor. St. Petersburg, 1901. – p. 29

²²⁶ Ibid. p. 29

²²⁷ Gorovtsev A.M. Labor aid as a means of charity for the poor. St. Petersburg, 1901. – p. 2

simpler and not as diverse as it is now, it was possible to conduct war against her, but now with their complexity and diversity of this war shall not be carried out sometime"²²⁸. The researcher, using convincing military rhetoric, highlights: "preventive measures", which acts as the vanguard of the fight against poverty, and charity itself "in the narrow sense of the word", which is revealed at the time of disaster and resembles a center operating in the midst of a battle.

In this regard, it is important to note that Gorovtsev also recalls "repressive" charity, which "appears on the scene even when preventive and charitable measures are powerless"²²⁹. The researcher compares it to a military rearguard acting in the event of the defeat of the first two charitable measures, using the terms "labor assistance", under which the concept of forced labor was "summed up"²³⁰. "Labor aid" is actively developing in Russia, is seen as socially promising and is opposed to gratuitous aid and alms. Emphasizing the correctional aspect of such charity, Gorovtsev also calls it "labor punishment"²³¹, explaining that it can be used as a punishment for begging and other crimes.

Truly, P.I. Georgievsky pays great attention to the process of how charity should be organized, without questioning the need for its provision²³². He says that throughout the Middle Ages, the field of poor welfare was dominated by formalism and fragmentation, "we do not find any bodies or measures that unite the cause of helping one's neighbor until the Reformation"²³³. Reformer Martin Luther "categorically declared that begging is one of the greatest evils that must be eliminated in the whole Christian world"²³⁴. Thus, if the institute of charity was developing, it was at a very slow pace. The Institute of Charity, which originated in Russia in the X century, when the care of the poor was entrusted to the clergy "according to the Church Charter issued in 966"²³⁵ it was

---

²²⁸ Ibid. p. 3

²²⁹ Ibid. p. 4

²³⁰ Ibid. p. 5

²³¹ Gorovtsev A.M. Labor aid as a means of charity for the poor. St. Petersburg, 1901. – p. 6.

²³² Georgievsky P.I. Charity of the poor and charity. St. Petersburg: Type. Mor. m-va, 1894.

²³³ Ibid. p. 7

²³⁴ Ibid. p. 8

²³⁵ Ibid. p. 10

supposed to collect tithes in favor of monasteries, almshouses and hospitals. Here we see an example of a subject-subject-object relationship in the field of charity. The author notes that the Russian institute of charity needs constant transformation in accordance with changing social conditions.

The outstanding Russian historian and sociologist²³⁶ V.I. Guerrier (1837-1919), who was elected a member of the Moscow City Duma in 1876, did a lot for the development of public charity. He was not only engaged in improving school and medical education, improving the city. His main contribution in this area is that he "contributed to the reorganization of a number of orphanages into professional schools that gave pupils working professions"²³⁷. Guerrier is also engaged in promising domestic women's education²³⁸. As we can see, at this stage there is a conceptual change in the concept of charity. It is now also understood as investing in education, which attracts both financial and human resources.

S.V. Poznyshev dealt with the legal side of punishment, the ratio of punitive measures and correction, as well as the problem of the psychology of criminals. Poznyshev's works²³⁹ served as the basis for creating the scientific foundation of the Soviet penitentiary system. Poznyshev also develops the topic of socialization of minors who should be placed in colonies, where they acquire the habit of work and education²⁴⁰. These ideas were used by A.S. Makarenko when he developed the system of educational colonies for minors.

In other words, since the mid-nineteenth century, charity has been conceived not as giving material resources to all those in need, but as giving the poor jobs, and also as forcing those who, for a number of reasons, have developed a persistent habit of social dependency. Here we can see some points of intersection between the topic of charity and

---

²³⁶ In addition to works on the history of Western Europe, V.I. Guerrier is the creator of a scientific school and the author of works on sociology and philosophy of history (Guerrier V.I. Auguste Comte. M. 1898, Guerrier V.I. Leibniz and his century. Vol. 1-2. - St. Petersburg: V. Golovin's printing press, 1868-1871, etc.)

²³⁷ Ivanova, T.N. V.I. Guerrier's place in the Russian culture of the last third of the XIX century / T.N. Ivanova // Historical Science and Education in Russia and in the West: the Fate of Historians and Scientific schools. - M.: Institute of General History of the Russian Academy of Sciences, 2012. - p. 11

²³⁸ This refers to the first Moscow Higher Women's courses, founded by V.I. Guerrier in 1872. Funding was found for this project through the efforts of V.I. Guerrier, significant teaching resources were attracted.

²³⁹ Especially "Essays on Prison Studies" (1913) and "Fundamentals of Penitentiary Science" (1923).

²⁴⁰ The very idea of orphanages and colonies for minors in Russia has been fixed since 1866

the formation of the penitentiary system. This includes the works of the Russian educator and educator A.S. Makarenko, his experience in re-education and training through the involvement of pupils of penal institutions in feasible work to achieve large-scale goals of social benefit. At the same time, correctional methods and charitable approaches proposed earlier by Russian penologists are used: V.A. Sollogub, M.N. Galkin-Vrasky, and others. A.S. Makarenko in practice embodies what was not possible to embody in tsarist Russia, namely, it gives the team the opportunity to educate a person who was distinguished by socially irresponsible behavior. It must be said that this domestic pedagogical experience was successful, although it was not accepted as a methodological educational basis for Soviet correctional institutions. Education has become a certain resource "lever" of charity. Following the scientific intuition of W. Frankl, "education should give a person a means to discover meanings"²⁴¹. Charity in this area reminds a person of the spiritual essence of any education, that the life of an individual is not reduced to a simple existence, like material objects, but to harmonious development. In the future, funding for social projects and education gradually began to move away from private benefactors and aid committees, in order to be shifted to the shoulders of the state.

Professor A.S. Panarin very accurately describes the historical evolution of philanthropy as: "the process of cultural socialization of business class: if in the first generation, he gave extremely tough and spiritually immature of a business tycoon, then in subsequent generations are more educated, harmonious and morally sensitive people who become famous patrons, founders of charitable societies, and sometimes rebellious dissident in its class"²⁴². Similar processes took place in the Russian environment, but in the West they mainly led to the emergence of a social state that took care of socially vulnerable citizens using social programs and institutions.

The ideological prerequisite for the humanization of the penitentiary system was the fact that Russian penologists of the XIX century believed in the power of

---

²⁴¹ Frankl V. *Religiosity as a search for the meaning of life // Religion and society: a textbook on the sociology of religion / comp. V. I. Garadzha, E. D. Rutkevich.* - M.: Aspect Press, 1996. – p. 378

²⁴² Panarin A.S. *Political Science. Western and Eastern traditions: Textbook for universities.* - M.: Book House "University", 2000. – p. 72

enlightenment, as well as in the sincere kindness of the Russian person, they believed that "crime does not change a person yet. Crime, for the most part, is nothing more than an accident resulting from lack of character and temptation,"²⁴³ and it is not harsh prison or exile that corrects a Russian person, but "humanity and legality – these are the two rules by which prison work and even prison correction can achieve results in our country that have not yet been tested abroad"²⁴⁴. For example, V.A. Sollogub was very skeptical about the experience of transferring European and American philanthropic models of correction to Russian soil, which were strenuously and unsuccessfully implemented in Russia, since they were not effective in correcting criminals in the United States and England. The models did not break away from the religious Protestant idea of spiritual correction of sinners, explaining the free will of the individual as hopelessly corrupted and incapable of virtue, complete inability to correct under the influence of the collective, and the Russian correctional model emphasized the upbringing in which the collective takes part. According to V.A. Sollogub, in the process of correction, it is necessary to promote the development of the best features of the Russian person through education, respect and paid work, then everything will be done by the self-organization of the Russian people, which will not allow them to go beyond discipline and order. Sollogub insists that in Europe and the United States "philanthropy killed justice here, it was about spiritual healing of great sinners"²⁴⁵ and suggests a correctional model, which later finds its embodiment in the educational communes of A.S. Makarenko.

This model of correction, with all its success and prospects, does not do without extremes, such as exaggerating self-management in the process of correction and idealizing the educational role of the collective. Sollogub describes the trial of thieves over thieves as a positive experience, arguing that prisoners "deserve more trust and are more honest than those they are directly assigned to"²⁴⁶. Such experience of penitentiary education definitely looks doubtful. In turn, Makarenko insists that the colony's self-

---

²⁴³ Sollogub V. A. Titovsky barracks. - M.: Type. Newspapers "Russian", 1867.

²⁴⁴ Ibid.

²⁴⁵ Sollogub V.A. About our executive justice // Russian World 1874. No. 304.

²⁴⁶ Sollogub V.A. Letters of Count V.A. Sollogub and K.K. Grott to M.N. Galkin-Vrasky. - St. Petersburg: Senate Printing House, 1901. – p. 12

governing bodies do not involve interference in their activities by the management or teaching staff, but should fully assume all the functions of managing the collective. The emphasis is again placed on the collective as an educator and the charitable role of a human resource for correction. Makarenko says that the erroneous decision of the General meeting of team possible, but "not because the meeting is bad or inexperienced, but only because by the leadership allowed in the work of important mistakes because not shown enough care about the students or appears excessive concern, leading to excessive abundance in any part, or because that individual employees work negligently or in bad faith..."²⁴⁷. As we can see, charity has an impact on the penitentiary system and produces social transformations in it, taking into account the ideological background and conceptual errors, which will be discussed later.

A new form of charity²⁴⁸, which is now being investigated as a completely new scientific phenomenon, requires separate consideration. We can say that a new charity was born before our eyes, which is directly connected with extremely rich individuals, both well-known to the general public and anonymous philanthropists. L. Salamon explains the phenomenon as follows: "These are capitalists, but with a philanthropic orientation, people who organize a company, earn capital, and then think: "What should I do with all this money now?" On this basis, they are motivated to address the social needs of society. [...] These are people who share their money with society, but at the same time they cannot be called pure philanthropists. They pay great attention to financial instruments, the development of their business, and when financing social projects, they use technically complex financial solutions, new tools in philanthropy, purely financial. Through these financial instruments, they have the opportunity to attract and accumulate much more private capital"²⁴⁹. In the new type of charity, "only economic tools and solutions come to the fore, and the object becomes not a specific person in need of help,

---

²⁴⁷ Makarenko A.S. Pedagogical essays in 8 volumes. Vol. 1. Methods of organizing the educational process. - M.: Pedagogy, 1983

²⁴⁸ Salamon L. suggests using a different term for such charity, avoiding connotations with traditional philanthropy, and calls a new form - a financial instrument or a financial lever.

²⁴⁹ Salamon L. Interview "Russian financial institutions are not aware of new trends in charity" Philanthropist. Electronic magazine about charity. [Electronic resource] URL: <https://philanthropy.ru/intervyu/2016/09/27/41420> / (accessed 12.05.2021).

but large systems, public institutions, even entire countries. The fruits of such a globalization of charity are seen: in the eradication of all types of poverty, in overcoming corruption, strengthening the democratization of society, achieving food, educational and social equality, and forming people's solidarity"²⁵⁰. In other words, the modern revolution in understanding philanthropy is based on a new understanding of charity as loans or investments²⁵¹. Instead of and in addition to financial grants, loans are used for assistance, instead of and in addition to funds – social institutional structures, in addition to cash – barter agreements, human resources, volunteer time resources, investments in new computer software and electronic means of payment.

There is a new imperative of charity, which L. Salamon calls *leverage of influence of new charity*²⁵². The purpose of such charity is to influence systems, as well as attract large amounts of funds to solve social and economic problems. In the twenty-first century, a fundamentally new charity has emerged, which involves the involvement of many institutions and a huge number of sources of financial support, goes beyond the provision of grants, is global and interethnic, and interacts both with the lower part of civil society and with national governments. It is not only charity that is changing, but also the accepted terminology itself.

The impact of such charity is seen as: reducing poverty, improving the environmental situation, strengthening civil society and expanding the life opportunities of individuals²⁵³. We are unwitting participants in grandiose charitable experiments, observers of the transformation of old and the emergence of new forms of philanthropy. L. Salamon insists that: "At a time when the resources of both governments and traditional philanthropists are practically not growing or shrinking, and the problems of poverty, poor health and environmental degradation are getting worse on a daily basis, the need for new funding models and the achievement of social and environmental goals is

---

²⁵⁰ Pirogov A.A. Transformation of the concept of charity in the post-information society. articles / ed. by L.V. Shipovalov, S.I. Dudnik. St. Petersburg: St. Petersburg University Press, 2020. – p. 252-269

²⁵¹ Salamon L. *Leverage for Good: An Introduction to the New Frontiers of Philanthropy and Social Investment* / Translated from English by S. Filin. - M.: Alpina Publisher, 2016.

²⁵² Ibid.

²⁵³ Lester Salamon: The financial lever of good. Journal. A snob. Official website. [Electronic resource] URL: <https://snob.ru/selected/entry/113852/> (accessed: 21.05.2021)

becoming increasingly obvious. There are many new tools and institutions for financing socially oriented activities"²⁵⁴. On the field of philanthropy: "A real revolution is unfolding that can, at least in part, answer this challenge. The essence of this revolution is expressed in the massive emergence of new opportunities for charity and social investment, new tools and institutions designed to mobilize private resources to support social and environmental initiatives"²⁵⁵. At the same time, new benefactors maintain a high level of profitability, and capital investors achieve social impact. It's hard to imagine, but making a profit is becoming the center of such a new charity. Here it is appropriate to recall the terrible warning statement of Karl Marx: "In the icy water of egoistic calculation, the bourgeoisie drowned the sacred thrill of religious ecstasy, chivalrous enthusiasm, and petty-bourgeois sentimentality"²⁵⁶.

New charitable activities increasingly attract not only the favorable attention of economic elites and private businesses interested in investing, but also reproduce special forms of philanthropic investment, which imply a large-scale social impact and an indispensable extraction of financial profit.

L. Salamon offers to refer to these new forms of philanthropy to use the term *leverage* (emphasis added) that is, "the mechanism by which when a relatively small effort is achieved substantial effect"²⁵⁷, which "means to find a way to go beyond the limited resources, which is formed due to the income from the Fund's assets or annual donations from individuals, and direct social and environmental aims are part of a much larger investment assets-resident banks, pension funds, insurance companies, mutual funds and the accounts of wealthy owners"²⁵⁸. The thinker insists on the fundamental difference between the two types of philanthropy: "traditional charity directs aid mainly to non-governmental organizations, while new investors also support a variety of social enterprises, cooperatives, and other hybrid organizations. While traditional charities view

---

²⁵⁴ Salamon L. *Leverage for Good: An Introduction to the New Frontiers of Philanthropy and Social Investment* / Translated from English by S. Filin. - M.: Alpina Publisher, 2016. – p. 6

²⁵⁵ Ibid.

²⁵⁶ Marx K. Engels F. *Manifesto of the Communist Party* - Moscow: State Publishing House of Political Literature, 1955.

²⁵⁷ Salamon L. *Leverage for Good: An Introduction to the New Frontiers of Philanthropy and Social Investment* / Translated from English by S. Filin. - M.: Alpina Publisher, 2016. – p. 7

²⁵⁸ Ibid. p. 8

their work through the lens of donation, focusing exclusively or at least primarily on social impact, actors in emerging areas of philanthropy view their work through the lens of investment, focusing both on social impact"²⁵⁹.

He further states "market-oriented approaches continue to work even when philanthropic donations run out. So they should be part of the solution to the big problem of poverty"²⁶⁰. It is impossible not to agree with the scientist's statement that the new charity is only part of the solution to the problem of monstrous poverty, which is large-scale, growing and requires a comprehensive understanding. The search for new economic methods of influencing a socially disadvantaged society and timely solutions to the problem of poverty is very important. It is obvious that historically no form of charity science has developed. Philanthropy is focused on results, which are always subjective. It is very difficult to assess the practice of charitable influence. Perhaps this fact is partly connected with the attempt to reorient the discourse on charity issues in a purely economic direction, moving away from spiritual and moral categories, where, as it seems at first glance, value judgments and emotional addictions cannot be avoided²⁶¹.

Despite the fact that in the above-mentioned new paradigm of charity, the leading place is given to solving the problem of overcoming social injustice and poverty, the researcher levels out a clear understanding of the axiological foundations, as well as the internal driving mechanisms of charity inherent in its traditional forms, there is no concept of sacrifice and sacrifice, and the spiritual and moral meaning that makes up the ideological basis of philanthropy is not noticed. It seems to us that the demarcation line of the crisis runs not only in the economic sphere and in the field of unfair distribution of resources, but also in the sphere of morality, where there is a devaluation of a person's personality, identity, language, culture and life as the highest value. The loss of morals and the value of life, as well as the economic downturn, pose new challenges for the thoughtful researcher in the field of charity. Finance is definitely not a universal absolute spiritual value and its redistribution in favor of the needy is not seen as an actual super-

---

²⁵⁹ Ibid. p. 9

²⁶⁰ Ibid. p. 48

²⁶¹ Pirogov A.A. Transformation of the concept of charity in the post-information society. articles / ed. by L.V. Shipovalov, S.I. Dudnik. St. Petersburg: St. Petersburg University Press, 2020. – p. 252-269

task, and the good as an absolute category cannot be measured, the judgment about it is subjective. The author of this study believes that along with these new forms of charity, the previous ones have not lost their significance and have their own social points of application. The commandments of love and beatitude have not lost their moral significance in a liberal society, but they are gaining a new meaning. The state should not interfere in the field of charity? A.S. Panarin answers the question about the apparent confrontation: "Does the liberal principle of non-interference of the State in economic and social life lead to the triumph of law?...the strong, as a rule, do not need the right – they benefit from the element of social Darwinism (the law of the jungle)"²⁶². The weak should be rejected by the strongest and richest of this world? The answer can only be negative. Christianity, with its timeless commandment of mercy and traditional charity, remains a deterrent against evil and disenfranchisement. John Paul II he says about charity: "This is the goal that all our efforts should be directed to achieving-both in the social and cultural sphere, as well as in the economic and political sphere. It should be added that this goal will never be achieved if we adhere to the principle of "an eye for an eye, a tooth for a tooth" (Mt. 5:38) in our concepts and in our activities concerning a broad and complex area of public life"²⁶³. In other words, the law of revenge, the law of survival of the fittest-is absolutely unacceptable for a person, but on the contrary – mercy, which not only does not contradict justice, but expresses its essence in forgiveness. Charity and love are necessary for the affirmation of a person as such, they express his true essence and orientation towards another person and the Transcendent. In the author's opinion, it is necessary to bring forgiveness and mercy to all spheres of modern life for transformation²⁶⁴.

What, then, is real charity today, which corresponds to the category of good, which is only a simulacrum, a form that has no connection with the original reality? It can be assumed that the need for a charitable myth is just an acquired habit, which is skillfully

---

²⁶² Panarin A.S. Political Science. Western and Eastern traditions: Textbook for universities. - M.: Book House "University", 2000. – p. 30

²⁶³ Pope John Paul II. A god rich in mercy. Dives in misericordia. An encyclical about God's love for man. [Electronic resource] URL: <http://krotov.info/acts/20/voityla/19801130.html> (accessed: 05/31/2021).

²⁶⁴ Ibid.

supported by social institutions and exploited by the media. For example, a huge number of modern charitable organizations continue to use in their names concepts that correspond in meaning to the traditional perception of charity, compassion, kindness, moral and family values ("Good", "Compassion", "Help", "Mercy", "Father", "Goodness" and others). The founders of organizations and foundations try to instill the idea that the appeal of donors to such an organization for mediation in the field of charity necessarily leads to the formation of traditional moral values, effective assistance to a particular person. However, in general, public confidence in the activities of charitable organizations is low²⁶⁵. This is due to abuses and embezzlement of material resources in this area, which has been repeatedly noted by a number of charity researchers²⁶⁶.

It seems to us that the modern mass media reinforce a person's stable positive image and the totalitarian nature of consumer society, which takes the place of a fair judge and hierarchy, a performer of social needs, and the hysterical and impulsive nature of charity appears. The immediate fulfillment of any material need and the realization of subjective desire manifest themselves as an obligatory manifestation of free will and independence of human choice. It's time to talk about the need for ideological, non-material moral and ethical charity, when any personal manifestation of moral goodness looks like a heroic act and a humane feat. However, traditional charity from person to person, without intermediaries, without rewards and self-promotion, without TV surveillance and PR campaigns – has not ceased to exist, it has transformed along with society, taking new socially significant forms. The thinker M. Nussbaum notes the negative fact that in modern education there is a gradual inhumane redistribution of material resources in favor of those disciplines that give a quick profit to an educational institution. Nussbaum defends the idea of accessible philosophical education and draws the line between

---

²⁶⁵ One of the major problems in this area is that "the law on NGOs has been in force in Russia since 2017, but there are still no professional quality standards for the provision of social and charitable services, and recommendations for the standards of public reporting of charitable organizations." In other words, it is absolutely impossible for a donor to objectively monitor the activities of modern charitable organizations, to assess the ethics and goodness of actions for the distribution of accumulated resources. See: Trust in charity: from the ethical code to professional standards. TASS. Official website. [Electronic resource] URL: <https://tass.ru/pmef-2017/articles/4291497> (accessed: 12.05.2021).

²⁶⁶ How do they steal from charity? The Legend Foundation. [Electronic resource] URL: <https://blog.predanie.ru/article/kak-voruyut-v-blagotvoritelnosti/> (accessed: 12.05.2021).

education for profit and democratic education, charity for profit and genuine philanthropy²⁶⁷. This understanding is important not only for strengthening social institutions, but also for educating scientific elites and enables wealthy donors to see the world through the eyes of poor people, empathize with them, and provide real charity that is not based on profit and self-interest, but comes from inner fulfillment, awareness of the value of their own and others' human nature, and the importance of charity in the modern world. L. Salamon also states that "values are not only moral guidelines, but also indicators of humanity and civilisation of society"²⁶⁸. Therefore, modern education should not rely only on the logic of extracting economic profit, but also seek to involve new forms of charity. We see here the transformative influence of another modern form of charity, which is based on the philanthropic idea of affordable free liberal arts education.

Criminologist Nils Christie deliberately sharpens the issue of the impact of charity on education, applying the topic to the penitentiary system and the field of social adaptation. The thinker asks: "Is it fair that a person who has served a prison sentence or been treated in a psychiatric hospital is treated equally at university with those who received high marks in school or have work experience? In most cases, we answer this question in the affirmative. Fortunately, there aren't many of them"²⁶⁹. In other words, the boundaries of charity should be greatly expanded and those who have passed the penitentiary system, according to Christie, can enter educational institutions on preferential terms.

As we can see, charity becomes an investment in socio-cultural values, the foundation of a new type of democratic society. This is not only an attempt to transform the world, but also a search for ways to solve the problem of social inequality in the field of education, setting moral markers and indicators of humanity²⁷⁰.

---

²⁶⁷ Nussbaum M. Not for profit: why democracy needs humanities / Translated from English by M. Bendet. - M.: Publishing House of the Higher School of Economics, 2014. – p. 190

²⁶⁸ 10 myths about civil society, which were debunked by Lester Salamon. National Research University Higher School of Economics: [Electronic resource] URL: <https://www.hse.ru/news/126676910.html> (accessed: 05/21/2021).

²⁶⁹ Christie N. Fighting crime as an industry. Forward to the GULAG of the Western model / Translated from the English by A. Petrov, V. Prophetova. Preface by J. Gilinsky. 2 ed. - Moscow: NGO "Center for Assistance to Criminal Justice Reform", 2001. – p. 141

²⁷⁰ Pirogov A.A. Transformation of the concept of charity in the post-information society. Articles / ed. by L.V. Shipovalov, S.I. Dudnik. St. Petersburg: St. Petersburg University Press, 2020. – p. 252-269.

For our research, it is important that investing in the education of persons from the special contingent contributes to their re-socialization and is a promising area of charity application in the penitentiary system. For example, in 2019, the number of convicts who completed distance learning in various educational institutions in Russia significantly increased²⁷¹. Large-scale access to educational resources is one of the important and achievable goals of modern charity, which also applies to the prison system.

Drawing conclusions from this part of our research, it is worth mentioning that the use of the concept of traditional charity to refer to the processes of influencing society is quite reasonable, since it reminds us that its main goal remains social. The concepts of traditional charity and new charity do not exclude each other, but are different projections of the same social process. There is no precise and comprehensive definition of the phenomenon of charity, as well as a unified terminology in this field, which is constantly undergoing *the charitable revolution*, accompanied by transformation and changing meanings. Today we should talk about the coexistence of the above-mentioned traditional charity and new charity, which does not correspond to the category of Absolute Good. Despite the fact that the new charity has yet to receive a sufficient socio-philosophical understanding, it confidently occupies its niche in the post-information society. Large-scale charity goals are still relevant to numerous social groups that are in urgent need of support. From considering the axiological and ontological foundations of charity, we will move on to analyzing the spiritual and religious foundations of the penitentiary system.

---

²⁷¹ The number of prisoners receiving education in the colonies has tripled. Rossiyskaya Gazeta. Official website. [Electronic resource] URL: <https://rg.ru/2019/02/08/chislo-zakliuchennyh-poluchaiushchih-obrazovanie-v-koloniiah-vyroslo-vtroe.html> (accessed: 05/21/2021).

Chapter 2. Spiritual and religious origins of the penitentiary system

2.1 New Age European and North American charity and the prison system²⁷²

The English Law of 1601 was an ideological transition from various types of care for the poor to directed organized charity in relation to the penitentiary system. According to it, the magistrate in each parish appointed trustees, who "were obliged to turn all persons who did not have the means of subsistence and permanent occupation to work"²⁷³. Here we see a real transition to a social system, where parish residents are taxed, to provide work for parasites in "workhouses", to support those who cannot work for health reasons, and finally to educate teenagers. We can see that charity finds all the points of application that we have previously identified: hospitals, prisons and schools, and the initial formation of a resocialization system is also observed. Forced labor is put in the foreground, which is then used in almost all models of the penitentiary system.

Apparently, the humanization of the prison system around the world is based on the idea of a religious protestant movement of the Religious Society of Friends of the "quakers" – the repentance of the criminal as the basis for its implementation. The Quaker Society was founded by the English preacher George Fox (1624-1691), who thoroughly studied prison issues, since he himself was imprisoned several times for his beliefs. Fox and his followers spread the humanist and pacifist ideas of the Quakers to North America and Europe. It is generally accepted that the first penitentiary system was formed at the end of the XVIII century, when North American Quakers in Pennsylvania founded the "Society for the Relief of Prisoners Suffering" in 1787.

Penologists agree that Quakers not only developed a philosophical and theological understanding of the functions of the penitentiary system, such as correction and

---

²⁷² Fragments of the article are used in the paragraph Pirogov A.A. Spiritual and religious origins of the penitentiary system in Russia of the XIX century in the light of the formation of the national model of tolerance// Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy. 2020. Volume 21, Issue 3, St. Petersburg: RKHGA Publishing House. – p. 295-304

²⁷³ Georgievsky P.I. Charity of the poor and charity. St. Petersburg: Type. Mor. m-va, 1894.

punishment, but also succeeded in testing it in practice. This view was shared by the liberal French prison scholars Alexis de Tocqueville²⁷⁴ and Gustave de Beaumont²⁷⁵, who popularized the Quaker system in Europe. The result of their joint holiday in the USA was published in French in 1833 book prepared for the government report on the state of the penitentiary institutions in the United States²⁷⁶, where the authors enthusiastically talk about the humanity of the system proposed by the sect of the Quakers, and insist on the need of transfer of the experience of solitary confinement in Europe, offering replacement to the widely used punishment in the form of links to solitary confinement. The book influenced the paradigm shift of the correctional system and the course of penitentiary system reforms. It was not only reprinted in French in 1836 and 1845, but also translated into English and German (1833). This work was very popular in scientific and public European circles of the XIX century and laid the foundation for a social discourse on the humanization of the prison system. Russian researcher S.A. Vasilyeva shares a similar point of view about the religious origins of the penitentiary system and claims that it was the Quakers who proposed "the first prison theology – the concept of a religious justification for incarceration"²⁷⁷. The author insists that the term "prison theology" has no analog in Russian literature, but "there are definitions similar in meaning, such as "prison mission", "spiritual care of prisoners" or "church prison service", but they rather characterize the external – practical side of the activities of prison priests"²⁷⁸. Here it is worth paying attention to the active side of these domestic definitions – *mission, care, ministry* (our cursive), while the European and American type of thinking in this direction is more characterized by scholasticism and restrained Protestant structure.

Why did Quakers start working on prison reform? There are several answers to this question. First, this is how they saw their mission in the world, literally understanding the

---

²⁷⁴ Alexis-Charles-Henri-Clerel de Tocqueville (1805-1859).

²⁷⁵ Gustave de Beaumont (1802-1866).

²⁷⁶ The prison system in the USA and its application in France (Du système penitentiary aux Etats-Unis et de son application en France).

²⁷⁷ Vasilyeva, S.A. "Prison theology" in the preaching activities of American prison chaplains in the early 19th century / S.A. Vasilyeva // *Bullet. Norh (Arctic) feder. university.* - 2017. - №. 2. – p. 5-12

²⁷⁸ *Ibid.*

words of Christ in Protestant terms: "I was in prison, and you came to Me"²⁷⁹. Not only did they fulfill the mission of visiting prisons, but they also sought to do good to the prisoners, just as they would have done to Christ Himself. It should be noted that this literal understanding of the text of the Gospel was quite widespread not only in the Protestant environment. Suffice it to recall, for example, the interpretation of this text philologist and teacher of the Kyiv-Mohylanskaya Collegium hieromonk Epiphanius Latin who died in 1675 and was the polyglot, knowns Roman and Greek theological schools, "and in prison, the Lord was not Himself - He has the power to release from suffering, but in His saints. Now you see, beloved that the saints are not by themselves: as the saints endure all these things for the Lord's sake, so the Lord also endures them for the saints sake together with them"²⁸⁰. The Quakers in Europe were religious dissidents who finally found religious freedom and the right to engage in mission work in North America. They aspired to personal sanctity, asceticism, and wanted to see glimpses of virtue in the people around them. This was a social and transformative activity that M. Weber correlates with the Quaker theology, which was based not on the traditional Christian ascetic struggle against sinful flesh, but primarily on the commitment to material goods, as well as on their "struggle against the irrational use of property"²⁸¹. Quakers reduce to a minimum the human desire for comfort and luxury "their asceticism requires constant personal rational sacrifice, and from rich people not mortification of the flesh, but such use of wealth as would serve necessary and practically useful purposes"²⁸². They considered useful: missionary work, charity, the creation of schools and humane correctional institutions. Secondly, the Quakers believed that the printed Word of God could supernaturally affect a person so that they would experience a personal illumination and shine within them as they read the Bible *Inner Light* as a perceived experience²⁸³.

---

²⁷⁹ The Gospel of Matthew 25:36. Cit. by: The Bible, the Books of Holy Scripture of the Old and New Testaments. Moscow: Edition of the Moscow Patriarchate, 1988.

²⁸⁰ Epiphanius Latin. Interpretation on the Gospels. [Electronic resource] URL: <http://bible.optina.ru/new:mf:25:35> (accessed 06.02.2021).

²⁸¹ Weber M. Protestant ethics and the spirit of capitalism // Religion and society: a textbook on the sociology of religion / comp. V.I. Garadzha, E.D. Rutkevich. - M.: Aspect Press, 1996. - p. 614

²⁸² Ibid.

²⁸³ Brinton Howard. The history and faith of the Society of Friends since the founding of the Quaker movement by George Fox. M.; Friends House Moscow, 1988. - p. 15

Quaker literature abounds in explanations of the nature of this process. *The Inner Light* is not the same as conscience or reason²⁸⁴, but rather a sense of the presence of Christ. A prisoner who has experienced a mystical inner encounter with Christ is bound to embark on the path of correction, since the Quakers did not believe in original sin and the utter depravity of human nature. Thus, the subsequent change in the life of the criminal proved the immutability and practicality of the truths of Scripture, as well as the faithfulness of the teachings of the Quakers themselves. The Quakers themselves waited for the answer to prayer in complete silence and concentrated reflection, as we see in the practice of solitary confinement, where a religiously untrained person is invited not only to be alone with their thoughts, but also to devote time to prayer, as well as to reading and studying the Bible. It should not be overlooked that the Quaker sect was of European origin, one of the results of the Reformation. In North America, Quakers were fleeing religious persecution, and this left an imprint on their worldview. From America, Quakers are once again spreading their ideological influence to Europe²⁸⁵. This is a kind of "second coming" of mystical ideas of Protestant sects, updated not only by theory, but most importantly – by the practical victories of their radical teaching in the field of social activity.

Tocqueville, comparing the new American prison system to the French one, notes that "the infection of mutual communication that corrupts prisoners in our prisons does not harm their soul and their body"²⁸⁶, since prisoners are in humane solitary confinement. At the same time, Quakers understood that the level of literacy among prisoners is very different, so they also offered prisoners basic religious and general education. It is interesting that the Quakers, who reject all symbols of faith and official churches, in their search nevertheless turned to the practices and foundations of repentance known in the early Christian church (from lat. *poenitentia* "repentance, turn"), described in detail in the "Confessions" of St. Augustine. In the early Christian church, along with the confession

---

²⁸⁴ Religious society of Friends. Quakers. Official website. [Electronic resource] URL: <https://quakers.ru/> (accessed: 08.03.2021).

²⁸⁵ Ibid.

²⁸⁶ Beaumont G., Tocqueville A. On the Penitentiary System in the United States and its Application to France. Publisher: Palgrave Macmillan 2018. – p. 97

of faith (*confession fidei*), there was a practice of public confession, the so-called confession of sins (*confession peccatorium*), when a person openly named his sins without compulsion, thus expressing a desire to receive forgiveness from God and correct himself. For example, this was the case in the famous story of Ambrose of Milan and the emperor Theodosius, who was forced to exceed the power and destroy the citizens in Thessalonica. Bishop Ambrose encouraged the emperor to publicly repent of what he had done, which was done by the monarch. Here we draw attention to the fact of public repentance, which took place under the influence of a representative of the Church and under the close attention of society. The role of the Forgiver was played by the Church itself, acting on behalf and on behalf of God, and the people as a Christian community that accepts the sinner after repentance. In confession of sins (*confession*) a practical truth that is significant for the individual and society is achieved. It is both a means of knowing God and a means for the penitent to understand himself.

This process is accurately described by the French phenomenologist Jean-Luc Marion in his book, which provides a commentary on the Confessions of St. Augustine: "Truth can be given only when truth is created – and first of all when the truth is created about me who receives it"²⁸⁷. Thus, the prisoner is a universal penitent who must realize the truth outside of himself and in himself, and face it. In the early Church, the penitent was dressed in special penitential clothing (*penitentium*), followed a special rite of penance (*ordo penitenciorum*). It is not difficult to see the analogy with prison clothing, a practice that is still used today. Fasting was obligatory, as an ancient Old Testament practice indicating deep humility and repentance.

Also in the *Summa Theologica* of Thomas Aquinas and the Interpretation of the Psalms of St. Augustine, another necessary attribute of repentance is mentioned – works of mercy (*opera misericordiae*)²⁸⁸. Psalm 125 is dedicated to this practice of repentance: "Those who sow with tears will reap with joy; with weeping he who bears seed will return with joy, bearing his sheaves" (Psalm 125:5-6)²⁸⁹. Traditionally, the seeds sown are

²⁸⁷ Marion, Jean-Luc. *Ego, or Endowed with self*. Ripoll-classic. M., 2019. – p. 186

²⁸⁸ Augustini Sancti Aurelii. Hipponensis Episcopi. *Opera Omnia*. Volume 4 (Latin Edition). Parisi 1841. – p. 1664

²⁸⁹ Cit. by: *Old and New Testaments. Texts of Holy Scripture*. Synodal translation. M., 1983

interpreted as *acts of mercy*²⁹⁰, that will bear fruit to the tearful penitent in an eternal, transcendental perspective. Quakers who have rejected any official church carry this practice to society: the individual repents and puts on prison clothes, and in the case of the Pennsylvania system-special prison robes with hoods that protect them from contact with other prisoners. The prisoner also works in public works, performs deeds that testify to change and reconciliation with God. Let us pay attention to the fact that reconciliation takes place not with the Church, but with God and, of course, with society, which fatherly accepts the prodigal son into its ranks as an obedient citizen. This process and its result inspired Tocqueville, who saw in this system, first of all, a tool for educating obedient and useful citizens, where the Church as an institution is on the sidelines. It is worth noting that the certainty of the authority of the Church in Europe as a traditional institution was widely questioned, but the theory and especially the practice of repentance were in demand. Role the forgiver began to be owned at by the state and society.

So, in the state of Pennsylvania, named after the father of the Quaker leader William Penn (1644-1718), "in 1876, the voice of the Quakers was heard"²⁹¹ and the foundations of the newest, later called the Pennsylvania prison system, which was very progressive at that time, are being created. It meant complete separation of prisoners, solitary confinement of the prisoner in a cell, the creation of conditions for thoughtful reading of the Bible, silence that allowed you to reflect on what you had done and repent, and in the related *Auburn system*²⁹² for correction, educational work and strict discipline were combined. The experiment was successful in such a way that "the first state to adopt this system was New York, which in 1797 adopted the basics of a new system of incarceration in criminal law"²⁹³. Prison reform is now rapidly spreading across the North American states, with sentences becoming more lenient, and solitary confinement has now been widely used instead of the death penalty. It is worth noting that the results of

---

²⁹⁰ Augustine the Blessed "Interpretation on Psalm 125" [Electronic resource] URL:

https://azbyka.ru/otechnik/Avrelij_Avgustin/tolkovanie-na-psalom-sto-dvadtsat-pjatyj/ (accessed: 06.02.2021).

²⁹¹ de Beaumont G., de Tocqueville A. On the Penitentiary System in the United States and its Application to France.

Publisher: Palgrave Macmillan 2018. – p. 4

²⁹² named after the city of Auburn, New York in the USA.

²⁹³ Ibid.

prisoners' labor were used by society and this also served as proof of the correction of criminals, a public confirmation of making amends for their guilt.

Despite the fact that in today's context such content looks discriminatory and even inhumane, contributing to mental illness and suicide, in the XVII – XIX centuries it was a very advanced and humane system, and the Quakers themselves also advocated the abolition of the death penalty, against the ill-treatment of prisoners and the mentally ill. After all, in the penitentiary system of that time, the death penalty, exile, torture and corporal punishment were widely used as a "humane practice" in relation to criminals. The results of Quaker practices, as well as the ideas of prison humanists John Howard (1726-1790) and Jeremiah Bentham (1748-1832), who also offered their own alternative approaches in the penitentiary sphere, spread very rapidly around the world. N. Christie explains that Bentham contributes to the emergence of "the central idea of felicific calculus in criminal law for its time: a person strives to get maximum pleasure and experience minimal suffering"²⁹⁴. It is quite understandable that Bentham's and Howard's ideas were widely discussed in scientific and public circles, and their bold scientific intuitions were also applied in the prison system around the world.

The Russian penitentiary system was also influenced by these ideas, although it had its own specific features of formation, as well as personalities that had a significant impact on it. The description of this phenomenon deserves a separate brief review, which allows the format of this study.

The turn of the XVIII-XIX centuries – the birth of industrial capitalism, there is a change of the previous economic paradigm, in the words of Marx: "the mill created feudalism, and the steam engine-capitalism"²⁹⁵. The period of classical capitalism has arrived, and the industrial revolution is accompanied not only by a sharp increase in labor productivity, but also by the restructuring of the penitentiary system, which must now be economical and productive. Speaking about the emergence of capitalism and the

---

²⁹⁴ Christie N. *Fighting crime as an industry. Forward to the GULAG of the Western model / Translated from the English by A. Petrov, V. Prophetova. Preface by J. Gilinsky.* 2nd ed. - Moscow: ROO "Center for Assistance to Criminal Justice Reform", 2001. – p. 187

²⁹⁵ Marx uses the word "capitalism" in his work "The Poverty of Philosophy" in 1847.

influence of Protestantism on this process, M. Weber warns: "the program of ethical reform has never been in the center of attention of any of the reformers"²⁹⁶. The pursuit of worldly goods, which is characteristic of capitalism, did not appear to the founders of Protestantism as an ethical value. However, "they were neither founders of ethical culture societies, nor bearers of humane aspirations and cultural ideals, nor supporters of social reforms. Salvation of the soul, and only that, was the main goal of their lives and activities. It is here that we must look for the roots of the ethical aims and practical effects of their teachings; both were only the result of purely religious motives"²⁹⁷. One cannot but agree with this, applying M. Weber's statement to the topic of our research.

The penitentiary system, as well as charity, in the Protestant sense, served the cause of saving the soul of both one's own and another person. Protestants, according to M. Weber, deliberately did not awaken the spirit of capitalism, but saved the human soul, using all possible methods for this. Protestant literature illustrates this quite clearly. Theologian G. Collins confidently explains the reason for charity: "God loves those who give according to their heart's desire, and we see that throughout the Bible special attention is paid to giving to God, to the poor, and to one another. Sometimes such charity is rewarded with material wealth and / or spiritual blessing, but as we have seen, this does not always happen"²⁹⁸. In other words, the imperative is the words of the Bible, and the goal is the salvation of souls. However, Collins does not forget to pragmatically remind about the upcoming material reward for the donor, although he makes a reservation that it is not worth waiting for or demanding²⁹⁹. On the one hand, money and property are established by God, on the other hand, they are a problem, so charity is offered, which can be either personal or through the community, which is given a percentage of financial income³⁰⁰.

---

²⁹⁶ Weber M. Protestant ethics and the spirit of capitalism // Religion and society: a textbook on the sociology of religion / comp. V.I. Garadzha, E.D. Rutkevich. - M.: Aspect Press, 1996. – p. 610

²⁹⁷ Ibid.

²⁹⁸ Collins G. Handbook on Christian counseling / Translated from English by A.A. Baev - St. Petersburg: Mirt, 2003. – p. 718

²⁹⁹ Ibid.

³⁰⁰ Ibid. p. 714-733

Protestant theologian S. Meyer, explaining the problem of money, in turn insists that it is "a kind of spiritual drug that kills a person's receptivity to true values"³⁰¹. Getting rid of this power of money is seen in various forms of charity, because "in collecting money or other means of subsistence for those in need, care, charity and compassion are expressed"³⁰². The author also speaks about the Protestant motivation for such charity: "Since God is generous to us, we must be kind to others. Therefore, alms and other similar charity are considered acts of charity"³⁰³.

Pointing out the problem of the "secularization" of religion in America, G. Lukacs cites the example of M. Weber's study of Protestantism, insisting that "the content of faith is gradually moving away from its adherents"³⁰⁴. Capitalism pervades all spheres of social and religious life and removes the function of responsibility. Weber recalls the case that the entry for a person in a religious Protestant group opens the "Bank loans throughout the County and makes it indefinitely creditworthy without any competition"³⁰⁵. N. Christie recalled that the prison in the capitalist world, in the era of industrialization turned into production and the factory, and "evil becomes a currency, the value of which is determined by the suffering"³⁰⁶. It is appropriate to mention that G. Simmel also pointed out that the behavior of man in society "has a distinctive degree of elevation, dedication, sacrifice, intimacy"³⁰⁷, but a punishment and economic mechanism. If social processes first occur in the souls of individuals, then money is an anti-personal element that has become the economic basis of life and punishment.

The French philosopher E. Mounier also sharply criticizes the capitalist approach to social issues for diverting capital from responsibility, distorting the true nature of

---

³⁰¹ The Evangelical Dictionary of Biblical Theology edited by Walter Elwell / Translated from the English by V.N. Gavrilov. - St. Petersburg: The Bible for Everyone, 2000. – p. 278

³⁰² Ibid. p. 568

³⁰³ Ibid.

³⁰⁴ Lukacs G. The originality of the aesthetic // Religion and society: a textbook on the sociology of religion / comp. V.I. Garadzha, E.D. Rutkevich. - M.: Aspect Press, 1996. – p. 391

³⁰⁵ Ibid.

³⁰⁶ Christie N. Fighting crime as an industry. Forward to the GULAG of the Western model / Translated from the English by A. Petrov, V. Prophetova. Preface by J. Gilinsky. 2 nd ed. - Moscow: NGO "Center for Assistance to Criminal Justice Reform", 2001. – p. 152

³⁰⁷ Simmel G. Towards the sociology of Religion // Georg Simmel. Favourites. Volume 1. Philosophy of Culture - Moscow: Jurist, 1996. – p. 633

things, and as a result is directed against the individual and labor³⁰⁸. This leads to the destruction of a person's personality and the disintegration of his value system: "The modern world has split a person into separate parts, and each of them, being separated from the whole, falls into decline"³⁰⁹. According to Mounier³¹⁰, the Absolute, which is completely incompatible with the world, creates clear moral guidelines, including in matters of sacrifice³¹¹. Christianity was expected and is expected to come out as a new and better world, the opposite of inhumanity and cruelty, which is especially true in times of world wars and great social upheavals. To what extent has this expectation been fulfilled? The question is rhetorical.

It is important to note the conclusion that a single system of isolation in the new socio-economic conditions looked like a progressive and profitable model of correction. The prisoner is tacitly engaged in corrective labor activities, released from prison as a new person, no longer resembling a person, but a capitalist instrument of production. After analyzing the origins of the European and American charity systems, we will move on to consider such issues in the context of Russia.

---

³⁰⁸ Mika J. Social teaching of the Catholic Church. Experience of historical analysis. - Rome - Lublin.: Holy Cross Publishing House, 1994. - p. 350

³⁰⁹ Munier E. What is personalism? / Translated from French, note by I.S. Vdovina. - M.: Publishing House of Humanitarian Literature, 1994. - p. 100

³¹⁰ E. Mounier is a Catholic by religion.

³¹¹ E. Mounier also criticizes Marxism, because it inhumanly hinders the development of the human personality, gives space to the collective person and does not notice personalism.

2.2 Russian charity and the penitentiary system³¹²

Organized Russian charity began in 1802, when the philanthropic society was approved, which "by 1816 had received a well-organized organization under the name of "The Imperial philanthropic society" and formed an independent and very extensive department"³¹³. The Institute of Charity gradually affected all areas of public charity, as well as prisons and hard labor.

It is worth noting that the facilities of the Russian penitentiary system of the XIX century contained relatively few prisoners³¹⁴, most of whom were concentrated far from home – in Siberia and later on Sakhalin. The ideological foundations of the consistent demand of Russian penologists (M.N. Galkin-Vrasky, V.A. Sollogub) become clear – to ensure that prisoners not only have a decent existence, but also serve their sentences near the places where they were born and lived³¹⁵.

For comparison, according to various sources, 68,297 people were held in GULAG institutions in 1923 alone and about 60 thousand in various correctional institutions³¹⁶, while in modern Russia the total number of prisoners for various crimes in 2020 is 496,791 people, compared to 2019, the number of special constants decreased by 500 thousand³¹⁷. In 2021, the prison population has a steady downward trend³¹⁸. Tsarist Russia

³¹² The paragraph uses fragments of the article Pirogov A.A. Social reforms or soul-saving pietism? Scientific experience of V.A. Sollogub as a prison specialist. 2020. No. 5. Saint Petersburg University Consortium (Saint Petersburg). – p. 40-46

³¹³ Georgievsky P.I. Charity of the poor and charity. St. Petersburg: Type. Mor. m-va, 1894. – p. 29

³¹⁴ In 1892, there were only 11 convict prisons and prisons on the territory of Russia, where a total of 5,335 people were held, including 369 women (Gernet M.N. History of the tsarist prison: in 5 vols. - M., 1962. - Vol. 4. - p. 35).

³¹⁵ The need to organize colonies near those cities where vagrants and criminals were detained is also indicated by P.I. Georgievsky, who does not belong to penologists, but was an economist. He explains his position primarily by economic expediency, since it would be possible to maintain colonies where re-education takes place on the taxes of the residents of the city.

³¹⁶ Solzhenitsyn A.I. GULAG Archipelago 1918-1956, part III-IV. - Moscow, 2008.

³¹⁷ Glikin K. The number of prisoners in Russia has decreased by 0.5 million for the first time. Vedomosti newspaper on August 14, 2020. Electronic resource <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2020/08/13/836640-chislo-zaklyuchennih> (Accessed: January 9, 2021).

³¹⁸ As of January 1, 2021, 482.9 thousand convicts, suspects and accused were held in institutions of the penal enforcement system, which is 381.1 thousand less than in the same period of 2010 (as of January 1, 2010-864 thousand people). Thus, as of January 1, 2021, 354.1 thousand people were held in correctional colonies, which is 369.8 thousand less than in the same period of 2010 (as of January 1, 2010-723.9 thousand people). See: The concept of the development of the penal system of

was by no means a "prison of nations." Moreover, places of detention were considered as a field for charitable and educational activities.

In this regard, it is very important to note that in the 19th century, information on prison reform was widely exchanged at the world level, Russian representatives participated in international congresses, and they had to answer a number of inconvenient questions: about the conditions of detention, the fate of prisoners children, the death rate of prisoners, etc. However, Russia was very late in implementing prison reforms³¹⁹.

For example, the German-born humanist and philanthropist Dr. Fyodor Haaz (1780-1853), as early as the second decade of the 19th century, strongly demanded that the Russian authorities abolish torture practices: the pendulum transfer of convicted criminals to hard labor in crippling shackles bound in groups with a metal rod, and the humiliating shaving of half their heads. The philanthropist also demands: better nutrition and medical care, separation of prisoners, isolation of men from women and children. Haaz personally prepares, prints and distributes small treatises of Biblical instructions in Russian to prisoners. Undoubtedly, this is due to the influence of the well – known ideas of American and European Protestants, Quakers and humanists mentioned above, as well as a sincere belief that religious education and enlightenment will bring inner freedom and a change in lifestyle to a person.

According to G. Lukacs, "the way a person perceives his connection with religion determines the entire scale of his life manifestations, which extends from direct practical participation in everyday life to ecstatic withdrawal into the life of saints"³²⁰. Accordingly, Haaz identifies itself with the undivided Church, so its efforts are directed towards a universal, general, all-encompassing "satisfy religious needs of both the most exalted and the most mundane nature"³²¹. It comes from the wholeness of the individual,

---

the Russian Federation until 2030, approved by the Decree of the Government of the Russian Federation dated 14.10.2010 No. 1772-R. (ed. from 09/23/2015) [Electronic resource] URL:

<http://publication.pravo.gov.ru/File/GetFile/0001202105050004?type=pdf> (accessed: 03/18/2021).

³¹⁹ Nikitin V.N. Prison and exile. St. Petersburg, 1880. [Electronic resource] URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/3225-nikitin-v-n-tyurma-i-ssylka-1560-1880-g-spb-1880> (accessed: 06.02.2021).

³²⁰ Lukasc, G. The originality of the aesthetic / G. Lukasc // Religion and society: a textbook on the sociology of religion / comp. V.I. Garadzha, E.D. Rutkevich. - M.: Aspect Press, 1996. – p. 389.

³²¹ Ibid.

his need for the Transcendent and for the other person. Perhaps it was the fruits of spiritual change that Haaz was looking for in the prisoners he had been inspecting for several decades.

For example, in the letters of Haaz it is mentioned that the doctor and his friend, professor-surgeon A.I. Paul, are closely following the fate of a Jewish boy (N.A. Norshin), whom Haaz "cured and helped get rid of the hard labor transfer"³²². The boy was baptized with the name of Nikolai and after a few years became a doctor in Ryazan, the story retold gradually turned into a folk legend about the transformation of a convict into a good citizen. The historical event can be interpreted not only as a victory of the aforementioned humane ideas, but also as a result of Haaz's own meeting with the prisoner, in other words, the influence of the Russian philanthropist's personal example cannot be denied. At the same time, we should not forget that the described case is isolated, and printed tracts were distributed among the prisoners by the thousands. After describing the historical context, we will return to understanding the similar European practical experience of charity and draw a consistent analogy with Russia.

Historian O.B. Leonteva talking about historical and social context of the period, notes that it was characterized by changing patterns and historical thinking "in the atmosphere of the Great reforms of the 1860s was formed, for the definition of N.A. Kareev, the paradigm of "the trial of history": on the one hand, for it was characteristic of the "noble dream" about objective knowledge of the past; on the other hand, one of the most important functions of historical knowledge was considered a moral judgment on the phenomena of the past"³²³. As a result, the paradigm focused "on a special understanding of Truth as the goal of knowledge: it was interpreted as a social category rather than an epistemological one", and at the beginning of the XX century, this paradigm is juxtaposed with the positivist one, "which presupposes the sociologization of

---

³²² Blokhina N.N. Doctors humanists – contemporaries of Dr. F.P. Haaz / N.N. Blokhina // *Clinical Medicine*. - 2012. Vol. 90. - № 7. – pp. 74-77.

³²³ Leontieva O.B. Historical memory and the change of paradigms of scientific knowledge in Russian culture of the second half of the XIX - early XX century / O. B. Leontieva // *Historical science and education in Russia and in the West: the fate of historians and scientific schools*. - M.: Institute of General History of the Russian Academy of Sciences, 2012. – p. 153-154

historical knowledge, and the emerging model of “historical insight” based on Christian Neoplatonism”³²⁴. In this context, it is worth considering the efforts of philanthropists and reformers of the penitentiary system of this historical period.

In Russia, the draft prison reform was very popular from the beginning of the XIX century, but it was prepared only in 1867, and it took another two decades to finalize it, and there was a constant lack of finances for full implementation. Formally, the completion of the reform resulted in the creation of the Main Prison Administration in 1879. In 1872, the great tsar-liberator Alexander II (1855-1881) established a special commission that inspected Russian prisons, and in scientific and practical developments, widely used international experience in changing the penal system itself. As an independent form of punishment, imprisonment begins to be applied in Russia during the King of Ivan the Terrible, when the first prisons appear. By the end of the 17th century, imprisonment as a form of pretrial detention of the accused was widely used. However, until the last quarter of the XVIII century, the government and society did not have any ideas on humane transformation of this system.

The need for reform in the 19th century was due to the fact that the number of protests in prisons increased, political prisoners were not separated from criminal prisoners, there was no precise concept of guilt, and the so - called "punishment ladder" was morally outdated and did not correspond to the socio-economic context of the era. It is also worth noting that the end of the XVIII century and the entire XIX century are characterized by a rapid flourishing of philanthropy and the activity of both individuals of benefactors and international organizations that provide all kinds of assistance. The political situation in the country also changed – from the liberalism of the 1860s and 70s to the conservatism of the 1880s and 90s. The latter circumstance should be taken into account when it comes to the Russian penal reform, the preparation and implementation of which was largely influenced not by the ideas, but by the personalities of philanthropists and public figures.

---

³²⁴ Ibid.

What were the main spiritual and religious ideas that influenced the formation of the Russian prison system in this period? It is not necessary to exaggerate the impact of the religious ideas of the aforementioned Quaker sect, but it also took place, especially with regard to the conditions of detention of prisoners. Quaker preachers, being very active, undoubtedly mingled with Russian tsars³²⁵, public figures, and philanthropists. Tsar Peter the Great was not interested in their views, as they took a frankly anti-church position. Quaker leader William Penn's book *Fruits of Solitude*, which he wrote from 1693 to 1702, had some influence on the development of the Russian penal system. The Russian edition was completed by the Russian educator N.I. Novikov in 1790 and found its inquisitive reader. Quakers certainly did not believe in the total depravity of man, but they hoped for the possibility of his improvement, which brought them closer to liberals, who were skeptical of political reforms of the state system, but paid tribute to and preferred the Enlightenment. The Quakers expected the prisoner to come from the depths of his being, where the sun shines. *The Inner Light* can respond to God and change. To do this, it is enough for the prisoner to read a text from the Bible. There is a certain dualism on the face, which, together with the radical opposition of the sect to any official church and authorities, made them outcasts even in the Protestant environment, since for the most part the latter considered a person totally depraved and identified themselves with one or another large congregation.

Speaking about the difference between the great world religions and sects, D. Lukach points out the fundamental difference between the latter, which are "addressed to a selected and therefore numerically limited group of like-minded people, whose religiosity is embodied in essentially similar content, on a fundamentally identical level"³²⁶. The system that the Quakers proposed was individualistic and rationalistic. It was practical for North America, but in unadapted form it is not feasible in Russia. First, the Orthodox Church united a large part of the Russian population and covered all areas

---

³²⁵ Religious society of Friends. Quakers. Official website. [Electronic resource] URL: <https://quakers.ru> // (accessed: 07.03.2021).

³²⁶ Lukacs, G. *The originality of the aesthetic* / G. Lukacs // *Religion and society: a textbook on the sociology of religion* / comp. V. I. Garadzha, E. D. Rutkevich. - M.: Aspect Press, 1996. - p. 389

and manifestations of Russian life. Following G. Lukacs, a large-scale religious form, in contrast to a sect, tends to multi-dimensionality and universality in social terms in satisfying human needs³²⁷. E. Trelch is more categorical: "a sect does not educate peoples and masses, but gathers an elite of those called and sharply opposes it to the world"³²⁸. The contemplative asceticism of the sect cannot be imagined in the form of a universal morality, it is "harsher and more terrible than that which Jesus foretold"³²⁹. The ascetic ideal of the sect is drawn as an ideal that is achievable for everyone, but in practice it cannot be realized in a vast and multi-ethnic social field, which is what we see in the practice of correctional solitary confinement.

Undoubtedly, there is a certain ideological continuity and commonality of practical approaches in the works of European and domestic penologists and philanthropists, but it is worth pointing out the differences. Orthodox thinking is characterized by community and asceticism. Quaker religiosity, on the contrary, is individualistic and pragmatic, manifesting itself in a sharp opposition to church structures, primarily Catholicism, since Orthodox Christianity was not at all familiar to Quakers, especially when confronted with their teachings. Remembering their difficult prison days, the Quakers themselves demanded very strict compliance with strict discipline, respect for the rules they established and the established class hierarchy. We see here the signs of sectarian asceticism mentioned above. Penn stated emphatically that "Quaker religiosity does not mean, as in Catholicism, rejecting worldly life and condemning its' sinful joys. He saw no conflict between the desire to improve himself and the world spiritually and the desire to simply live a better life"³³⁰. The Quakers spent their accumulated financial resources on charitable and missionary projects, improved the life of prisoners, and opened schools. It was as if they were offering their friendly efforts to God and society for the betterment of man.

---

³²⁷ Ibid.

³²⁸ Trelch E. Church and Sect // Religion and society: a textbook on the sociology of religion / comp. V. I. Garadzha, E. D. Rutkevich. - M.: Aspect Press, 1996. – p. 235

³²⁹ Ibid.

³³⁰ Furman F. Philanthropy in America. M.; Publishing Solutions, 2015. – p. 68

In the Russian religious mentality, helping a person in distress was more likely a manifestation of love and mercy and was not an end in itself or the essence of any rational mission. Among Russians, the right to grant mercy belonged to God and the monarch, who set a good example to the people united by Orthodoxy. In times of distress, the Orthodox usually found refuge in the Church, while the Protestants sought such refuge in the inner contemplation of God and the reading of the Bible, the daily habit of studying sacred texts. Russian people did not have a similar practice to Protestants until the 19th century. This is due both to the lack of translations of the Bible in a language that is understandable to the people, and to the traditional way of life, where the printed text does not occupy a vast sacred space in the personal and public consciousness. Naturally, Bibles did not lie on shelves in Russian prison cells; prisoners saw and heard the Scriptures during Orthodox services.

The few points of intersection between Protestant and Russian charitable religious ideas in the 19th century should also be found in the attitudes of the seeking liberal intelligentsia, who asked ideological and spiritual questions. Among the Russian philanthropists who tried to reform the penitentiary system, several groups can be distinguished. Let's try to list them, because of the limited scope of the study, mentioning only a few representatives in each group of benefactors.

Benefactors of foreign origin. They were brought up in European culture and were influenced by both Enlightenment ideas and Western religious ideals, and were filled with sincere sympathy for Russia. These include, without a doubt, the German-born philanthropist and Catholic doctor Fyodor Haaz, and the Lutheran prison doctor Fyodor Gral (1770-1835), who was born into a German family in Kiev. For his services to charity, Gral was nicknamed "our Haaz" in Perm, where he lived and worked,³³¹ and a monument was posthumously erected. Indirectly, this also includes the philanthropist, physician, and calvinist-congregationalist³³² John Howard, who worked hard in Russia and died in the Crimea. He made a significant contribution to the development of the Russian penal

---

³³¹ Blokhina N.N. Doctors humanists – contemporaries of Dr. F.P. Haaz / N.N. Blokhina // *Clinical Medicine*. - 2012. - Vol. 90. № 7. – p. 74-77

³³² Jewkes Y, Bennett J. *Dictionary of Prisons and Punishment*. Willian Publishing, UK. 2008. – p. 123.

system and contributed to the formation of its moral foundations. There is no doubt that Howard is a European figure, as are the Protestant members of the London Prison Society, the brothers Walter and John Wennings, who also sincerely dedicated their works to Russia. These individuals contributed to the creation of a Trustee's Office in Russia in 1816 in prisons society³³³. The main activity of benefactors of this type and mindset was based on religious and practical experience, a rational understanding of the methods and purpose of punishment, and the belief that the prisoner's life should show the fruits of correction visible to society. They also focused as much as possible on alleviating the suffering of prisoners, seeing the Russian penitentiary system of the XIX century as very imperfect. The idealistic religious component of the activity was also expressed in an attempt to mass distribute treatises with quotations from the Bible, which, as it was then thought, could change the lives of prisoners. Fyodor Haaz was particularly concerned about the distribution of printed materials among the convicts "taking advantage of the friendship of the St. Petersburg merchant Meriliz, he persuaded him to make extensive donations (up to one hundred thousand copies) of spiritual and moral books and Holy Scripture for distribution to the prisoners, in addition, buying large quantities of such books for sending to Siberia"³³⁴. As mentioned earlier, the practice is more typical for Protestants. Dr. Fyodor Haaz also distributed to the prisoners the leaflet he had created: "A. B. V. of Christian Piety" ("Alphabet of Christian Good Morals") and was the author of another leaflet "Appel aux femmes", which is written in French and "was published after his death in 1864"³³⁵. At the very beginning of this text³³⁶ Haaz states that the role of women in the family: "not to reign sensually that the Supreme law marriage needs to treat people, gradually raising it from the sensual to the unconditional love that to achieve this goal, Christian woman have to seduce her husband's soul is not the mastery of the ephemeral outfits, not brilliance of the dying beauty, but the imperishable charm moral beauty, the irresistible appeal of virtue, radiant Shine invisible man living in the heart; it

---

³³³ Prison Care Society // Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary: in 86 volumes (82 volumes and 4 supplements). - St. Petersburg, 1890-1907

³³⁴ Koni A.F. Fedor Petrovich Haaz. Biographical sketch. St. Petersburg, 1896

³³⁵ Zlochevsky, G.D. Hurried to do good: About F.P. Haaze / G.D. Zlochevsky // Bibliography. - 2001. - №. 5. – p. 130-143

³³⁶ in the Russian translation by L.N. Nikiforova

must be subordinate to the growth of its purity all that is in the nature of her husband unclean animal; it must, so to speak, to remake the nature, sinking of the natural man, with all its evil inclinations and lusts of the limitless Christian love"³³⁷. The above-mentioned *radiant brilliance of the invisible man*³³⁸, his growth and educational influence on the rebirth of the nature of his neighbor-do not these metaphors point to the characteristic vocabulary of well-known possessors of *Inner Light*? Haaz emphasized the rational nature of the correction a person, under the influence of his mind, which can be traced in this text. This idea is very characteristic of the Enlightenment: "Correction, which is mixed with passion, even if accompanied by the mind, is not accepted in the same way as that correction, which proceeds solely from the conviction of the mind, without any admixture of passion. For the rational soul, being by nature subject to reason, does not submit to passion except with compulsion and violence; and therefore, when reason is accompanied by passion, it makes itself hateful, humiliating itself for its spiritual dominion by violence"³³⁹. Even a cursory literary analysis of these theological works suggests that it is difficult for an untrained reader to understand these texts, not to mention that there were many illiterates among the prisoners. As we have already noted, the Quakers tried to solve this problem by organizing schools. This is the path that prison experts and philanthropists will later offer in Russia. Haaz's efforts to distribute the books were met with skepticism even among his prison care colleagues, who urged him "not to throw beads in front of pigs". The philanthropist was asked to replace the prayer-extract from Thomas of Kemp ("About the Imitation of Christ", III, 29), which he copied and distributed, with a different prayer, closer to the Russian person "Filaret proposed to replace the prayer proposed by Haaz with a newly composed prayer of a prisoner in prison, also approving the prayer of Ephraim the Syrian, which was accepted by the committee with gratitude for execution. Both prayers were printed on 600 pages for distribution in places of detention"³⁴⁰. It is obvious that the philanthropist took some words of the Bible literally and attached great importance to personal reading of sacred

---

³³⁷ Haaz F.P. Appeal to women: Posthumous edition / Translated from French by L. N. Nikiforova. M., 1897.

³³⁸ Ibid.

³³⁹ Haaz F.P. Alphabet of Christian Good Morals. M., 1898.

³⁴⁰ Koni A.F. Fedor Petrovich Haaz. Biographical sketch. St. Petersburg, 1896

texts. For all their sympathy for Haaz's activities, the Russians did not have a daily Bible reading habit similar to the Protestant one. Haaz's motto "Hurry up to do good!" is based on text fragments from the epistles of the Apostle Paul: "Walk carefully, not as fools, but as wise, valuing the time, for the days are evil"³⁴¹ and "So long as there is time, let us do good to all, and especially to our own according to faith"³⁴². Meanwhile, the personal active example of Haaz was much stronger than the treatises distributed by him, since, as A.N. Koni rightly noted, "the doctor demanded to carry out a fair attitude towards the convicted person and draw a sharp line between serving a sentence and unnecessarily burdening and without thinking about the bitter fate of the guilty person"³⁴³. This can be seen by reading Anatoly Koni's essay on the activities of *the holy doctor*, as Haaz was popularly called.

Benefactors of Russian origin. This group includes, first of all, Metropolitan Filaret of Moscow and Kolomna *Drozдов* (1783-1867) and Prince A.N. Golitsin (1773-1844). They joined forces and, together with the aforementioned catholic Haaz, in the activities of the Prison Care Society³⁴⁴, founded in 1819, attracting funds from benefactors for the needs of the penitentiary system, looking for ways to reform it.

Fyodor Haaz opposed the use of heavy shackles and a metal rod for group shackling of prisoners being transferred. In this direction, he managed to achieve significant success and relaxation for prisoners. It is worth noting that the idea of the ascetic was ahead of its time, preparing the way for future humane transformations of the penitentiary system. According to modern norms of international law: "deterrence devices such as handcuffs, chains, shackles and straitjackets should never be used as a punishment. In addition, you

---

³⁴¹ The message of the ap. Paul's Ephesians 5 chapter, verses 15-16. Cit. by: Old and New Testaments. Texts of Holy Scripture. Synodal translation. M., 1983

³⁴² The message of the ap. Paul to Galatians 6 chapter 10 verse. Cit. by: Old and New Testaments. Texts of Holy Scripture. Synodal translation. M., 1983

³⁴³ Koni A.F. Fedor Petrovich Gaaz. Biographical sketch. St. Petersburg, 1896

³⁴⁴ The Prison Care Society was established in Russia in 1819. Prince A.N. Golitsin was appointed Chairman of the society first, he was replaced by Prince V.S. Trubetskoy, then by A.H. Benkendorf and A.F. Orlov. See: Prison Trustee Society // Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary: in 86 volumes (82 volumes and 4 supplements). - St. Petersburg, 1890-1907.

can not use chains or shackles as deterrents"³⁴⁵. M.V. Butina describes that during her incarceration in the United States (2018-2019), she was transported from prison to prison in hand and foot shackles, which "painfully cut into her bare ankles, making every step an unforgettable torture. The legs, which were linked together by an iron lintel, could only be moved with small steps, like a penguin"³⁴⁶. This suggests that to this day, philosophers and human rights defenders have a wide field open for research and activity, because the long-standing problem of using shackles³⁴⁷ as instruments of torture remains unresolved.

The Prison Care society saw "the means of correcting criminals as follows: immediate and constant supervision of prisoners; placing them in the category of crimes or charges; instructing them in the rules of Christian piety and good morals based on this; engaging them in decent exercises; and locking up those who are guilty or violent in a secluded place"³⁴⁸. It is obvious that the efforts of philanthropists were focused not only in the material sphere, but also in the spiritual and religious one. Moreover, here we see the origin of the most important future component of civil society – access to prisons was granted to public figures and private individuals.

Undoubtedly, the personality of Metropolitan Philaret is so large-scale that it deserves separate consideration. It represents the type of active Russian Orthodox saints who tried to change and improve everything they touched. The spiritual origins and motivation of the philanthropic activity of the Minister of Spiritual Affairs and Enlightenment, Prince A.N. Golitsin, who initially headed this society, raise many questions among researchers. Formally, the Orthodox Golitsyn professed a certain mystical Christianity, which he did not particularly hide from his contemporaries. Some researchers claim that A.N. Golitsin also practiced Freemasonry as a secret quasi-religion. However, these facts only partially explain his efforts and attempts to improve human nature through religious education, which brings reading the Bible in an understandable,

---

³⁴⁵ Standard Minimum Rules for the Treatment of Prisoners. Office of the High Commissioner for Human Rights (UN Human Rights). Official Website. [Electronic resource] URL:

<https://www.ohchr.org/EN/ProfessionalInterest/Pages/TreatmentOfPrisoners.aspx> (date of application: 22. 05. 2021).

³⁴⁶ Butina M.V. Prison diary. M.: AST Publishing House, 2020. – p. 40

³⁴⁷ As well as strict solitary confinement.

³⁴⁸ Prison Care Society // Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary: in 86 volumes (82 volumes and 4 supplements). - St. Petersburg, 1890-1907.

native language. Distribution of printed editions of spiritual literature and spiritual instruction were seen as the most important means of correcting criminals. It was through the efforts of Prince A.N. Golitsyn that the "Russian Bible Society" was organized in 1812, whose activities were suspended in 1826. It is worth noting that the activities aimed at the formation of the national penitentiary system have not completely stopped.

It is particularly worth highlighting the benefactors-officials who were distinguished by the fact that they performed specific tasks set by the government³⁴⁹, which understood the importance of reforming the imperfect and deviant Russian penitentiary system. Sollogub (1813-1882), who, on duty, conducted research and experiments on the penitentiary system with a view to its further state reform. He is one of the founders of the national penitentiary science. The socially significant results of V.A. Sollogub's works are also compared with the work of the English penologist and philanthropist John Howard. The fact of constant comparison with the famous English humanist was well known to V.A. Sollogub himself. In this sense, the reflections of a person who is figuratively "in the shadow of the personality of the great prison specialist", as well as his search for an independent Russian way of developing the science of correction and punishment, are of interest. The count himself wrote in his memoirs that "I devoted myself to prison studies, in which I find my real vocation. I would like to publish some sensible essay on this topic, but I don't think I will have time, although I have collected a lot of material"³⁵⁰. Unfortunately, the works of V.A. Sollogub as a prison specialist are studied fragmentally, as well as those scientific ideas that contributed to his activity in preparing the penitentiary reform in Russia. V.A. Sollogub left behind not only a grandiose literary legacy, which is well studied, but also a number of scientific articles devoted to prison³⁵¹. These materials on prison studies are still relevant to this day, especially in the light of the formation of the Russian model of tolerance and the discourse on the abolition of the moratorium on the use of the death penalty, the need to serve prison

---

³⁴⁹ V.A. Sollogub notes the merits of Empress Catherine II as a benefactor and a foam block. It is also worth mentioning Tsar Peter the Great, under whom the cause of public charity became orderly, and an attempt was also made to eradicate begging.

³⁵⁰ Sollogub V.A. *Memoirs*. M.; L.: Academia, 1931. – p. 651

³⁵¹ "On the organization of prison labor in Russia" (1866), "Titovsky barracks. Description of the prison" (1867), "Prisons and Theaters" (1867), as well as reports and correspondence, which is also analyzed in our study.

sentences as close as possible to their native places. V.A. Sollogub's works are of interest for our research, since they offer the spiritual and religious foundations of the Russian penitentiary system, in comparison with European and North American approaches to the formation of a correctional model.

V.A. Sollogub, being the head of the Order of Public Charity, advocated solitary confinement in cells, against the distant exile of prisoners to Siberia, and organized training for them in schools and artels. Here we see an unmistakable parallel with similar activities of Quakers, whose Protestant experience influenced Sollogub indirectly, through his introduction to English, Swedish, and Danish penitentiary models.

Under the influence of what ideas was Sollogub formed as a humanist and penologist, advocating for dynamic reforms of the penitentiary system in Russia? He associated his scientific thought with the penal reforms of Catherine II, which were carried out under the influence of Age of Enlightenment ideas³⁵². It is worth noting that all Russian humanists of the 19th century unanimously demand that the penalties for criminals be reduced, explaining this not only by the poor state of prisons, considerations of humanism and Christian charity, but also by the imperfection of the definition of guilt. Sollogub is no exception. V.B. Lebedev and E.V. Stepanova note an important legal aspect of the issue: "In the Russian legislation of that time, only two degrees of guilt of criminals were distinguished-misdemeanors and crimes, which led to two types of punishments - straitjacket and criminal"³⁵³. V.A. Sollogub goes further than philanthropists. He demands to divide the degree of guilt and thus mitigate the punishment, making a departure from the inhumane equalizing principle: "it would be more correct to distinguish three degrees of guilt and three corresponding types of punishment: crime (criminal punishment), crime (correctional punishment) and misdemeanor(straitjacket punishment)"³⁵⁴. Sollogub undoubtedly believed in the ideals of the Enlightenment and ideas of charity, which he implemented in the penitentiary

---

³⁵² In this sense, it seems relevant to mention in our study the ideas of Voltaire described above, whose writings were very interested in the Empress Catherine II.

³⁵³ Lebedev, V.B., Stepanova, E.V. V.A. Sollogub and his role in reforming the penal correction system (1870-1874) / V.B. Lebedev, E.V. Stepanova // Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction. Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, 2013. - № 3 (23). – p. 72-77

³⁵⁴ Ibid.

system, of which there is much evidence. Even in the mouth of his hero in the story "Tarantas", he put words addressed to the Russian wealthy class: "Understand only your vocation, be illuminated by the ray of enlightenment, and your undeniable love for the motherland will bring you to the spirit of unity and community, and then, believe me, not only the whole of Russia, but the whole world will be in your hands"³⁵⁵. According to Sollogub, the Russian people are driven by the theme of Christian love, in which their present and future well-being is hidden: "In Christian love lies both civil peace and family happiness, everything that we can ask from the earth, everything that we should ask from heaven"³⁵⁶. Under the influence of what ideas was Sollogub formed as a humanist and penologist, advocating for dynamic reforms of the penitentiary system in Russia?

Sollogub wrote his novel "Tarantass" long before he became involved in prison studies. However, even in this work you can see his concern about the content of prisoners in Russian prisons. The hero of the story addresses his contemporaries: "It's not very fun, master, to sit in prison. The stuffiness is too much to bear. On the hands of the gland. If you want to raise your hands, you can't. If you want to lie down, there's nowhere. If you want to eat, you need water and bread. God forbid that the priest should go to prison!"³⁵⁷ It is worth paying attention to the list of inhumane measures of correction in this fragment: torture, stuffiness, crowding, deprivation of walks, hunger, restrictions on sleep and movement. Russian stable expressions figuratively convey all the drama of the penitentiary system. The expression "sitting in prison" very accurately describes the immobile state of a person who is snatched from social activities and deprived of daily work activity. The stable Russian phraseological expression "the prison is crying" also very accurately reflects the feeling of deep human sadness towards a person who is forced to go to prison. In a Russian prison, his fate is always sorrowful, crying is more than shedding tears. "The rope cries" for someone who deserves the death penalty. The Russian expression "is associated with the fact that the rope was soaped during the execution by

---

³⁵⁵ Sollogub V.A. Tarantas. Travel impressions. St. Petersburg.; Edition of the bookseller Andrey Ivanov, 1845. – p. 170

³⁵⁶ Ibid. p. 276

³⁵⁷ Ibid. p. 104

hanging, and drops of foam dripped down from it like tears"³⁵⁸. The Russian language conveys the drama of punishment and correction in the penitentiary system. In a figurative sense, soulless things shudder and cry about the fate of the condemned. However, in any case, the prisoner is not condemned to solitary confinement and correctional mutism, is not deprived of the opportunity to communicate and is open to compassion and charitable assistance. The scale of the use of punishments, the poverty that accompanies prisoners and their relatives, gave rise to a pessimistic proverb among the people: "Do not give up prison and beggars bag". In other words, prison, execution, and hard labor in the Russian consciousness evoked deep fear, but also sincere sympathy for those who were not spared the fate of getting into the penitentiary system.

Count V.A. Sollogub, being a well-known writer, as an "impressionable nature"³⁵⁹ in his youth, passionately became interested in penology, guided by a high inner desire to serve the Motherland. He considered himself a specialist in theater, called his new hobby quixotic and not working by profession, asked the question "Is prison my specialty?"³⁶⁰ The count expected the highest fair and flattering assessment of his work and demanded the position of Simbirsk governor, which he constantly reminded in letters to the head of the prison specialist-an official of special assignments under the Minister of Internal Affairs M.N. Galkin-Vrasky³⁶¹.

We will also discuss M. N. Galkin-Vrasky's scientific views in the field of penology and charity in the later part of our research, since they are of interest in terms of relevance.

A turning point in the formation of advanced ideas on the penitentiary system was the fact that Amer-junker Count Sollogub visited the poet M. Y. Lermontov in the garrison Arsenal guardhouse in St. Petersburg on March 20, 1840³⁶². After a brutal duel with swords and pistols with the son of the French ambassador Ernest de Barant, cornet

---

³⁵⁸ Birih A.K., Mokienko V.M., Stepanov L.I. Dictionary of Russian Phraseology. Historical and etymological reference. - St. Petersburg: Folio-Press, 2001. - p. 74

³⁵⁹ According to M.N. Galkin-Vrasky.

³⁶⁰ Sollogub V.A. Letters of Count V.A. Sollogub and K.K. Grott to M.N. Galkin-Vrasky. - St. Petersburg: Senate Printing House, 1901. - p. 30

³⁶¹ Ibid. p. 29

³⁶² Manuilov V.A. Latyshev, S.B. Chronological outline of the life and work of M. Y. Lermontov // Lermontov M. Y. Collected works: In 4 volumes / USSR Academy of Sciences. In-t rus. Lit. (Pushkin House). - 2nd Ed., ispr. and add. - L.: Nauka, 1979-1981. Vol. 4. Prose. Letters. - p. 535-563

Lermontov was arrested in solitary confinement for failing to report the duel. The ordnance house³⁶³ - the order house, that is, the commandant's office made an indelible impression on the future prison specialist, which influenced his further choice. We had to visit this building in January 2020³⁶⁴, originally intended for the correction of prisoners, but today it is also used for its intended purpose. The guard house is not like the panopticon³⁶⁵ described by the utilitarian by Jeremiah Bentham and mentioned in the work on prison by Michel Foucault "Supervise and punish", as well as in the cycle of his lectures. This is not a strict correctional institution of the American type, with its buildings-crosses, blocks, dividing galleries and solitary cells, where correctional mutism was practiced (Latin mutus – mute), but a European prison with a relatively liberal content. The structure of the building is more typical of ancient Rome: ventilated dry rooms with vaulted ceilings, three-dimensional chambers with windows, darian columns, arcades-galleries and a spacious courtyard designed for walking and disciplinary exercises. The solitary cell where Lermontov was held has been shown to all visitors since time immemorial. It has hardly changed and is described in detail in the poem "Neighbor". The content was relatively lenient, the main corrective measure used was arrest, but reading and working with manuscripts were allowed. Lermontov was even free to leave the building and receive guests. The detailed description of this content is intended to illustrate the flexibility and selectivity of the then Russian correctional system. long before kak became involved in penology³⁶⁶.

If the Russian criminal is silenced as a remedy by applying the Western cell system to him, we will erase the human person. The thinker Ernst von Zalamon, who served several sentences in Germany in the 20th century, insists that losing a prisoner's freedom is not the worst thing. After all, an official and a soldier are also deprived of their freedom, many lose it without even noticing. Destroys the identity – "being in the position of a

---

³⁶³ From the French ordonnance — "order, instruction, ordinance" and – haus — "house".

³⁶⁴ Visit to the Guardhouse of the district Commandant's office of St. Petersburg. Official website. [Electronic resource] URL: <http://onkspb.ru/posts/2498-poseschenie-gauptvahty-voennoi-komendatury-sankt-peterburga.html> (accessed: 02/23/2021).

³⁶⁵ Foucault M. To supervise and punish. The Birth of a prison. M.: Ad Marginem, 1999. – p. 293-299

³⁶⁶ As we have noted, already in the story "Tarantas" (1845), the author's concern about the content of prisoners in Russian prisons is indicated.

product, having a personal number, that was the worst part. A person is not inherently terrible by nature; he becomes so only when he begins to feel the spirit of submission to another person. True sovereignty is always tolerant, which is why it is so rare"³⁶⁷. Imprisonment, stigmatization, and forced deportation do not educate, but destroy the sovereign person; violence does not correct anyone, as Sollogub notes: "society punishes not only the criminal, but also itself"³⁶⁸. Later, M. Foucault will also consider punishment as a generalized function connected to society, arguing, "a crime is directed against the whole of society, and the whole of society – including the criminal-participates in the slightest punishment"³⁶⁹. Just like Sollogub, the thinker focuses his deduction on the measure of this punishment.

As a graduate of the Faculty of Philosophy at the University of Dorpat, Sollogub was distinguished not only by his deep knowledge of the humanities, but also by his special analytical mind, passion for experimentation, and talent for describing the results obtained. He also had an outstanding mental capacity for logical analysis of what he saw in prisons. In this sense, it is important to consider the scientific works of the penologist V.A. Sollogub, who is better known as a theater writer. Not only the small pamphlets listed above are devoted to the prison theme, but also correspondence with M.N. Galkin – Vrasky in the period from 1865 to 1868, which sets out the philosophical concepts of the formation of the penitentiary system.

Making a brief conclusion of this part of our research, we can say that Sollogub was skeptical about the results of his experiences in organizing prison labor and preparing for the reform of the Russian penitentiary system, expecting grandiose results of his efforts, and not just a superficial consideration of the entire issue by the top management. The scientist managed to generalize his experimental experience and managed to lay the foundations of Russian penology. His work in this field of science is very much in demand, especially in the light of the formation of Russian civil society, the search for a

---

³⁶⁷ Zalomon Ernst von. Questionnaire / Translated from the German and foreword by L. Lannick. - St. Petersburg: Vladimir Dal, 2019. – p. 206

³⁶⁸ Sollogub V.A. About the organization of prison labor in Russia. - St. Petersburg: Type. Ministry of Internal Affairs, 1866. – p. 4-5

³⁶⁹ Foucault M. To supervise and punish. The Birth of a prison. M.: Ad Marginem, 1999. – p. 131.

modern model of tolerance, effective methods of correction, the feasibility of high – quality work of prisoners, and the ongoing discourse on the death penalty.

Spiritual and religious views, as well as practical activities of European and Russian philanthropists and penologists, significantly influenced the formation of the penitentiary system in Russia. After reviewing the main ideas underlying European and Russian philanthropy, as well as individuals who influenced the formation of the prison system, we will proceed to a consistent analysis of approaches to the formation of the penitentiary system.

2.3 Socio-philosophical analysis of approaches to the formation of the concept of the penitentiary system in Russia of the XIX century³⁷⁰

M. Foucault describes the context of the 19th century as follows: "the grand spectacle of physical punishment disappears; the executed body is avoided; the theatricalization of suffering is excluded from punishment. The era of punitive restraint is beginning"³⁷¹. This fully applies to Russia, which has felt the influence of humanistic ideas. In this context, it is worth understanding the efforts of Russian thinkers who demanded reforms and mitigation of penalties.

Unfortunately, a voluminous monograph on penology with a summary of the results of all his research V.A. Sollogub did not have time to write, however, when studying his scientific heritage, we were interested not in the volume of articles published by him, but in the author's unique ability to systematize knowledge, which leads him to create an effective national classification of punishments and prisons, and in the future – to develop the conceptual apparatus of a penologist. Of scientific interest is the genesis of social ideas and basic philosophical concepts that Sollogub considers in all his works on penitentiary topics: prison, prison studies³⁷², punishment, correction, depopulation. It is worth noting that the formation of these ideas occurs in the context of discussions about the purpose of the system not only in punishment, but also in correction.

A contemporary of the penologist, medical doctor P.A. Dyukov, insists that the criminal needs not only punishment, but correction, which is preceded by a study of the moral structure of the criminal's personality: "With a system that has only punishment in

---

³⁷⁰ The paragraph uses fragments of articles Pirogov A.A. Social reforms or soul-saving pietism? Scientific experience of V.A. Sollogub as a prison specialist. 2020. No. 5. Saint Petersburg University Consortium (Saint Petersburg). – p. 40-46
Pirogov A.A. Isolation as a subject of reflection in the context of epidemiological safety // Between memory and oblivion: spaces of scriptization of Russian being: a collection of scientific articles / collection of scientific articles / St. Petersburg State University, Institute of Philosophy, Department of Social Philosophy and Philosophy of History; edited by K.S. Pigrov. Saint Petersburg: Knizhny Dom Publ., 2020. – p. 114-119

³⁷¹ Foucault M. To supervise and punish. The Birth of a prison. M.: Ad Marginem, 1999. – p. 22

³⁷² Or prison studies, as the author himself often writes, using the term penology as a synonym.

mind, there is no correction, even if it were possible, judging by the organization of the brain. The power of moral influence is stronger than a granite wall"³⁷³.

Sollogub insists that penology is "primarily a social science and only relatively moral, whereas philanthropists saw it primarily as a moral side and did not pay attention to the social side. This is where all the errors of penitentiary aspirations lie "³⁷⁴. As we have already mentioned, the XVIII – XIX centuries are characterized by a lush flowering of philanthropy and active work of benefactors. John Howard, the Wennings brothers, and Fyodor Haaz are foreign-born religious benefactors active in Russia. Their activity was primarily due to Christian ideas, the desire to show mercy to prisoners, to ease their fate. The personal example of these philanthropists caused imitation, charitable activities multiplied. Meanwhile, Sollogub suggested conceptually separating the works and achievements of philanthropists and prison specialists³⁷⁵. The former took care of the human soul, tried to return it to God, the latter were engaged in reforming the system, influenced its essence. Sollogub considered himself to be in the second group. We should not forget about the leading role of the Church as the main Russian traditional charity institution of the period described. Alms (including charity with books), which Sollogub so fiercely opposes, remains the main tool of the outdated penitentiary activity of the philanthropic type. Later, such an institution was criticized by M. Gorky, who was skeptical of all traditional charity, and believed that Russian monasteries, which often also served as prisons, formed groups of those who "fearing God, they did not spare people and exchanged their piece of bread for the work of homeless vagabonds very profitably for the monastery"³⁷⁶. At the same time Gorky almost with delight here speaks of a strong ideological parties of Western Christianity³⁷⁷: "amazingly mediocre was our monks, then as a Roman Catholic, not to mention the talent it missionary, on devilishly

---

³⁷³ Dyukov P.A. Crime and insanity // Bulletin of Clinical and Forensic Psychiatry and Neuropathology. - 1885. - The third year, issue I. - p. 1-30; issue II. – p. 1-41

³⁷⁴ Sollogub V.A. Stories. Memoirs / Comp., intro. art., comment. I.S. Chistovoy L.: Fiction, 1988. – p. 618

³⁷⁵ Sollogub V.A. About the organization of prison labor in Russia. - St. Petersburg: Type. Ministry of Internal Affairs, 1866.

³⁷⁶ Gorky M. Stories, essays, memoirs 1924-1936. Collected works in 30 volumes. M., GIHL, 1949-1955. Volume 17. – p. 46

³⁷⁷ Ibid.

clever, and wide-set in the world of propaganda, gave mankind a number of major writers, scientists, philosophers: Thomas More, Campanella, Rabelais, Mendel, Priestley, advanced organizers such as Ignatius of Loyola, Dominic, Savonarola, St. Francis of Assisi. Our black army of the “rabble-rousers” of the peasantry has not created anything like this³⁷⁸. The proletarian writer also believed that the root of the problem lies within the class bourgeois society, and the Russian people, represented by workers and peasants, have the potential to solve both the problem of poverty and crime. Sollogub saw the problem much more broadly – in the backward obscurity of the Russian penitentiary system, which did not embody the ideas of Russian thinkers and penologists³⁷⁹ and did not take into account national mentality, collectivism and mutual assistance, and the potential for solving the problem was in the Russian people themselves, their thoughts and character.

It is worth noting that Augustine of Hippo had a similar point of view on alms, which can only partially resist social evil, but "it is not always the best way to help the poor, sometimes it is better to help them by lending, since this does not affect their personal dignity. The task of the state is to engage in the moral renewal of the rich and poor, so that the former fulfill their duty to the poor: The rich will not be judged because of their wealth, but because they treated the poor with disdain and did not come to their aid, did not see them as neighbors"³⁸⁰.

Why does Sollogub dislike alms as a traditional charity tool? This can be understood from the example he gives in his letter of August 27, 1866³⁸¹. The count describes a lady who, bypassing security, came with a maid to the workhouse and distributes 10 kopeck coins to prisoners. When he asks her why she's doing this, she looks surprised and doesn't find an answer. The philanthropist, of course, is guided by Christian considerations, because "compassion for one's neighbor is a feature of the Russian

---

³⁷⁸ Ibid.

³⁷⁹ Sollogub also referred to Empress Catherine II as penologists, referring to the reforms of the prison system conceived by her.

³⁸⁰ Mika J. The social teaching of the Catholic Church. Experience of historical analysis. - Rome - Lublin.: Holy Cross Publishing House, 1994. – p. 114

³⁸¹ Sollogub V.A. Letters of Count V.A. Sollogub and K.K. Grott to M.N. Galkin-Vrasky. - St. Petersburg: Senate Printing House, 1901. – p. 23

character,"³⁸²but the philanthropist does not see the reverse side of reality at all. Prisoners drink the money received, the administration receives a percentage of the delivery of vodka to the prison. It turns out that alms in the form of direct giving of cash corrupts the entire system of prison punishment. The vicious circle can be broken in many ways. One of them is "prohibiting prisoners from receive directly from the givers"³⁸³, the second is "with proper prison organization, the prisoner should not need alms. He is well fed, clothed, has shelter, has the opportunity to earn tea and improved foodby hard work..."³⁸⁴ Moreover, the count believes that the prisoner is not a beggar, but a working man, and this is exactly how he should be treated, without humiliating him with handouts. From alms – play and drunkenness, which are the companions of prison idleness. The solution is seen in the organization of prison labor, so that the prisoner himself receives income from his work³⁸⁵. Donations should be given directly to the prison and correctional artels, and not in the hands of charity committees, which have a huge management staff and opaque, lengthy reports. Of course, familiarity with the activities of such committees discouraged donations and led to a loss of public confidence in them. In a letter to Galkin-Vrasky dated May 3, 1866, Sollogub criticizes the mandatory system of collecting donations, citing the idleness of the huge management: "We are now almost 60 directors of the prison committee in Moscow. Tell me, for God's sake, is this department wrong?"³⁸⁶ Instead of effective charity and transparent financial activities, control over funds disappears, formalism appears, and reports "on earnings and donations do not say anything about the economic amounts that can cover the sometimes extremely necessary expenses"³⁸⁷. The author does not correctly indicate the fact of misuse of the collected funds, but refuses to make an annual donation of 15 rubles to the committee. Philanthropy,

---

³⁸² Ibid. p. 15

³⁸³ Sollogub V.A. About the organization of prison labor in Russia. - St. Petersburg: Type. Ministry of Internal Affairs, 1866. – p. 48

³⁸⁴ Ibid. p. 49-50

³⁸⁵ Sollogub V.A. About our executive justice // Russian World 1874. № 278-281, 290-292, 301, 304, 306, 314-315, 321, 324, 326, 342, 356.

³⁸⁶ Sollogub V.A. Letters of Count V.A. Sollogub and K.K. Grott to M.N. Galkin-Vrasky. - St. Petersburg: Senate Printing House, 1901. – p. 15

³⁸⁷ Ibid. p. 49

which has fallen into the hands of numerous committees of trustees, has had negligible results in correcting criminals in Russia.

Sollogub is a type of philanthropist who does not offer public services in caring for sinners, but makes a scientific justification for their penological observations and experiments, responding to a relevant social request. This historical period in Russia was marked by the rapid development of capitalism, and religious philanthropists were replaced by officials and scientists who summarized their previous experience and offered their innovations in reforming the penitentiary system. Describing the essence of this process, Michel Foucault insists, "the bourgeoisie as a whole is not interested in criminals, and in punishment and re-adaptation, which from an economic point of view have little interest. On the other hand, the whole set of mechanisms by which the criminal is controlled, prosecuted, punished, and corrected is of interest to the bourgeoisie within the framework of the general economic and political system"³⁸⁸. In Sollogub's understanding, penology is combined with philanthropy, which "forms a science all the more difficult because it must coordinate the impulses of the heart with the experience of the mind. The society was very active and diligent in the early years, and if it had been founded by the Germans or the British, it would have already celebrated its twenty-fifth anniversary"³⁸⁹. The count means charity St. Petersburg Society for Visiting the Poor, in the formation of which he took an active part.

Why are creative charitable initiatives dying in Russia? According to Sollogub, the special character of a person is to blame – "in the Russian character there is almost no endurance for a long time. Little by little, the fervor began to fade, the diligence began to weaken"³⁹⁰. Here we turn to the peculiarities of the Russian national mentality in the context of the penitentiary system. Sollogub constantly sees in the Russian people beautiful features that are revealed in collective activity and joint stay: "There is no people like the Russian people. Even in its fallout, which I also became intimately acquainted

---

³⁸⁸ Foucault, M. *Need to protect society: A course of lectures delivered at the College de France in the 1975-1976 academic year.* - St. Petersburg: Nauka, 2005. – p. 52

³⁸⁹ Sollogub V.A. *Stories. Memoirs / Comp., intro. art., comment.* I.S. Chistovoy L.: Fiction, 1988. – p. 619

³⁹⁰ *Ibid.* p. 714

with in prison, I found with amazement signs of greatness, simplicity, straightforwardness, patience, justice, insight, tenderness of feeling, firmness of will, humility, collective honesty - in short, virtues that would have been a rarity for other peoples"³⁹¹. Evidence of these observations are found in all of Sollogub's works. What is the reason for the bestial behavior and loss of the Russian person's sense of his higher purpose? The answer is very clear – individualism, so alien to the Russian soul. "In the Russian person, taken individually, characterlessness, carelessness, sensuality, insensitivity prevail"³⁹². This is contrasted with the collective person (our italics), in which "determination, common sense and almost always honorable motives are expressed"³⁹³. However, the joint drinking of strong drinks is not peculiar to the development of the Russian character, rather its deterioration. The best qualities live in the soul of the Russian, it is important to try with the whole system of correction to "restore the beautiful principles that underlie the Russian property"³⁹⁴. Sollogub, on the one hand, criticizes the cell system of keeping prisoners, recalling that "Russia is not England, not France"³⁹⁵, on the other hand, gives an example when solitary confinement acts in a disciplining manner³⁹⁶. We are talking about an officer who brawled and demanded special treatment in prison, but when they pointed out to him the possibility of sending him to the punishment cell, he immediately came to his senses. Sollogub explains this by saying that the essence of Russian is quiet, and the riot is just a habit and bragging³⁹⁷. Solitary confinement "is required only for preliminary and straitjacket detention [...] as a disciplinary measure for correctional and penal prisons"³⁹⁸. This is more humane than deportation, since the latter for many meant the death penalty. Deportation was used in both England and France, and everywhere it proved ineffective in terms of

---

³⁹¹ Ibid. p. 616-617

³⁹² Sollogub V.A. About the organization of prison labor in Russia. - St. Petersburg: Type. Ministry of Internal Affairs, 1866. – p. 57

³⁹³ Ibid.

³⁹⁴ Sollogub V.A. Titovsky barracks. - M.: Type. Newspapers "Russian", 1867. – p. 5

³⁹⁵ Sollogub V.A. Letters of Count V.A. Sollogub and K.K. Grott to M.N. Galkin-Vrasky. - St. Petersburg: Senate Printing House, 1901. – p. 18

³⁹⁶ Sollogub V.A. Titovsky barracks. - M.: Type. Newspapers "Russian", 1867.

³⁹⁷ Ibid. p. 4-5

³⁹⁸ Sollogub V.A. About our executive justice // Russian World 1874. No. 326.

correction, not to mention the inhumanity of the method of punishment itself. Sollogub cites the arguments and conclusions of humanist and philanthropist I. Bentham about deportation – "no success in the past, no hope in the future"³⁹⁹. The count pays less attention to the death penalty itself in his works, focusing on the works of the humanist C. Beccaria, however, believes that historically it is still justified, exile and hard labor in Russia are equated with murder and do not serve to correct it, cause sympathy for the population and horror. If we use M. Foucault's vivid terminology in relation to the penitentiary system of Russia at that time, the country was still in the period of "gloomy punitive celebration"⁴⁰⁰, which referred to a medieval execution theater that disappeared there in 1830-1848. On the issue of applying exile and deportation, Sollogub takes a sharp position: "I don't understand Siberia. Why don't they send Siberian criminals to Olonets province?"⁴⁰¹ The punishment should not only correspond to the gravity of the crime, but also not turn into torture and deportation to places as far away as possible from the place of the prisoner's primary residence. Sollogub is a strong opponent of torture as a method of correction and punishment. In this respect, he follows in the footsteps of his ideological predecessor, D.V. Howard.

Interpreting these ideas through the prism of M. Foucault's works, it is worth noting that Sollogub was right, since torture, like "a thousand deaths" or "painting the king" on the prisoner's body, in any case could not serve to correct and educate, but contributed to the opposite: "If the condemned person was portrayed as a penitent, acknowledging the sentence, asking forgiveness for crimes from God and people, then he underwent purification: he died as a kind of saint. But indomitably also claimed greatness: without giving up under torture, the convict showed strength"⁴⁰². Public punishments and executions only contributed to the weakening of the monarchy and the growth of a wave of popular sympathy for various criminals.

---

³⁹⁹ Sollogub V.A. About our executive justice // Russian World 1874. No. 290.

⁴⁰⁰ Foucault M. To supervise and punish. The birth of a prison. M.: Ad Marginem, 1999. – p. 14

⁴⁰¹ Sollogub V.A. Letters of Count V.A. Sollogub and K.K. Grott to M.N. Galkin-Vrasky. - St. Petersburg: Senate Printing House, 1901. – p. 13

⁴⁰² Foucault M. To supervise and punish. The birth of a prison. M.: Ad Marginem, 1999. – p. 98

What happens to the charity? V.A. Sollogub reflects on the results of philanthropy: "It is far from me to compare myself to Howard, that famous opponent of the English deportation system; but it took England a hundred years to be convinced that Howard was right"⁴⁰³. The practice of exile to Siberia as a punishment continued until the death of the penologist, becoming "the punishment of the whole region"⁴⁰⁴. The count is sure that changes are coming in Russia, deportation is not economically profitable, but all the best things in the Fatherland are moving too slowly, overcoming bureaucratic obstacles "in Russia, to spend the thought of being a Don Quixote"⁴⁰⁵.

Let us summarize some conclusions. What idea did Sollogub want to implement? First of all, he was convinced of the need for penitentiary reform based on Russian national characteristics, coupled with the advanced achievements of European prison science, and in the field of charity – attracting private funds for the organization of humane correctional prisons. The attraction of private funds and human resources, the growing collective Russian consciousness, mutual assistance and education, would eventually change the penitentiary system and set it on the path of the institution of humane correction. The political situation in Russia contributed to this by changing from the liberalism of the 1860s and 70s to the conservatism of the 1880s and 90s. Money for the experimental construction of prisons for solitary (cell) Auburn's and Pennsylvania type of correction was not enough, we had to look for domestic solutions to the problem. In other words, Russian penologists had a very short period of time to implement their advanced humane ideas. Unfortunately, with the growth of radical political sentiment and internal terror, the system has taken the path of tougher punishments, increasing strict punishments and executions. The reform that penologists dreamed of was crowned by "the establishment in 1879, in the department of the Ministry of Internal Affairs, of the

---

⁴⁰³ Sollogub V.A. *Stories. Memoirs / Comp.*, intro. art., comment. I.S. Chistovoy L.: Fiction, 1988. – p. 621

⁴⁰⁴ Sollogub V.A. *About the organization of prison labor in Russia*. - St. Petersburg: Type. Ministry of Internal Affairs, 1866. – p. 19

⁴⁰⁵ Sollogub V.A. *Letters of Count V.A. Sollogub and K.K. Grott to M.N. Galkin-Vrasky*. - St. Petersburg: Senate Printing House, 1901. – p. 34

Main Prison Administration [...] the supreme government has abandoned the idea of implementing the reform simultaneously and in full"⁴⁰⁶.

It is worth noting that in no other country in the world, except Russia, the founders of prison studies were not reigning personages. Sollogub remained a lifelong admirer of Catherine II's reforms, and in his writings returned to her "distinction between pretrial and correctional prisons"⁴⁰⁷. He believes that Catherine II, who "essentially founded the science of prisons", also introduced the classification of prisons⁴⁰⁸. Europe after the Napoleonic Wars was "under the moral influence of Quakers, Pietists, Freemasons, and other philistine societies"⁴⁰⁹. Under this influence, prison societies were created in Russia in 1819, and people of science approved of the American Auburn's system of compulsion to virtue. Sollogub is very skeptical about the experience of transferring European and American correction models to Russian soil. They did not work in England, Germany, or Sweden, and huge amounts of money were spent on them, but these models were strenuously and unsuccessfully implemented in Russia. Sollogub concludes, "philanthropy killed justice here, it was about the spiritual healing of great sinners"⁴¹⁰. This pursuit of reformed sinners, together with the description of the horrors of Russian prisons and the quality of transfer, was reminiscent of the religious hysteria that engulfed secular society. Russia has lost the time it needs to reform prisons, following the example of Protestants in a dead end. To find a model of correctional activity, it was not necessary to blindly rely on the Euro-American experiment, but to look for domestic humane scientific grounds, to refer to our own historical experience, which took place in the reign of Catherine II. In prison reforms, Empress Howard did not listen⁴¹¹, but was guided by the humane ideas and experience of the French system, which absorbed the ideas of the enlightenment. Sollogub, a proponent of rethinking Catherine II penal reforms, was indirectly influenced by Howard with his idea of separating prisoners and abolishing

---

⁴⁰⁶ Ibid. p. 36

⁴⁰⁷ Sollogub V.A. About our executive justice // Russian World 1874. No. 304

⁴⁰⁸ Ibid.

⁴⁰⁹ Ibid.

⁴¹⁰ Ibid.

⁴¹¹ Ibid.

deportations, but did not fully follow him, realizing the Russian national characteristics that prevented copying and implementing this system. Sollogub summarizes that "soul-saving pietism"⁴¹² is not conceptually suitable for Russia. It is necessary to strive for the elimination of relapse, and not for the repentance of sinners. All these trips to prisons, the distribution of Bibles and calls to repentance do not arouse strong sympathy among Russian criminals, and they do not change the system itself. The fact is that philanthropists took care of major criminals who committed serious crimes, without paying attention to those who were serving sentences for minor offenses. Historically, in the world, according to Sollogub, there were two ways of penitentiary science: American – "the beginning of American or philanthropic, caring only about the morality of major criminals", and Russian – "the beginning of Catherine's or the state of non-governmental organizations-administrative"⁴¹³, the author considered himself to be supporters of the latter. In Russia, it is necessary to change the prison from top to bottom, through reforms, changing the essence of punishment and correction, and relying on the collective features of the Russian people, on their ability to self-organize, rally in the face of danger and adversity, which has helped them survive more than once. Philosophical and legal reason, within the framework of a social contract, should work to help the God-given state power in fulfilling its powers to correct guilty citizens.

Sollogub's works clearly show the influence of Auguste Comte's ideas: the impact of the scientific method of statistics (recidivism, social costs, earnings of prisoners, etc.) on theory, the laws of the functioning of social systems are viewed. In Russia, the metaphysical philanthropic principle is being boldly replaced by the scientific one. Although prisons in Russia "have a pedagogical value"⁴¹⁴ but this is also a matter for the Church. The metaphysical is not dismissed as unnecessary. In Russia, there is and remains a hierarchy, at all social levels, education goes from top to bottom. Moreover, according to Sollogub, Catholicism and Protestantism are not suitable for the education of a Russian

---

⁴¹² Ibid.

⁴¹³ Ibid.

⁴¹⁴ Sollogub V.A. Letters of Count V.A. Sollogub and K.K. Grott to M.N. Galkin-Vrasky. - St. Petersburg: Senate Printing House, 1901. – p. 7

prisoner, because "Catholicism, based on the militancy of the church, indicates the constant desirable rapprochement of the confessor with his flock. Protestantism will pursue the same goal through discussion"⁴¹⁵. Only Orthodoxy provides the Russian person with the basis for correction through the presence at the liturgy, prayer and teaching of the Word of God, and "does not need the refined education of either spiritual teachers or spiritual students"⁴¹⁶. Among Protestants, Sollogub argues, in order to receive communion, one must understand the Scriptures and read them, and if a person receives communion, then he is a citizen. This somewhat belittles the church, making it dependent on civil society. Literacy in Russia stands "completely aloof from the laws of the church"⁴¹⁷ and the school should be allowed in penal prisons, since a literate person among criminals evokes respect, allows you to break with the lawless environment, and leads out of poverty and ignorance. For Sollogub, a Russian prisoner is "unable not to come to his senses [...] he is a victim of deception, error, and thoughtlessness. If good people had helped him, if he had been given the opportunity to start life again in a favorable environment, he would certainly not have been caught another time [...]. But for this we still need conditions: he was a drunkard – he must be trained to sobriety; he was an ignoramus-he must be trained; he was a beggar-he must be provided with his own labor earnings, in order to start an honest life, otherwise impossible"⁴¹⁸. Here we will note the relationship between the penitentiary system and education. Sollogub firmly believes in the power of science and enlightenment, the corrective function of discipline and the good aspiration that lives inside the Russian person. It is only necessary to create conditions for the Russian, like a flower planted on fertilized soil, it will reach out to the Sun and the light of truth.

What is it in the penitentiary system that should favorably contribute to the development of the best features of the Russian person? In Sollogub's understanding, this is: education, respect and paid work, then everything will be done by the self-organization of the Russian people, which will not allow them to go beyond discipline and order. Of

---

⁴¹⁵ Sollogub V.A. About our executive justice // Russian World 1874. No. 342.

⁴¹⁶ Ibid.

⁴¹⁷ Ibid.

⁴¹⁸ Sollogub V.A. About our executive justice // Russian World 1874. No.321

course, Sollogub idealizes self-organization, blaming his class for not providing the people with the fruits of enlightenment to the proper extent: "But we-the leaders, the mentors, the older brothers-we who are entangled in the mud of semi-enlightenment-we do not find the way either for us or for those who follow us. Self-education is, as it seems, our strict task. Self-respect is our goal"⁴¹⁹. He speaks about the need for trust and gives a positive assessment of the trial of criminals over criminals with the consent of the prison authorities⁴²⁰. Sollogub contradicts himself on the issue of correctional detention of prisoners. He is strongly opposed to the progressive European solitary confinement, speaking out for the artels of prisoners, but begins to strongly demand the night division of prisoners into dormitories, because for some reason they do not organize themselves, but spend their time playing games, drinking and debauchery. In addition, it does not exclude that solitary confinement as a corrective measure may be used in a number of prisons adapted for this purpose.

The main dream of Sollogub's life remains the creation of an ideal Russian prison, not like the panopticon of the mentioned I. Bentham, not repeating the Pennsylvania penitentiaries with their solitary cell content: "I wanted to do theater [...] the socialists wiped me out when I had the strength. Now, God grant that we can build a model Russian prison – and then into the bushes, if not the ground"⁴²¹. How did he see her? A full copy of the European and American correction system is not possible. First, for bureaucratic reasons, "the Pennsylvania-Irish agreement remains only on paper"⁴²². Here Sollogub is right, since in Russia only the projects of prisons with solitary confinement of prisoners were conceived. Their completion took place after his death. Secondly, the Latin language, which defined the creation of tools for the penitentiary system, distinguishes only misdemeanors and crimes, while "the Russian language makes a distinction between crime and crime"⁴²³. Consequently, the punishment should be different: correctional, punitive, corresponding to the hierarchy of the crime. Accordingly, prisons should be

---

⁴¹⁹ Sollogub V.A. *Stories. Memoirs / Comp.*, intro. art., comment. I.S. Chistovoy L.: Fiction, 1988. – p. 660-661

⁴²⁰ Sollogub V.A. *Letters of Count V.A. Sollogub and K.K. Grott to M.N. Galkin-Vrasky*. - St. Petersburg: Senate Printing House, 1901. – p. 61

⁴²¹ *Ibid.* p. 12

⁴²² *Ibid.* p. 18

⁴²³ *Ibid.* p. 12

divided into three degrees, with serving different time periods from one to five years, with and without work. Work should bring not only profit to the prison, but also to the prisoner, which is a means of correction. Withholding of labor remuneration can be full or partial. In the experimental artels described by Sollogub, prisoners were interested not in alms, but in labor, since this: put them in the position of workers, allowed them to earn for their own needs and education. Sollogub consistently describes the system of organization of correctional artels and remuneration of labor in his work "On the organization of prison labor in Russia", and finally lists the priority steps to correct criminals. Can be selected as output it is noted that these measures of correction of criminals were subsequently applied in the domestic penitentiary system. First, it is the destruction of the bunks and the night division of criminals. The collective self-organization of Russians does not work at night, when the prison is plunged into the power of prisoners. Here the Irish experience will help, when at night criminals were fenced off with mesh bars "this does not require panoptic buildings and huge expenses"⁴²⁴. Second, "prohibiting prisoners from receiving alms directly from the givers"⁴²⁵. Thus, the reason for the corruption of criminals – the circulation of cash is eliminated. Third, properly organize visits with relatives, separate women's prisons from men's. In this regard, Sollogub follows the ideas proposed by Howard: "the correct and reasonable distribution of criminals into categories [...] useful activities served as an important lever to raise the moral standard and improve the material well-being of criminals"⁴²⁶. As an educational and charitable influence, the count suggests: "Finally, to organize schools and libraries, to encourage prisoners for diligent work. Sollogub even suggests introducing stripes on prisoners clothing"⁴²⁷, indicating that they are moving along the path of correction. This suggests an association with the stripes-jambs on the clothes of modern prisoners and the ambiguous attitude of the criminal environment to this disciplinary rule. M.O. Pryanishnikov in his book "Russian

---

⁴²⁴ Sollogub V.A. About the organization of prison labor in Russia. - St. Petersburg: Type. Ministry of Internal Affairs, 1866. – p. 48

⁴²⁵ Ibid. p. 49

⁴²⁶ Cazalet E.A. On the significance of John Howard in the history of prison reform / E.A. Cazalet. - Moskow: type. Societies of the distribution of useful books, 1892. - IV. – p. 48

⁴²⁷ Sollogub V.A. Letters of Count V.A. Sollogub and K.K. Grott to M.N. Galkin-Vrasky. - St. Petersburg: Senate Printing House, 1901. – p. 49

agricultural prison"⁴²⁸ pays attention to the creation of a new type of prison and the works of V.A. Sollogub. The penologist's ideas continue.

Books in Russian prisons appeared quite a long time ago, prisoners brought them with them to Siberia, spiritual literature was also distributed by philanthropists, but the creation of the libraries themselves dates back to the middle and second half of the XIX⁴²⁹ century. Libraries were also organized in prisons by the prisoners themselves. So M.N. Gernet mentions that in the Peter and Paul Fortress "the library of the Trubetskoy bastion was made up of books provided to it by the prisoners themselves"⁴³⁰. The researcher also insists that no mention was found in archival prison documents of donations from patrons or funds allocated for the creation of libraries by the administration itself. For Russian prisoners Sollogub does not recommend silence; on the contrary, it organizes choral singing, reading, and mandatory attendance at church services. This was very uncharacteristic of the progressive European model of correction, which implied silence, even during church services.

In his works, S.N. Poznyshev pays special attention to the topics that philanthropists also raised: paying prisoners for work, night separation instead of round-the-clock solitary isolation, organizing schools and libraries, and resocializing prisoners after release.

S.N. Poznyshev also considers the topics raised by philanthropists and penologists: payment to prisoners for work, night separation instead of round-the-clock solitary isolation, organization of schools and libraries, re-socialization of prisoners after release. The St. Petersburg Charity Committee provided assistance to persons released from prison "in finding a living", as well as "ransom of persons imprisoned for debts and assistance to their families"⁴³¹. The Moscow Committee maintained schools in three prisons. Here Poznyshev points out the direct impact of charity on the penitentiary system

---

⁴²⁸ Pryanishnikov M.O. Russian agricultural prison. - St. Petersburg: Printing House of Public Benefit, 1881.

⁴²⁹ Naumenko, O.N., Naumenko, E.A. The use of books as a means of educational influence on prisoners in the penitentiary system of Western Siberia (the second half of the XIX - the beginning of the XX century.) / O.N. Naumenko., E.A. Naumenko // Librari science. - 2016. Volume 65. - №. 2. - p. 171-176

⁴³⁰ Gernet M.N. History of the Tsar's prison. Volume 4. Moscow.: State Publishing House of Legal Literature, 1954. - p. 65

⁴³¹ Poznyshev S.V. Essays on prison studies. - Moscow: A.I. Snegireva, 1913. - 264 p.

[Electronic resource] URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003808107#?page=1> (accessed: 07.02.2021).

in such areas as: re-socialization, mitigation of conditions of detention, education of prisoners.

Also Galkin-Vrasky in 1863 describes a visit to the model prison in Lausanne⁴³², functioning according to the Auburn type, where criminals were reformed and worked in complete silence. Brief conversations with the priest and doctor were allowed. Such a system is unacceptable for the character of a Russian person who is talkative and corrects himself in the community. Therefore, Sollogub, who is familiar with the tradition of prison songs, organizes a choir and a vegetable garden in the experimental prison, considering singing and agricultural labor as important tools for human correction and socialization.

When studying the author's works, it can be concluded that Sollogub undoubtedly believes: in the power of enlightenment, in the kindness of the Russian person, in the fact that "crime does not change a person yet. Crime, for the most part, is nothing more than an accident resulting from lack of character and temptation"⁴³³. And it is not harsh prison or exile that makes a person happy, the penologist concludes, but "humanity and legality-these are the two rules by which both prison work and even prison correction can achieve results that have not yet been experienced abroad"⁴³⁴.

Summing up his work in the field of prison studies Sollogub is optimistic and sees in the future Russia's potential for humane change and reform. During his lifetime, the system is sluggish on the path of humanization, prisons are slowly reformed, monarchs are merciful, the unifying principle wins in the people. This allows him to conclude: "We are far from belonging to the category of alarmists who see signs of state corruption everywhere. We firmly believe in the integrity and common sense of the Russian people, and it would be a sin not to believe them."⁴³⁵

As it was already shown above, the Central Committee, as an institution historically embedded in the system of the Russian hierarchy, showed efforts in the correction of

---

⁴³² Galkin-Vrasky M.N. Correctional prison in Lausanne. - St. Petersburg: Type. Ministry of Internal Affairs, 1863.

⁴³³ Sollogub V.A. About the organization of prison labor in Russia. - St. Petersburg: Type. Ministry of Internal Affairs, 1866. - p. 59

⁴³⁴ Ibid.

⁴³⁵ Sollogub V.A. About our executive justice // Russian World 1874. No. 290.

criminals and charity in the conditions of the penitentiary system. However, it was gradually pushed into the background in this area, although its efforts in this direction did not become minimal. The role of the corrective was assumed by the state, which oversees the fulfillment of the social contract. Prisoners expressed their remorse not by penance, but by performing social and constructive work, such as paving roads with stones. They made amends not to God, but to society. Then the prisoners labor passed into the hands of contractors, who were representatives of capital, and the prisoner became its free hostage. This explains the refusal of some prisoners to work in the modern correctional system.

Even in the 19th century, in an experiment that Galkin-Vrasky conducted in the penitentiary system, prisoners received their salaries from working in artels that were created at prisons. In Russia, in the XIX century, the state reform of the penitentiary system was being prepared and then went on, and the scientific search for an effective and humane model for correcting criminals turned out to be in demand, which forced domestic penologists to turn to European and North American experience, in particular to the promising solitary (cell) isolation, which at that time was considered progressive and was seen as an alternative to exile and even the death penalty.

Galkin-Vrasky speaks cautiously about the introduction of the European penitentiary model and the consequences of its application in Russia: "solitary confinement continued for too long, applied with excessive severity, can have a more or less harmful effect on those subjected to it"⁴³⁶ and also leads to "insanity and idiocy"⁴³⁷. A similar opinion was shared by psychiatrists of that period, who studied the phenomenon of isolation in the context of studying various issues of crime and insanity. In particular, P.A. Dyukov analyzed the results of studies of doctors who worked in the penitentiary system and came to the conclusion that "many of the criminals should be classified as abnormal, sickly, and in many ways similar to the mentally ill, and that therefore they do

---

⁴³⁶ Galkin-Vrasky M.N. Materials for the study of the prison issue - St. Petersburg: Type. Ministry of Internal Affairs, 1868. – p. 40

⁴³⁷ Ibid. p. 120

not need punishment, but moral correction and medical benefits"⁴³⁸. As for solitary confinement, it is completely unsuitable for Russian people: "Absolutely strict solitary confinement, applied to everyone indifferently, probably increases the number of mental illnesses, especially if the time of solitary confinement is long, if proper measures are not taken to preserve the physical and mental health of prisoners, which is often the case"⁴³⁹. Dyukov cites as an example the erroneous opinion of scientists who equate crime with insanity, with the only difference that there is a different degree of harm to society and the individual. He comes to the conclusion that the problem is the penitentiary system, a lot of different reports, as well as a formalism that does not notice the person undergoing the correction process. He also criticizes the efforts of defenders of humane principles, which are limited only to reasoning. It is necessary to be guided not by theoretical considerations, but by figures and facts, since it is not enough to discuss "the principles of humanity and extreme circumstances, as is still done in most cases by the defense lawyers of some defendants"⁴⁴⁰.

S.V. Poznyshev notes that solitary confinement does not take root in Europe, "the unnatural duty of silence is constantly violated by prisoners and, if strictly observed, leads to the appalling use of disciplinary punishments"⁴⁴¹. They also criticized the blindness of this system, which does not provide for the division of criminals into classes, which excluded early release. In other words, in Russia it is necessary to abandon punishment in the form of strict cell isolation, separate criminals from the insane, and place the latter not in prisons, but in hospital hospitals. Have these humane ideas found practical application? Partly - yes, because as P.A. Dyukov himself concludes, "the power of moral influence is stronger than a granite wall"⁴⁴². In connection with the description of the practical significance of humane ideas, it is worth recalling the metaphor of the "granite

---

⁴³⁸ Dyukov P.A. Crime and insanity // Bulletin of Clinical and Forensic Psychiatry and Neuropathology. - 1885. - The third year, issue I. – p. 1-30; issue II. – p. 1-41

⁴³⁹ Ibid.

⁴⁴⁰ Ibid.

⁴⁴¹ Poznyshev S.V. Essays on prison studies. - Moscow: A.I. Snegireva, 1913. – p. 66

[Electronic resource] URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003808107#?page=1> (accessed: 07.02.2021).

⁴⁴² Dyukov P.A. Crime and insanity // Bulletin of Clinical and Forensic Psychiatry and Neuropathology. - 1885. - The third year, issue I. – p. 1-30; issue II. – p. 1-41

wall", indicating a prison on the banks of the northern river, an idea that has become a reality. After all, the result of Galkin-Vrasky's trip to Europe was not only a scientific work⁴⁴³ that became for many years an authoritative domestic manual on penology, but most importantly-the St. Petersburg prison for urgent prisoners, which was opened on January 11, 1868. With some reservations, we can cite this example as an illustration of the idea that Russian prisoners are not alien to the manifestation of social responsibility and elements of charitable behavior. Although the prison was built according to the American single Pentonville type, nowhere else in the world was there a similar practice of building a prison by prisoners⁴⁴⁴. This social experience and experiment is unique for Russia in some ways. Churches⁴⁴⁵, monasteries, islands, and even distant countries were often used for incarceration and exile in Europe and Russia⁴⁴⁶, but penology did not yet know that the prison was built by the prisoners themselves, and even received a salary for it. It is worth paying attention to the fact that the construction of the St. Petersburg penitentiary institution embodies the best European penological ideas in combination with advanced domestic methods of re-education and re-socialization of criminals. To some extent, this structure is the apotheosis of the best ideas of Russian penologists. It is a well-known fact that prisoners in Russia refused alms because they understood that they would earn more, work was necessary because it reminded them of the purpose of a person, and earnings allowed them to help their families⁴⁴⁷. We see that an attempt is being made by state elites to transform the penitentiary system. Unfortunately, the experiment was stopped due to political cases and sentences that flooded the society. Society punishes and corrects, but the fruits of correction are enjoyed by the capitalist,

---

⁴⁴³ This refers to the monograph "Materials for the study of the prison question" (1868)

⁴⁴⁴ The old prison was originally located in the old buildings of the former "wine town" on the Vyborg side of St. Petersburg along the right bank of the Neva. Then, in its place in 1884, the construction of the legendary St. Petersburg solitary confinement prison "Kresty" began by the forces of prisoners.

⁴⁴⁵ Thomas Venclova writes about the use of the temple complex for the needs of the penitentiary system: "In the autumn of 1823, Mickiewicz and his friends found themselves in prison – the former temple of the Uniates at the very Ostrobram Gate." See: Venclova T. Vilnius: A City in Europe / Trans. from lit. by Maria Chepaitite. - St. Petersburg: Ivan Limbach Publishing House, 2018. – p. 150-151

⁴⁴⁶ For example, Patriarch Tikhon of Moscow (Belavin) He was arrested and imprisoned by the Soviet authorities in the Donskoy Monastery in 1922 and 1923.

⁴⁴⁷ See, for example: Sollogub V.A. About our executive justice // Russian World. 1874. № 278-281, 290-292, 301, 304, 306, 314-315, 321, 324, 326, 342, 356.

not by society. This calls into question the traditional patching system. Does isolation correct what it does to the individual's freedom? Recent events of the global pandemic show that prolonged forced isolation can be detrimental to the individual, not contributing to its preservation and development. Why is strict isolation unacceptable for a Russian? In his report on a trip to the penitentiary Congress in Rome in 1885, Galkin-Vrasky notes that even under the strictest solitary isolation, the maximum correctional mutism (silence) is not achieved, since prisoners use secret signs to communicate, ignoring the fear of disciplinary punishment⁴⁴⁸. The scientist speaks cautiously about the consequences of using the European form of isolation in Russia. Strict isolation measures in Russia are ineffective, they kill the spirit of collectivism that Russians have. Villages in Russia are located along roads, houses are located close to others, the farm type of settlements is atypical, "the most characteristic types of Russian settlements were villages and villages. They were multi-family and consisted of peasant estates located nearby, < ... > The village or village continued to be a cell of the peasant land community"⁴⁴⁹. Russians willingly come to each other's aid, organize themselves into labor artels, share what is necessary with those in need, and bring bread and salt to the guest. Galkin-Vrasky notes that the cell system is not acceptable for the character of a Russian person, who is talkative and quickly corrects himself in the labor community. A complete copy of the experimental European and American solitary confinement system is also impossible for Russian bureaucratic reasons, which in this case also have a certain good function – to restrain spontaneous decisions⁴⁵⁰. According to modern norms of international law, complete solitary confinement is not acceptable: for children under 18 years of age, for mentally ill prisoners sentenced to death and to life imprisonment. It cannot be used as a method of

---

⁴⁴⁸ Galkin-Vrasky M.N. International Prison Congress in Rome in 1885. Report of the Chief of the Main Prison Department. - St. Petersburg: Type. Ministry of Internal Affairs, 1886. – p. 12-13

⁴⁴⁹ Russian / Ed. V.A. Alexandrov, I.V. Vlasova, N.S. Polishchuk. - M.: Nauka, 1997. – p. 218

⁴⁵⁰ Sollogub V.A. Letters of Count V.A. Sollogub and K.K. Grott to M.N. Galkin-Vrasky. - St. Petersburg: Senate Printing House, 1901. – p. 18-20

influence. A number of human rights organizations insist on a complete ban on solitary confinement as a penitentiary measure of punishment and correction⁴⁵¹.

Drawing conclusions from this part of the study, it is appropriate to recall the scientific intuition of V.S. Soloviev, which he expressed as follows: "The first and most important condition is, of course, that penitentiary institutions should be headed by people capable of such a high and difficult task – the best lawyers, psychologists, and people with a religious vocation"⁴⁵². This fully applies to the penologists and philanthropists mentioned above. They laid the ideological foundation of the Russian penitentiary system.

M.V. Butina in her book "Prison Diary" also gives modern arguments against solitary confinement. First, this form of detention is equated to psychological torture, but it is practiced in a number of countries because "isolation is used as an integral part of the practice of conducting interrogations"⁴⁵³. Article One of the UN General Assembly Convention against torture, adopted in 1984 and entered into force in 1987, prohibits torture. Second, solitary confinement is a form of degrading treatment and punishment. In addition, strict solitary confinement leads to physiological disorders, and "Council of Europe study in 1977 showed that prolonged confinement with a strict regime of isolation of prisoners leads to what was called "isolation syndrome", which included emotional, cognitive, social and somatic disorders"⁴⁵⁴. The author also notes the difficulties and dangers of returning such people to society: "Even when held in isolation, prisoners do not show obvious symptoms, after being released from isolation, they may experience discomfort in social situations and avoid them, which will have negative consequences for social functioning later on, both in the prison community and in freedom, calling into question the likelihood of successful reintegration"⁴⁵⁵. In conclusion, the head of our research to recall the famous words of V.S. Soloviev, who, analyzing the Russian prison

---

⁴⁵¹ Istanbul Statement on the Application and Consequences of Solitary Confinement. Solitary confinement. Solitary confinement. Official website. [Electronic resource] URL: <https://www.solitaryconfinement.org/istanbul-statement> (date of application: 22. 05. 2021).

⁴⁵² Soloviev V.S. Justification of good / Ed. O.A. Platonov. - M.: Institute of Russian Civilization, Algorithm, 2012. – p. 470

⁴⁵³ Butina M.V. Prison diary. M.: AST Publishing House, 2020. – p. 57

⁴⁵⁴ Ibid. p. 57-58

⁴⁵⁵ Ibid. p. 58

experience described period, presciently concluded: "nevertheless, in all of our, i.e. the European-American prison, systems, there is still a lot of unnecessary violence and tormentor tion, explain only as dead legacy of outdated principles of revenge and intimidation. These are: the death penalty, although it has lost ground, but is still stubbornly defended, then indefinite imprisonment, hard labor, exile to remote countries with disastrous living conditions, etc."⁴⁵⁶ The author of the study is aware of some empiricism in his approach to the analysis of the spiritual and religious origins of the domestic penitentiary system, which undoubtedly affects "Russian spiritual philosophy, in which there are no rational categories and logically programmed paths"⁴⁵⁷.

Have the humane ideas, views and practices of Russian penologists and humanists found their continuation in the modern period? To address this issue, we will move on to the final chapter of our research.

---

⁴⁵⁶ Soloviev V.S. Justification of good / Ed. O.A. Platonov. - M.: Institute of Russian Civilization, Algorithm, 2012. – p. 457

⁴⁵⁷ Korolkov A.A. Spiritual anthropology. St. Petersburg: SPbGU Publishing House, 2005. – p. 267-321

Chapter 3. Charity and the penitentiary system

3.1 Penitentiary system as an area of charity impact

The penitentiary system is a very informative cross-section of the internal structure of society, an element of its social structure, in some ways – a reflection of society, a micro-society in a macro-society. The most significant work devoted to the topic of the emergence and history of the modern penitentiary system is undoubtedly "To supervise and punish. The Birth of prison" by M. Foucault⁴⁵⁸. The tools and approach of the philosopher are of undoubted interest for our scientific research. Foucault examines in detail the mechanism of humanistic reforms that have influenced the modern structure of power and its models described in the above-mentioned book. Foucault speaks of the "theater of execution" that took place in a monarchical society⁴⁵⁹.

V.S. Soloviev, who wrote his work "Justification of the good" long before the research of M. Foucault insisted that execution is not an adequate punishment for the crime, the criminal becomes not only the victim: "according to the theory of deterrence, the punished criminal is considered only as a means to instill fear in others and to protect public safety"⁴⁶⁰. In other words, "the theory of deterrence has completely blunted its edge since painful corporal punishment and the qualified death penalty were abolished in all educated and semi-educated countries"⁴⁶¹. The penitentiary system should correct, but not torment a person, not destroy his personality, giving him a chance to return to society. In principle, the prison system is based on good: "The basic property of the good that is conditioned by a legal social organization is not compulsion (which is only a possible consequence), but direct objectivity"⁴⁶². According to Soloviev, the task of limiting evil

---

⁴⁵⁸ Foucault M. Ned to protect society: A course of lectures delivered at the College de France in the 1975-1976 academic year. - St. Petersburg: Nauka, 2005.

⁴⁵⁹ Foucault M. To supervise and punish. The Birth of a prison. M.: Ad Marginem, 1999.

⁴⁶⁰ Soloviev V.S. Justification of good / Ed. O.A. Platonov. - M.: Institute of Russian Civilization, Algorithm, 2012. – p. 456

⁴⁶¹ Ibid.

⁴⁶² Ibid. p. 531

is placed in the hands of the state. Here we see an ideological intersection with charity, which is also based on good, the desire to expand its limits. Soloviev explains that in the area of the direction to good, "compelling external action is primarily a deception. Since the goal of forcing a person to have an inner disposition to good, or an inner receptivity to truth, by force, from the outside, cannot in any case be achieved"⁴⁶³. Therefore, in the penitentiary system, we cannot force a person to follow the good, but it is possible to encourage them by awakening moral, better aspirations and conscience. The death penalty basically deprives the criminal of the opportunity to improve.

Foucault also describes how the historical system of criminal punishments has transformed over time, from the death penalty to imprisonment and bail⁴⁶⁴. However, the State has never lost full control over those held in prisons, although the rigor and rigor of the system have transformed the monstrous corporal punishment itself into a spiritual exercise and a cautionary public lesson. In other words, the degree of development of the state is characterized by the humanity of its penitentiary system. Publicist and public figure M.V. Butina, who spent a long time serving a sentence in solitary confinement in the United States, believes that "withtran, it characterizes how she treats prisoners"⁴⁶⁵.

As it was already shown above, *penitence* in the broadest sense is repentance, correction in its active sense. The entire penitentiary system is thus declared as correcting or facilitating the process of correcting the offender. Let's ask a provocative question: "Why does the criminal need to be corrected at all? After all, the crime must first be punished". Taxes are spent on the maintenance of the criminal, funds of respectable citizens are spent, and it is difficult to assess the effectiveness of the penitentiary system in correcting it. The question of eliminating the evil of crime in a more radical way has always been raised, and the topic of contrasting mercy with justice is far from new.

M. Foucault believes that in the XIX-XX centuries violators of the law were not punished by torture and the death penalty everywhere, the emphasis is not on the criminal, but on his misdemeanor. The criminal is placed in the penitentiary system, where he must

---

⁴⁶³ Ibid. p. 532

⁴⁶⁴ Foucault M. To supervise and punish. The Birth of a prison. M.: Ad Marginem, 1999.

⁴⁶⁵ Butina M.V. Prison diary. M.: AST Publishing House, 2020. – p. 30

be re-educated, since his body is no longer the property of the sovereign. Gradually, society shifted from centralized monarchical power to democratic governance. This led to a gradual change in the form of punishments and the types of execution itself, the abolition of prisons as a type of execution and torture. Meanwhile, in the minds of thinkers, prison itself was almost always identified with torture. Voltaire, who was twice imprisoned in the famous Bastille, wrote a poem dedicated to this prison, as well as the tragedy "Oedipus" and a comedy⁴⁶⁶. Despite the fact that Voltaire ridiculed imprisonment⁴⁶⁷ in the most severe prison in Europe, with his works, the thinker prepares the ground for the future destruction of this symbol of torture.

The fight against the "thousand deaths" of torture and execution, which weakens the power of the monarch⁴⁶⁸, becomes one of the important social meanings of revolutionary changes. Thus, one of the leaders of the Great French Revolution (1789-1799), lawyer Camille Desmoulins, became famous for leading a campaign against the Bastille prison, and also called for the establishment of a "Committee of Mercy" – for the release of prisoners and commutation of sentences⁴⁶⁹. It should be made clear that the concept of charity should always be considered in its context. For Desmoulins, it meant pardoning criminals, but not all the enemies of the revolution⁴⁷⁰. In a letter to Robespierre, he writes: "patriotism cannot exist where there is neither humanity nor charity... remember that love is stronger than fear; that worship and religion attract beneficence; that works of charity are the imaginary ladder of which Tertullian tells us, lifted up to heaven, but never ascended by steps drenched in blood! You were already so close to this view that you drew up a decree and proposed the establishment of a "justice committee", but why did mercy become a crime in the republic?"⁴⁷¹ Desmoulins passionately opposes

---

⁴⁶⁶ Voltaire. Philosophical writings. M.: Nauka Publishing House, 1988.

⁴⁶⁷ How can we not recall here the method of V. Frankl's "paradoxical intention", with the help of which the prisoner is easier to endure imprisonment. In other words, "a wedge is knocked out with a wedge," laughter conquers fear.

⁴⁶⁸ The expressions of M. Foucault from "To supervise and punish. The birth of a prison."

⁴⁶⁹ See: Camille Desmoulins [Electronic resource] URL: <https://www.britannica.com/biography/Camille-Desmoulins> (accessed: 05/21/2021).

⁴⁷⁰ Desmoulins was executed by guillotine on April 5, 1794.

⁴⁷¹ Lamartine A.M.L. The History of the Girondists: in two volumes. Volume II / Trans. from fr. Kuteynikov N.S. - M.: Zakharov, 2013. – p. 353.

the widespread use of the guillotine⁴⁷², calls for mercy, in a rush, correlating it with traditional Christian meanings, quoting Tertullian. E. Durkheim, speaking about the French Revolution, emphasized a special: "The ability of society to act as a god or generate gods... under the influence of universal enthusiasm, exclusively secular in nature things were turned by public opinion into sacred ones: Homeland, Freedom, Reason. There is a tendency to create a religion with its own dogma, its own symbols, altars and festivals"⁴⁷³. One cannot but agree with this. In the proclaimed "era of mercy", the cult of Reason and the Supreme Being emerged, but the cause of the ethical movement – the enthusiasm of its adherents-disappeared, and its consequences could not be preserved either.

G.V.F. Hegel asserts that "the criminal is punished by the law, by objective law, but he must also admit that he deserves to be punished, that he has ruined himself"⁴⁷⁴. The criminal suffers according to objective laws, and his sense of remorse must be accompanied by a confession of guilt. Through fair punishment, the crime is removed. As for prison and serving a sentence, "the moral world of law and the natural order of things exercises compulsion in relation to the subject as a natural power and remains for itself"⁴⁷⁵. Civil society ensures the enforcement of the law and maintains order. Punishment for violation of the law can be only in the state, outside of it it is revenge⁴⁷⁶.

In his book "To supervise and punish. The Birth of the Prison" Michel Foucault describes the philosophy of the prison system, correlating it with three models of power. Foucault calls them: "execution theater", "disciplinary" and "bio-power". Foucault also calls the "execution theater" the "royal" model, the connotation of which we see in this episode, although the people's Convention acts as a judge here, and the people are offended, who demand punishment in the form of guillotining. The personification of this

---

⁴⁷² Guillotining was perceived as a massive and even humane method of execution. Before the revolution, criminals from the privileged class were mostly sentenced to beheading.

⁴⁷³ Durkheim E. *Collective ritual // Religion and society: a textbook on the sociology of religion / comp. V. I. Garadzha, E.D. Rutkevich.* - M.: Aspect Press, 1996. - pp. 440-441.

⁴⁷⁴ Hegel G.V.F. *Philosophy of Law.* Moscow: Academy of Sciences of the USSR. Institute of Philosophy. Mysl Publishing House, 1990. – p. 393.

⁴⁷⁵ Ibid.

⁴⁷⁶ Ibid. p. 414

model was the guillotine, conceived as a humane and accessible tool of execution for the masses⁴⁷⁷.

V.S. Soloviev, in his work, which is truly a manifesto of goodness and mercy, sums up the theme of correction as follows: "Those who suffer from crime have the right to protection and, if possible, to reward; society has the right to security; the criminal has the right to admonition and correction"⁴⁷⁸. These are the demands of the moral law, and justice, and altruism, and charity. However, "for the protection of individuals, the safety of society and the further welfare of the perpetrator, it is primarily necessary that the perpetrator of the crime be deprived of liberty for a certain period of time"⁴⁷⁹. It is here, in the space of the penitentiary system, that mercy is shown to the criminal, both on the part of society and on the part of people, including benefactors.

As an answer to the question about the need for correction, it also seems appropriate to quote this passage: "At the trial of the murderers of priests, St. Augustine asked the judge not to deprive the murderers of their lives, with this explanation: «We do not want to prevent the freedom to commit crimes from the villains, but only want to do this by keeping them alive and not This is also a punishment, but who does not understand that it is a blessing rather than a torment, since the will of bold rage is not given and the medicine of repentance is not taken away? [...] Be indignant at lawlessness, but do not forget about humanity; do not revel in revenge for the atrocities of sinners, but direct your will to heal their wounds»"⁴⁸⁰. These words conceal the humane philosophy of the penitentiary system. A person's life is granted only once, and we have no right to interrupt it, not to indulge in revenge, hoping for the correction of the criminal, encouraging him to change his thoughts and behavior, which is what the penitentiary system should ideally serve. The process of correction is similar to the medical treatment of a disease, in which it is important to use a holistic principle: "understanding the nature of the disease as a

---

⁴⁷⁷ Before the invention of the guillotine, beheading as an execution was applied mainly to the upper and wealthy class, considering it a humane and quick way of killing a criminal.

⁴⁷⁸ Soloviev V.S. Justification of the good /Edited by O.A. Platonov. - M.: Institute of Russian Civilization, Algorithm, 2012. - p. 467

⁴⁷⁹ Ibid. p. 467-468

⁴⁸⁰ Pope Francis. The encyclical. Fratelli tutti. About brotherhood and social friendship. Moscow, Franciscan Publishing House, 2021. - p. 152-153

process that covers all systems and levels of the body"⁴⁸¹. It is this analogy that V.S. Soloviev uses when describing the tasks of the penitentiary system: "The course and methods of treatment should change in accordance with changes in the course of the disease, and the court should leave this case to the penitentiary institutions in charge of which the criminal enters"⁴⁸².

At the same time, the criminal in Russia is not considered as a person permanently excluded and expelled from a healthy society, but rather as a sick person in need of healing and returning to society. The long process of penitentiary correction should be considered not only in its social context, but also take into account that "the individual life cycle of a person depends on the material and spiritual culture of society, its social structure, the system of education, on the population-specific potentials of human development and on the implementation of individual psychosomatic inclinations in the process of activity, individual lifestyle"⁴⁸³. A person's nature, lifestyle, and behavior change are determined by many factors, including religious, spiritual, and national ones, only a few of which are considered in our study. Russian and European penologists and philanthropists have repeatedly drawn their attention to these factors.

The philosophical discourse on correction and punishment has also been transferred to works of art, which indicates its relevance. In particular, in the Wainer brothers novel "The Era of mercy", this discourse is given a sharp topical touch in the context of the consequences of the brutal II World War. The hero of the novel, Michal Mikhalych, believes in the power of education, morality and charity. He is convinced that "in our country, the final victory over crime will be won not by punitive authorities, but by the natural course of our life, its economic development. And most importantly-the morality of our society, the charity and humanism of our people..."⁴⁸⁴ The representative of the punitive authorities staunchly objects, linking the terminology used in the dialogue

---

⁴⁸¹ Konstantinov F.V., Marakhov V.G. Dialectics of nature and natural science // Series: Materialistic Dialectics : in 5 volumes. Moscow., Mysl, 1983. Vol. 3. p. 306.

⁴⁸² Soloviev V.S. Justification of good / Ed. O.A. Platonov. - M.: Institute of Russian Civilization, Algorithm, 2012. – p. 468

⁴⁸³ Ibid.

⁴⁸⁴ Wainer A.A., Wainer G.A. Era of mercy. Two among people. – Moscow: International Book, 1993. – p. 200

with religion, claiming that "mercy is a priest's word"⁴⁸⁵. Michal Mikhalych's objection is similar to the thought of the nineteenth - century humanist penologists we mentioned in our study XIX: "Charity is not a priest's tool, but a form of relationship that we all strivefor..."⁴⁸⁶ It seems to us that this dispute, as applied to the penitentiary system, is not over. Today, discourse is increasingly transferred to the socio-political field and requires the attention of not only philosophers, sociologists, penologists, but also theologians and practitioners of law, such as one of the participants in the dispute. In other words, the topic of our research work is a "crossroads" of sciences and needs further development and testing. The final section of our research is devoted to a practical topic.

For a holistic philosophical representation of the laws of the penitentiary system, we think it is necessary to look at the subject of research not only from the outside, but in a certain sense – from the inside, preferably through the eyes of a philosopher, writer and scientist⁴⁸⁷. For example, philosopher Andre Malraux survived imprisonment in the German pow camp that radically changed the vector of his thought. J.-F. Lyotard in the biographical book about the philosopher mentions that the fact of passing through the camp and encouraged the writing of new scientific work: "In Provence or Sansa, in one prison or another, the situation of the prisoner favored work over a big book..."⁴⁸⁸ Being in prison stimulated the researcher's thinking in a new direction. J.-F. Lyotard summarizes and recalls outstanding literary works that were written in prison, or their idea appeared because of passing through the penitentiary system. These include: "Don Quixote" by M. Cervantes, "The Adventures of Robinson Crusoe" by D. Defoe, "The Idiot" by F.M. Dostoevsky and many others⁴⁸⁹. Attention is drawn to the fact that all the main characters of these works appear to the reader detached from society: Robinson – a shipwreck, Don Quixote-madness, Prince Myshkin - his naivete. To this list, it is worth adding another

---

⁴⁸⁵ Ibid.

⁴⁸⁶ Ibid.

⁴⁸⁷ We understand that in this approach it is necessary to take into account the subjectivity of assessments and interpretations of the philosophical problem, but this does not mean that we should abandon their study.

⁴⁸⁸ Lyotard J.-F. Signed by Malraux / Translated from the French by A.V. Shestakov - St. Petersburg: Vladimir Dal, 2015. – p. 350

⁴⁸⁹ See also "Notes from the Dead House" by F.M. Dostoevsky, "In the World of Outcasts. Notes of a former convict" by P.F. Yakubovich, works by A.I. Solzhenitsyn, "Kolyma Stories" by V.T. Shalamov, J. Bunyan "A Pilgrim's Journey to a Wonderful Country", etc.

pilgrim, the hero described by J. Bunyan⁴⁹⁰. In this connection, M. Weber says that "Robinson Crusoe, an isolated economic man, is also partly engaged in missionary work"⁴⁹¹. This character is brought up as a new person in solitary confinement on the island: in reflection, creative work and religious asceticism. While Bunyan's pilgrim illustrates "the contemplative type of a lonely man whose whole effort is to get past vanity fair as quickly as possible in search of the Kingdom of God..."⁴⁹² The economic man replaces the contemplative man. One is saved and nurtured by physical labor, the other by admiring contemplation and a purposeful search for salvation. The authors of the above novels are united by the fact that they survived the horrors of prison and went through the millstones of the penitentiary system, which allowed them to part with various kinds of illusions, avoid the captivity of false hopes and unjustified conceit. Listing three great books written by former prisoners, J.-F. Lyotard asks a reasonable question: "Should we add to them a fourth-written by a former prisoner of war? Taken into custody in 1940, along with thousands of others who had been convicted of insanity, innocence, and shipwreck all at the same time. The people believed in their ability to change the world, did not dare to make a revolution and lost hope. A crushing defeat is the crime for which the criminal, stunned by the verdict, paid the price, thrown to the ground, in the camps of the victors"⁴⁹³. Many people who have passed the penitentiary system ask a similar question – should they share with the world their philosophical discoveries made in prison and exile? However, only a few people decide to take this responsible step, which only outwardly seems like an easy charitable gift to humanity. Prison researcher M.N. Gernet speaks about the special property of Russians to describe their own experience of the impact of the penitentiary system, quoting an essay by A.M. Gernet. Gorky about V.I. Lenin: "Every Russian who has spent a month in prison or a year in exile 'for politics' considers it a sacred duty to give Russia a book of memories of

---

⁴⁹⁰ J. Bunyan wrote his allegorical work in prison.

⁴⁹¹ Weber M. Protestant ethics and the spirit of capitalism // Religion and society: a textbook on the sociology of religion / comp. V.I. Garadzha, E.D. Rutkevich. - M.: Aspect Press, 1996. – p. 617

⁴⁹² Ibid.

⁴⁹³ Lyotard J.-F. Signed by Malraux / Translated from the French by A.V. Shestakov - St. Petersburg: Vladimir Dal, 2015. – p. 350-351

how he suffered"⁴⁹⁴. A.M. Gorky, during a month-long stay in the prison of the Peter and Paul Fortress (January-February 1905), was not deprived of the opportunity to correspond and engage in creative work, wrote notes, a play and made drawings⁴⁹⁵. In the story "Prison"⁴⁹⁶, the writer tells about the observation of prisoners through the peephole, the torture that constantly accompanies the prisoner. The writer is horrified by the constant monitoring that accompanies the correction received in the tsarist penitentiary system⁴⁹⁷. Gorky believed that the problem of crime is located within the class bourgeois society, and "thieves as you know are brought up as robbers by the bourgeois system of punishment – prison"⁴⁹⁸. He believes in the Soviet correction of criminals from the workers and peasants class, because only in Western countries⁴⁹⁹ "the attitude towards the criminal as an incorrigible, organic enemy of society remains unshakeable, and the prisons of European states continue to serve as schools and universities where professional offenders are brought up"⁵⁰⁰.

On the philosophy of the Soviet penitentiary system Gorky writes very radically: "In the Union of Socialist Soviets, it is recognized that class society creates the "criminal", that "crime" is a social disease that has arisen on the rotten soil of private property, and that it will easily be destroyed if the conditions for the emergence of the disease – the ancient, rotten, economic basis of class society – private property – are destroyed. The Council of People's Commissars of the RSFSR decided to destroy prisons for criminal prisoners within the next five years and apply to "offenders" only the method of "education" in conditions of the widest possible freedom"⁵⁰¹. Of course, today we can judge how utopian these ideas were. However, Gorky's mention of the stages, methods

---

⁴⁹⁴ Gernet M.N. Prison for revolutionaries. Moscow, 1932.

⁴⁹⁵ Gernet M.N. History of the Tsar's prison. Volume 4. Moscow: State Publishing House of Legal Literature, 1954.

⁴⁹⁶ Published in 1904, probably under the impression of the author's stay in the Nizhny Novgorod prison.

⁴⁹⁷ Gorky M. Prison. Short stories, essays, sketches, poems of 1901-1907 - The complete works in twenty-five volumes. - Moscow: Nauka, 1970. - Vol. 6. – p. 63-93

⁴⁹⁸ Gorky M. Stories, essays, memoirs 1924-1936. Collected works in 30 volumes. M., GIHL, 1949-1955. Volume 17. – p. 53

⁴⁹⁹ Gorky M. Short stories, essays, sketches, poems of 1901-1907 - The complete works in twenty-five volumes. - Moscow: Nauka, 1970. - Vol. 6.

⁵⁰⁰ Gorky M. Stories, essays, memoirs 1924-1936. Collected works in 30 volumes. M., GIHL, 1949-1955. Volume 17. – p. 53

⁵⁰¹ Ibid. p. 53

and methods of correction is of great importance for our research, since it explains not only the essence of the Soviet penitentiary system, but also illustrates the impact of charity on it.

P.F. Yakubovich to compare his place of imprisonment with Dante's "world of the outcasts", where he was mentally tired of "keeping the appearance of an indifferent philosopher"⁵⁰². Constantly returning to the topic of correction in the essay "Solovki", Gorky is very optimistic about the success of the Soviet penitentiary system: "Solovetsky special purpose camp is not "animaginary house" Dostoevsky, because they teach you how to livethere, how to read and write, and how to work. It's not "The World of the Outcasts" Yakubovich-Melshin, because here the life of the working people is led by working people, and they, not so long ago, were also "outcasts" in the autocratic-petty-bourgeois state"⁵⁰³. It is worth paying attention to the important resources of re-education mentioned by the author: work, education, and immersion in a homogeneous class environment. In the Soviet penitentiary system, re-education is carried out by the state authorities of workers and peasants, who force the criminal person to change his behavior and way of thinking by labor. The power of workers and peasants is also charity, for example, in the form of affordable education. Gorky notes that workers penitentiary education is selective because it does not apply to all social classes: "The worker cannot treat delinquents' as harshly and mercilessly as he is forced to treat his class, instinctive enemies, whom he knows cannot be re – educated. And his enemies are very diligent in convincing him of this. "Delinquents", if they are people of his class workers, peasants he easily reeducates"⁵⁰⁴. The above excerpt explains the essence of the correction process in the Soviet penitentiary system. As we can see, Gorky believed that such a system can easily and effectively re-educate the individual. He sums up: "I think the conclusion is clear: such camps as Solovki and such labor communes as Bolshevo are necessary. It is

---

⁵⁰² Yakubovich P.F. In the world of outcasts: notes of a former convict. - St. Petersburg: Editorial office of the journal "Russian wealth", 1896-1899. pp. 377-378. [Electronic resource] <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/3220-t-1-1896#mode/inspect/page/385/zoom/4> (accessed: 07.02.2021).

⁵⁰³ Gorky M. Stories, essays, memoirs 1924-1936. Collected works in 30 volumes. M., GIHL, 1949-1955. Volume 17. – p. 53

⁵⁰⁴ Ibid.

in this way that the state will quickly achieve one of its goals: to destroy prisons"⁵⁰⁵. And this goal was never achieved.

Formal logic deceptively suggests that the reader is bound to learn a lesson from someone else's prison experience. The torment described by the sufferer may allow someone to avoid crimes or warn the emerging personality from dangers and temptations. F.M. Dostoevsky was skeptical about this educational perspective, seeing flaws both in the penitentiary system itself and in the character of the criminal: "In the criminal, the prison and the most intense hard labor develop only hatred, thirst for forbidden pleasures and terrible frivolity"⁵⁰⁶. It is worth noting that there are only dozens of outstanding literary and scientific works written by former prisoners, and those who have passed through the system of punishment are hundreds of thousands of times more. There are legitimate questions about the dependence of creativity on the experience experienced in the penitentiary system and the subjectivism of the witness.

Swedish thinker S. Dagerman describes the existential state when a person loses his sense of balance in the face of death and "feels a thirst for comfort and it is inexorable"⁵⁰⁷. The thinker concludes, "But people don't need the solace that can be found in wordplay, they need the solace that brings light"⁵⁰⁸. What is this consolation? Is it possible to find or manifest it in charitable giving? This is partly true if giving comes from the innermost limits of the free will of human nature. Does not giving make us like the Other who gave us freedom and the pursuit of knowledge? To return to the text of Stieg Dagerman: "for me, there is only one true consolation: the thought that I am a free man, a separate person, a ruler within my own limits"⁵⁰⁹. Dagerman's formulation that "human life is not an attempt to achieve a goal, but only a path to wholeness. The whole person does not try to achieve anything, he acts from a state of rest... a person can do anything, while maintaining freedom and clearly understanding that he, like all other elements of creation, is an end in itself"⁵¹⁰. This idea is also applicable to the reflection

---

⁵⁰⁵ Ibid. p. 54

⁵⁰⁶ Dostoevsky F.M. Notes from the dead house / Complete Works. Vol.4.M. Publishing House: Nauka, 1972. – p. 15

⁵⁰⁷ Dagerman, S. Our thirst for consolation is unquenchable / Dagerman S. // Zvezda. -2019. - № 2. – pp. 223-226

⁵⁰⁸ Ibid.

⁵⁰⁹ Ibid.

⁵¹⁰ Ibid.

on the problems of the penitentiary system and to the topic of the impact of charity on it, since it goes back to the integral nature of man. Even in prison or captivity, a person remains a person who has inner freedom and passionately strives for meaning, and the imprisoned philosopher, accordingly, seeks to describe the process, study its laws, and interpret the meanings.

The author does not seek to defend the idea that to understand one's destiny, one must necessarily experience unfreedom or slavery, a process that Dagerman describes as: "freedom begins with slavery, and independence begins with dependence"⁵¹¹. We will not deny that understanding of oneself and the importance of another often comes at those desperate moments when a person is torn out of the everyday context, placed in conditions that promote reflection and self-esteem, check the stability of previous life priorities and the emergence of a scale of new values. This reinterpretation undoubtedly took place in the lives of outstanding thinkers and writers, in the past – prisoners, perhaps because their works are an invaluable charitable gift to all humankind. The silence of intellectuals, who left no memories for posterity, but suffered a lot in prisons and camps, is a figuratively unwritten book, which also eloquently testifies to the inner human freedom, the last answer to the torturers. As Dagerman puts it: "the one who builds prisons is usually more tongue-tied than the one who builds freedom. And my power will be unlimited on the day when I will have nothing left but silence, when I will have nothing left to defend my dignity, because living silence is invulnerable to all the axes of the world"⁵¹².

Since incarceration equalizes all prisoners and makes them equally unable to exercise their social freedom and civil rights, it raises a legitimate question about the role of the intellectual and his advantages over the non-intellectual community. About. Wilde also philosophizes about the correctness of punishment, comparing his prison to the grave: "God forgot about us, behind the iron bars sin lured us into darkness"⁵¹³. If the intellectual is guided by ideas that guide his actions and aspirations, then even an elementary idea that promotes life, which moves the simple and uneducated person, is

---

⁵¹¹ Ibid.

⁵¹² Ibid.

⁵¹³ Wilde O. The Ballad of the Reading prison // Collected Works: In 3 vols. Vol. 3: Poems. Poems. Essay. Lectures and aesthetic miniatures. Letters / Trans. from English; Comp. by A. Doroshevich. - M.: Terra Book Club, 2003. – p. 44

worthy of attention. To some extent, each person is guided by an idea that is exposed in the extreme conditions of the penitentiary system. The idea gives him vitality and the desire to create, analyze the surrounding reality, and philosophize. In the face of death and non-existence, the great distinction between an intellectual and a commoner is almost nonexistent.

In this sense, it is important to mention that A.S. Panarin recalls that the Russian Orthodox philosopher S.N. Bulgakov⁵¹⁴ "develops a different paradigm, close to the archetype of giving. Only through this archetype is the ontological involvement of man preserved, his openness to being, which protects him from nihilistic secession"⁵¹⁵. We are talking about the gift of the word, which S.N. Bulgakov understands in its cosmic sense: "words as the primary element of thought and speech, are carriers of thought, express the idea as a certain quality of being, simple and further indecomposable. This is a self-witness of the cosmos in our spirit, its sound"⁵¹⁶.

The analogy also applies to the penitentiary system. The gift of the word of a person who has passed through the system of correction and punishment is a charitable gift to every thinking person, as well as a demonstration of hope and humanity, which manifests itself even in conditions of captivity. The gift of such a word is closely associated with the process of scripting being, one's existence in captivity, and preserving oneself *as a person for a person*. In this context, it is worth understanding the literature examples that we present in our study to illustrate the impact of charity in the prison system. There are many examples, but we will mention only a few, linking them together with a single topic of our research.

Described by D. Dafoe, a sailor abandoned on a desert island compares it to a prison where he is serving a solitary sentence. What does he do, realizing himself as a person? He is ascetic way of correction, so clear to Protestantism, working and engaged in reflection, fixing his thoughts, "not to perpetuate them as a warning to people that find themselves in my position, but simply to Express in words all that I was tormented and

---

⁵¹⁴ Panarin A.S. Orthodox civilization in the global world. M.: Eksmo, 2003

⁵¹⁵ Ibid. p. 32

⁵¹⁶ Bulgakov S.N. Philosophy of the name. Paris.: YMCA-PRESS, 1953. – p. 15

tortured, and those in any way to unburden themselves"⁵¹⁷. It follows that for the thinker: "To write such a book meant, first of all, to reject this distinction, to bring down the arrogance of intelligence over uncouth wisdom..."⁵¹⁸ The hero Dafoe does this by following the arguments of his mind. Soon he discovers the undoubted benefit to himself from such an act, as well as from physical labor. His gaze is fixed on a sprouted barley seed, which revives the idea of Another, God giving good, for the sake of one suffering person imprisoned on the island⁵¹⁹. Thinking is fixed on a small object, through which a large-scale transcendental perspective opens up. This awakens in him a new desire to live and seek the highest religious meaning of his existence. Later, Robinson Crusoe himself will do good to the savage and sailors who got to the island. He who has learned the joy of receiving an undeserved gift becomes a benefactor himself. Here, in the context of the conclusion, we see the relationship between the processes of correction and charity. It is gratifying that this process was recorded in detail by the sailor in his diary, and later by the author of the book.

Alexander Solzhenitsyn analyzed in detail his experience in various Soviet prisons and camps and came to the conclusion that during the years of repression in the penitentiary system, a stratum of philosophizing people who "spoke and wrote in Russian was destroyed...They have seen too much to choose one. They were reaching for the higher ground too hard to stand firmly on the ground. Before the fall of societies, there is such a wise stratum of thinkers-thinkers and only. And how they did not cackle over them! How not to imitate them! They didn't even get a nickname like rot. These people had a premature color, too thin armata, so they let them under the mower"⁵²⁰.

It can be concluded that any consistent analysis of the penitentiary system by a person who has passed it, although it differs in a certain degree of subjectivity, is of

---

⁵¹⁷ Dafoe D. The life and amazing adventures of Robinson Crusoe, a sailor from York. - Moscow: 1982. - p. 73

⁵¹⁸ Lyotard J.-F. Signed by Malraux / Translated from the French by A.V. Shestakov - St. Petersburg: Vladimir Dal, 2015. - p. 351

⁵¹⁹ "But when I saw this barley, which, as I knew, had grown in an unusual climate, and most importantly, I did not know how I got here, I was shocked to the depths of my soul and began to believe that God miraculously grew it without seeds just to feed me on this wild, dreary island <...> I was happy to know that such a miracle was accomplished for me" Dafoe D. The life and amazing adventures of Robinson Crusoe, a sailor from York. - Moscow: 1982. - p. 88

⁵²⁰ Solzhenitsyn A.I. GULAG Archipelago. 1918-1956. The experience of artistic research. - Moscow.: Inkom, 1991. - p. 137

interest not only to the researcher, but also to the reader, since it addresses the highest values, ideas that give the individual stability in trials, leading to maturity of nature. Writing such a book is a bold act of charity for humanity, coming from the excess of the best qualities of the individual, his higher and noble intentions, aimed at correcting mistakes and preventing a second tragedy. To some extent, this is a well-reasoned response to the objection that the penitentiary system can only be understood by those who have gone through it and learned lessons and conclusions from it.

A.S. Panarin writes about the gift of the word: "For words contain the energy of the world, word-making is a subjective, individual, psychological process only in the form of existence, but in essence it is cosmic... Words are not galvanised corpses or sound masks at all, they are alive, because they contain the world energy, the world logos..." The thinker follows the thought of V.S. Bulgakov, who insists on ideating the cosmos in the word, because it is: "cosmic in its nature, because it belongs not only to consciousness, where it flares up, but to being, and man is the world arena, the microcosm, because in it and through it the world sounds, therefore the word is anthropocentric"⁵²¹.

The writer and thinker Ernst von Zalomon, who endured a long prison sentence, notes another obstacle that does not allow a former prisoner to engage in literary activities, enriching humanity with his invaluable experience, sharing his innermost thoughts and heuristic discoveries with readers. The penitentiary system quickly turns a person into a commodity, erases his dignity and uniqueness. Awareness of this tragic fact of loss, in a number of intelligent natures, leads to a loss of the sense of freedom that underlies creativity. Zalomon notes that in the German prison of Moabit, he had the opportunity to make notes, which at first he even used for a future book, which was a retrospective of his imprisonment. The author soon concludes that, in isolation, it is impossible to write objectively about prison, since "prison order is a reflection of how the world works outside of it. And since the latter has changed, I have never been able to describe my conclusion in retrospect"⁵²². No text – no philosopher? This leads us to think about the

---

⁵²¹ Bulgakov S.N. *Philosophy of the name*. Paris.:YMCA-PRESS, 1953. – p. 24-26

⁵²² Zalomon Ernst von. *Questionnaire* / Translated from the German and foreword by L. Lannick. - St. Petersburg: Vladimir Dal, 2019. – p. 389

relationship between charity, individual freedom, punishment, and creativity. Is it possible to demand a text from a thinker suffering in prison as a charitable gift, as an answer-for the edification and reflection of the reader? The thinker gives when he is fulfilled, but in a state of desolation he is mournfully silent, like the biblical Job⁵²³, finding meanings again, slowly feeling for them as steps leading to the light of freedom. A similar description of his own experience of isolation is made by the poet A.V. Novikov: "Prison itself is not a problem. And it is not dangerous in itself. The main danger in prison is a person. It is unique and the dangers from it are different"⁵²⁴. Novikov mentions that he did not write or read poetry in prison⁵²⁵. In prison, the individual loses the ability to possess material resources, feels loneliness and helplessness in the face of death, and his own questions remain unanswered for a long⁵²⁶ time. However, here, in the harsh conditions of the prison system, he feels the need for transcendence, realizes that he cannot live only for material accumulation, avoiding death, he also needs to master the world. This is well understood by the clergy, who use the space of correctional institutions for missionary work and pastoral care⁵²⁷.

Penologist M.N. Gernet notes that much is written about prison, but there are almost no women among the authors, and gender equality is manifested only in punishment⁵²⁸. In this regard, the description of the American penitentiary system offered by M.V. Butina, who lived in solitary confinement for more than three months, is of scientific interest. The diary, as a form of consistent scripting of life, became an opportunity for the prisoner to feel like a human being, and the inner spirit was also strengthened by constant physical exercises and visits to an Orthodox priest. In particular, the author insists that solitary confinement continues to be practiced in the United States.

---

⁵²³ The righteous grieving Job at the beginning of the famous Old Testament story went into voluntary solitary confinement, where he plunged into silent reflection, refusing to eat and drink. Job silently searched for an answer to his questions about the causes of suffering. See: The Book of Job. The Bible, the Books of Holy Scripture of the Old and New Testaments. Moscow: Edition of the Moscow Patriarchate, 1988.

⁵²⁴ Novikov A.I. Notes of a criminal bard. - M.: Astel, 2012. p. 79.

⁵²⁵ Ibid. p. 183

⁵²⁶ These are questions of theodicy and the reasons for the disappearance of former meanings.

⁵²⁷ See, for example: notes of the prison priest Archpriest Kaleda G. Stop on your ways. M. 1995.

⁵²⁸ Gernet M.N. History of the Tsar's prison. Volume 3. Moscow.: Publishing House of the Ministry of Justice, 1948. – p. 371-372

In the book "Prison Diary" we find a modern description of it: "What happened to me is called "solitary confinement" – a form of solitary confinement in which prisoners spend 22-24 hours a day alone in their cell, isolated from each other, receiving an hour or two of time outside the cell to meet basic needs such as showers and phone access"⁵²⁹.

Gradually, an innermost desire is awakened in the depths of human nature, which encourages the individual not to descend into oblivion, but to show mercy, share the latter with those who share the same sad fate, and after being released, engage in charity and creative creativity. The boundaries of charity may be much wider than we think at first glance, because they go beyond the formal concept of a donor being free, a recipient being imprisoned or in need of freedom. Charity is a manifestation of the free nature and integrity of a person. A natural question is whether, for example, the act of a prisoner who gave up his place for the night to an unfamiliar, exhausted prisoner, and even of a different nationality, is charity? Isn't it a manifestation of a free personality – the feat of a Franciscan monk Maximilian Kolbe, a prisoner of the Auschwitz-Birkenau Nazi camp, who voluntarily gave himself to death instead of a convicted father with many children? It is worth noting that the feat of Maximilian Kolbe prompted people in 1973 to unite in a charitable foundation to help not only those who suffered in concentration camps and ghettos, but also the sick and needy elderly⁵³⁰. This foundation is still active today. Assistance is provided to former prisoners regardless of their nationality or religion⁵³¹. The Orthodox ascetic and Saint John of Kronstadt suggests that we should not identify evil with the ideal image that can be seen through all the crimes of the individual: "Do not confuse a person – this image of God – with the evil that is in him. Because evil is only an accidental misfortune, a disease, a demonic dream, but its essence – the image of God-still remains in it"⁵³². While working for the Public Monitoring Commission for the

---

⁵²⁹ Butina M.V. Prison diary. M.: AST Publishing House, 2020. – p. 56

⁵³⁰ Since 1973, the Maximilian-Kolbe-Werk Society has been providing assistance to former prisoners of concentration camps and ghettos in Poland. This assistance includes: individual cash benefits, financial support for patients in need of constant care at home, medical and social centers in Lodz and Krakow.

⁵³¹ Maximilian-Kolbe-Werk. Assistance to former prisoners of concentration camps and ghettos in the name of reconciliation. The official website of the Foundation [Electronic resource] URL: https://www.maximilian-kolbe-werk.de/fileadmin/user_upload/pdf/sprachen/info_ru_2018.pdf (accessed: 06.05.2021)

⁵³² John of Kronstadt. My life is in Christ. Word 947. M: Father's house, 2010.

Observance of Prisoners Rights, the author has repeatedly noted that virtues, sacrifice and even self-sacrifice take place among prisoners, which reminds us that in isolation from society, the inner freedom of the individual is not completely lost⁵³³. In prison, O. Wilde philosophizes and concludes about charity: "The poor are wiser, they are more merciful, kind and sensitive than we are. In their eyes, prison is a human tragedy, a grief, an accident, something worthy of sympathy"⁵³⁴.

To some extent, this author's observation is subjective and requires an objection. For example, A.P. Chekhov visited Sakhalin, where he explored the place of detention of convicts, made a disappointing and radical conclusion about the impact of the prison system to the person: "a natural and unconquerable desire for the highest good – the freedom here is considered as a criminal tendency..."⁵³⁵, therefore, the concepts of good and evil here is lost, and the nature of the person is perverted. A. Solzhenitsyn in the novel "One day of Ivan Denisovich" provides some vivid examples of traditional charitable aid coming from person to person. It is noteworthy that we are talking about GULAG prisoners. The penitentiary system, which is supposed to correct criminals, instead kills, destroys human dignity, destroys the individual. Despite this, the heroes of the story in the harsh conditions of the camp, on the verge of death, constantly share with each other the most necessary and valuable things. The brigadier, for example, tells how he was helped free of charge by unknown female students, in turn, one of them he then accidentally met in the camp and saved from death⁵³⁶. Another prisoner, Caesar Markovich, gives the hungry Shukhov his ration of bread⁵³⁷, and then part of the parcel. We find the third episode at the very end of the story, when Ivan Denisovich shares a cookie with a blessed sectarian⁵³⁸. All this is happening in the context of a negative attitude towards the official church, and disbelief that someone hears the prayers of prisoners, reminding them of unanswered statements to their superiors. Charity in this

---

⁵³³ Pirogov A.A. Interview to the newspaper ONK SPb "Measure". - 2020. - №2 – p. 5

⁵³⁴ Wilde O. De Profundis. Prison Confession// Collected works: In 3 vols. Vol. 3: Poems. Poems. Essay. Lectures and aesthetic miniatures. Letters / Trans. from English; Comp. by A. Doroshevich. - M.: Terra Book Club, 2003. – p. 461

⁵³⁵ Chekhov A. P. Collected works: in 12 volumes, 1956. - Vol. 10. – p. 211

⁵³⁶ Solzhenitsyn A.I. One day of Ivan Denisovich. M. - Sovremennik, 1990. – p. 56

⁵³⁷ Ibid. p. 96

⁵³⁸ Ibid. p. 109

context is associated not with the amount of giving, but with its intention, charitable orientation to another person. The reminder of the Transcendental Friend comes through a neighbor who shares the most vital things, not out of material well-being, but out of an abundance of humanity. In turn, those criminals who have almost lost the image of a person stand apart-these are "solid camp jerks, the first bastards who were sitting in the zone"⁵³⁹. The prison system does not change them, they have successfully adapted to its harsh environment, destroying their own kind. Former GULAG prisoner V.T. Shalamov in his stories, especially "Essays on the criminal world", is also skeptical about the prospects for correcting those who have committed criminal offenses. It is very difficult to disagree with these pessimistic conclusions, but they should be considered in the historical context of the era when there was a need for penitentiary reforms, in the implementation of which the authors almost did not believe.

It is worth noting that the Russian assist it when making lawyers and writers also conditionally divided into two camps: those who believed that the prison system is able to correct the offender, and those who believed that she only has the function of punishment. N.S. Tagantsev insisted that the defect is not only in the prison system, but in the identity of the prisoner: "...the prisoner is represented by the material, and weapons – controls, except for rare exceptions, are not prepared enough"⁵⁴⁰.

Vladimir Bibikhin in his work "Property" asks the question of what in the world order depends on a person, believes that it is necessary and important to honestly "see the first philosophy"⁵⁴¹, since we are all initial as individuals, we have the root cause of being, which gives stability in trials. In the context of the penitentiary system, this process of insight and subsequent change of outlook is accelerated. In everyday life, outside of prison, the individual is immersed in a materialistic reality for years, but questions of transcendence, meaning of life, and responsibility for choice haunt him everywhere, even if he temporarily ignores them. These issues are particularly acute in connection with the

---

⁵³⁹ Ibid. p. 85

⁵⁴⁰ Tagantsev N.S. Russian criminal law. Lectures. General part: in 2 vols. - St. Petersburg: State Type., 1902. - Vol. 2. – p.1189

⁵⁴¹ Bibikhin V.V. Property. Philosophy of one's own - St. Petersburg: Nauka, 2012. – p. 11

death that accompanies the entire period of his stay in prison. In the Russian "prison" literature of the XIX century, especially in the works of F.M. Dostoevsky, who is considered the founder of this genre, penal servitude is compared to a dead house, a place where those who, having committed crimes, figuratively died for society stay⁵⁴². The close proximity of the prison, execution sites, and royal tombs in the Peter and Paul Fortress impresses the imagination of foreigners who visited the then capital of the Russian Empire. So S. Lagerlef includes a detailed description of the prison in his speech at the meeting of the Royal Academy of Science⁵⁴³. The prison and the royal tomb are located on the "island of the dead", where the highest and fair trial is held.

In this context, it is important to take into account the fact that the monarch in Russia has always had the right to cancel a court verdict or change the sentence imposed on a criminal to a more lenient one. This, for example, was the case with numerous duels that occurred even during official bans on them, and in relation to high-society criminals, punishment was often reduced to a minimum⁵⁴⁴. The proximity of the prison and the tomb probably demonstrates that Russian thinking was dominated by the idea that in the end, everyone is equalized by the highest justice. European thinking is also struck by the fact that Russian pious ascetics in monasteries subjected themselves to voluntary solitary confinement in underground pits that resembled graves⁵⁴⁵. For a Russian person, this is seen as a feat and a manifestation of piety, accompanied by the mortification of his own flesh, identified with sin, and for a foreigner – "a barely perceptible spirit of the Middle Ages and timelessness"⁵⁴⁶. The European mind here echoes the ideas that were already outlined earlier. Thus, in the ascetic, solitary, and hermit Christian life of d. Diderot sees first of all the fear of public life and the flight from it. How can we not recall the famous

---

⁵⁴² Dostoevsky F.M. Complete works: in 32 vols. - L., 1972. - Vol. 4. – p. 8-291

⁵⁴³ Lagerlef, S. Speech at the solemn meeting of the Swedish Academy on December 20, 1926 / S. Lagerlef // Zvezda. – 2019. - № 2. - P. 213-222

⁵⁴⁴ See, for example: Ivanov A.A. "A matter of honor" Deputies of the State Duma and dueling scandals (1906-1917). St. Petersburg: Vladimir Dal, 2018. C. 291 "A duel, being according to the Code of Punishments a criminal offense punishable by imprisonment for quite a long time, in practice met with the understanding of the authorities and the court, punishing guilty parliamentarians purely symbolically."

⁵⁴⁵ Lagerlef, S. Speech at the solemn meeting of the Swedish Academy on December 20, 1926 / S. Lagerlef // Zvezda. – 2019. - № 2. - P. 213-222

⁵⁴⁶ Ibid.

statement of a French thinker? "Who put all these moaning corpses in these dungeons? What crimes were committed by these unfortunate people?... Who condemned them to this torment?... The God, they insulted... What is this god like? He is a God, full of goodness... So a God filled with goodness likes to drown in tears! Are these cries of terror a direct outrage on her mercy?"⁵⁴⁷

It is worth noting that such voluntary isolation, which undoubtedly took place in Russian history, was perceived by Russians as a charitable feat due to the intention of a holy ascetic who sacrificed himself for prayers for a world mired in vanity and vice. Places of isolation of saints were visited by pilgrims, which, due to the pragmatism of Protestant thinking, was not clear to foreigners, who saw in monasteries only places for voluntary or forced imprisonment⁵⁴⁸. However, in our opinion, the correctional system itself and due to its specifics cannot make a criminal out of a person if he has preserved the basics of personality. For some, falling into the underworld of the dead house leads to future resurrection and new life, for others-oblivion and non-existence. The meaning of life is known in death? In the context of this argument, the example of Socrates, who was sentenced to stay in prison, waiting for death for thirty days, is appropriate. Crito bribed the guards and offered Socrates to use the escape. The philosopher declined the offer, because he could not save his own life at the cost of an immoral act. Socrates is pious, not ready for moral compromise, and consistently fulfills his moral duty. To the suggestion of friends to help Socrates, he replies that his body should be buried, according to custom. R. Guardini explains: "piety is when the immutability of moral goodness is perceived as something divine and it is followed even if it entails harm in earthly life"⁵⁴⁹.

Prison is always a contact with death, with that frightening reality that, in relation to itself, seems incredible to a person, and therefore causes fascinating interest, because it shows the inevitable essence and transcendent perspective of the individual in a

---

⁵⁴⁷ Diderot D. *Philosophical thoughts* // Diderot D. *Sobr. op.: in 10 tt. Vol. 1.* - Moscow-Leningrad.: Academia, 1935. – p. 93

⁵⁴⁸ For example, exile to a monastery of criminals has been practiced in Byzantium since the VI century, and Solovki Island has been used as a prison for political prisoners since the XVII century, in 1920 the Solovetsky special purpose camp was opened there, which existed until 1933.

⁵⁴⁹ Guardini R. *The Death of Socrates* // Translated from German by I.P. Streblova. - St. Petersburg: Vladimir Dal Publishing House, 2018. – p. 16

collision with the higher reality. Lithuanian thinker Antanas Macieina expressed this idea as follows: "The bourgeois spirit reveals its essence best in its relations with the most recent things, especially with death. Death, as an extreme situation of human existence, extracts a person from all forms of this reality and shows him as he is, shows him undisguised, unshadowed, unshadowed. That is why the bourgeois spirit, which has often been hidden in various forms during life, shows itself at the moment of death in all its nakedness and all its insignificance. The bourgeois instinctively feels that in dealing with death he will have to reveal within himself that at the moment of death he will encounter a higher reality, which he ignores and ignores. Therefore, the bourgeois is afraid of death and runs away from it. Undoubtedly, no one can escape from the fact of death. The bourgeoisie knows this very well. So he tries to run away from the thought of death"⁵⁵⁰. It is worth explaining that in the understanding of Maceina's, there are several spiritual opposing components within a person at once: bourgeois, Promethean and Christian. A person's actions come from one of these components, which prevails at a given time. This is also evident in relation to power, hierarchy, and property. Charity can be either an attempt to avoid the fear of death or a bold challenge to its power, or an active act of charity, a humble visit to the "prisoner of Christ" in prison. As mentioned above, in medieval Russian and European iconography, Christ himself is often compared to a merciful prison visitor, the liberator of those sinners and innocents who languish in hell, carried away by the devil. The image of Christ's descent into hell is constantly depicted on Orthodox icons "Resurrection of Christ", on Renaissance engravings⁵⁵¹, which reminds that charity is associated with the forgiveness, pardon and release of prisoners. With some contextual reservations, analogies are also acceptable – with Dante's poem "The Divine Comedy", where hell is described as a place of forced detention and torment of sinners, as well as scenes from the chapter "Yudhishtira's Contemplation of Hell" in the ancient Indian epic Mahabharata.

---

⁵⁵⁰ Maceina A. *The Fall of the Bourgeoisie* / Translated from Lithuanian by M.V. Medovarov. St. Petersburg: Vladimir Dal Publishing House, 2019. – p. 195

⁵⁵¹ For example, A. Durer's engraving "Descent into Hell" (1509), where a prisoner of solitary confinement is clearly visible, who, thanks to Christ, receives liberation.

It is appropriate to revisit as A.S. Panarin explains the revolutionary philosophical approach S.N. Bulgakov to the word, and creativity as a gift, comparing it with a liberal, pragmatic approach: "Here we see two different approaches to word-sign: from the standpoint of the space of self-reflection (or self-revelation of the elements of the space) and from the standpoint of the theory of the production of signs and sign of reality, indifferent to the real existence"⁵⁵². Creativity in the context of the penitentiary system can take the form of a text that is "an act of cosmic self-expression of a person who is not indifferent to being"⁵⁵³, to another, to himself: "When a person feels in himself the gift of the word as a cosmic gift, as a "self-revelation" of the cosmos, which authorized him to declare his order, he acts as a real missionary"⁵⁵⁴. It is also a manifestation of inner freedom, which the individual does not lose in prison.

Making conclusions, it is worth noting that in general, the demand for socio-philosophical analysis of the penitentiary system is obvious for individuals who have passed its crucible, as well as for those who have experienced the "capture and capture" of everyday issues and realized the need for predictive scientific social philosophy that takes into account the national and existential context. Perhaps this feeling was expressed by the thinker Julius Evola: "Rebels lost in the chaotic life of the big cities, people who have passed through the hurricanes of fire and steel, through the ruins left by the last total war, people born and raised in the "world of ruin" – that those who really laid the preconditions necessary in order to win the highest meaning of life and real, existential, and not in theory to overcome all the difficulties facing the person in a state of crisis, which may you will find the expression and the corresponding "philosophical" for"⁵⁵⁵.

We must note again that charity has an impact not only on the individual, but also on the penitentiary system. It is worth emphasizing that the points of application of charity in the penitentiary system are diverse. So T.N. Moskalkova notes that the society is involved in this process of resocialization of the special contingent, since prisons do not

---

⁵⁵² Panarin A.S. *Orthodox civilization in the global world*. M.: Eksmo, 2003.

⁵⁵³ Ibid.

⁵⁵⁴ Ibid.

⁵⁵⁵ Evola J. *Ride the tiger* / Translated from the Italian by V.V. Vanyushkina, St. Petersburg: Vladimir Dal Publishing House, 2020. – p. 142

cope with their task. As we can see, in the modern context, charity is directly related to re-socialization and reintegration. Social assistance "includes two main stages of reintegration of convicted persons and persons who have served sentences into society: penitentiary (in institutions of the penitentiary system UIS) and post-penitentiary (after release from serving a sentence)"⁵⁵⁶.

The social concept of the Russian Orthodox Church focuses on the same issues of the penitentiary system, but focuses on missionary and pastoral activities⁵⁵⁷. The Roman Catholic Church also devotes a large place in social teaching to charity⁵⁵⁸, including in the field of re-socialization of the special contingent of penitentiary institutions. At the same time, the highest hierarchy itself sets a personal example of such active care for prisoners⁵⁵⁹. Believers are called to "fight not only for the abolition of the death penalty, legal or illegal, in all its forms, but for the improvement of prison conditions, out of respect for the human dignity of people deprived of their liberty"⁵⁶⁰.

Muslims and Buddhists, as well as Protestant communities, are active in this direction⁵⁶¹. In the Islamic tradition, charity is directly linked to virtue, it is categorically required of adherents of Islam, and in the spiritual literature there are direct indications that the funds of benefactors can go to the aid of a person who has been captured or is in poverty.

Huseynov A.A., Apresyan R.G. explain that one of the pillars of Islam is *zakat*: "it is a regular, mandatory, strictly normalized and proportional income contribution that every adult capable and affluent Muslim makes to the community. It is designed to support the poor, beggars, travelers, people in trouble. Zakat does not exclude other donations, voluntary or fixed by custom, for the benefit of the needy and even those who

---

⁵⁵⁶ Moskalkova, T.N. Problems of resocialization of convicts and persons released from prison / T.N. Moskalkova // Bulletin of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation. - 2020. - №. 8 – p. 4-14

⁵⁵⁷ The foundations of the social concept of the Russian Orthodox Church. / Jubilee Bishops' Council of the Russian Orthodox Church. Moscow, August 13-16, 2000. Collection of reports and documents. IX.3. Crime, punishment, correction. M., 2000. – p.180-181

⁵⁵⁸ See, for example: Compendium of the Social Teaching of the Roman Catholic Church. M., 2006. – p. 340

⁵⁵⁹ This became especially noticeable during the pontificate of Pope Francis, who repeatedly visited prisons and even personally performed the ritual of washing the feet of prisoners.

⁵⁶⁰ Pope Francis. The encyclical. Fratelli tutti. About brotherhood and social friendship. Moscow, Franciscan Publishing House, 2021. – p. 154

⁵⁶¹ This is described in more detail in the last part of this chapter of our study.

are not in need. Generosity in donations is an important trait of a Muslim"⁵⁶². It is worth noting that the funds of this charity collection can also be allocated to help those in need who do not belong to the Islamic community or Ummah, which indicates the universal principle of charity, its unifying nature.

In this context, it is appropriate to mention the text "The Way of Eloquence", which is very significant for Shiite Muslims⁵⁶³. The text clearly motivated to charity: "And to whom Allah has granted wealth, and he let them through his family ties strengthen, and hospitality of its best show, and the prisoner and the poor will be released, and the poor and the lender he will empower and strengthen the soul in the performance of duties and in the occurrence of hardship, seeking the Lord's reward; indeed, the achievement of these heights is the honorable seat, and in the afterlife – the grace of the acquisition, if Allah wills"⁵⁶⁴. In this fragment, charity is associated not only with a specific case as the ransom of a prisoner and help to the poor, but also with an Ideal, as well as the highest reward for providing gratuitous, timely assistance to those in need.

Personal charity also has an impact on the penitentiary system, which does not lose its importance in the modern period. So about the impact of charity on the penitentiary system M.V. Butina writes that during her time in prison, she was helped not only by her family, but also by ordinary prisoners and an Orthodox priest. The author also notes the collective form of charity, for example, the Maria Butina Public Foundation, which raised funds for her release⁵⁶⁵. In other words, the author actualizes the effectiveness of traditional forms of charity. Summing up his experience in the penitentiary system, M.V. Butina concludes that to survive in Western society, "you need to erase yourself and write again. Unlike Russian society, which is a little careless and lazy, but at the same time freer and less squeezed in the grip of the law. Russia lives a little by touch, "according to justice", while the West, like concrete, in which you need to freeze, accept it and dissolve in it, meekly thanks Big Brother for everything"⁵⁶⁶.

---

⁵⁶² Huseynov A.A., Apresyan R.G. Ethics: Textbook. - M.: Gardariki, 2000. – p. 81

⁵⁶³ In its significance in the Muslim world, it is second only to the Holy Quran.

⁵⁶⁴ The Way of Eloquence / Translated from Arabic. and comm. T. Cherniyenko. - M., 2015. Khutba 142. About undeserved good. – p. 128

⁵⁶⁵ Butina M.V. Prison diary. M.: AST Publishing House, 2020. – p. 95

⁵⁶⁶ Ibid. p. 714

Here we clearly see that charity in modern society often looks like a personal individual business, which is endowed with the highest significance by the individual himself. The fact is that the concept of freedom is being transformed in society, the connection between freedom and sacrifice is changing. Freedom of giving used to be manifested in giving up what is most important for the individual, and sacrifice was directed to the object for which a person would gladly give his strength and even life. Freedom and sacrifice went together to create heroes. Benefactors, philanthropists, and patrons of the arts, like Haaz, Howard, and Metropolitan Philaret (Drozdov), were seen by the masses as heroes to whom writers dedicated their works, whom they admired, and whose example young people followed. Where there are higher meanings that generate significance, responsibility and freedom are manifested. An example would be Prince P.D. Dolgorukov (1866-1927), who wanted to voluntarily return to Soviet Russia from Europe in the 20s of the last century to serve his people, was arrested, imprisoned and later executed⁵⁶⁷. Now this sacrificial act would hardly be perceived by the public as a feat, since society is increasingly shifting the focus of its attention to profit and the significance of a particular behavior in the eyes of a narrow stratum of financial elites who set the general tone of opinion through the media. Such a feat would probably be perceived as a personal choice of an elderly person who neglects his own comfort and safety, for the sake of incomprehensible, immeasurable material profit ideals. This example brings us back to the idea that charity is associated with an act, a voluntary and reasonable sacrifice, even – full dedication to higher goals, service to society, compatriots, creative and creative work.

The works of criminologist Nils Christie, who is distinguished by radical approaches to the issues of the penitentiary system, deserve attention. He stands not only for the humanization of prisons, the abolition of the death penalty, but also for alternative types of punishment⁵⁶⁸. Regarding the Russian penitentiary system, Christie is

---

⁵⁶⁷ Dolgorukov P.D. The Great Ruin. Memoirs of the founder of the Cadet Party 1916-1926 / Glebovskaya L. I. - M. : Tsentrpoligraf, 2007.

⁵⁶⁸ In this regard, it is important to mention three works by Christie: "The limits of punishment", "Fighting crime as an industry. Forward to a Western-style GULAG?" "On the other side of loneliness. Communities of unusual people". All books have been translated into Russian and published, respectively: in 1985, 1993, 2001.

pessimistic.: "Russia has succumbed to the pressure of European society. No one is being executed here right now. Prisoners just die"⁵⁶⁹. It is worth recalling that the first edition of the book was in 1993, immediately after the collapse of the USSR, since then the situation in this area has significantly changed in the direction of improvement, for objectivity you must first philosophically understand first of all the GULAG as an inefficient and brutal machine of Soviet modernization⁵⁷⁰. Christie also notes that in rich countries, the foundations of a prosperous society are being undermined. The thinker writes with sadness that less and less money is being allocated to charity, which the author, for example, refers to separate cells for each prisoner: "In this new situation, even the most reliable of the welfare countries face the temptation to protect themselves or social protection institutions, and not citizens in need"⁵⁷¹.

V.S. Soloviev identifies three types of violence: "violence beasts cal, which make the murderers, robbers, will decoratrice Lee; the violence of man, must permissible prinou dialnow organization of society for fencing external goods of life, and the violent intrusion of outside General governmental organizations in the spiritual sphere, the person falsely protect domestic goods"⁵⁷². M. Foucault believes that in prison, the army and school violence hidden under the shell of the law. Christie goes much further, being a follower of abolitionism, which "is based on the moral conviction that the life of society should not (and it is, in fact, impossible) be regulated by criminal law, and therefore the role of the criminal law system should be reduced to a minimum"⁵⁷³. Violence against

---

⁵⁶⁹ Christie N. Fighting crime as an industry. Forward to the Gulag of the Western model / Translated from the English by A. Petrov, V. Prophetova. Preface by J. Gilinsky. 2nd ed. - Moscow: ROO "Center for Assistance to Criminal Justice Reform", 2001. - p. 76

⁵⁷⁰ Professor A.S. Panarin assesses the tragedy of the GULAG as genocide: "The GULAG is a machine for culling human material and transforming it into the dead matter of industrialism. Invaluable evidence of this ethno- and genocide is provided by A. I. Solzhenitsyn's "GULAG Archipelago". This epic has not yet been appreciated and comprehended in the language of philosophical theory. The GULAG is not only a social epic, describing the tragedy of human crimes and delusions. This is a cosmic epic describing the revenge of dead matter over life" (Panarin A.S. Political Science. Western and Eastern traditions: Textbook for universities. - M.: Book House "University", 2000. -p. 136).

⁵⁷¹ Ibid. p. 53

⁵⁷² Soloviev V.S. Justification of good /Ed. by O.A.Platonov. - M.: Institute of Russian Civilization, Algorithm, 2012. - p.532

⁵⁷³ Christie N. Fighting crime as an industry. Forward to the GULAG of the Western model / Translated from the English by A. Petrov, V. Prophetova. Preface by J. Gilinsky. 2nd ed. - Moscow: NGO "Center for Assistance to Criminal Justice Reform", 2001. - p. 57

criminals should also be limited, and the death penalty abolished everywhere. Christie insists that the main experts in the prison system can be philosophers⁵⁷⁴.

One of the main mechanisms of restorative justice is mediation⁵⁷⁵, which is created and defended by Nils Christie and his associates-an alternative to the punitive justice that is now taking place almost everywhere⁵⁷⁶. It is a voluntary contract between the victim of a crime and the perpetrator himself, allowing the latter to take the path of correction and prove it to the victim. Christie explains mediation and the reconciliation process: "Punishment is the infliction of pain, mediation is the attainment of understanding. The victim can be killed – what can you do with mediation? Who should I mediate between? But there are relatives, the entourage of the one who was killed. There is still a huge need for understanding. Or a conflict that cannot be resolved. But it is better to understand little than nothing, not necessarily that the parties will shake hands. But if I broke your glasses, I'd really like to hear your version of events"⁵⁷⁷. These ideas, despite their originality, look very utopian, especially in the field of their practical application. Moreover, Christie's listed works were written before the tragic events that brought the whole world to the problem of the threat of extremism and re-actualized the discourse on tougher penalties for crimes against humanity.

It is obvious that in relation to the penitentiary system, charity efforts in modern society are also undertaken by public and private organizations. This is often accompanied by extensive advertising and is a profitable investment in creating a certain image. An example is collecting donations through the go found me platform for Floyd and his family who died at the hands of police officers. Moreover, the funds collected for the victim's family in the United States would be enough to re-socialize hundreds of criminals⁵⁷⁸.

---

⁵⁷⁴ Ibid. p. 185

⁵⁷⁵ Russian reporter. Mediator: about the speech of Professor Nils Christie at the MSPPU at the conference on restorative justice and mediation [Electronic resource] URL: <https://mgppu.ru/news/2691> (accessed: 02/16/2021).

⁵⁷⁶ According to the author of the methodology.

⁵⁷⁷ Christie N. Speech at MGPPU, December 1, 2010 Lecture "Mediation instead of punishment". [Electronic resource] URL: https://vk.com/doc-16829065_134547741 (accessed: 30.05.2021).

⁵⁷⁸ See, for example: The official Jenna Floyd Foundation (George Floyd's child) [Electronic resource] URL https://www.gofundme.com/f/gianna-floyd-daughter-of-george-floyd-fund?utm_campaign=p_cp_url&utm_medium=os&utm_source=customer (accessed: 05/14/2021).

We can conclude that a promising field for actual research is modern Christianity with its traditional charity, which, as we have shown, affects the penitentiary system, as well as interfaith efforts and cooperation of denominations. This sphere is still a space of existence and overcoming individualism, where a special heroic type of behavior and a new type of "man of love" are being developed, seeking a transcendent reality more than the favor of the elites and their own economic benefits. Here we once again return to the conclusion that we previously indicated that true transformative charity behavior can only come from a state of fulfillment, altruism and inner freedom, and we will allow ourselves to go on to describe the current experience and practice of charity's impact on the penitentiary system.

3.2 Current experience in the impact of charity on the modern penitentiary system in Russia

As part of the final part of our research, it seems appropriate and important to correlate the above material with practice and demonstrate the results of socio-philosophical analysis in the form of a unique author's experience of charity in the conditions of the modern Russian penitentiary system⁵⁷⁹. This analysis is based on personal experience, visits to correctional institutions in the framework of work in the Public Monitoring Commission for Monitoring the Provision of Human Rights in Places of Forced Detention (ONK)⁵⁸⁰, a systematic study of literary, documentary, periodical print sources, and media resources⁵⁸¹. It is worth noting that scientific research in this direction continues to this day⁵⁸². As mentioned above, N. Christie believes that it is philosophers who can be experts in the prison system. The Norwegian researcher also points out the reason по которой why philosophers find it difficult to deal with the problems of the penitentiary system: "But they too often say that these problems are very complex and we do not have the opportunity to act"⁵⁸³. Taking these comments into account, we will describe the context of the problem.

In the late 80s and early 90s of the XX century, such deep social problems as xenophobia, religious radicalism, and rejection of the other as an equal were exposed in Russian society. This historical period, along with the crisis of a coherent national

---

⁵⁷⁹ Fragments of the article are used in the paragraph Pirogov A.A. Tolerance and conflict in the context of interreligious penitentiary interaction. Volume 15 No. 1, 2020 Quarterly Scientific and Practical Journal, St. Petersburg State University. – p. 132-143

⁵⁸⁰ ONK in St. Petersburg. Official website. [Electronic resource] <http://onkspb.ru/> (accessed 12.05.2021).

⁵⁸¹ Pirogov A.A. Interview to the newspaper ONK SPb "Measure" - 2020. - №2 – p. 5

⁵⁸² Pirogov A.A. Isolation as a subject of reflection in the context of epidemiological safety // Between memory and oblivion: spaces of scriptization of Russian being: a collection of scientific articles / collection of scientific articles / St. Petersburg State University, Institute of Philosophy, Department of Social Philosophy and Philosophy of History; edited by K.S. Pigrov. Saint Petersburg: Knizhny Dom Publ., 2020. – p. 114-119

⁵⁸³ Christie N. Fighting crime as an industry. Forward to the GULAG of the Western model / Translated from the English by A. Petrov, V. Prophetova. Preface by J. Gilinsky. 2nd ed. - Moscow: ROO "Center for Assistance to Criminal Justice Reform", 2001. – p. 185. See also *Christie N. Conflicts as property* / Translated from English by N.N. Smaglova / Justice for Minors. Development Prospects. M.: 1999.

ideology also corresponded, according to E.I. Stepanov⁵⁸⁴, "the absence of a developed theory of conflictology to help and facilitate the social consciousness and social practice, the production and development of effective means and methods adequate understanding of any conflict situation, effective observing her, the prevention or resolution by applying suitable for the following social therapy"⁵⁸⁵. There was a growing need for this consistent *social therapy* (emphasis added) in various state institutions. It was also required by the penitentiary system, which often became an area of aggravation of social contradictions, intolerance and a hotbed of potential conflicts. Subsequently, to denote this historical period, a rather provocative term "dashing 90's" appeared, which was introduced into public discourse by the publicist Mikhail Weller in the literary work "Cassandra", published in 2002. This work is an original attempt at a socio-philosophical analysis of the value worldview foundations of Russia in transition. The term, which later became a popular media cliché, is used in the context of the author's argument about the social role of modern Christianity⁵⁸⁶: "Why shouldn't the Church somehow dissociate itself from the wholesale trade in alcohol and tobacco in the dashing nineties?"⁵⁸⁷ The philosophizing reader deliberately refuses the grotesque role of a visionary and puts himself on the level of the people, expressing with a provocative question the acute demand for socially oriented and active Christianity in Russia instead of pseudo-religious imitation, the relevance of faith from deeds, instead of the bank-church, mired in usury and mercantilism⁵⁸⁸. A distinctive feature of this historical period was also the⁵⁸⁹ "sharp aggravation of social conflicts associated with the collapse of the totalitarian system and the beginning of the transition to democratic social relations"⁵⁹⁰, which also took over the

---

⁵⁸⁴ Pirogov A.A. Tolerance and conflict in the context of interreligious penitentiary interaction. Volume 15 No. 1, 2020 Quarterly Scientific and Practical Journal, St. Petersburg State University. – p. 132-143

⁵⁸⁵ Stepanov E.I. Domestic conflictology: on the question of formation and development // Socis, 1998. - No. 10. – p. 50-57

⁵⁸⁶ Pirogov A.A. Tolerance and conflict in the context of interreligious penitentiary interaction. Volume 15 No. 1, 2020 Quarterly Scientific and Practical Journal, St. Petersburg State University. – p. 132-143

⁵⁸⁷ Weller M.I. Cassandra. - M.: AST, 2018. – p. 51

⁵⁸⁸ Pirogov A.A. Tolerance and conflict in the context of interreligious penitentiary interaction. Volume 15 No. 1, 2020 Quarterly Scientific and Practical Journal, St. Petersburg State University. – p. 132-143

⁵⁸⁹ Ibid.

⁵⁹⁰ Makseeva K.R. Education of tolerance – one of the stages of the educational process in the penitentiary education system of Russia // Materials of the International scientific and practical Conference. Perm.: Prikamsky Social Institute, 2015. – p. 406-411

penitentiary system, which, in our opinion, is a social projection of society. The Russian state at that time was "on the verge of a split and even a civil war"⁵⁹¹.

It was during this period of conflict that the spontaneous and initially fragmented social interaction of Russian confessions began for religious education, humanization, and providing charitable assistance to a special contingent of the Criminal Correctional System (hereinafter – UIS). Perhaps, thanks to such civic efforts, outbreaks of intolerance and xenophobia in the modern Russian penitentiary system were prevented and stopped in time, and religious conflicts were prevented.

The mention of the word "Cassandra" in our study is made intentionally, since it offers a curious overview of the axiological foundations of the civil worldview of the historical period of the "dashing 90s", which is the context of our discussion of the impact of charity on the domestic penitentiary system. As the highest axiological basis Weller introduces the concept of transpersonal value, specifying: "The ideal of transpersonal value is God [...] it is that which is one with that which is greater than you"⁵⁹². The idea that the highest moral values, adherence to ideals are often put more expensive by an individual than life and give it meaning is not new. It was expressed by ancient thinkers (Socrates, Aristotle), reflecting on the social nature of man. The highest values are opposed to individualistic ones, their main function⁵⁹³ is "to make the individual feel good. The attitude to them is consumer-oriented. This is what man wants and does in his own name"⁵⁹⁴. The literary prose writer again updated the well-known discussion about the common components of creative human activity – the presence of higher values. Penitentiary interaction, which is further described, originated in a conflict-ridden historical period, is based on the national tradition, but refers to such an active collectivist

---

⁵⁹¹ What the President of the Russian Federation mentions at the meeting of the Valdai discussion club on October 3, 2019, addressing the audience's attention to his article "Russia at the turn of the Millennium": "And only thanks to the exceptional patriotism, courage, rare patience and hard work of the Russian people and other peoples of Russia, our country was moved away from this dangerous line" IA Regnum [Electronic resource] URL: <https://regnum.ru/news/economy/2737873.html> (accessed: 06.01.2020).

⁵⁹² Weller M.I. Cassandra. - M.: AST, 2018. – p. 23

⁵⁹³ Pirogov A.A. Tolerance and conflict in the context of interreligious penitentiary interaction. Volume 15 No. 1, 2020 Quarterly Scientific and Practical Journal, St. Petersburg State University. – p. 132-143

⁵⁹⁴ Weller M.I. Cassandra. - M.: AST, 2018. – p. 23

social activity when common moral values are placed above personal ones and do not enter into opposition with them⁵⁹⁵.

To the issue of correction domestic teachers and psychologists address the issue of correction and education of the individual in the conditions of the penitentiary system in their research, often linking this issue with the urgent need for education and scientific education of prison specialstudents⁵⁹⁶. A number of Russian researchers suggest that in modern Russia "the diversity of religious, national and cultural development sometimes becomes a source of conflict"⁵⁹⁷. Therefore, it is important at all social levels to make efforts to find points of balance in the field of education and morality through dialogue, which is the education of tolerance through social and cultural interaction⁵⁹⁸. V.A. Lektorsky gives a systematic analysis of tolerance and distinguishes its types depending on historical periods⁵⁹⁹. The type described by us, according to this classification, refers to religious tolerance, although its boundaries are rather conditionally determined by the area of inter-confessional relations, and directly correlate with charity.

In 1988, a clergyman of the Russian Orthodox Church, Fr. Vladimir Sorokin. Through his efforts, in the year of the 1000th anniversary of the Baptism of Rus, a church parish was founded, and an Orthodox church appeared. Metropolitan Alexy of St. Petersburg and Ladoga, the future Patriarch of All Russia, whose name is associated with the revival of the Russian penitentiary service of the Church, served here⁶⁰⁰. Priest Vladimir Sorokin was not only involved in the spiritual care of prisoners, but, as a

---

⁵⁹⁵ Pirogov A.A. Tolerance and conflict in the context of interreligious penitentiary interaction. Volume 15 No. 1, 2020 Quarterly Scientific and Practical Journal, St. Petersburg State University. – p. 132-143

⁵⁹⁶ See: Ikonnikova, G.Y. Tolerance in the conditions of the penitentiary system / G.Y. Ikonnikova // Materials of the city scientific and practical conference. St. Petersburg: A.I. Herzen State Pedagogical University, 2008. - pp. 79-82

Makseeva, K.R. Education of tolerance – one of the stages of the educational process in the penitentiary education system of Russia / K.R. Makseeva // Materials of the International scientific and practical Conference. Perm.: Prikamsky Social Institute, 2015. – p. 406-411

⁵⁹⁷ Kabanova E.E., Vetrova E.A. The formation of tolerance in society in the modern world // Socio-economic phenomena and processes. - 2017. - No. 2. – p. 47-50.

⁵⁹⁸ Mirimanova M.S., Obukhov A.C. Education of tolerance through socio-cultural interaction / M.S. Mirimanova., A.S. Obukhov // Development of students' research activity: methodical collection. Moscow: National Education, 2001. – p. 88-99

⁵⁹⁹ Lektorsky V.A. On tolerance, pluralism and Criticism / V.A. Lektorsky // Questions of philosophy. - 1997. - №. 11. - p. 46-54.

⁶⁰⁰ Pirogov A.A. Tolerance and conflict in the context of interreligious penitentiary interaction. Volume 15 No. 1, 2020 Quarterly Scientific and Practical Journal, St. Petersburg State University. – p. 132-143

professor at the Theological Seminary and Academy, he scientifically systematized and described his experience, and also contributed to the training of qualified personnel for the penitentiary system⁶⁰¹. He became one of the ideological inspirers of interreligious penitentiary cooperation (synonyms-working group, cooperation)⁶⁰². In our opinion, this interaction is a vivid example of the impact of charity on the modern Russian penitentiary system. That is why it deserves attention for consideration as an illustrative and practical material of our scientific research.

By the end of the first decade of the XXI century, it became clear that along with the spiritual care of followers, humane goals and the search for unifying sides of society, a number of representatives of religious denominations set themselves the goal of finding new adherents among the special contingent, and adding proselytes to the ranks of their organizations. These tasks, as it seems to us, did not have an unconstitutional orientation, but did not correspond to the reduction of the vector of religious tension⁶⁰³. Thanks to such efforts, groups and communities of various religious orientations appeared in correctional institutions, and at the same time radical, neo-pagan and pseudo-religious teachings penetrated the environment of convicts⁶⁰⁴. This process encouraged correctional authorities to more closely study, coordinate, and monitor the efforts of religious organizations. On the other hand, the search for constructive modern models of interaction between the penitentiary system and civil and religious organizations has begun to expand interfaith mutual understanding, prevent extremism and implement the goals of charity⁶⁰⁵.

Commissioner for Human Rights in the Russian Federation, Doctor of Philosophy T.N. Moskalkova repeatedly reminded in her articles and speeches that in modern Russia: "We need social therapy aimed at returning those who have been released to life in society, at restoring the skills necessary for life in society. Convicts should undergo a

---

⁶⁰¹ Sorokin V.I. *Metallica*. - St. Petersburg: Prince Vladimir Cathedral Publishing House, 2018.

⁶⁰² Pirogov A.A. Tolerance and conflict in the context of interreligious penitentiary interaction. Volume 15 No. 1, 2020 Quarterly Scientific and Practical Journal, St. Petersburg State University. – p. 132-143

⁶⁰³ Ibid.

⁶⁰⁴ Ibid.

⁶⁰⁵ Ibid.

kind of "dismantling" or destruction of previously acquired antisocial negative attitudes and values and introduce them to new standards of behavior that are accepted in society and are evaluated as positive by them" ⁶⁰⁶. In the conditions of the penitentiary system, charity is conceptually linked to social therapy and the introduction of persons from the special contingent to the norms of ethical behavior in society and re-socialization. This problem has historical and social contexts and requires philosophical reflection.

Let us return to the history of the creation of ecumenical cooperation in St. Petersburg and the philosophical interpretation of this fact. In 2016, through the efforts of several faiths, a working group was formed consisting of prison officials: a Muslim imam, an Orthodox minister, a Jewish rabbi, a Buddhist lama, and a Catholic cleric ⁶⁰⁷. As a result, a full-fledged training group officially visited correctional colonies and prisons for three years, organized educational conversations with convicts and prison staff of UIS, and also held events, charity events, and thematic round tables ⁶⁰⁸. The experience was documented and covered in the confessional ⁶⁰⁹ and departmental media ⁶¹⁰. As a starting point and platform for interaction, the parties reached a peaceful agreement and decided to take an educational focus as the basis for their activities ⁶¹¹. It is noteworthy that even the fact of the joint public appearance of representatives of various faiths in places of detention was later perceived by the special agent and employees of institutions as a clear presentation of the principles of universal consent and the disclosure of the highest meaning in charitable activities ⁶¹². It deserves philosophical consideration that

---

⁶⁰⁶ Moskalkova T.N. Problems of re-socialization of convicts and persons released from prison. Bulletin of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation. No. 8, 2020. pp. 4-14.

Moskalkova T.N. We need a system of resocialization of convicts. Russian Agency of Legal and Judicial Information [Electronic resource] URL: http://rapsinews.ru/human_rights_protection_news/20210401/306912685.html (accessed 12.05.2021).

⁶⁰⁷ Pirogov A.A. Tolerance and conflict in the context of interreligious penitentiary interaction. Volume 15 No. 1, 2020 Quarterly Scientific and Practical Journal, St. Petersburg State University. – p. 132-143

⁶⁰⁸ Ibid.

⁶⁰⁹ Spiritual Administration of Muslims of St. Petersburg and the North-Western region of Russia [Electronic resource] URL: <https://dum-spb.ru/news/sostoyalsya-sovmestnyj-vyezd-tyuremnyx-sluzhitelej-predstavlyayushhix-tradicionnye-religii-rossii-v-fku-ik-7.html> (accessed: 03/16/2021).

⁶¹⁰ The Federal Penitentiary Service of Russia for St. Petersburg and the Leningrad region [Electronic resource] URL: http://www.78.fsin.su/news/detail.php?ELEMENT_ID=293226 (accessed: 07.01.2021).

⁶¹¹ Pirogov A.A. Tolerance and conflict in the context of interreligious penitentiary interaction. Volume 15 No. 1, 2020 Quarterly Scientific and Practical Journal, St. Petersburg State University. – p. 132-143

⁶¹² Ibid.

the emphasis was placed not on a religious mission and conducting religious ceremonies, but on education, an accessible explanation of the unifying foundations of traditional confessions and addressing speeches to the mind and conscience of convicts. During the joint discussions and analysis of the results of the visits, the participants noted that the way out of interreligious conflicts in the penitentiary environment is seen⁶¹³: "only in recognition by the parties of the equality of both sides and the legitimacy of their motives for conflict confrontation, which creates a favorable background for reconciliation of opposing interests that have arisen between them through compromise or consensus"⁶¹⁴. The driving force of the interreligious interaction in the penitentiary system described by us was the fact that participants adopted common axiological transpersonal foundations that are organic to the culture of the Russian people: friendship, mutual assistance, collectivism, sacrifice⁶¹⁵. The working group included not only representatives of the Abrahamic religions (Islam, Judaism and Christianity), who could join forces on a common religious basis of monotheism, but also adherents of Buddhism⁶¹⁶, which is based on religion⁶¹⁷.

The participants in the interaction deliberately avoided joint statements and formalization, putting in the first place the practice of visiting prisoners together in order to educate and demonstrate consent. The Group assumed that the basis for such work is not only the following: The Constitution of the Russian Federation, domestic laws and regulations, but also the Declaration of Human Rights, Universal Declaration of human rights, previously adopted by the UN General Assembly⁶¹⁸. The principles of cooperation were articulated at joint preliminary meetings and preparation stages of visits to penal

---

⁶¹³ Ibid.

⁶¹⁴ Stepanov E.I. Domestic conflictology: on the question of formation and development // Socis, 1998. - No. 10. – p. 50-57

⁶¹⁵ Pirogov A.A. Tolerance and conflict in the context of interreligious penitentiary interaction. Volume 15 No. 1, 2020 Quarterly Scientific and Practical Journal, St. Petersburg State University. – p. 132-143

⁶¹⁶ Ibid.

⁶¹⁷ The Russian Buddhologist O.O. Rosenberg believes that "at its core, Buddhism is primarily a religion. [...] He not only talks about salvation, but strives for its concrete realization, developing a person's religious experience in contemplation. [...] He creates a community - a church, creates a cult and is imbued with the idea of missionary work." Such an active Buddhism was professed by a lama of Russian origin, who was part of this cooperation. See: Rosenberg, O.O. About the worldview of modern Buddhism in the Far East / O.O. Rosenberg // Works on Buddhism. M., Nauka, 1991. – p. 18-41

⁶¹⁸ See: Declaration of Principles of Tolerance. Adopted by resolution 5.61 of the UNESCO General Conference of November 16, 1995 [Electronic resource] URL: <http://www.un.org.ru> (accessed: 03/16/2021).

institutions of UIS. A representative of another religion or an opposing view was not seen by the group members as an enemy or ideological opponent, but primarily as an equal participant in the ecumenical dialogue conducted in a geographically confined space, where social and religious problems are becoming more acute⁶¹⁹. The meeting between Patriarch Kirill and Pope Francis in Havana in February 2016, as well as the joint appearances of the heads of Russian religious denominations at important all-Russian conferences and forums, gave a positive impetus to cooperation. The positive outcome of the meeting in Cuba was referred to in official reports and by the prison authorities in order to create a tolerant environment⁶²⁰. The participants of the interaction conducted their own monitoring of the religious situation in the region, because of which it turned out that the majority of convicts profess Orthodoxy and Islam, but there are people who profess Buddhism, Judaism and Catholicism in all prison institutions in the region⁶²¹. These statistics also provide convincing evidence of the current tolerant attitude of representatives of religious confessions towards each other in the penitentiary system, as well as the presence of conditions free religion among members of the special contingent⁶²². It is worth recalling that Albert Schweitzer sagaciously stated "when people are imbued with ideas of reverence for life, they acquire a mindset that works for the benefit of all, and actively join the spirituality that breaks through in all people. Even those who are fighting the hardest battle for their humanity come to self-awareness and inner focus, thus gaining powers that they did not possess before"⁶²³. This is entirely applicable to the cooperation experience we have described. The common sense of

---

⁶¹⁹ Pirogov A.A. Tolerance and conflict in the context of interreligious penitentiary interaction. Volume 15 No. 1, 2020 Quarterly Scientific and Practical Journal, St. Petersburg State University. – p. 132-143

⁶²⁰ Correctional Colony No. 6 [Electronic resource] URL: http://obuhovo-spb.ru/?page_id=2051 (accessed 12.03.2021).

⁶²¹ Pirogov A.A. Tolerance and conflict in the context of interreligious penitentiary interaction. Volume 15 No. 1, 2020 Quarterly Scientific and Practical Journal, St. Petersburg State University. – p. 132-143

⁶²² According to the all-Russian data for 2019: "There are 1,554 objects [...] functioning in the institutions of the penitentiary system of UIS for conducting religious rites and ceremonies, including: 1074 - for persons professing Orthodoxy [...] 406 – for persons professing Islam [...] 24 – for persons professing Buddhism [...] 11 - for persons professing Catholicism [...] 17 – for persons professing Judaism [...] 22 religious objects for persons representing other religious movements" See: Servie, E.V. Legal aspects of interaction between the Federal Penitentiary Service of Russia and religious organizations / E.V. Servie // Religious organizations in prison service: state, problems, prospects: materials of the interregional scientific and practical conference (October 24, 2019) - St. Petersburg: FKOU DPO St. Petersburg IPKR of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2019. - p.114-121

⁶²³ Schweitzer A. Reverence for life: Trans. with him. / Comp. and post. A.A. Huseynova; General ed. A.A. Huseynova and M.G. Selezneva. - M.: Progress, 1992. – p. 233

reverence for life developed into work for the common good. Moreover, in the conditions of the penitentiary system, where a person is constantly forced to fight for his humanity, this has led to the establishment of the principle of humanity, which is the basis of charity⁶²⁴.

In 2011, a cooperation agreement was signed between the Federal Penitentiary Service of Russia and the Russian Orthodox Church, which was a consistent implementation of the principles reflected in the Fundamentals of the Social Concept of the Russian Orthodox Church (2008). Russian Catholics did not officially participate in prison ministry in St. Petersburg and the Leningrad Region until 2016. At the request of Catholic prisoners, Orthodox ministers gave them Catholic shrines and books from churches, which was a significant charitable act. The author notes the long indecision of Catholic clergy to carry out the penitentiary mission, to take any steps in this direction. Perhaps this was primarily due to the long-term numerical predominance of foreigners among the Catholic clergy, who had difficulty understanding the Russian social context and historical traditions of religious tolerance⁶²⁵. The only one Catholic community that agreed to organize visits to Catholics in prison was the community of the Parish of the Assumption of the Blessed Virgin Mary in St. Petersburg⁶²⁶. It was headed by a priest of Belarusian origin, who delegated the author of the study the authority to work in places of detention. In 2016, the first-ever official cooperation agreement was signed between the Federal Penitentiary Service and the Catholic community. It worked for three years, and the author of the study continued his volunteer work in the ONK (Public Monitoring Commission for Monitoring the Provision of Human Rights in Places of Forced Detention)⁶²⁷.

---

⁶²⁴ It is worth mentioning that calls for large-scale charity have been heard since the beginning of 2006, which was declared the Year of Charity in Russia.

⁶²⁵ Pirogov A.A. Tolerance and conflict in the context of interreligious penitentiary interaction. Volume 15 No. 1, 2020 Quarterly Scientific and Practical Journal, St. Petersburg State University. – p. 132-143

⁶²⁶ Ibid.

⁶²⁷ Members of the ONK voluntarily and gratuitously monitor the observance and enforcement of human rights in places of forced detention: pre-trial detention centers, temporary detention facilities, colonies, psychiatric hospitals, etc. See ONK in St. Petersburg. Official website. [Electronic resource] <http://onkspb.ru/> (accessed 12.05.2021).

From the St. Petersburg Choral Synagogue, the Rabbi Ifrah Abramov conducted the prison ministry. By the time the inter-religious cooperation was established, he had been working among prisoners for more than 10 years. The ideological basis of the activity was the Torah and the traditional interpretation of the commandments in Judaism. The main purpose of the work was seen by the rabbi as merciful help to fellow believers⁶²⁸ and enlightenment⁶²⁹. The prison's Muslim imam and Buddhist lama, who represented the city's official religious organizations, continued to work together⁶³⁰.

In 2017 together "was established the document «Regulations on the working group of the assistant chief of UFSIN of Russia in St. Petersburg and Leningrad region about the organization of work with the believers», according to which religious prison Ministers will jointly apply to the head of the UFSIN with the written proposals aimed at improving the quality of religious prison Ministry in the criminal-Executive system"⁶³¹. The inter-confessional group's project was noted⁶³² as innovative and promising⁶³³ in domestic and international practice⁶³⁴.

It is note worthy that on the part of the participants in interreligious cooperation, the activity became not only a social sacrifice: funds, skills, time or resources, but also a real commitment to one's neighbor, a metaphorical expansion of the boundaries of good, elimination of the flaws of evil, and also a demonstration that the participant is not bound

---

⁶²⁸ Pirogov A.A. Tolerance and conflict in the context of interreligious penitentiary interaction. Volume 15 No. 1, 2020 Quarterly Scientific and Practical Journal, St. Petersburg State University. – p. 132-143

⁶²⁹ In 2013, in penal colony No. 5, he opened a prayer room for Jews, and in March 2016, he opened in Colony № 2 the first prayer room in Russian history for Jewish women prisoners. Abramov actively joined the interfaith working group, and in its composition visited prisons with talks on the prevention of religious intolerance and xenophobia. See: Jewish News of St. Petersburg [Electronic resource] URL: <https://news.jeps.ru/novosti/ravvin-abramov-poseshhenie-zaklyuchennyix.html> (accessed: 06.01.2021).

⁶³⁰ The Spiritual Administration of Muslims of St. Petersburg and the North-Western Region of Russia and the St. Petersburg Datsan Gunzechoynei.

⁶³¹ Abdullin, Y.T. Countering the non-proliferation of extremist movements among prisoners: a description of the experience of working in prison services in St. Petersburg. The role of centralized Muslim religious organizations in the re-socialization of convicts in places of deprivation of liberty / Abdullin Y.T // Collection of articles and materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference. - Kazan: RII-FPIKNIO-FSIN Publ., 2018. - pp. 5-10.

⁶³² Pirogov A.A. Tolerance and conflict in the context of interreligious penitentiary interaction. Volume 15 No. 1, 2020 Quarterly Scientific and Practical Journal, St. Petersburg State University. – p. 132-143

⁶³³ On 15.02.2018, the full staff of the cooperation took part in a round table on the topic "Problems of spiritual care of convicts and persons in custody in institutions of the penal enforcement system", which was held at the Department of the Federal Penitentiary Service of Russia in St. Petersburg and the Leningrad region.

⁶³⁴ Interregional round table "The role of religious organizations in the prevention of manifestations of religious extremism in places of detention" (24.10.18) [Electronic resource] URL: http://spbipkr.fsin.su/news/detail.php?ELEMENT_ID=432903 (accessed: 06.01.2020).

by the material framework. This was a directed social and creative activity of practitioners who felt that they were not just citizens of Russia, but true participants in its traditions, history, and national idea. A charitable act, such as interaction, the main of the humane worldview sources, had a real reverence for human life, which overcomes conflict, fills humanitarian projects with hope, without making a distinction between an atheist and a religious individual. It should be noted that the cooperation was not financially dated by the state, was not supported by financial grants, and was a joint response of Russian citizens to the current challenges of our time⁶³⁵.

In this regard, it is very important to note that in the new version approved by the decree of the Government of the Russian Federation Concepts for the development of the Russian Federation's penal enforcement system for the period up to 2030 are summarized and *итоги и achievements достижения* in the activities of the penal enforcement system in the period from 2010 to 2020⁶³⁶ are indicated. The influence of civil society institutions and charity on the penitentiary system is noted. Positively mentioned as a promising activities: the work of boards of Trustees in correctional institutions and the ONK, the possibility of the presence in places of deprivation of liberty representatives of traditional religious organizations, the application of alternative of punishments that are not associated with social isolation, probation etc., is scheduled for further improvement and humanization of domestic penal policy, and in relation to convicted persons: "the suppression of the facts of the application by the staff of criminal and Executive system of unlawful methods of exposure to cruel, inhuman, degrading treatment, and unlawful use of physical force and special means"⁶³⁷.

As we can see, many of the above-mentioned scientific intuitions and efforts of Russian humanists, philanthropists and penologists have been implemented in the formation of the Russian penitentiary system. This is also evidenced by the humanization

---

⁶³⁵ Pirogov A.A. Tolerance and conflict in the context of interreligious penitentiary interaction. Volume 15 No. 1, 2020 Quarterly Scientific and Practical Journal, St. Petersburg State University. – p. 132-143

⁶³⁶ See: The concept of the development of the penal system of the Russian Federation until 2030, approved by the Decree of the Government of the Russian Federation dated 04/29/2021 No. 1138-R.

⁶³⁷ The concept of the development of the penal system of the Russian Federation until 2030, approved by the Decree of the Government of the Russian Federation dated 14.10.2010 No. 1772-R. (ed. from 09/23/2015) [Electronic resource] URL: <http://publication.pravo.gov.ru/File/GetFile/0001202105050004?type=pdf> (accessed: 03/18/2021).

of women and minors in the penitentiary system⁶³⁸. How can we not recall the works and positive experience of scientists and philanthropists⁶³⁹ who ideologically anticipated these changes in the very concept of the penitentiary system? One of the main areas of improvement of the Russian penitentiary system is the formation and development of the probation system⁶⁴⁰, which also directly intersects with the theme of European charity and creates conditions for post-penitentiary social adaptation.

With regard to the topic of our research, it is also worth paying attention to the fact of innovative development of a fundamentally new scheme of social charity within the framework of the ONK's work, which almost eliminates abuse. This practice has been repeatedly described in detail in the ONK's periodical, the "Mera" newspaper⁶⁴¹. It represents the participation of several parties in the charity process, one of which is the penitentiary institution, the other is domestic benefactors, the third is the ONK, which has the function of monitoring the accurate and timely execution of a charitable intention, and the recipient of assistance is a special agent. This current practice illustrates the continuing effective impact of charity on the country's changing penitentiary system in a positive way⁶⁴².

With our research, we would like to draw the attention of the scientific community not only to the philosophical, historical, social and ideological foundations of the phenomenon of charity, but also to its application in the penitentiary system, to point out the prospects of philanthropy as an effective, practical tool in the context of the transforming Russian penitentiary system and the urgent need for socialization of persons who have passed prisons, we will draw conclusions from the theoretical and practical parts of our research.

---

⁶³⁸ For example, "the separate detention of women with children under the age of 3 and pregnant women from other suspects and accused, as well as the transfer of convicted pregnant women, women with children under the age of 3, according to the doctor's opinion on the possibility of movement (if necessary, accompanied by medical workers)" are established.

⁶³⁹ For example, F.P. Haaz, who sought to mitigate the prison detention of women, as well as V. A. Sollogub, who demanded to bring the prisoner's place of exile as close as possible to his native home, etc.

⁶⁴⁰ See: The concept of the development of the penal system of the Russian Federation until 2030, approved by the Decree of the Government of the Russian Federation dated 04/29/2021 №. 1138-R.

⁶⁴¹ Newspaper of the Public Monitoring Commission of St. Petersburg ONK "Measure". - 2020 - №. 1-2.

⁶⁴² This is very relevant in the context of the adoption in the Russian Federation of the Concept of the development of the penal system until 2030

CONCLUSION

In the course of the dissertation research, the following conclusions were made:

1. There is no precise and comprehensive definition of the phenomenon of charity, as well as a unified terminology in this field, which is constantly undergoing *the charitable revolution*, accompanied by the transformation of the philanthropic process, changing the meanings, terminology, and objects of charity.
2. In the act of charitable activity, it is the person who reveals his essential altruistic need to be *a person for another person*.
3. True charity is based on compassion and recognition of the value of human life, and this is where it intersects with the prison system, which outwardly looks terrible and repulsive, but is only a temporary receptacle for a person suffering and in need of compassion.
4. A true transformative personality charity activity comes only from a state of fulfillment, altruism and inner freedom, and does not imply profit or material gain.
5. Charity brings not only benefits for others, but also for the philanthropist and implies the "archetype of giving" - the cosmic timeless correlation of the process of gratuitous giving with the individual, family, community and people.
6. Until the last quarter of the 19th century, Russian philosophical science did not develop a single direction that would fully describe the entire penitentiary problem, its foundations and spiritual and religious origins.
7. The formation of the Russian penitentiary system in the 19th century was significantly influenced by the European ideas of the Age of Enlightenment and Protestantism. In the works of European and domestic penologists, there is an ideological continuity, a commonality of practical approaches.
8. In the scientific and practical efforts of Russian philanthropists and penologists, personal and characteristic features of the traditional national mentality and spiritual

and religious approach to the problems of the penitentiary system are also clearly expressed, which as a result led to numerous attempts to reform.

9. The process of personal correction, which is the foundation of the penitentiary system, has deep religious roots and acquires in Russia vivid national and spiritual features that take into account the nature, character and worldview of the Russian people.
10. In the scientific works of Russian thinkers, philanthropists and penologists, we find the main ideas for building a special Domestic penitentiary model based both on a holistic understanding of the collective worldview of the Russian people, and the unacceptability of blind copying when transferring European philanthropic experience to domestic soil.
11. There is a modern continuity of Russian and European penitentiary thought, with the presence of characteristic national features of the Russian approach to the problems of the prison system, which is promising and relevant in terms of interaction in this area, taking into account the historical, spiritual and cultural context of today's Russia.
12. At the moment there is a successful impact of charity on the domestic penitentiary system, which is changing in a positive direction, the charity is ideologically in demand and practiced.

REFERENCES

Sources in Russian

1. Amfiteatrov, A.V. Christmas of the "Invincible Sun" / A.V. Amfiteatrov // The old in the new. - St. Petersburg: Comrade "Public benefit", 1907. - P.72.
2. American period of the life and activity of St. Tikhon of Moscow: 1898-1904 / Comp. A.V. Popov. – Saint Petersburg: Satis, 2011. - 190 p.
3. Antonini B. Why I love Russia. Moscow: Paoline Publishing House, 2002. - 256 p.
4. Abdullin, Y.T. Countering the non-proliferation of extremist movements among prisoners: a description of the experience of working in prison services in St. Petersburg. The role of centralized Muslim religious organizations in the re-socialization of convicts in places of deprivation of liberty / Y.T. Abdullin // Collection of articles and materials of the All-Russian scientific and Practical Conference. – Kazan: RII-FPIKNiO-FSIN Publ., 2018. – P. 5-10.
5. Badya L.V. Russian charity in the field of employment: Labor Aid / Badya L.V. // Charity in Russia: Historical and socio-economic studies. – SPb., 2003. – P. 303-310.
6. Beccaria C. On crimes and punishments / Translated from it. by Y.M. Yumasheva, M.: International Relations, 2000. - 240 p.
7. Benedict XVI. Encyclical Caritas in Veritate. Moscow: Franciscan Publishing House, 2009. - 112 p.
8. Biriuh A.K., Mokienko V.M., Stepanov L.I. Dictionary of Russian Phraseology. Historical and etymological reference. – St. Petersburg: Folio-Press, 2001. - 704 p.
9. The Bible, the Books of Holy Scripture of the Old and New Testaments. Moscow: Edition of the Moscow Patriarchate, 1988. - 1371 p.
10. Blokhina N.N. Doctors humanists – contemporaries of Dr. F.P. Haaz / N.N. Blokhina // Clinical Medicine. - 2012. Vol. 90. № 7. – P. 74-77.

11. Brinton Howard. History and Faith of the Society of Friends since the founding of the Quaker movement by George Fox. Moscow; Friends House Moscow, 1988. - 147 p.
12. Butina M.V. Prison Diary. M.: AST Publishing House, 2020. - 560 p.
13. Bulgakov S.N. Philosophy of the name. Paris: YMCA-PRESS, 1953. - 280 p.
14. Wainer A.A., Wainer G.A. The Era of mercy. Two among people. – Moscow: International Book, 1993. – 490 p.
15. Vasilyeva, S.A. "Prison theology" in the preaching activities of American prison chaplains in the early 19th century / S.A. Vasilyeva // Bullet. North (Arctic) Federal University. - 2017. - №. 2. – P. 5-12.
16. Weller M.I. Cassandra. M.: AST, 2018. - 520 p.
17. Venclova T. Vilnius: A City in Europe / Trans. from lv. by Maria Chepaitite. – St. Petersburg: Ivan Limbach Publishing House, 2018. - 264 p.
18. Weber M. Protestant ethics and the spirit of capitalism // Religion and society: a textbook on the sociology of religion / comp. V. I. Garadzha, E. D. Rutkevich. - Moscow: Aspect Press, 1996. - P. 596-622.
19. Weber M. Religious ideas and interests // Religion and society: a textbook on the sociology of religion / comp. V.I. Garadzha, E. D. Rutkevich. - Moscow: Aspect Press, 1996. - P. 313-328.
20. Voltaire. Philosophical works / translated from French by S.Y. Sheinman-Topshtein; ed. ed., comp. and auth. V.N. Kuznetsov, Moscow: Nauka Publ., 1989. - 750 p.
21. Haaz F.P. Appeal to women: Posthumous edition / Translated from French by L.N. Nikiforova, Moscow, 1897. - 56 p.
22. Haaz F.P. Alphabet of Christian Good Morals. Moscow, 1898. - 63 p.
23. Newspaper of the Public Monitoring Commission of St. Petersburg ONK "Measure". - 2020 - №. 1-2.
24. Galkin-Vrasky M.N. Correctional prison in Lausanne. - St. Petersburg: Tip. Ministry of Internal Affairs, 1863. - 31 p.
25. Guardini R. The Death of Socrates / Translated from German by I. P. Streblova. - St. Petersburg: Vladimir Dahl Publishing House, 2018. - 383 p.

26. Hegel G.V.F. System of Sciences. Part one. Phenomenology of the spirit. Translated by G. Shpet -St. Petersburg, Nauka Publ., 1992. - 443 p.
27. Hegel G.V.F. Philosophy of Law. Moscow: Academy of Sciences of the USSR. Institute of Philosophy. Mysl Publishing House, 1990. - 265 p.
28. Hegel G.V.F. Lectures on the philosophy of history / per. A.M. Voden, St. Petersburg: Nauka, series "The Word about Existence", 2000. - 480 p.
29. Georgievsky P.I. Charity of the poor and charity / P. I. Georgievsky, ord. prof. Imp. S.-Peterburg. un-ta. - S.-Petersburg: Tip. Mor. m-va, 1894. - 118 p.
30. Gogel S.K. Preparation for charitable activities. St. Petersburg, 1913. - 137 p.
31. Gorky M. Stories, essays, memoirs 1924-1936. Collected Works in 30 volumes, Moscow, GIHL, 1949-1955.
32. Gorky M. Stories, essays, sketches, poems of 1901-1907 - The complete works in 25 volumes. - M., Nauka, 1970.
33. Gernet M.N. Prison for revolutionaries. Moscow, B. I. Publ., 1932. - 280 p.
34. Gernet M.N. History of the Tsar's Prison. Moscow: State Publishing House of Legal Literature, 1954. - 247 p.
35. Gorovtsev A.M. Labor aid as a means of charity for the poor. SPb, 1901. - 47 p.
36. Gomulsky L.A. Caritas // Catholic Encyclopedia, Moscow: Franciscan Publishing House, 2005, vol. 2: I – L. - P. 808-813
37. Huseynov A.A., Apresyan R.G. Ethics: Textbook. - M.: Gardariki, 2000. - 472 p.
38. Dagerman, S. Our thirst for consolation is unquenchable / Dagerman S. // Zvezda. - 2019. - № 2. – P. 223-226
39. Diderot D. Philosophical thoughts // Diderot D. Sobr. soch.: in 10 vols. Vol. 1. - Moscow-Leningrad.: Academia, 1935. - 526 p.
40. Diderot D. Selected philosophical works. - M.: Ogiz, 1946. - 280 p.
41. Dostoevsky F.M. Notes from the Dead House / Complete Works, Vol. 4. Moscow: Nauka Publishing House, 1972. - 329 p.
42. Dolgorukov P.D. The great devastation. Memoirs of the founder of the Cadet Party 1916-1926 / Glebovskaya L. I.-Moscow: Tsentrpoligraf, 2007. - 367 p.

43. Dafoe D. The Life and Amazing Adventures of Robinson Crusoe, a sailor from York. - M.: 1982. - 328 p.
44. Durkheim E. Collective ritual // Religion and society: a textbook on the sociology of religion / comp. V. I. Garadzha, E. D. Rutkevich. - Moscow: Aspect Press, 1996. - P. 438-441.
45. Zalomon Ernst von. Questionnaire / Translated from German and preface by L. Lannick. St. Petersburg: Vladimir Dahl Publ., 2019. - 927 p.
46. Simmel G. On the sociology of religion // Georg Simmel. Favorites. Volume 1. Philosophy of Culture, Moscow: Yurist Publ., 1996. - 671 p.
47. Zlochevsky, G.D. Hurried to do good: About F.P. Haase / G.D. Zlochevsky // Bibliography. - 2001. - №. 5. - P. 130-143.
48. Ivanova, T.N. V.I. Guerrier's place in the Russian culture of the last third of the XIX century / T.N. Ivanova // Historical science and education in Russia and abroad In the West: the fate of historians and scientific schools. - Moscow: Institute of General History of the Russian Academy of Sciences. - 2012. - P. 9-12.
49. Ivin A.A. Philosophy: An Encyclopedic dictionary / Edited by A.A. Ivin, Moscow: Gardariki Publ., 2004. - 1072 p.
50. John Paul II. The Christian Meaning of Suffering: The Apostolic Epistle Salvifici doloris. - SPb.: St. Peter's Publishing House, 2001. - 52 p.
51. Ikonnikova, G.Y. Tolerance in the conditions of the penitentiary system / G.V. Ikonnikova // Materials of the City Scientific and Practical Conference, St. Petersburg: A.I. Herzen State Pedagogical University, 2008. - P. 79-82.
52. Cazalet E.A. On the significance of John Howard in the history of prison reform / E.A. Cazalet. - Moscow: tip. Distribution of useful Books, 1892, - IV, - 91 p.
53. Kaleda G. prot. Stop on your ways. M. 1995. - 144 p.
54. Collins G. Handbook on Christian counseling / Translated from English by A. A. Baev. - SPb.: Mirt. 2003. - 924 p.
55. Koni A.F. Fyodor Petrovich Haaz. Biographical essay, St. Petersburg, 1896. - 182 p.
56. Konstantinov F.V., Marakhov V.G. Dialectics of nature and natural science // Series: Materialist Dialectics: in 5 volumes. Moscow, Mysl Publ., 1983.

57. Korolkov A.A. *Spiritual anthropology*. St. Petersburg: SPbGU Publishing House, 2005. - 324 p.
58. *A brief catechism of the Roman Catholic Church*. St. Petersburg: Parish UPDM Publ., 1999. - 220 p.
59. Christie N. *Fighting crime as an industry. Forward, to the GULAG of the Western sample* / Translated from English by A. Petrov, V. Prorokova. Preface by J. Gilinsky. 2nd ed. - Moscow: NGO "Center for Assistance to Criminal Justice Reform", 2001. - 224 p.
60. Christie N. *The limits of punishment*. Moscow: Progress Publ., 1985. - 176 p.
61. Christie N. *On the other side of loneliness. Communities of unusual people* / Translated from German by E.M. Radskoi, edited by L.N. Banzelyuk. – Kaluga: *Spiritual heritage*, 1993. - 180 p.
62. Christie N. *Conflicts as property*. / Translated from English by N.N. Smaglova / *Justice for Minors. Development Prospects*. M.: 1999. - 24 p.
63. Lamartine A.M.L. *History of the Girondists: in two volumes* / Trans. from fr. Kuteynikov N.S. - M.: Zakharov, 2013. - 1024 p.
64. Lagerlef, S. *Speech at the solemn meeting of the Swedish Academy on December 20, 1926* / S. Lagerlef // *Zvezda*. – 2019. - № 2. - P. 213-222
65. Lebedev, V.B., Stepanova, E.V. V.A. Sollogub and his role in the reform of the penal correction system (1870-1874) / V.B. Lebedev, E.V. Stepanova // *Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction*. Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service. – 2013. - № 3 (23). - P. 72-77
66. Leo XIII Pope. *Rerum novarum* / *On the situation of working people*. Message of 1891-Moscow: Maria's house Publ., 1991. - 65 p.
67. Lectorsky, V.A. *On tolerance, pluralism and Criticism* / V.A. Lectorsky // *Questions of philosophy*. - 1997. - №. 11. - p. 46-54.
68. Leontieva, O.B. *Historical memory and changing paradigms of scientific knowledge in the Russian culture of the second half of the XIX-early XX centuries* / O.B. Leontieva // *Institute of General History of the Russian Academy of Sciences*, 2012. - P. 152-155

69. Lyotard J.-F. Signed by Malraux / Translated from French by A.V. Shestakov-St. Petersburg: Vladimir Dahl, 2015. - 479 p.
70. Lifshits M. Lectures on the theory of art. IFLI. 1940. Stenograms of lectures on the course "Introduction to Soviet Art History" / published by V.M. German, A.M. Pichikyan, V.G. Arslanov et al. - St. Petersburg: Vladimir Dal, 2021. - 351 p.
71. Lukacs, G. The originality of the aesthetic / G. Lukacs // Religion and society: a textbook on the sociology of religion / comp. V.I. Garadzha, E.D. Rutkevich. - M.: Aspect Press, 1996. - P. 380-415.
72. Luchinsky N.F. Fundamentals of prison business. - St. Petersburg: Edition of the editorial board of the magazine "Prison Bulletin", 1904. - 180 p.
73. Mika J. Social teaching of the Catholic Church. Experience of historical analysis. - Rome - Lublin.: Holy Cross Publishing House, 1994. - 480 p.
74. Makarenko A.S. Pedagogical works in 8 volumes. M.: Pedagogika, 1983. - 368 p.
75. Manuilov V.A., Latyshev S.B. Chronological outline of the life and work of M. Y. Lermontov // Lermontov M. Y. Collected Works: In 4 volumes. Institute of Russian Literature. (Pushkin House). - 2nd ed., ispr. and dop. - L.: Nauka, 1979-1981. Vol. 4. Proza. Letters. - P. 535-563.
76. Makseeva, K.R. Tolerance education— one of the stages of the educational process in the system of penitentiary education in Russia / K.R. Makseeva // Materials of the International Scientific and Practical Conference. Perm.: Kama Social Institute, 2015, - P. 406-411.
77. Maksimov E.D. The Decade of Guardianship of labor-loving homes and workhouses. SPb, 1906; Index of labor aid institutions for 1913 in SPb. - 250 p.
78. Marx K., Engels F. Manifesto of the Communist Party. Engels Collected Works: in 50 vols. Vol. 4. - Moscow: State Publishing House of Political Literature, 1955. - P. 419-459.
79. Marx K., Engels F. From early works, Moscow: Politizdat Publ., 1956. - 696 p.
80. Marx K. Misery of philosophy // Marx, K., Engels, F. Collected Works: in 55 vols. Vol. 4. - Moscow, 1955. - P. 65-185.
81. Marion, Jean-Luc. Ego, or Self-endowed. Ripol-classic, Moscow, 2019. - 159 p.

82. Maritain J. Integral humanism // *Philosopher in the World*, Moscow: Institute of St. Thomas, 2007. - 657 p.
83. Maceina A. The fall of bourgeoisie / Translated from Lithuanian by M.V. Medovarov. – SPb.: Vladimir Dal Publishing House, 2019. – 413 p.
84. Mirimanova, M.S., Obukhov, A.C. Tolerance education through social and cultural interaction / M.S. Mirimanova., A.C. Obukhov // *Development and research activity of students: methodical collection*. Moscow: education, 2001. - P. 88 – 99
85. Moliere J.B. Tartuffe, or the Deceiver: [Comedy]. Miser: [Comedy]: Translated from French/ J.B. Moliere. A philistine in the nobility: [Comedy-ballet]: Translated from French/ J.B. Moliere / Translated by M.L. Lozinsky. St. Petersburg: Lenizdat Publ., 1996. - 222 p.
86. Moskalkova, T.N. Problems of resocialization of convicts and persons released from places of deprivation of liberty / T.N. Moskalkova // *Bulletin of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation*. - 2020 - №. 8. - P. 4-14.
87. Mounier E. What is personalism? / Translated from French by I.S. Vdovina, Moscow: Publishing House of Humanitarian Literature, 1994. - 128 p.
88. Naumenko, O.N., Naumenko, E.A. The Use of books as a means of educational influence on prisoners in the penitentiary system of Western Siberia (the second half of XIX – early XX century)/ O.N. Naumenko., N.A. Naumenko // *Library science*. - 2016. - Volume 65. - №. 2. - P. 171-176.
89. Novikov A.I. Notes of a criminal bard, Moscow: Astel, 2012. - 368 p.
90. Nussbaum M. Not for profit: why democracy needs humanities / Translated from English by M. Bendet. - Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2014. - 192 p.
91. Ortega y Gasset J. Etudes about love / Translated from Spanish by V. E. Bagno. St. Petersburg: Ivan Limbach Publishing House, 2003. - 416 p.
92. Fundamentals of the social concept of the Russian Orthodox Church / Jubilee Bishops Council of the Russian Orthodox Church. Moscow, August 13-16, 2000 // *Collection of reports and documents*. IX. 3. Criminality, punishment, correction. Moscow, 2000. - P. 180-181.

93. Pope Francis. The encyclical. Fratelli tutti. About brotherhood and social friendship. M.: Franciscan, Publishing House, 2021. - 173 p.
94. Panarin A.S. Politologiya. Western and Eastern traditions: A textbook for universities. M: Universitet, 2000. - 320 p.
95. Peretz L.I. Hasidic stories. SPb.: North-West Press, 2004. – 549 p.
96. Pirogov A.A. Charity as self-knowledge // Forward, dream... From the elements of the modern Information Society to the horizons of the Knowledge Society / collection of scientific articles / St. Petersburg State University, Institute of Philosophy, Department of Social Philosophy and Philosophy of History; edited by K. S. Pigrov. - St. Petersburg: Book House, 2019. – P. 109 - 115.
97. Pirogov A.A. Spiritual and religious origins of the penitentiary system in Russia of the XIX century in the light of the formation of the national model of tolerance // Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy. 2020. Volume 21, Issue 3, St. Petersburg: RKHGA Publishing House. – P. 295-304
98. Pirogov A.A. Isolation as a subject of reflection in the context of epidemiological safety // Between memory and oblivion: spaces of scriptization of Russian being: a collection of scientific articles / collection of scientific articles / St. Petersburg State University, Institute of Philosophy, Department of Social Philosophy and Philosophy of History; edited by K. S. Pigrov. Saint Petersburg: Knizhny Dom Publ., 2020. – P. 114-119.
99. Pirogov A.A. Social reforms or soul-saving pietism? Scientific experience of V.A. Sollogub as a prison specialist. 2020. No. 5. Saint Petersburg University Consortium (Saint Petersburg). – P. 40-46
100. Pirogov A.A. Tolerance and conflict in the context of interreligious penitentiary interaction. Volume 15 No. 1, 2020 Quarterly Scientific and Practical Journal, St. Petersburg State University. – P. 132-143
101. Pirogov A.A. Transformation of the concept of charity in the post-information society. Articles / ed. by L.V. Shipovalov, S.I. Dudnik. St. Petersburg: St. Petersburg University Press, 2020. – P. 252-269
102. Pirogov A.A. Interview to the newspaper ONK SPb "Mera" - 2020. - №. 2. – p. 5

103. Pryanishnikov M.O. Russian agricultural prison. - SPb: Printing house of public benefit, 1881. - 254 p.
104. The Path of eloquence / Translated from Arabic. and comm. by T. Cherniyenko. - Moscow: OOO "Sandra", 2015. - 400 p.
105. Polishchuk N.S., Aleksandrov V.A., Vlasova I.V. Russians. Moscow: Nauka Publ., 1997. - 828 p.
106. Rosenberg, O.O. On the world outlook of modern Buddhism in the Far East / O.O. Rosenberg // Works on Buddhism, Moscow, Nauka Publ., 1991. - P. 18-41.
107. Salamon L. Leverage for Good: An Introduction to the New Frontiers of Philanthropy and Social Investment / Translated from English by S. Filin. - M.: Alpina Publisher, 2016. - 178 p.
108. Saint John of Kronstadt. The sun of truth. On the life and teaching of our Lord Jesus Christ. Moscow: Otchiy Dom Publ., 2010. - 352 p.
109. Saint John of Kronstadt. My life in Christ. M.: Otchiy Dom Publ., 2010. - 784 p.
110. Servie, E.V. Legal aspects of interaction between the Federal Penitentiary Service of Russia and religious organizations / E.V. Servie // Religious organizations in prison service: state, problems, prospects: materials of the Interregional scientific and practical conference (October 24, 2019). - St. Petersburg: FKOU DPO St. Petersburg IPKR of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2019. - P. 114-121.
111. Sergeev A.M. Close thoughts. - St. Petersburg: Vladimir Dahl. 2020. - 350 c.
112. Singer P. Animal Liberation. - Kiev Ecological and Cultural Center, 2002. - 136 p.
113. Singer P. The Life You Can Save / Trans. from German by T. Eidelman. Moscow: Such Things portal. 2018. - 288 p.
114. Slutsky B. Notes on the war. Poems and ballads. – SPb.: Logos, 2000. - 352 p.
115. Soloviev V.S. Justification of good / Ed. by O.A. Platonov, Moscow: Institute of Russian Civilization, Algorithm, 2012. - 656 p.
116. Solzhenitsyn A.I. GULAG Archipelago 1918-1956, part III-IV. - Moscow: U-Factoria, 2008. - 560 p.
117. Solzhenitsyn A.I. One Day of Ivan Denisovich. - Moscow: Sovremennik Publ., 1990. - 302 p.

118. Sorokin V.I. Metallka. Saint Petersburg: Knyaz-Vladimirsky Sobor Publishing House, 2018. - 232 p.
119. Sollogub V.A. Stories. Memoirs / Comp., intro. Article, comment. by I.S. Chistovoy L.: Khudozhestvennaya literatura, 1988. - 717 p.
120. Sollogub V.A. Memoirs. Moscow; Leningrad.: Academia, 1931. - 654 p.
121. Sollogub V.A. Tarantas. Travel Impressions, St. Petersburg; Published by the bookseller Andrey Ivanov, 1845. – 288 p.
122. Sollogub V.A. Letters of Count V.A. Sollogub and K.K. Grott to M.N. Galkin-Vrasky. Saint Petersburg: Senatskaya tipografiya Publ., 1901. - 41 p.
123. Sollogub V.A. Titovsky barracks. - M.: Type. Newspapers Russian, 1867.
124. Sollogub V.A. On the organization of prison labor in Russia. - St. Petersburg: Tip. Ministry of Internal Affairs, 1866. - 64 p.
125. Sollogub V.A. About our executive justice / V.A. Sollogub // Russian world. - 1874. - № 278-281, 290-292, 301, 304, 306, 314-315, 321, 324, 326, 342, 356.
126. Stepanov E.I. Domestic conflictology: on the question of formation and development / E.I. Stepanov // Sotsis. – 1998. № 10. - P.50-57.
127. Treitsch E. Church and sect / E. Treitsch // Religion and Society: a textbook on the sociology of religion / comp. by V.I. Garadzha, E.D. Rutkevich, Moscow: Aspect Press, 1996. - P. 226-238
128. Wilde O. Ballad of the Reading Prison // Collected works: In 3 vols. Vol. 3: Poems. Poems. Essay. Lectures and aesthetically pleasing miniatures. Letters / Translated from English; Comp. by N. Doroshevich, M.: Terra Book's club, 2003. - P. 49-58.
129. Wilde O. De Profundis. Prison Confession // Collected works: In 3 vols. Vol. 3: Poems. Poems. Essay. Lectures and aesthetically pleasing miniatures. Letters / Translated from English; Comp. by N. Doroshevich, Moscow: Terra Book's club, 2003. - P. 409-526.
130. Firsov M.V. History of social work: textbook. - M.: Knorus, 2012. - 395 p.
131. Fomin E.A., Chikadze E.Z. Charity as a sociocultural phenomenon in Russia. St. Petersburg, 1999. - 112 p.
132. Frankl V. Doctor and Soul. St. Petersburg: Juventa Publ., 1997. - 285 p.

133. Frankl V. *The Will to Meaning*. Moscow: EKSMO, 2000. - 368 p.
134. Frankl V. *Religiosity as a search for the meaning of life / V. Frankl // Religion and society: a textbook on the sociology of religion / comp. V.I. Garadzha, E.D. Rutkevich. - M.: Aspect Press, 1996. - p. 378.*
135. Furman F. *Philanthropy in America*, Moscow; Izdatel'skie resheniya, 2015. - 256 p.
136. Foucault M. *To supervise and punish. The Birth of a prison*, Moscow: Ad Marginem, 1999. - 384 p.
137. Foucault M. *Need to protect society: A course of lectures delivered at the College de France in the 1975-1976 academic year*. Saint Petersburg: Nauka Publ., 2005. - 312 p.
138. Tsarenkova, E.A. *Search for new philosophical and anthropological paradigms (on the question of mercy) / E.A. Tsarenkova // Southern Federal University. Rostov-on-Don; Taganrog: Southern Federal University, 2017. - 149 p.*
139. Chekhov A.P. *Collected Works: in 12 volumes. - Vol. 10. – Moscow, 1956. - 137 p.*
140. Schweitzer A. *Culture and Ethics / Transl. from Germ. Zakharchenko N.A., Kolshansky G.V. - Moscow: Progress, 1973. - 344 p.*
141. Schweitzer A. *Reverence for Life: Transl. from Germ. / Comp. by A.A. Huseynov; General ed. by A.A. Huseynov and M.G. Seleznev. – M.: Progress, 1992. - 576 p.*
142. Schweitzer A. *Letters from Lambarene*. Leningrad, Nauka, 1978. - 392 p.
143. Shvittau G.G. *Labor aid in Russia. Ch. 1. Pg., 1915. - 115 p.*
144. Shvittau G.G. *A brief review of the activities of the Guardianship of Labor assistance. 1895-1915. Pg., 1915. - 210 p.*
145. Shokhin V.K. *Philosophy of practical reason: agathological project. - St. Petersburg: Vladimir Dahl Publishing House, 2020. - 421 p.*
146. Evola J. *Ride the tiger / Transl. from the Italian by V.V. Vanyushkina. - SPb: Vladimir Dahl Publishing House, 2020. - 352 p.*
147. Yurchuk, E.V. *Non-knowledge Society: The Animal as a metaphysical problem / E.V. Yurchuk // Between memory and oblivion: spaces of scriptization of Russian being: a collection of scientific articles. SPBGU, Institute of Philosophy, Department of Social Philosophy and Philosophy of History; edited by K.S. Pigrov. - SPb: Knizhny Dom Publ., 2020. - P. 33-37.*

148. Evangelical Dictionary of Biblical Theology edited by Walter Elwell / Translated from English by V.N. Gavrilov. - St. Petersburg: Bible for all, 2000. - 1232 p.
149. Prison Trustee Society // Encyclopedia of Brockhaus and Efron: in 86 volumes (82 volumes and 4 supplements). - St. Petersburg, 1890-1907.
150. Russian Encyclopedia of Social Work / E.I. Kholostova, Doctor of Historical Sciences, Professor. - Moskow.: Publishing and Trading Corporation "Dashkov and Co." - 2016. - 1032 p.

Sources in foreign languages

1. Augustini Sancti Aurelii. Hipponensis Episcopi. Opera Omnia. Volume 4 (Latin Edition). Parisi, 1841. - 514 p.
2. Anderson G.A. Charity: The Place of the Poor in the Biblical Tradition. New Haven, Yale University Press, 2013. - 222 p.
3. Beaumont G., Tocqueville A. On the Penitentiary System in the United States and its Application to France. Publisher: Palgrave Macmillan, 2018. - 342 p.
4. Singer Peter. Animal Liberation: A New Ethics for Our Treatment of Animals, New York: Random House, 1975. - 301 p.
5. Maritain J. La personne et le bien commun/ J. Maritain //Revue Thomiste - № 46 - 1946. - P. 237 – 278.
6. The Great Ape Project: Equality beyond humanity. Editors, Peter Singer and P. Cavalieri., Fourth Estate publishing, London, England, 1993. - 312 p.
7. Jewkes Y, Bennett J. Dictionary of Prisons and Punishment. Willian Publishing, UK, 2008. - 416 p.
8. Wong Karna, Paul Ong, Wenjuan Zheng. American Philanthropy Literature Review UCLA Center for Neighborhood Knowledge Global Chinese Philanthropy Initiative, 2016. - 52 p.
9. Herzog P.S., Price H.E. American Generosity: Who Gives and Why. Oxford University Press, 2016. - 446 p.

List of internet sources

1. Augustine the Blessed "Interpretation on Psalm 125" [Electronic resource] URL: https://azbyka.ru/otechnik/Avrelij_Avgustin/tolkovanie-na-psalom-sto-dvadtsat-pjatyj/ (accessed: 16.02.2021).
2. Glikin K. The number of prisoners in Russia for the first time became less by 0.5 million. Vedomosti newspaper on August 14, 2020. Electronic resource <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2020/08/13/836640-chislo-zaklyuchennykh> (Accessed: 09.01.2021)
3. Trust in charity: from the code of ethics to professional standards. TASS. Official website. [Electronic resource] URL: <https://tass.ru/pmef-2017/articles/4291497> (accessed: 12.05.2021).
4. Declaration of Principles of Tolerance. Adopted by resolution 5.61 of the UNESCO General Conference of November 16, 1995 [Electronic resource] URL: <http://www.un.org.ru> (accessed: 16.03.2021).
5. 10 myths about civil society, which were debunked by Lester Salamon. National Research University Higher School of Economics: [Electronic resource] URL: <https://www.hse.ru/news/126676910.html> (accessed: 21.05.2021).
6. Spiritual Administration of Muslims of St. Petersburg and the North-Western region of Russia [Electronic resource] URL: <https://dum-spb.ru/news/sostoyalsya-sovmestnyj-vyezd-tyuremnyx-sluzhitelej-predstavlyayushhix-tradicionnye-religii-rossii-v-fku-ik-7.html> (accessed: 06.01.2021)
7. Jewish News of St. Petersburg [Electronic resource] URL: <https://news.jeps.ru/novosti/ravvin-abramov-poseshheniezaklyuchennykh.html> (accessed: 05.03.2021).
8. Epiphanius Latin. Interpretation on the Gospel. [Electronic resource] URL: <http://bible.optina.ru/new:mf:25:35> (accessed 06.02.2020).
9. Zamalieva S.A. The basic concepts of V. Frankl's teaching about man // Modern problems of science and education. - 2012. - No. 1. [Electronic resource] URL: www.science-education.ru/101-5563 (accessed 11.05.21).

10. Regnum News Agency [Electronic resource] URL: <https://regnum.ru/news/economy/2737873.html> (date of appeal: 06.01.2021).
11. Correctional colony No. 6 [Electronic resource] URL: http://obuhovo-spb.ru/?page_id=2051 (accessed: 08.03.2021).
12. Christie N. Speech at MGPPU, December 1, 2010 Lecture "Mediation instead of punishment". [Electronic resource] URL: https://vk.com/doc-16829065_134547741 (accessed: 30.05.2021).
13. The concept of the development of the penal system of the Russian Federation until 2030, approved by the Decree of the Government of the Russian Federation dated 14.10.2010 No. 1772-R. (ed. from 09/23/2015) [Electronic resource] URL: <http://publication.pravo.gov.ru/File/GetFile/0001202105050004?type=pdf> (accessed: 18.03.2021).
14. How do they steal from charity? The Legend Foundation. [Electronic resource] URL: <https://blog.predanie.ru/article/kak-voruyut-v-blagotvoritelnosti> / (accessed 12.05.2021).
15. Lester Salamon: The financial lever of good. Journal. A snob. Official website. [Electronic resource] URL: <https://snob.ru/selected/entry/113852> / (accessed: 21.05.2021).
16. Marx K. Towards a critique of the Hegelian philosophy of law. [Electronic resource] URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Marks_K%20kriike.pdf (accessed 26.05.2021).
17. Interregional round table discussion "The role of religious organizations in the prevention of manifestations of religious extremism in places of detention" Official website. [Electronic resource] URL: http://spbipkr.fsin.su/news/detail.php?ELEMENT_ID=432903 (accessed: 06.03.2021).
18. Nikitin V.N. Prison and exile. St. Petersburg, 1880. [Electronic resource] URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/3225-nikitin-v-n-tyurma-i-ssylka-1560-1880-g-spb-1880> (accessed: 06.02.2021).

19. The Public Monitoring Commission of St. Petersburg for Public Control over the provision of human rights in places of forced detention and assistance to persons in places of forced detention. Official website [Electronic resource] URL: <http://onkspb.ru/> (accessed: 06.02.2021).
20. Oracheva O., Knight B. Does philanthropy need a new philosophy? Vladimir Potanin Charitable Foundation. Official website [Electronic resource] URL: <https://www.fondpotanin.ru/press/news/nuzhna-li-filantropii-novaya-filosofiya/> (accessed: 11/21/2021).
21. The basic concepts of charity. Blogosphere. Official website. [Electronic resource] URL: <https://blagosfera.ru/charity/osnovnyepnjatija%20blagotvoritelnoj-dejatelnosti/> (accessed: 12.05.2021).
22. Resocialization and adaptation of convicted citizens as a necessary condition for the prevention and successful prevention of recidivism in the Russian Federation // Official website of the Public Chamber of the Russian Federation. URL: https://www.oprf.ru/press/news/2019/news_item/50917 (accessed: 28.01.2021).
23. Pope John Paul II. A God rich in mercy. Dives in misericordia. An encyclical about God's love for man. [Electronic resource] URL: <http://krotov.info/acts/20/voityla/19801130.html> (accessed: 31.05.2021).
24. The prison system and society: experience of interaction: proceedings of the VI Intern. Scientific-practical Conf. 2-4 April 2019 / comp. N. And Sannikov – Perm: FCO IN the Perm Institute of the Federal penitentiary service of Russia, 2019. – 414 p. [Electronic resource] URL: <https://pi.fsin.gov.ru/> (accessed: 06.02.2021).
25. Visit to the Guardhouse of the district Commandant's office of St. Petersburg. Official website. [Electronic resource] URL: <http://onkspb.ru/posts/2498-poseschenie-gauptvahty-voennoi-komendatury-sankt-peterburga.html> (accessed: 23.02.2021).
26. Religious Society of Friends. Quakers. Official website. [Electronic resource] URL: <https://quakers.ru/> (accessed: 06.02.2020).
27. Russian reporter. Mediator: about the speech of Professor Nils Christie at the MSPPU at the conference on restorative justice and mediation [Electronic resource] URL: <https://mgppu.ru/news/2691> (accessed: 02/16/2021).

28. Singer P. I believe in rational persuasion. Interview. Novaya Gazeta. 2018. No. 127. [Electronic resource] URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2018/11/16/78600-ya-veryu-v-ratsionalnoe-ubezhdenie> (accessed: 12.05.2021).
29. Salamon L. Interview "Russian financial institutions are not aware of new trends in charity" Philanthropist. Electronic magazine about charity. [Electronic resource] URL: <https://philanthropy.ru/intervyu/2016/09/27/41420/> (accessed: 12.05.2021).
30. The Federal Penitentiary Service of Russia for St. Petersburg and the Leningrad region Official website [Electronic resource] URL: http://www.78.fsin.su/news/detail.php?ELEMENT_ID=293226 (accessed: 07.01.2021).
31. Philanthropist [Electronic resource] URL: <https://philanthropy.ru/> (date of access: 06.10.2021).
32. The Fund D.S. Likhachev "Encyclopedia of Charity" " [Electronic resource] URL: <http://encblago.lfond.spb.ru/> (accessed: 06.02.2021).
33. The Legend Foundation [Electronic resource] URL: <https://fond.predanie.ru/> (accessed: 06.02.2021).
34. History forum [Electronic resource] URL: <https://history-forum.ru/> (accessed: 06.02.2021).
35. Kholodov A.L. Pandemic, crimes from colonies and visits to remote areas: a member of the OP on the work of the ONK. Russian Agency of legal and judicial information [Electronic resource] URL: http://rapsinews.ru/human_rights_protection_news/20201030/306458181.html (accessed 12.05.2021).
36. The number of prisoners receiving education in colonies has tripled. Rossiyskaya Gazeta. Official website. [Electronic resource] URL: <https://rg.ru/2019/02/08/chislo-zakliuchennyh-poluchaiushchih-obrazovanie-v-koloniiah-vyroslo-vtroe.html> (accessed: 21.05.2021).
37. Ethical problems of attitude to animals were discussed at St. Petersburg State University. Open lecture by Peter Singer [Electronic resource] URL: <http://philosophy.spbu.ru/3102/15812> (accessed: 11.05.21).

38. Encyclopedia Britannica. Camille Desmoulins [Electronic resource] URL: <https://www.britannica.com/biography/Camille-Desmoulins> (accessed: 21.05.2021).
39. Official Gianna Floyd Foundation (George Floyd's child) [Electronic resource] URL https://www.gofundme.com/f/gianna-floyd-daughter-of-george-floydfund?utm_campaign=p_cp_url&utm_medium=os&utm_source=customer (accessed: 14.05.2021).
40. The Great Ape Project [Electronic resource] URL: <https://www.projetogap.org.br/en/> (accessed 12.05.2021).